БИБЛИОТЕКА ОБЩЕРОССИЙСКОГО
ДВИЖЕНИЯ ПОДДЕРЖКИ ФЛОТА

ФЛОТОВОДЕЦ

Материалы о жизни и деятельности
Наркома Военно-Морского Флота
Адмирала Флота Советского Союза

НИКОЛАЯ ГЕРАСИМОВИЧА КУЗНЕЦОВА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге приведены интересные архивные материалы о жизни и деятельности Наркома ВМФ и Главнокомандующего ВМС СССР (1939–1947 гг., 1951–1956 гг.) Героя Советского Союза Адмирала Флота Советского Союза Николая Герасимовича Кузнецова — выдающегося военного моряка, под руководством которого ВМФ своевременно и во всеоружии встретил и достойно прошел тяжелейшие испытания самой страшной войны в истории человечества. Публикуются также воспоминания о нем его жены Веры Николаевны Кузнецовой и его соратников, некоторые высказывания Н.Г. Кузнецова из записных книжек, фотографии из архива семьи.

Издание представляет интерес как для специалистов и военных историков, так и для широкого круга читателей.

- Слово к читателю
- Николай Герасимович Кузнецов (1904–1974)[1]. Краткая биография
- Краткий очерк жизни и деятельности Н.Г. Кузнецова
- Штрихи к портрету
- Послужной список Н.Г. Кузнецова
- Членство Н.Г. Кузнецова в выборных партийных и советских органах
- Воинские звания Н.Г. Кузнецова
- Государственные награды Героя Советского Союза, Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова[37]
- Хронология основных событий жизни, государственной и общественной деятельности Адмирала Флота Советского Союза Кузнецова Николая Герасимовича[43]
- «Кузнецовские уроки» — высказывания Н.Г. Кузнецова из рукописей трудов, записных книжек и книг[48]
- В.Н. Кузнецова. Я готова была для него на все[49]
- В.А. Касатонов. Из воспоминаний о Николае Герасимовиче Кузнецове[51]
- Е.А.Чернощек. В те давние годы[53]
- Ю.А. Пантелеев. Человек несгибаемой воли[54]
- К истории создания советского атомного подводного флота
- К. Раш. Вернуть Кузнецова[57]
- Библиографический указатель трудов Н.Г. Кузнецова[58]
- Перечень сокращений, встречающихся в тексте
- Справка об авторе-составителе
- Иллюстрации

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42
  - 43

- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58

Слово к читателю

Подвижничество, героизм одиночек или организаций деятельных граждан жизненно необходимы для всего нашего народа. Потому что как воздух нужен достойный пример для пробуждения остальных членов общества к разумной мысли и полезным действиям. Тема Кузнецова — это тема о настоящей личности, о самом смысле бескорыстного служения Отечеству.

Огромные заслуги Николая Герасимовича перед нашей Родиной выражаются не только в том, что он подготовил флот к началу Великой Отечественной войны, подобного не было сделано ни одним другим руководителем вида Вооруженных сил. Будучи военно-морским наркомом, не побоявшись гнева и угроз Сталина, Кузнецов 21 июня 1941 г. привел флот в высшую степень боевой готовности, тем самым сохранив сотни тысяч людских жизней и десятки кораблей, самолетов. Под его руководством ВМФ в годы Второй мировой войны успешно решал все поставленные задачи.

После войны он сумел организовать строительство новых кораблей, подводных лодок и морской авиации. Под его началом разрабатывались, проектировались и начинали строить корабли с атомным оружием.

И всю эту масштабную работу Николай Герасимович делал в жестоких политических условиях. Достаточно упомянуть, что его два раза назначали на должность руководителя ВМФ и два раза снимали, присваивали высокие адмиральские звания и снимали звезды с погон, судили и оправдывали.

Но он продолжал с честью служить Отечеству. Даже находясь в опале, когда его незаслуженно отправили в отставку, Кузнецов старался приносить пользу флоту, стране, написав несколько обстоятельных трудов. Его книги и вчера, и сегодня постоянно востребованы не только моряками, но и всеми думающими людьми.

Николай Герасимович при жизни, как водится на Руси, не получил должного признания. Порой его не просто замалчивали, но и сознательно умаляли кузнецовскую позицию, дела, преподнося их обществу как нечто обыденное и заурядное.

Руководители Вооруженных Сил и государства не хотели объективно признавать реальный вклад Кузнецова в строительство и развитие флота. Из-за того что им был неудобен Николай Герасимович — человек с обостренным чувством собственного достоинства, готовый в любых обстоятельствах отстаивать свои позиции и убеждения, высокое начальство

занижало значение сделанного Кузнецовым. Во многом такое происходило еще и потому, что недооценивалась роль самого флота — а значит, «флотских» старались оттереть, оттеснить, задвинуть на второй план. Примечательно, что даже большинство высших государственных наград Н.Г. Кузнецов, многократно их заслуживший, получил только в конце Великой Отечественной — в 1944–1945 гг., то есть тогда, когда представления уже просто неприлично было откладывать под сукно. А звание Героя Советского Союза присвоили… 15 сентября 1945 г.

Ныне пришел час понять всему нашему обществу, кем же является для флота, для России Николай Герасимович Кузнецов, как и чем он жил, ради чего вел за собой соратников, боролся с косностью и серостью «винтиков» современной ему государственной машины. Я полностью разделяю мнение тех, кто убежден: Н.Г. Кузнецов не просто талантливый, но и выдающийся флотоводец. Его фигура — по значимости, по весомости его ратных заслуг — вполне сопоставима с фигурой маршала Жукова.

Издавая массовым тиражом данную книгу, мы полагаем, что она послужит началом системного и добросовестного изучения кузнецовского наследия. Знания о Николае Герасимовиче задают новым поколениям моряков страны ориентиры честности, достоинства, любви к флоту, готовности, не боясь ни высоких чинов, ни властных возможностей оппонентов, отстаивать общенациональные интересы. Эта книга о мощном характере, о государственном уме, о несгибаемости и воле, которые вели Николая Герасимовича по жизни. В сборнике представлены «кузнецовские уроки», без постижения которых нынешним и будущим военным морякам России трудно осознать весь смысл и важность своей профессии.

Полноценная память о Н.Г. Кузнецове — это движущая сила в работе по обучению и воспитанию офицеров, адмиралов, генералов флота, армии, силовых структур нашего Отечества. А всех, кто находится на государственной службе, кто претендует на управление людьми, прошу постоянно помнить и держать на видном месте архиважные слова Кузнецова: «Высокий руководитель должен не считаться со своими собственными интересами и опасностью быть снятым с поста, если дело касается принципиальных вопросов»!

Для вывода страны, флота из нынешнего проблемно-кризисного состояния безотлагательно нужны на государственных, военных, морских, политических должностях люди с характером Кузнецова, которые способны руководить и действовать в его стиле.

Собранные в книге материалы об основных событиях жизни и

деятельности Н.Г. Кузнецова — результат 25-летнего труда Раисы Васильевны Кузнецовой (жены среднего сына Н.Г. Кузнецова) и Веры Николаевны Кузнецовой, вдовы Николая Герасимовича. Именно они составили хронологию событий, которая дает наиболее полное на сегодняшний день представление о жизни, флотской, государственной и общественной деятельности Н.Г. Кузнецова, в том числе на протяжении 18 «опальных» и последних лет его жизни.

Пять лет назад, прорывая информационную блокаду вокруг имени Кузнецова, мы впервые в нашей стране издали эту книгу большим тиражом в серии «библиотека Общероссийского движения поддержки флота». Видя, с каким огромным интересом это издание было воспринято в обществе, на флоте, существенно расширив, повторно представляем стотысячным тиражом «Флотоводца». И чтобы издать книгу с таким охватом нашему Движению оказали содействие настоящие друзья флота.

На страницах книги через кузнецовские дела, воспоминания о нем, оценки сослуживцев и современников отображена жизнь и служба настоящего русского человека, гражданина, воина, моряка.

Николай Герасимович Кузнецов понятен, а потому современен, увлекая своими принципами и делами желающих творить добро.

М.П. Ненашев, Председатель Общероссийского Движения Поддержки Флота

Николай Герасимович Кузнецов (1904–1974)[1]. Краткая биография

Родился в д. Медведки Архангельской губернии в крестьянской семье. Трудиться начал с одиннадцати лет после смерти отца. В пятнадцать лет в 1919 г. добровольно вступил в Северо-Двинскую военную флотилию.

Окончил с отличием военно-морское училище в 1926 г. и военно-морскую академию в 1932 г. Плавать на боевых кораблях начал военмором в 1919 г. Плавал во всех морских и океанских акваториях СССР и заграницей в должностях: вахтенный начальник, помощник и старший помощник командира, командир крейсера.

С августа 1936 г. по июль 1937 г. работал в Испании в качестве Военно-морского атташе, Главного военно-морского советника испанского флота и руководителя советских моряков-добровольцев, воевавших на стороне испанского народа.

С 1937 г. — заместитель командующего и командующий Тихоокеанским флотом. С апреля 1939 г. — народный комиссар Военно-Морского Флота СССР.

В 1939–1947 гг. и в 1951–1956 гг. возглавлял Военно-Морской Флот СССР.

В предвоенный период развернул работы по созданию советской морской школы, по организации, строительству и подготовке ВМФ к войне, возвращая флоту лучшие исторические морские традиции. Создание и внедрение в ВМФ системы оперативных готовностей, оправдавшейся как в начале Великой Отечественной войны, так и в годы «холодной войны» 1946–1991 гг., является исторической заслугой Н.Г. Кузнецова.

В годы второй мировой и Великой Отечественной войн — народный комиссар ВМФ СССР, одновременно с 1944 г. — главнокомандующий ВМС СССР, член Ставки Верховного Главнокомандования, ГКО и представитель Ставки ВГК на фронтах. Его флотоводческий талант всесторонне раскрылся при осуществлении взаимодействия флотов с сухопутными войсками при обороне Таллина, Одессы, Севастополя, Ленинграда, Москвы, Сталинграда и других городов и военно-морских баз, при разработке планов ВГК, проведении Керченско-Феодосийской, Новороссийской, Керченско-Эльтингентской десантных и др. операций, при сопровождении внешних конвоев. По его предложениям в августе 1941 г. авиация ВМФ бомбила Берлин. Уверенно руководил боевыми действиями флотов при участии

ВМФ во всех стратегических операциях, в том числе осуществляя взаимодействие Тихоокеанского флота и Амурской флотилии с сухопутными войсками в войне с Японией.

Участник переговоров и член делегаций от СССР в составе дипломатических миссий и международных конференций союзных государств по борьбе с фашизмом в период 1939–1945 гг., в том числе: Московских переговоров военных миссий трех держав — СССР, Англия и Франция в 1939 г.; Московских переговоров — СССР, США и Великобритания в июне 1941 г.; на Крымской (Ялтинской) конференции трех держав — СССР, США и Великобритания в феврале 1945 г. и на Потсдамской конференции в июле 1945 г.

Высшее воинское звание присвоено в 1944 г., звание Героя Советского Союза — в 1945 г.

После войны возглавлял ВМФ в должностях наркома ВМФ, главнокомандующего ВМС и заместителя министра Вооруженных Сил СССР по Военно-Морским Силам, Военно-Морского Министра СССР, Первого заместителя Министра обороны СССР — главнокомандующего ВМС СССР.

Николай Герасимович Кузнецов (1904–1974), Адмирал Флота Советского Союза (1944), Герой Советского Союза (1945).

При нем был восстановлен разрушенный войной флот и заложен фундамент нового флота на современной научно-технической основе в области ракетного оружия, атомной энергетики, электроники, начаты испытания ракетной техники для вооружения ВМФ, работы по созданию первых атомных подводных лодок.

Пережил две опалы — «сталинскую» (в 1947–1950 гг.), после

которой был восстановлен в 1951 г. еще при Сталине полностью во всех правах, а также в воинском звании в 1953 г. и «хрущевскую» (в 1956 г.). Был реабилитирован и восстановлен в звании Адмирал Флота Советского Союза посмертно в 1988 г.

С 1956 г. в отставке. «От службы во флоте я отстранен, но отстранить меня от службы флоту невозможно» — так сформулировал Н.Г. Кузнецов свое жизненное кредо. Им написаны 5 книг и свыше 100 статей о Военно-Морском Флоте СССР, его истории, жизни, людях, в которых был обобщен опыт прошлого для пользы будущего. В его переводах и редакциях вышли 3 книги и статьи английских и американских авторов по проблемам флота.

Скончался 6 декабря 1974 г. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Именем адмирала назван современный боевой корабль — тяжелый авианесущий крейсер «Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов», Военно-Морская Академия в Санкт-Петербурге, улицы в Архангельске, Владивостоке, Котласе, теплоход Северного речного пароходства, подводный утес в Тихом океане, Котласский городской штаб школьников «Товарищ», школы в Москве и Таре. В Севастополе и Котласе установлены бронзовые бюсты герою, на зданиях Главного штаба ВМФ в Москве и Владивостоке — памятные мемориальные доски. На родине в д. Медведки Котласского района Архангельской области коренные жители деревни В.А. Быковский, В.В. Быковский, Н. Стрельцов и Р.А. Стрельцова реконструировали дом родителей Н.Г. Кузнецова, где он провел детство. Здесь открылся Дом-музей адмирала.

Краткий очерк жизни и деятельности Н.Г. Кузнецова

Адмирал Флота Советского Союза Герой Советского Союза Николай Герасимович Кузнецов — человек удивительной судьбы. Человек, жизнь которого — высокий образец служения долгу и Отчизне. Жизненный путь Н.Г. Кузнецова необычен даже для своего времени, столь богатого яркими личностями и поразительными судьбами.

Юношей в 15 лет[2] он начал службу на флоте. Определился однажды осознанно и на всю жизнь. В 26 лет он уже командир корабля, в 33 года — командующий флотом, а в 34 —нарком ВМФ. За 13 лет он прошел путь до вершины флотской службы и еще 14 лет возглавлял советский Военно-Морской Флот.

Под его руководством флот был подготовлен к войне, достойно встретил и победоносно прошел ее, тяжелейшую в истории человечества. После войны Кузнецов заложил основы нового ракетно-ядерного океанского флота, и заокеанские противники СССР называли его отцом советской военно-морской мощи[3].

Но судьба не только стремительно возносила адмирала Кузнецова на вершины славы, но и обрушивала — и не раз — в бездну, после падения в которую не всякий мог подняться. Всю войну он был Наркомом ВМФ и единственным несменяемым среди главкомов Вооруженных Сил. Но после Победы его ждала опала, в которой он находился с 1947 по 1951 г. В 1951 г. государству вновь понадобился прежний главком ВМС, и И.В. Сталин возвратил адмирала на пост. В феврале 1956 г. XX съезд реабилитирует миллионы советских граждан, и в то же время Н.С. Хрущев вершит жестокую и скорую расправу над Кузнецовым.

Спустя восемь лет сам Хрущев был обвинен в волюнтаризме и отправлен в отставку, а опальный адмирал так и не смог добиться справедливости и торжества закона. До самой своей кончины Кузнецов продолжал служить флоту: перевел три книги и десятки статей, написал пять книг и около сотни статей. Одним из первых сказал правду о причинах неготовности страны к войне и трагическом ее ходе в течение первых двух лет, призывая проанализировать ошибки и неудачи для будущего. Возвратил добрые имена десяткам оклеветанных и забытых моряков. Но 32 долгих года сменявшееся руководство страны отказывалось исправить вопиющую несправедливость в отношении самого Николая Герасимовича.

В крутых поворотах судьбы адмирала Кузнецова прослеживается некая закономерность. Он оказывался во главе флота, когда стране требовался мощный и современный Военно-Морской Флот. Создание морской силы — дело сложное, долгое и дорогое, для неспециалистов — малопонятное. Чтобы руководить этим делом, необходим профессионал, прекрасно знающий флот и его задачи, понимающий, каким он должен быть, каково его место в системе Вооруженных Сил государства. Такому руководителю нужны не только знания и ум, но и особые человеческие качества — твердость, уверенность в себе, независимость, способность, несмотря ни на что, отстаивать свою точку зрения, часто вопреки мнению высших должностных лиц. Именно Кузнецову все это было присуще в полной мере.

Когда же основы нового флота оказывались заложенными, острота проблемы снималась, авторитарная власть тут же отторгала обладателя этих качеств. Теперь уже требовались иные черты характера — умение приспособиться, угодить, стать «своим». Но Кузнецов не только не стал, но и не пытался стать «своим». За наркомовское или министерское кресло не держался. Служил не отдельным личностям, а Отечеству, флоту. Вот почему жизнь его сложилась и ярко, и драматично.

Родился Кузнецов 24 (11 по ст. стилю) июля 1904 г. в бывшей Вологодской губернии, Велико-Устюгском уезде Вотлажемской волости, деревне Медведки (ныне Архангельской области Котласского района) в крестьянской семье. Самостоятельную жизнь начал после смерти отца в 1915 г. С 1916 по 1918 г. работал рассыльным в Управлении работ по улучшению Архангельского порта, а в 1919 г. добровольно вступил в Северо-Двинскую военную флотилию, прибавив себе недостающие два года — ровно столько надо было, чтобы стать военмором. В боях не участвовал. Печатал на «ундервуде» секретные приказы и донесения с фронта.

В 1920 г. матрос Кузнецов, пройдя полугодовую строевую подготовку, определился в подготовительную школу для поступления в военно-морское училище. В 1922 г. стал его курсантом. «Итак, — писал он сорок лет спустя, в книге «Накануне», — моя мечта — навсегда связать свою судьбу с флотом — обрела реальность. Желтое здание бывшего Морского корпуса стало моим домом…» В его стенах в 1925 г. он вступил в ряды ВКП(б). Закончил училище с отличием в 1926 г., местом дальнейшей службы избрал Черное море.

С 1926 по 1929 г. — плавал вахтенным начальником на крейсере «Червона Украина», с 1929 по 1932 г. — учился в военно-морской академии. Закончил академию с отличием.

С 1932 по 1933 г. он — старпом крейсера «Красный Кавказ», с 1933 по 1936 г. — командир крейсера «Червона Украина». Организация службы на кораблях — и на «Красном Кавказе», и особенно на «Червоной Украине» — была признана лучшей в ВМФ СССР того времени. Командир сам находился в постоянном поиске, учился и совершенствовал искусство и технику управления кораблем, отрабатывая создаваемую им систему обучения экипажа. На флотах заговорили о методах организации боевой подготовки корабля «по системе Кузнецова». А командующий флотом Кожанов, высоко оценив успехи Кузнецова в 1935 г., назвал его «самым молодым капитаном 1 ранга всех морей мира».

Командование кораблем Кузнецов считал настоящим делом для настоящего моряка. За все эти годы он, совершая длительные походы, побывал во многих странах: в Швеции, Норвегии, Турции, Германии, Франции, Англии, Греции, Италии, Испании… Изучил и свободно владел немецким, французским, испанским и позже английским языками.

С августа 1936 г. по июль 1937 г. Кузнецов работал в Испании как руководитель советских моряков-добровольцев на посту военно-морского атташе и главного военно-морского советника.

После возвращения на Родину он назначается в 1937 г. вначале Первым заместителем командующего, а в 1938 г. — командующим Тихоокеанским флотом, а с апреля 1939 г. — наркомом ВМФ СССР. В это время Кузнецов «флагман флота 2 ранга», что соответствовало званию «адмирал» в новой шкале персональных воинских званий, принятой 7 мая 1940 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР.

За два года и два месяца до начала Великой Отечественной войны многое удалось сделать Кузнецову в организации, строительстве и подготовке флота к войне. Но не все, что было задумано им.

4 июня 1940 г. постановлением № 946 СНК СССР Кузнецову по второму разу присваивается звание «адмирал». В этом звании встретил он войну. **Еще 21 июня 1941 г. в 23 ч 50 мин** нарком ВМФ приказал своей директивой всем флотам и флотилиям перейти на повышенную боевую готовность № 1, разрешив в случае нападения применять оружие[4]. Флот встретил нападение организованным огнем, не потеряв в эту страшную первую ночь войны ни корабля, ни самолета, ни одной базы с моря. Это произошло благодаря созданной и отработанной в ВМФ в течение двух лет перед войной под руководством Кузнецова системе оперативных готовностей.

В годы войны нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов действовал как член

ГКО и представитель Ставки ВГК (1941–1945 гг.) и ее член (июнь — июль 1941 г. и с февраля 1945 г.) и как главнокомандующий ВМС СССР (с февраля 1944 г.). Он постоянно, как по заданиям Ставки, так и по своей инициативе бывал на фронтах и флотах, где возникала наиболее сложная ситуация. Организовывал и координировал деятельность флотов в совместных с сухопутными частями операциях, вносил предложения по операциям и планам их проведения Верховному Главнокомандованию, в т. ч. по налетам на Берлин, по обеспечению проводки союзных конвоев, по защите их кораблей в портах; самостоятельно ставил задачи по усилению борьбы на коммуникациях противника, воинским перевозкам, эвакуации грузов, населения, войск, блокаде участков побережья, занятого противником, по содействию сухопутным войскам в операциях по обороне и освобождению приморских городов и территорий побережья, защите собственных коммуникаций и нарушению коммуникаций противника, по высадке десантов и наращиванию сил на отвоеванных территориях, по поддержке фланговых соединений огнем корабельной артиллерии, по поводу снабжения и подкреплений и др.

Как в мирное, так и в военное время главком ВМС Н.Г. Кузнецов постоянно оставался новатором в военно-морском деле. Он возвращал и укреплял добрые исторические традиции, заложенные в российском флоте еще Петром I. При Н.Г. Кузнецове постоянно совершенствовались военно-морское стратегическое планирование и оперативно-тактическое искусство. Все делал, чтобы в Военно-Морской Академии, научно-исследовательских институтах ВМФ постоянно велась работа совместно с академическими и другими организациями по развитию научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, по совершенствованию организации и деятельности ВМС как в центре, так и на местах, по развитию военно-морского искусства; создавались теоретические труды и оперативно-тактические документы ВМФ. Огромное внимание Кузнецов уделял организации постоянной учебы и практических занятий — морских учений, приближенных к боевой обстановке, плаваний в любое время года. Требовал совершенствовать боевую подготовку в условиях военного времени. Создал в Главном Морском штабе (в августе 1941 г.) отдел по изучению и обобщению опыта войны, положив тем самым начало системе учета боевого опыта и на его основе — боевой подготовки флота[5]. Он заботился о взращивании кадров для ВМФ. По его инициативе был создан ряд Нахимовских военно-морских училищ и школ, например, школы «подготов», а также юнг и боцманов на Валааме. В 1939 г. по его

представлению Правительство ввело в стране общенародный праздник — День Военно-Морского Флота, а в 1944 г. — ордена Ф.Ф. Ушакова и П.С. Нахимова для награждения отличившихся офицеров и медали — для рядового состава ВМФ.

В годы войны Н.Г. Кузнецов проявил себя выдающимся организатором взаимодействия сил флота с сухопутными войсками. А действия советского ВМФ получили высокую оценку Верховного Главнокомандования[6] и наших союзников[7]. За вклад в Победу, образцовое выполнение заданий по руководству боевыми операциями флотов, в т. ч. и Тихоокеанским на заключительном этапе войны, достигнутые успехи, личное мужество и героизм он был удостоен 14 сентября 1945 г. звания Героя Советского Союза. Особую страницу в деятельности наркома ВМФ и главнокомандующего ВМС составила его работа как члена делегации от Советского Союза в составе дипломатических миссий и международных конференций. Он участвовал в переговорах военных миссий трех держав — СССР, Англии и Франции (1939 г.), США и Великобритании(июль 1941 г.) — о совместных действиях в войне против Германии, в работе Крымской и Потсдамской конференций трех союзных держав (1945 г.). Участвовал в подготовке, обсуждении и выработке решений, связанных с совместными действиями союзников в Европе и на Дальнем Востоке, военно-морскими поставками по ленд-лизу, по организации и обеспечению приема и безопасности кораблей и самолетов союзных делегаций, по разделу германского флота, в решении послевоенных проблем. И здесь, на дипломатическом поприще он также добивался успехов для своей страны.

Тяжелейшие испытания войны не ожесточили его душу. Все, кто шел с Н.Г. Кузнецовым по жизни в те годы, отмечали необычайно теплое и человеческое отношение к людям, искреннюю заботу и внимание к себе со стороны своего боевого руководителя.

31 мая 1944 г. Н.Г. Кузнецову присваивается высшее воинское звание в ВМФ — «Адмирал Флота», уравненное (о чем было записано в табели о рангах) со званием «Маршал Советского Союза»[8]. Разъяснение этому было оформлено позже Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 марта 1955 г. Этим Указом нового звания в Вооруженных Силах не вводилось, а лишь вносилась соответствующая поправка в Указ 1940 г.: к введенному в 1940 г. званию «Адмирал Флота» добавлялись слова «Советского Союза»[9]. Воинское звание «Адмирал Флота» стало именоваться «Адмирал Флота Советского Союза». Таким образом, нового звания Н.Г. Кузнецову в 1955 г. не присваивалось, а лишь

уточнялось звание, которое он заслужил во время войны. И по Указу 1955 г. ему лишь были вручены с запозданием маршальские знаки отличия «Маршальская звезда» и особая Грамота Президиума Верховного Совета СССР[10].

Окончилась война. В новых условиях у главнокомандующего ВМС главными проблемами стали — возрождение и строительство современного ВМФ, установление его места в системе Вооруженных Сил страны и его организация с учетом опыта минувшей войны и стратегии государства. При Н.Г. Кузнецове в ВМФ разрабатывается сбалансированная десятилетняя программа военного судостроения, в которой намечалось даже строительство авианосцев. Он рано понял и высоко оценил перспективность использования на флоте ядерной энергии для кораблей и подводных лодок. Свои мысли об этом он высказывал на совещаниях в 1946 г.[11], в письме и докладе Генералиссимусу И.В. Сталину 30 сентября 1946 г.[12]

Настойчивость и деятельность Кузнецова, направленные на воплощение этой программы, оказались для него роковыми. Его взгляды вошли в противоречие с представлениями высшего руководства страны на развитие ВМФ, его организацию и управление им, которых раздражали авторитет, самостоятельность суждений и независимость главкома ВМС. Наркомат ВМФ был упразднен «за ненадобностью», а Кузнецов снят с должности и переведен начальником Управления Военно-морских учебных заведений в Ленинграде.

В 1947 г. он был судим судом чести, а в 1948 г. — судом Верховной коллегии Верховного Суда СССР. Приговором суда от 3 февраля 1948 г., Постановлением СМ № 1283-114с от 10.02.48 г. он был разжалован до «контр-адмирала» и снят с работы. Только через полгода по решению самого Сталина (после обращения к нему Кузнецова с просьбой в письме предоставить работу) ему дали возможность продолжить службу. Целых полгода в неведении, на грани неизвестности… Он пережил. Перенес первый инфаркт еще во время суда.

С 1948 по 1950 г. Кузнецов служил в Хабаровске заместителем главкома войск Дальнего Востока по военно-морским силам, а в 1950–1951 гг. — командующим Тихоокеанским (5-м) военно-морским флотом. В ноябре 1949 г. был представлен к присвоению очередного воинского звания «вице-адмирал», которое получил 27 января 1951 г. (по второму разу).

Летом 1951 г. И.В. Сталин возвращает Кузнецова на работу в Москву во вновь созданное Морское ведомство на пост Военно-Морского Министра (Указ Президиума ВС СССР от 20 июля

1951 г.). Причина этого заключалась в неблагополучном положении со строительством флота в 1949 г. — начале 50-х гг.

Постановлением СМ СССР от 13 мая 1953 г. № 254-504с он был восстановлен в прежнем звании «Адмирал Флота Советского Союза» и с него были сняты полностью все обвинения за отсутствием в деле состава преступления. Он был полностью реабилитирован.

По возвращении вновь на работу в Москву, увидев, какой устаревший флот был построен за прошедшие годы, он предпринял все возможное, чтобы изменить неблагоприятную ситуацию. Подготовил несколько докладов по этим вопросам руководству страны, добился рассмотрения ряда вопросов. В Правительстве были приняты его предложения по новой технике в ВМФ. Главкомат ВМФ приступил к решению проблем, связанных с разработкой и внедрением новой техники на флоте совместно с научно-исследовательскими институтами ВМФ и ВМА, с исследовательскими учреждениями Академии Наук СССР, Минобороны, отраслевыми научными центрами.

В сентябре 1952 г. выходит правительственное решение (за подписью И.В. Сталина) о строительстве первой ядерной энергетической установки для ВМФ. Н.Г. Кузнецов поручает адмиралу Н.Д. Сергееву выбрать удобное место для строительства завода по сборке первой атомной подводной лодки в районе Северодвинска. Уже после смерти И.В. Сталина Н.Г. Кузнецов в 1954 г. вместе с В.А. Малышевым и А.П. Завенягиным рассматривает проекты атомной подводной лодки и утверждает проект, согласованный с требованиями ВМФ, после чего вносятся конструкторские доработки и ведутся подготовительные работы по проекту первой в Советском Союзе атомной подводной лодки[13]. Как и прежде, он продолжал уделять особое внимание боевой подготовке флотов. Лично проводил регулярные учения флотов в любое время года, где отрабатывалось взаимодействие различных его сил — надводных кораблей и катеров, подводных лодок, авиации, сил береговой обороны и сухопутных войск — и общее управление ими. Огромное внимание, как и прежде уделял он проблемам воспитания кадров[14].

После смерти Сталина произошла реорганизация Вооруженных Сил. Военно-Морское Министерство было вновь слито с Министерством обороны. Кузнецов вступил в должность Первого заместителя министра обороны СССР — главнокомандующего ВМС с 16 марта 1953 г., согласно Постановлению СМ СССР № 783.

Полный планов, он с новой силой и энергией принялся за разработку десятилетней программы военного кораблестроения.

Еще в 1951 г. он записал «Требовался резкий скачок в сторону новой техники, не говоря уже о количестве…»[15]

В начале 50-х гг. флот превращался в атомный и ракетный — все это давало, по мнению Н.Г. Кузнецова, возможность «сделать рывок и догнать будущих противников». Облик нового сбалансированного флота был определен в программе военного кораблестроения на 1955–1964 гг., подготовленной под руководством главкома ВМС Н.Г. Кузнецова к весне 1954 г.[16]

Одновременно он добивается решений по установке и испытаниям на флоте первых образцов реактивного оружия и утверждает, как сказано ранее, проект первой в СССР атомной подводной лодки, к строительству которой тогда же и приступают соответствующие организации[17]. В этом отношении главком ВМС высказывает протест Президиуму ЦК КПСС и Правительству против неграмотного проекта первой атомной подводной лодки и ее вооружения. Как показала жизнь, ему этого тоже не простят, даже когда он будет в отставке. Забудут старательно его дела, его помощь, обвинят в непонимании и недооценке атомных подводных лодок.

При рассмотрении проекта Н.Г. Кузнецов выступил против оснащения ее одной единственной гигантской торпедой диаметром 2 м с термоядерным зарядом. «Лодка с таким вооружением флоту не нужна», — таково было его заключение. Оснащение ядерной энергетической установкой позволило лодке находиться в подводном положении практически неограниченное время. Кузнецов обратил внимание на необходимость изучения вопросов подбора и психологической совместимости членов экипажа во время особо длительных походов. Актуальность таких исследований была убедительно показана в процессе подготовки к длительным космическим полетам.

Бывший в то время помощник зампредсовмина Н.А. Булганина адмирал П.Г. Котов рассказывал, как выступал Николай Герасимович[18]. «… Нам атомная подводная лодка нужна, но не такая, как эта, задуманная для уничтожения военно-морских баз и флота в базах. А нам нужна лодка, которая могла бы в морях и океанах, на коммуникациях уничтожать корабли и она же должна быть способна, если потребуется, куда нужно и добираться, и против баз (быть). Но для этого нужна не одна торпеда, должен быть запас, нужны торпеды и с обычным боезарядом, и атомные…»

Выслушав доклад Н.Г. Кузнецова, Президиум ЦК КПСС постановил принять предложения флота, и проект лодки и ее вооружения был переработан.

По его представлению в ВМФ разворачиваются работы по

созданию ракетных кораблей ВМС[19] и по вооружению подводных лодок баллистическими ракетами[20].

Неоднократные попытки Кузнецова добиться Правительственных решений по программе и флотским вопросам к желаемым результатам не приводят.

Наконец, в апреле 1955 г. Кузнецов доложил ее на заседании Президиума ЦК КПСС. Против выступил Хрущев. Главком ВМС честно высказал ему свое возмущение безответственным отношением к флоту со стороны первых лиц государства и, в частности, Хрущева и его окружения.

Из зала заседания Кузнецов вышел бледный, удерживая рукой свое сердце, разрывающееся в груди. День для него закончился в госпитале в прединфарктном состоянии.

Выступление же было расценено Хрущевым как посягательство на его права и авторитет как лидера партии, и вскоре для Кузнецова была заготовлена «волчья яма»[21].

Обстановка, в которой он работал, ухудшалась… Абсурдность и безысходность ситуации сказались на здоровье. В мае 1955 г. он перенес инфаркт. 26 мая 1955 г. обратился с письменной просьбой освободить его по состоянию здоровья от занимаемой должности. Просьба осталась без ответа. Исполнение обязанностей Н.Г. Кузнецова на время его болезни по его же рекомендации было возложено на вице-адмирала С.Г. Горшкова — бывшего командующего Черноморским флотом. Лечение в больнице, санатории вывели из текущей работы Н.Г. Кузнецова до октября 1955 г.

Н.Г. Кузнецов был освобожден — снят с должности Первого заместителя министра обороны СССР — главнокомандующего ВМС постановлением Президиума ЦК КПСС (согласно протокола № 172) и постановлением СМ СССР № 2049–1108 «За неудовлетворительное руководство ВМС» 8 декабря 1955 г. Чудовищный удар был нанесен ему спустя полгода после его просьбы освободить от работы. Теперь, очевидно, — нужен был повод, «чтобы наказать за строптивость». Он нашелся. 28 октября 1955 г. в Севастополе на Черноморском флоте произошла трагедия — взорвался линкор «Новороссийск». Хотя государственная комиссия, расследовавшая происшествие, причин трагедии не установила и в гибели линкора Н.Г. Кузнецова не обвиняла, главный удар был нанесен Н.Г. Кузнецову. В докладе министра обороны СССР в ЦК КПСС, подготовленном в ГМШ ВМФ, о причинах гибели линкора, ему досталось за все. На основе этого доклада 8 декабря 1955 г. было принято постановление Правительства «О гибели линкора «Новороссийск», согласно которому Н.Г. Кузнецов был снят с

должности. 15 февраля 1956 г. министр обороны объявил ему о решении понизить его в воинском звании до «вице-адмирала» и уволить из Вооруженных Сил без права на восстановление. На вопрос Кузнецова об основаниях этого решения, к тому же принятого без его вызова и без предъявления ему документов, министр ответил, что это совсем необязательно[22]. Через два дня, 17 февраля 1956 г., Указ Президиума Верховного Совета СССР подтвердил это решение[23].

В 51 год, в лучшую пору человеческой зрелости, умудренный опытом военачальник Николай Герасимович Кузнецов был безвозвратно отлучен от любимого и единственного дела всей жизни. С ним поступили по-сталински. Еще раз лишили воинского звания, заслуженного в годы борьбы с фашизмом. «Москва слезам не верит», — с печалью констатировал он в своих записках. — Но нужно было все-таки не потерять равновесия… Трезво рассудив обо всем происшедшем, найти себя для дальнейшей жизни…»

Николай Герасимович в большой нестандартной тетради, подаренной ему к Новому 1957 г. Верой Николаевной, сделал такую запись: «У безработного — рабочая тетрадь». Этой записью в ней он будто бы открыл первую страницу своей новой жизни.

Чувство растерянности охватило его, когда после громадной и ответственной работы, составлявшей суть всей его прошлой жизни, он оказался выброшенным за борт. Но недолго владело оно им, может быть, несколько недель. На смену ему пришла тоска по активному труду, которая не покидала его уже до самого конца, только временами уходила и вновь накатывалась волнами.

Что ж, не по своей воле пустился он в это новое плавание, отважно устремился к незнакомым берегам и поплыл, надо сказать, не унывая, не озлобившись на жизнь, на людей. Дома его окружили любовью и заботой. Сюда он стремился всегда. Странно, но, даже находясь в разлуке с женой и детьми, он ощущал их близость, как если бы они были с ним рядом. Теперь он еще глубже понял, что семья — это одна из главных целей в его жизни, и даже почувствовал себя несколько виноватым — ведь мог раньше уделять ей больше времени. В доме никогда не обсуждалось, что произошло с Николаем Герасимовичем, и вместе с тем все, и в том числе сыновья-подростки, понимали, что случилась беда. Верочка и сыновья — самые близкие и родные люди, полные любви и сострадания, окружили его заботой и помогли выжить.

Вскоре он оправился от болезни. Знакомые профессора — Мясников, Волынский, Бакулев — настойчиво советовали жить за городом, зная его истерзанное сердце. В Раздорах, рядом с

деревней Барвихой, сняли в аренду у ХОЗУ ВМФ деревянный домик. Прежнюю дачу освободили новому главкому. Из-за высокой оплаты пришлось оставить большую квартиру на улице Грановского и переехать в меньшую, но хорошую на улице Горького. Поменялись с К.К. Рокоссовским.

Жили постоянно на даче. Жили скромно, по средствам. Николай Герасимович получал «неперсональную» пенсию в 300 руб. Положенные ему ранее льготы отменили. Выполняется ли это распоряжение, тщательно проверяли жены высоких государственных мужей. Не все общественные организации оставили в своих рядах наказанного адмирала. Однажды безжалостно и бесстыдно его информировали письмом, что ветераном Великой Отечественной войны он не является.

На партийный учет Н.Г. Кузнецова направили в Институт общей и педагогической психологии Академии педагогических наук СССР, которым руководил А.А. Смирнов, впоследствии действительный член академии и ее вице-президент. Встретили его тепло, а семинар, который он организовал и вел, обожали.

Первое время Н.Г. Кузнецов никуда не ходил, нигде не выступал, ни с кем не встречался. Изредка на дачу «прорывались» «пожиратели времени» — любители узнать, «узреть» и посудачить: «как он там». Кое-кто стремился вызвать его на спор, навязать свое мнение. Но это не проходило. Н.Г. Кузнецов на вызов не шел. Они чувствовали молчаливый отпор и уходили ни с чем. Иные давали советы «не волноваться», «забыться в коньячке». Им Н.Г. Кузнецов невозмутимо отвечал: «Извините, не могу, у меня сыновья-школьники, должен поставить их на путь», и провожал незваных гостей восвояси.

Оставаясь наедине с самим собой, Н.Г. Кузнецов размышлял и философствовал: «Страдания и горести не мешают творчеству, но убивают мелкие заботы». От мелких забот он был избавлен. Рассуждения и философствования давали ему уроки творчества. Он размышлял о жестокости, с которой первые лица государства расправились с ним. Она не потрясла его. Он понимал еще тогда, когда возвращался с Дальнего Востока в Москву в 1951 г., что ему могут приготовить «волчью яму», так как видел себя «между молотом и наковальней».

Его возмущало поведение людей, призванных руководить страной во благо народа, но распоряжавшихся государственными делами и людьми, как в своей вотчине, попирая законы и моральные устои. Так поступили и с ним. Оснований возмущаться хватало. Ему было известно, что Н.С. Хрущев при всяком удобном и неудобном случае бросал на флотах лживые обвинения в его адрес «в недооценке атомных подводных лодок, в неправильных

взглядах на развитие флота», а также высказывал неверные мысли и нелепости относительно якобы «неправильных» взглядов Николая Герасимовича на его строительство. Он утверждал, что Кузнецов придерживается вредных взглядов на будущее флота.

Николай Герасимович искал ответы на свои вопросы: почему никто не предъявил ему документов, на основании которых он был снят с должности, снижен в звании? Отчего эти люди, укрывшиеся за беззаконием, приняв несправедливое решение, боялись поговорить с ним — ведь они были всемогущи?

После постигших его разочарований в конце 40-х гг. он мог еще жить и работать с верой в лучшее будущее. Теперь же он ясно увидел всю фальшь окружавшей его действительности. «Фундамент», на котором он стоял, обрушился.

Николай Герасимович писал, что при Сталине он пережил культ личности, теперь же во главе страны он не видел личности.

Советы потеряли свое лицо, их заменила партноменклатура. После мучительных раздумий, через опыт душевных страданий он пришел к выводу, что в государстве должен управлять закон… «Законность нужна не только мне, — писал он. — Она должна быть присуща нашему обществу».

Его уволили и разжаловали без права работать на флоте, но с правом ношения военной формы: хотели унизить — пусть, дескать, до старости надевает ее и каждый раз помнит свое место. А он отменил ее, никогда не надевал, не то чтобы носил. Ходил в гражданском костюме, сидевшем на нем, пожалуй, не хуже морского кителя. Звезду Героя Советского Союза носил на левом лацкане пиджака. И пожалованного ему звания вице-адмирала в гражданской жизни тоже не признал. Когда печатал свои работы, подписывал их: «Герой Советского Союза Н. Кузнецов».

Тогда Вере Николаевне казалось: он задыхается в четырех стенах своего дачного кабинета. Но, как сильный человек, он не жаловался. А она чувствовала его боль и страдания, становившиеся ее страданиями и болью. Вот она видит, как он с места на место перекладывает бумаги, ищет себе дело, занятие. Прошел день, другой. Еще несколько дней мучительно сложились в неделю. Но так продолжалось недолго. Он принял решение: он вспомнит Испанию 1936–1937 гг., что делал там и что пережил, напишет обо всем. И память захватила его, и время понеслось, не удержать. Растерянность ушла.

Ходить на службу теперь было не нужно. Всё находилось рядом: кабинет, рабочий стол, старая пишущая машинка. Рабочее время он строго распределил по часам. Работал ежедневно по пять-шесть часов. И так до самого конца, все восемнадцать лет. Скидок на возраст или бессонницу, которой страдал последние

годы, не делал. Утром после завтрака дети уходили в школу, а он садился за письменный стол. Учились сыновья. Учился он. Учился упорно. В доме наладился порядок. Новая жизнь вошла в свое русло. И все это он создал сам.

Итак, стал вспоминать Испанию. Люсия Покровская, бывшая переводчицей в Картахене, составила для него список всех моряков-добровольцев *(он хранится в архиве семьи.* — Р.К.). С каждым из москвичей Н.Г. Кузнецов разговаривал. Узнал, что сведения и документы хранятся в архиве Генерального штаба Министерства Обороны, в том числе подписанные именем Лепанто его донесения 1936–1937 гг.

Запросил документы — ничего не получил. Даже ответа.

Написал В.А. Алафузову, А. Коробицыну (Нарциссо)[24], просил что-либо вспомнить. Напрасно: первый помнил немного, а второй — ничего. Выручила собственная память. У него она, кстати, была отличная. Вышел очерк. И тут помог академик И.М. Майский. Прочтя рукопись, хвалил как первый и единственный очерк очевидца и участника войны на посту руководителя столь высокого ранга, но, так как был уверен, что под фамилией Кузнецов не опубликуют, предложил печататься под псевдонимом. Н.Г. Кузнецов согласился, и очерк напечатал под фамилией Н. Николаев в сборнике статей издательства АН СССР в 1959 г. Это подбодрило. В 1966 г. вышла книга «На далеком меридиане». Получил первые положительные рецензии.

Встречи с людьми стали необходимостью. Однако помех в работе не любил: «делу — время, потехе — час». Это знали дети, соседи по даче, друзья. Заходили, заезжали в часы, когда он был свободен, чаще к завтраку, обеду или ужину.

Память-возвращала все новые и новые имена и события. Записные книжки, заметки, выписки, машинописные листки *(Н.Г. Кузнецов в основном писал на машинке.* — Р.К.) — это следы его напряженной работы. Многие опубликованы, другие ждут своего часа. И в этой новой жизни Н.Г. Кузнецов не переставал работать над собой.

Собственной волей он, как и прежде, взращивал лучшие качества и черты характера, работая над очерками о Л. Галлере, В. Алафузове, И. Кожанове, Л. Владимирском, Р. Муклевиче, В. Орлове, В. Блюхере, Б. Шапошникове, М. Кольцове, И. Рогове, А. Маринеско…

Порядочность и доброта Н.Г. Кузнецова возвращали людям тех, в ком они нуждались. Большинство тех, о ком он писал, погибли или были забыты.

Следующую книгу — «Накануне» — писал легко и радостно. Она вышла сначала в журнальном варианте, а в 1966 г.

отдельным изданием в Воениздате.

Случилось это еще и потому, что Н.С. Хрущева отправили на заслуженный отдых, а новый Генеральный секретарь Л.И. Брежнев в год двадцатилетия победы советского народа над фашистской Германией назвал в своем докладе на торжественном заседании Николая Герасимовича Кузнецова среди выдающихся военачальников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Книга выходила с большими трудностями. На рукопись было заготовлено несколько отрицательных рецензий от официальных организаций. Но положительных оказалось больше. Вскоре состоялось обсуждение книги на заседании Военно-научного общества в ЦДСА.

Пошли потоками письма читателей. Писали бывшие моряки — ветераны, участники событий. Благодарили за честный рассказ о прошлом.

Писали и люди гражданские, и молодежь. Со всех концов страны шли искренние, трогательные отзывы с восхищением и благодарностью автору. Н.Г. Кузнецов был взволнован. К письмам относился аккуратно, старался отвечать. Благодарил. Принимал замечания, с которыми был согласен. Забавно было смотреть, как он по-детски охал от вида вороха писем, вытряхиваемых Верой Николаевной из мешка. Она читала их ему.

Постепенно Николай Герасимович входил в общественную жизнь. Начал выступать на читательских конференциях в Московском доме ученых (дважды), в Академии наук, Московском государственном университете, в научно-исследовательских институтах, библиотеках. Дважды выезжая в городок космонавтов, в Петрозаводск и другие места. Выход книги «Накануне» стал вторым днем рождения Н.Г. Кузнецова как писателя-мемуариста. К.Н. Симонов предложил ему вступить в Союз писателей СССР. Но Н.Г. Кузнецов только улыбнулся в ответ. Писателем он себя не считал.

Почти все очерки, статьи, как и книги Н.Г. Кузнецова, выходили с большими трудностями, с редакторским насилием над текстом. Отчасти это происходило по цензурным соображениям, но были и другие причины. Так, попытка напечатать в 1963 г. очерк о Л.М. Галлере встретила сопротивление главкома ВМС С.Г. Горшкова, который даже выразил свое отрицательное мнение в письме в редакцию «Военно-исторического журнала». Конечно, Н.Г. Кузнецов переживал. Но книгам надо было давать жизнь во что бы то ни стало. Ими он первый начал полемизировать на флотскую тему, открыв дорогу флоту в военной мемуаристике. И продолжал работать для будущего «пользы ради», потому что был убежден,

что «опытом минувшего освещается настоящее и будущее».

Часто Н.Г. Кузнецов просил бывших сослуживцев прочесть его работы и отозваться. Сохранилась переписка с адмиралами В.А. Алафузовым Ю.А. Пантелеевым, Л.А. Владимирским, В.Ф.Трибуцем, И.С. Исаковым и др. (отдельные письма ценны с точки зрения установления истины, фактов), письма соплавателей и сотрудников Н.Г. Кузнецова, незнакомых ему людей, которые поддерживали его в трудное последнее восемнадцатилетие, заметки самого Н.Г. Кузнецова о людях и фактах, проливающие дополнительный свет на исторические события, письма Н.Г. Кузнецова в ЦК КПСС и правительство в свою защиту, — Веры Николаевны, моряков-ветеранов и гражданских лиц с требованиями восстановить справедливость. Много отложилось интересных материалов и документов, которые позволяют ярче и полнее представить несломленные личность и характер Николая Герасимовича Кузнецова, его человеческую красоту, время и обстановку вокруг него и значение его творчества для страны, для ее граждан, для ее Военно-Морского Флота, отцом которого, по мнению наших союзников по второй мировой войне, он являлся.

За 18 лет своей новой жизни Кузнецов написал пять книг военных мемуаров: «На далеком меридиане» об испанских и советских моряках в национально-революционной войне 1936–1939 г. в Испании), «Накануне», «На флотах боевая тревога», «Курсом к победе», — в них обобщены предвоенный период и опыт Великой Отечественной войны, и «Крутые повороты» — воспоминания, как выразился он, «на сугубо личные мотивы»; около ста статей по военно-морской тематике и мемуарного жанра — о людях флота, вернув в историю имена погибших и репрессированных. В его переводах изданы также три книги и несколько работ зарубежных авторов по истории, стратегии и тактике военно-морских флотов ведущих мировых держав.

Николай Герасимович Кузнецов занимался делом, которое любил и которое было нужно людям. О нем можно сказать: в отставке он не был. И это будет чистая правда. Он так и не дождался восстановления справедливости в отношении себя. Сердце его остановилось 6 декабря 1974 г., рано, на 71-м году жизни. Слишком много пришлось пережить этому сердцу.

Похоронен Николай Герасимович Кузнецов на Новодевичьем кладбище в Москве. В надгробии из лабрадорита работы архитектора А. Мымрина символически отражена гряда препятствий в судьбе флотоводца. 14 лет спустя на камне было, наконец, высечено воинское звание «Адмирал Флота Советского Союза», заслуженное им в годы Великой Отечественной войны

1941–1945 гг. и восстановленное Указом Президиума Верховного Совета СССР № 9296-XI от 26 июля 1988 г.

26 ноября 2003 г. не стало и Веры Николаевны, его подруги, единственной, которая не предала его и не забыла. 35 лет пока они были вместе, она была его и Верою, и Надеждою, и Любовью. Она была великой женщиной, до конца разделившей его тяжелую ношу, счастье и радости, трагедии, боли и печали. 14 лет без него защищала она его память, добиваясь торжества справедливости — возвращения его настоящего воинского звания. Все 29 лет без него она работала над опубликованием и переизданием трудов, написанных им на пользу флота. Вложила душу и в эту книгу, много лет собирая для «Хроники» сведения о Николае Герасимовиче и направляя меня своими мудрыми советами. Спасибо ей. Она горевала, оплакивала его до последних минут своей жизни. Хотела верить, что имя Николая Герасимовича будет сиять в свете истины. Последний приют Веры Николаевны рядом с Николаем Герасимовичем у церкви Николая Морского, под стенами Новодевичьего монастыря.

Вера Николаевна Кузнецова и Раиса Васильевна Кузнецова в период работы над материалами «Хроники». Москва. Начало 80-х гг.

Штрихи к портрету

Рожден: 24 (11 по старому стилю) июля 1904 г. в дер. Медведки Вотложемской волости Велико-Устюжского уезда Вологодской губернии (ныне Архангельская область).

Отец: Кузнецов Герасим Федорович (ок. 1861–1915), государственный (казенный) крестьянин, православного исповедания.

Мать: Кузнецова Анна Ивановна (1872–1952), крестьянка, православного исповедания.

Крещен: 12 июля священником Григорием Колмаковым с псаломщиком Александром Поповым.

Крестный: крестьянин дер. Выставки Игнатий Стефанович Кокорин.

Национальность: русский.

Образование: Церковно-приходская школа (1912–1915).

Школа в г. Котласе (1916).

Подготовительная школа при военно-морском училище в г. Петрограде (1920–1922).

Военно-морское училище (им. М. В. Фрунзе с 1925) в г. Петрограде (Ленинграде) (1922–1926).

Военно-морская академия (командный факультет) в г. Ленинграде (1929–1932).

Владел свободно немецким, французским, испанским, английским языками.

Участник:

Гражданской войны;

Гражданской войны в Испании (1936–1937);

Боев с японцами на Дальнем Востоке у о. Хасан (1938);

Советско-финляндской войны (1940);

Великой Отечественной войны;

Войны с Японией.

Член КПСС с 1925 г.

Член ЦК ВКП (б) — с 1939 по 1956 г.

Депутат Верховного Совета РСФСР с 1938 г.

Депутат Верховного Совета Союза ССР с 1939 по 1956 г.

Кампания какого года	Корабль, состав, флот	Должность
1919-1920	Дивизион канонерских лодок Северо-двинской флотилии	Строевой
1923	Крейсер "Аврора". Морские Силы Балтийского моря (МСБМ).	Курсант
1924	Крейсер "Аврора". МСМБ.	Курсант
1925	Канонерская лодка "Красное Знамя", МСМБ.	Курсант
1926	Линкор "Парижская Коммуна". МСМБ	Курсант
1926-1927	Крейсер "Червона Украина". Морские Силы Черного моря (МСЧМ).	Вахтенный начальник
1928	Крейсер "Червона Украина" МСЧМ.	Старший вахтенный начальник
1932-1933	Крейсер "Красный Кавказ" МСЧМ.	Старший помощник командира крейсера
1933-1936	Крейсер "Червона Украина". МСЧМ.	Командир крейсера
1936-1937	Плавание с эскадрой республиканского флота Испании	Главный военно-морской советник
1937-1939	Плавание на кораблях Тихоокеанского флота (ТОФ).	Заместитель Командующего, с января 1938 - Командующий флотом
1939-1941	Плавание в период проведения военных учений на всех флотах СССР. Разработка и внедрение системы готовностей.	Нарком ВМФ СССР, председатель ГВС ВМФ
1941-1945	Плавание (при необходимости) в период организации взаимодействия флотов с фронтами в т.ч. и во время проведения стратегических операций и учений на флотах в боевой обстановке.	Нарком, Главком ВМС, представитель и член Ставки ВГК, член ГКО.
1948-1955	Плавание на кораблях ТОФ, КБФ, ЧФ, СФ и флотилий во время проведения военных игр и учений	Командующий ТОФ, Военно-морской министр, Главком ВМС.

Плавание во флоте на боевых кораблях

Совершал заграничные плавания, бывал в: Швеции, Норвегии, Англии, Германии, Турции, Италии, Греции, Франции; в 1936–1937 гг. — в спецкомандировке в Испании.

С 1939 по 1955 г. Н.Г Кузнецов внедрял и отрабатывал на флотах систему подготовки кадров в приближенных к боевым условиям обстановке. Ежегодно и систематически на всех флотах Советского Союза он лично руководил военными учениями, выходил в море с эскадрами, проводил разборы результатов учений. В годы войны эта система продолжала жить, но уже не в приближенных к боевым условиях, а непосредственно на театре военных действий. При подготовке и в ходе военно-стратегических операций армии Н.Г. Кузнецов каждый раз

находился в центре событий, координируя от имени Ставки ВГК, а с 1944 г. и как главнокомандующий ВМС СССР, взаимодействие флотских частей с армейскими. Он не только посещал боевые корабли, но и часто с экипажами выходил в море, на театр военных действий. Это было на Балтике, Северном, Черноморском флотах, на озерных и речных флотилиях и на Тихом океане, где на заключительном этапе Второй мировой войны в войне с Японией, являясь заместителем главнокомандующего войск Дальнего Востока А.М. Василевского, он координировал действия Тихоокеанского флота и Краснознаменной Амурской флотилии с войсками 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов. Н.Г. Кузнецов продолжал плавания во время учений на всех флотах Советского Союза вплоть до мая 1955 г.

Николай Кузнецов — курсант ВМУ. Петроград, 1923 г.

«Обязуюсь прослужить на флоте сверх обязательного срока, за каждый месяц обучения в школе — полтора месяца. Желаю изучить английский язык».

(Из заявления Н. Кузнецова в приемную комиссию

подготовительной школы при ВМУ, 1920 г.)

«Развитие выше среднего. Курс усваивает легко. Решителен, выдержан. Говорит коротко, толково, командирским языком. Связно, сжато и грамотно излагает мысль письменно. Был перегиб: изучал два языка в ущерб остальному, теперь поправился… Тройнин».

(Из учебной характеристики курсанта ВМУН. Кузнецова, подписанной председателем комиссии Тройниным, 24.10.1924 г.)

Командир крейсера «Червона Украина» Н.Г. Кузнецов (в центре) с артиллеристами. 1934 г.

«Достижения крейсера «Червона Украина» и его командира — Николая Кузнецова — это завтрашний день многих других кораблей и командиров славного Рабоче-Крестьянского Флота. В Кузнецове сегодня полнее и ярче, чем в других командирах выражены великолепные качества всего нашего командного состава. И если, забегая вперед, назвать его капитаном 1 ранга, то, несомненно, он самый молодой среди капитанов всех флотов мира. У Кузнецова есть то, что называется характером, волей. Он умеет работать с людьми.

Кузнецов любит море. И не шутит с ним… Итак, ясность цели, настойчивость в ее достижении, умение растить (взращивать) людей. Кузнецов не стоит на месте — он движется вперед со всем героическим народом нашей великой Родины».

(Из статьи командующего ЧФ И.К. Кожанова о Н.Г. Кузнецове

в газете «Красная Звезда» от 7 ноября 1935 г.)

На Черноморском флоте. 1930-е гг.

«В Испании мы приобрели немалый опыт…воочию увидели, насколько быстротечны события в современной войне, особенно в ее начале, как внезапным ударом можно повлиять на весь ход войны. Это заставило серьезно думать о постоянной боевой готовности нашего советского флота».

(Из воспоминаний Н.Г. Кузнецова)

«Вспоминая Испанию 1936–1939 гг. (время, как мы называли его тогда, накануне войны), Николай Герасимович рассказывал истории, которые поражали меня яркостью красок: о Валенсии с ее великолепными народными праздниками и танцами испанских крестьян на площадях; о Барселоне, где он повидал бой быков на громадной арене и всю подготовку к бою; о Толедо с картинами Эль Греко и о Прадо с творениями Веласкеса, красочными гобеленами Гойи. Я слушала и ясно видела этот желтый песок и синее небо. Представляла моего «дона Николаса», шагающего стремительной походкой по Мадриду или по набережной Картахены. Любил Николай Герасимович рассказывать о товарищах по Испании. С поразительной точностью вспоминал эпизод, место встречи, год, называл имя человека, припоминал его своеобразные черточки. Глаза светились, лицо озарялось улыбкой. Недаром свой первый очерк об Испании он назвал «Испания в сердце». Большой запас наблюдений, знание жизни, встречи с интересными людьми (Антонов-Овсеенко, Карахан, Кольцов, Прието, Ибаррури) делали беседу весьма интересной и глубокой».

(Из воспоминаний жены Н.Г. Кузнецова Веры Николаевны)

Н.Г. Кузнецов (в центре), П.В. Рычагов (слева) и Г.М. Штерн — товарищи по Испании прибыли на XVIII съезд ВКП(б). Москва, март 1939 г.

С женой Верой Николаевной. Москва, 1941 г.

«Мы должны иметь сильный морской флот, который должен служить нам опорой мира. Исходя из этого, мы должны строить различные классы кораблей применительно к нашим морским театрам и применительно к возможному противнику. В дни Хасанских боев мы убедились, насколько крепка связь частей флота с частями нашей Красной Армии и населением Дальнего Востока. Эту связь мы будем укреплять и углублять дальше. Мы должны еще крепче нажать на боевую подготовку. У нас в Приморье есть Сучанская долина, которая, кроме угля, славится еще незабудками. И когда японцы захватили в 20-х гг. Приморье, они говорили, что пришли, дескать, рвать сучанские незабудки. Но, если японская военщина забыла, как их били на Хасане, и если они все же будут забывать и попытаются прийти морем или по суше, то сучанские и вообще советские дальневосточные незабудки действительно будут для них незабываемыми».

(Из речи Н.Г. Кузнецова на XVIII съезде ВКП (б))

Народный Комиссар ВМФ СССР, флагман флота 2 ранга Н.Г. Кузнецов на учениях Черноморского флота. 1939 г.

«Наш флотский Наркомат существовал второй год, а во главе его уже перебывало несколько руководителей — случайных и менее случайных, но никто из них не оставил после себя заметного следа. Исключением являлся флагман флота 2 ранга Н.Г. Кузнецов. Он оказался на месте — думающий, уверенный, отлично знающий флот и его людей».

(Из воспоминаний адмирала Ю.А. Пантелеева)

Наркомат ВМФ СССР. Нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов (в первом

ряду четвертый слева). Москва, 1939 г.

Нарком ВМФ Н.Г Кузнецов на учениях КБФ 1940 г. Командующий КБФ В.Ф. Трибуц (слева), секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов (справа).

«Николай Герасимович не только единственный в Вооруженных Силах ввел новую систему оперативных боевых готовностей, но и взял на себя, ответственность и принял решение по объединению службы связи с шифрослужбой. Это было решение потрясающей силы, т. к. ступени оперативных готовностей подкреплялись единством ответственности за прохождение информации во всех звеньях управления, введением специальных сигналов с передачей их по радио с адресом «По флоту»… Вот и получилось, что к началу войны были готовы только моряки. Благодаря их смелому и талантливому Наркому. Армии теряли связь, управление, попадали в окружение в первый же период войны».

(Из стенограммы выступления вице-адмирала-инженера Г.Г. Толстолуцкого на вечере памяти Н.Г. Кузнецова в ЦДЛ 28 января 1977 г.)

«Как отец отечественного современного Военно-Морского Флота и решительный борец за мощь Военно-Морских Сил, Николай Герасимович Кузнецов вел Морские Силы страны к победе во второй мировой войне, направляя их на необходимость

достижения морской силы далеко за пределами родных берегов… Мало сообщалось о подвигах советского Военно-Морского Флота во второй мировой войне, так как армия его страны разгромила врага в огромных и дорогостоящих танковых и пехотных сражениях. Но по своей роли советский ВМФ под его руководством на протяжении всей войны уничтожил сотни тысяч тонн общего тоннажа флота держав «оси», в основном это были немецкие транспортные и военные корабли».

(Из некролога на смерть Н.Г. Кузнецова в газете «Нью-Йорк таймс» от 9 декабря 1974 г.)

«С глубоким волнением я вспоминаю совместную работу и дружбу с Николаем Герасимовичем на протяжении многих, многих лет и особенно в годы 1943–1956. Я многому у него учился и очень уважаю как крупного руководителя Военно-Морского Флота в очень тяжелых условиях».

(Из письма академика А.И. Берга от 28 января 1977 г.)

ДИРЕКТИВА НАРКОМА ВМФ СССР Н.Г. КУЗНЕЦОВА ВОЕННЫМ СОВЕТАМ КБФ, СФ, ЧФ, КОМАНДУЮЩИМ ПИНСКОЙ И ДУНАЙСКОЙ ФЛОТИЛИЯМИ О ПЕРЕХОДЕ НА ПОВЫШЕННУЮ БОЕВУЮ ГОТОВНОСТЬ

№ зн/87 *21 июня 1941 г. 23.50*

Немедленно перейти на оперативную готовность № 1.
Народный комиссар Военно-Морского Флота Союза ССР

Адмирал **Кузнецов**

Согласно этой директиве Наркома ВМФ каждый в ВМФ от адмирала до краснофлотца знал, что ему надлежит делать.

(Из воспоминаний Адмирала Флота В.А. Касатонова)

«Остался в памяти приказ Верховного Главнокомандующего летом 1945 г. по случаю Дня Военно-Морского Флота… Я полагал, что в той обстановке правильнее было обнародовать его за подписью Верховного Главнокомандующего, дав в нем оценку действиям флотов формулировкой, согласно которой наш флот в годы Великой Отечественной войны «до конца выполнил свой долг перед Родиной»… Я представил приказ И.В. Сталину на подпись. Он несколько задержался на том месте, где давалась оценка действиям флота, но не сделал ни одного замечания или поправки. Приказ был издан. С одобрением и энтузиазмом воспринял его весь личный состав. Празднование нашего дня на

флотах в 1945 г. прошло с исключительным подъемом».

(Из воспоминаний Н.Г. Кузнецова)

«В довоенное время и особенно в период Великой Отечественной войны и в послевоенные годы я, по характеру возложенной на меня работы, имел возможность наблюдать всегда исключительно партийное, высококвалифицированное руководство со стороны Кузнецова Н.Г. всеми теми ответственными участками работы, которые поручались ему партией и правительством.

На передовой. Ленфронт. Северная Самарка. Нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов (третий справа). 13 ноября 1942 г.

Более чем уверен, что восстановление т. Кузнецова Н.Г. в звании, которого он необоснованно был лишен, и зачисление его в группу генеральных инспекторов при Министерстве обороны было бы, безусловно, справедливым и было бы с большим удовольствием воспринято всем знающим его личным составом Вооруженных Сил и особенно Военно-Морского Флота, большим и вполне заслуженным авторитетом которого он пользовался и пользуется поныне».

Маршал Советского Союза, член КПСС А. Василевский

(Из письма А.М. Василевского в секретариат ЦК КПСС от 9 апреля 1966 г.)

«Дружная работа А.М. Василевского и Н.Г. Кузнецова в Вооруженных Силах переросла в добрые отношения, которые продолжались и после отставки Н.Г. Кузнецова до его последнего

дня. В 1973 г., когда вышла книга «Дело всей жизни», Александр Михайлович подарил ее Николаю Герасимовичу. Отдельные ее страницы посвящены ВМФ страны и его руководителю — Н.Г. Кузнецову. А.М. Василевский сопроводил ее следующей дарственной надписью: «Глубокоуважаемый и дорогой Николай Герасимович! В знак глубочайшего уважения к тебе и в память о совместной работе прошу принять мои воспоминания о Великой Отечественной войне. С сердечным приветом и самыми добрыми пожеланиями, А. Василевский. 3 декабря 1973 г.

P.S. Вспоминаю, когда ты направлял мне свои книги — рекомендовал читать их на ночь. Сейчас я, направляя тебе эту книгу, считаю, что имею куда большее право на подобную рекомендацию. Твой А. В.

В одном из последних своих писем ко мне Александр Михайлович писал: «Я храню постоянную память о редкостном человеке, талантливейшем военачальнике, любимом друге Николае Герасимовиче, отдавшем все, что он мог, за свою жизнь, делу укрепления, развития и победы наших славных Вооруженных Сил».

(Из воспоминаний жены Н.Г. Кузнецова Веры Николаевны)

Главком ВМС Адмирал Флота Н.Г. Кузнецов и командование Северного Флота. 1945 г.

Заседание Потсдамской конференции. Н.Г. Кузнецов (третий справа). Июль 1945 г.

«Дорогой, Николай Герасимович. У меня сейчас большие дни — закончена работа над «Ушаковым», которая стала для меня неотрывной от мыслей о наших моряках. Совершенно особое место в этой работе заняли Вы. Впервые в жизни я сталкиваюсь с такой глубокой заинтересованностью, с такой огромной помощью, с таким неизменным человеческим и товарищеским вниманием, всегдашней готовностью поддержать, стать на защиту. В самую трудную минуту Вы приходили к нам на помощь, картина в значительной степени обязана Вам и своим успехом **и** даже самим существованием… Надеюсь, что мне когда-нибудь удастся отплатить Вам добром за добро, — может быть, еще одной морской картиной. Ваш Михаил Ромм»[25].

(Из письма к Н.Г. Кузнецову от 7 сентября 1953 г.)

«Хотел ты того или не хотел — ты оказался первым историографом ВМФ с позиций не только ведомственных, но и государственных: тем более, что noblesse oblige.

…Значение написанного тобой, будет расти с годами…»

(Из письма Адмирала Флота Советского Союза И. С. Исакова. Декабрь. 1965 г.)

«Наши дети жили в Ленинграде. В 1960 г. Николай учился уже в Высшем военно-морском училище им. Дзержинского, Владимир — в Нахимовском. Мы жили за городом летом и зимой. Сыновья навещали нас, приезжая на каникулы с друзьями. Мы полюбили наш домик с маленьким садом. Вставал Николай Герасимович рано. Пока я готовила завтрак, он, уже одетый в

простой старый костюм (к новым вещам привыкал долго) и в берете, не спеша прогуливался по самой длинной дорожке сада. Часто останавливался, осматривая стволы деревьев, и о чем-то думал, думал… К завтраку приходил свежий, оживленный. «Как хорошо, что мы живем здесь — какой воздух, какая тишина — можно о многом поразмышлять. Знаешь, когда я выхожу в сад, мне начинает казаться, что все у нас наладится, справедливость все-таки должна победить ложь. Мне даже кажется, что это скоро придет». В это время лицо его светилось. А мне почему-то казалось, что это он говорит для меня, чтобы я поверила».

(Из воспоминаний жены Н.Г. Кузнецова Веры Николаевны)

Министр Вооруженных Сил А.М. Василевский и Военно-Морской Министр Н.Г. Кузнецов в траурном карауле на похоронах И.В. Сталина. Март 1953 г.

В период командования 5-м ВМФ на Дальнем Востоке. Владивосток, 1950 г.

«Поначалу было тоскливо без наших сыновей. Николай Герасимович предложил: «Давай посадим три голубые елочки и назовем их именами сыновей. Так и сделали. Елочки выбрали маленькие, но разные по возрасту, как и наши дети. Мы ухаживали за ними и они стали быстро расти. Возле них, рядом с кустами сирени, Н.Г. часто усаживался в свое любимое плетеное кресло отдохнуть на часок.

Ему не надоедало смотреть, не отрываясь, на белок, перелетавших с ветки на ветку, или как дятел винтом поднимается вверх по сосне и неутомимо долбит клювом ее ствол. Н.Г. очень любил природу. Помню, в Крыму, когда мы отдыхали, мог целыми днями сидеть на берегу моря, не отрывая от него глаз, или часами бродить по Рижскому взморью, ходить по лесу. Когда я навещала его в санатории Барвиха, он, провожая меня, показывал какое-то особое заморское дерево, кажется, японскую березу. Около Н.Г. всегда образовывался круг отдыхающих, завязывались оживленные разговоры. Вообще он мало говорил — больше слушал. Но бывало, охотно вспоминал о событиях, рассказывал образно, увлекательно, о себе же старался умалчивать. Его доброжелательность, сердечность, теплый товарищеский тон располагали к нему.

Н.Г. любил рассказывать о былом флота, о пользе живописных полотен маринистов, помогавших расширить кругозор в военном искусстве. Помню, как он долго рассматривал картину «Севастополь» Верещагина, вслух называя старые редуты,

вспоминая, что теперь построено там. Охотно рассказывал о Севастополе, который знал хорошо, — о старинных пушках на Историческом бульваре, о развалинах знаменитого четвертого бастиона, куда приходил с особым чувством. Его душу будоражили образы дорогих и близких героев, описанных пером Л.Н. Толстого. Он цитировал его слова: «Не может быть, чтобы при мысли, что вы в Севастополе, не проникло в вашу душу чувство какого-то мужества, гордости и чтобы кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах». Любил он **и** маленькую картину «Ялта» Кондратенко, напоминавшую ему молодость. Такую Ялту он видел со своего крейсера «Червона Украина». Восторгался «Ночным Босфором» Айвазовского — тут ему напоминало многое о заграничных походах, трудностях проводки крейсера в этих местах».

(Из воспоминаний жены Н.Г. Кузнецова Веры Николаевны)

Семья Кузнецовых. Барвиха, 1972 г.

Послужной список Н.Г. Кузнецова

Работа в прошлом и служба в Вооруженных Силах СССР Героя Советского Союза, Адмирала Флота Советского Союза Николая Герасимовича Кузнецова[26].

Лето 1916 г. — лето 1918 г. Рассыльный в Управлении работ по улучшению Архангельского порта (г. Архангельск).

Осень 1918 г. — осень 1919 г. Работал в сельском хозяйстве матери.

Прохождение службы во флоте

13. 10. 1919 г. — 06. 12. 1920 г. Строевой в Северо-Двинской военной флотилии и курсант Центрального флотского экипажа в Петрограде.

06. 12. 1920 г. — 20. 05. 1922 г. Курсант в подготовительной школе при Военно-морском училище **в** Петрограде комсостава флота. (С 1925 г. — ВМУ им. М.В. Фрунзе).

20. 09. 1920 г. — 05.10. 1926 г. Курсант ВМУ им М.В. Фрунзе. По окончании его с отличием удостоен звания командира РККФ ВМС РККА (Приказ по РККФ № 516).

12. 10. 1926 г. — август 1927 г. Приказом № 579 назначен в Морские Силы Черного моря (МСЧМ). Вахтенный начальник крейсера «Червона Украина». Одновременно — командир первого плутонга (батареи) и командир строевой роты. Приказ № 427 начальника Морских Сил (НАМОРСИ).

Август 1927 г. — 01. 10. 1929 г. Старший вахтенный начальник крейсера «Червона Украина» — Приказ НАМОРСИ № 19.

01. 10. 1929 г. — 04. 05. 1932 г. Слушатель Военно-Морской академии в Ленинграде. Приказ НАМОРСИ № 64. Закончил академию с отличием.

05. 05. 1932 г. — 03. 11. 1933 г. Старший помощник командира крейсера «Красный Кавказ» на Черном море. Приказ РВС СССР № 360.

03. 11. 1933 г. — 15. 08. 1936 г. Командир крейсера «Червона Украина». Приказ РВС СССР № 08.

23. 08. 1936 г. — 15. 07. 1937 г. Военно-морской атташе и главный военно-морской советник, а также руководитель советских моряков-добровольцев в Испании.

15. 08. 1937 г. — 10. 01. 1938 г. Заместитель Командующего Тихоокеанским флотом. Приказ НКО № 3038.

10. 01. 1938 г. — 28. 03. 1939 г. Командующий Тихоокеанским флотом (ТОФ). Приказ НКО № 03.

13. 03. 1933 г. Член Главного военного совета ВМФ. Постановление СНК СССР.

22. 03. 1939 г. — 28. 04. 1939 г. Заместитель народного комиссара Военно-Морского Флота СССР (наркома ВМФ СССР) [27].

28. 04. 1939 г. — 21. 03. 1946 г. Народный комиссар ВМФ СССР. Председатель Главного военного совета ВМФ.[28]

31. 03. 1944 г. — 19. 02. 1947 г. Главнокомандующий Военно-Морскими Силами СССР. Директива Ставки ВГК № 220061 от 31.03[29]».

21.03. 1946 г. — 19. 02. 1947 г. Главнокомандующий ВМС — заместитель министра Вооруженных Сил. Постановление СМ СССР от 21.03 1946 № 629.

19. 02. 1947 г. — 08. 11. 1947 г. Начальник Управления Военно-морских учебных заведений (вмузов) в Ленинграде. Приказ ВМС от 19.02 1947 № 0153.

08. 11. 1947 г. — 08. 03. 1948 г. Будучи в распоряжении Главнокомандующего ВМС, Приказ ВМС от 08. 03 1948 г. № 0251, находился под следствием и был судим «судом чести», судом Военной коллегии Верховного Суда СССР вместе с адмиралами Л.М. Галлером, В.А. Алафузовым и ГА. Степановым.

08. 03. 1948 г. — 12. 06. 1948 г. Находился в распоряжении главнокомандующего ВМС СССР. Приказ ВМС от 08.03 1948 № 0251.

12. 06. 1948 г. — 20. 02. 1950 г. Заместитель главнокомандующего войсками Дальнего Востока по ВМС. Приказ по ВМС № 01120 от 12.06 1948.

20. 02. 1950 г. — 20. 07. 1951 г. Командующий 5-м Военно-морским флотом. Приказ по ВМС от 20.02 1950 № 0317.

20. 07. 1951 г. — 16. 03. 1953 г. Военно-Морской Министр СССР. Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 20.07 1951.

16. 03. 1953 г. — 08. 12. 1955 г. Первый заместитель министра обороны Союза ССР, главнокомандующий Военно-Морскими Силами. Постановление СМ СССР от 16.03 1953 № 783.

Май 1955 г. — октябрь 1955 г. Инфаркт. Находился на лечении[30]

08. 12. 1955 г. Снят с должности. Постановление Президиума ЦК КПСС (согласно протоколу № 172 и Постановлению СМ СССР № 2049-1108С от 08.12 1955).

08. 12. 1955 г. — 28. 02. 1956 г. В распоряжении кадров МО СССР. Снижен в воинском звании до вице-адмирала Указом Президиума ВС СССР от 17.02 1956.

28. 02. 1956 г. Уволен в отставку. Приказ министра обороны

от 28.02 1956 № 21.

Членство Н.Г. Кузнецова в выборных партийных и советских органах

Член КПСС с 1925 г.

Член бюро Обкома ВКП(б) Приморского края, г. Владивосток — 1938 г.

Член бюро Приморского крайкома ВКП(б), г. Владивосток — 1938 г.

Делегат на XVIII съезд ВКП(б) от Приморья — 1938 г.

Член ЦК ВКП(б) — с 1939 по 1956 г. Избран XVIII съездом партии.

Депутат Верховного Совета РСФСР с 1938 г.

Делегат на XIX съезд ВКП(б) (с решающим голосом) от Московской областной партийной организации в 1952 г.

Депутат Верховного Совета Союза ССР 1-го — 4-го созывов (1939–1956 гг.)

Воинские звания Н.Г. Кузнецова

Капитан 2 ранга[31]1935 г. Приказ НКО от 15.03.1936 г. № 01168.

Капитан 1 ранга[32]1936 г. Приказ НКО от августа 1937 г. № 3090.

Флагман 2 ранга 1938 г. Приказ от февраля 1938 г. № 090.

Флагман флота 2 ранга 1939 г. Постановление СНК СССР от апреля 1939 г. № 442.

Адмирал 1940 г. Постановление СНК СССР от 04.06.1940 г.

Адмирал Флота Советского Союза[33]1944 г. Постановление СНК СССР от 31.05.1944 г. № 260.

Контр-адмирал 1948 г. Постановление СМ СССР от 10.02.1948 г. № 283-114с, (пр. ВМС от 11.02 1948 г. № 012).

Вице-адмирал 1951 г. Постановление СМ СССР от 27.01.1951 г. № 257 (пр. ВММ № 16 от 28.01.1951 г.)

Адмирал Флота Советского Союза[34]1953 г. Постановление СМ СССР от 13.05.1953 г. № 1254-504с

Адмирал Флота Советского Союза[35]1955 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 03.03.1955 г,

Вице-адмирал 1956 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17.02 1956 г. (пр. МО от 18.02.1956 г. № 21).

Адмирал Флота Советского Союза[36]1988 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР № 9296-XI от 26.07.1988 г. (пр. МО от 28.07.1988 г. № 255).

Государственные награды Героя Советского Союза, Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова [37]

Награды и знаки отличия СССР

1.1932 г. Пистолет системы Коровина от НАМОРСИ[38]РККА с гравировкой на рукоятке: «Командиру-ударнику Николаю Герасимовичу Кузнецову за успешное окончание Академии».

2.1933 г. Почетная Грамота ЦИК СССР.

3.1933 г. Именные золотые часы наркома обороны СССР.

4.1934 г. Награжден орденом «Знак Почета» за успешные летние учения крейсера «Червона Украина».

5.1935 г. Автомобиль ГАЗ-А от наркома Тяжелой промышленности С.Г. Орджоникидзе.

6.1935 г. Орден «Красная Звезда» № 727. «За выдающиеся заслуги в деле организации подводных и надводных морских сил РККА и за успехи в боевой и политической подготовке краснофлотцев».

7.1937 г. Орден Ленина № 3414. «За активное участие в национально-революционной войне в Испании».

8.1937 г. Орден «Красного Знамени» № 940. «За активное участие в национально-революционной войне в Испании».

9.1939 г. Боевой Знак «Участник боев у озера Хасан» 05.06.1939 г.

10.1944 г. Орден Ушакова 1-й степени № 5. 27.06.1944 г. «За умелое и мужественное руководство боевыми операциями и за достигнутые успехи в результате этих операций в боях с немецко-фашистскими захватчиками».

11.1944 г. Орден «Красного Знамени» № 11020. 03.11.1944 г.

12.1945 г. Орден Ленина № 23507. 21.02.1945 г.

13.1945 г. Орден Ушакова 1-й степени № 17. 28.06.1945 г. «За образцовое выполнение боевых заданий».

14.1945 г. Медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза» № 8608.14.09.1945 г.

15.1945 г. Грамота Героя Советского Союза № 11727. 14.09.1945 г. с текстом: «За Ваш геройский подвиг и образцовое выполнение заданий Верховного Главнокомандования по руководству боевыми операциями флотов, в т. ч. Тихоокеанского флота и достигнутые в результате этих операций успехи».

16.1945 г. Орден Ленина № 54389.

17.1950 г. Орден «Красного Знамени» № 3-5935. 15.11.1950 г.

«За долголетнюю и безупречную службу в Вооруженных Силах СССР».

18.1952 г. Орден Ленина № 216081. 23.07.1952 г. «За заслуги перед государством».

19.1955 г. Особая Грамота Президиума Верховного Совета СССР о вручении маршальского знака отличия «Бриллиантовая Звезда». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 03.03.1955 г.

20. Маршальский знак отличия «Бриллиантовая Звезда». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 03.03.1955 г.

21.1938 г. Юбилейная медаль «XX лет РККА».

22.1944 г. Медаль «За оборону Москвы» № 008595. 01.05.1944 г.

23.1944 г. Медаль «За оборону Кавказа» № 000013. 01.05.1944 г.

24.1945 г. Медаль «За победу над Германией» № 947. 09.05.1945 г.

25.1945 г. Медаль «За победу над Японией». 30.09.1945 г.

26.1948 г. Юбилейная медаль «30 лет Советской Армии и Флота». 20.02.1948 г.

27.1958 г. Юбилейная медаль «40 лет Вооруженных Сил СССР».

28.1965 г. Медаль «XX лет Победы в Великой Отечественной войне».

29.1967 г. Юбилейная медаль «50 лет Вооруженных Сил СССР». 27.12.1967 г.

Иностранные награды

30.1945 г. Медаль «За освобождение Кореи».

31.1945 г. Командорский крест ордена «Возрождение Польши» 3-го класса (ПНР).

32.1946 г. Орден «Крест Грюнвальда» 1-го класса (ПНР) № 11870 21.05.1946 г.

33.1946 г. Орден «Командорский Крест» (ПНР). 21.05.1946 г.

34.1946 г. Орден «Партизанская Звезда» 1-й степени (СФРЮ) № 890. 08.06.1946 г.

35.1946 г. Орден «Народного Освобождения» (СФРЮ) № 356. 08.06. 1946 г.

36.1967 г. Медаль «За Вашу и Нашу свободу». 19.02.1967 г.

37.1972 г. Орден «За боевые заслуги» (МНР) № 2695. (присвоен раньше, выдан с запозданием).

Наградное оружие от воинских и гражданских коллективов[39]

1.10.11.1942 г. Награжден пистолетом «Браунинг-Ш» № 1839 с кобурой и ремнем (с металлической накладкой и гравировкой: «Наркому ВМФ Адмиралу Кузнецову Н.Г. от эскадры КБФ».

2.1942 г. Награжден пистолетом системы «Парабеллум-Ш» № 5558 (с металлической накладкой и гравировкой: «Наркому ВМФ Адмиралу Кузнецову Н.Г. от моряков 3-й Гвардейской бригады 1941–1942»).

3.1944 г. Награжден кортиком от трудящихся г. Златоуста.

4.1945 г. Награжден опытным образцом пистолета «Балтиец» № 2 с металлической накладкой и надписью: «Наркому ВМФ Адмиралу флота Кузнецову Н.Г. от коллектива Завода № 1811».

5.1945 г. Награжден пистолетом «Браунинг» — Бельгия (№ 1080051).

Постановление № 64 ˚СНК СССР «О присвоении воинского звания Адмирала Флота Кузнецову Николаю Герасимовичу»[40]

31 мая 1944 года

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет: присвоить установленное Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 7 мая 1940 г. воинское звание Адмирала Флота Кузнецову Николаю Герасимовичу.

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР И. Сталин

Управляющий делами Совнаркома СССР Я. Чадаев

Москва, Кремль

Указ Президиума Верховного Совета СССР о воинском звании Адмирала Флота[41]

3 марта 1955 года

1. Во изменение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1940 г. к установленному этим Указом воинскому званию Адмирал Флота добавить слова: Советского Союза. В соответствии с указанной поправкой впредь Адмирала Флота называть Адмирал Флота Советского Союза.

2. Установить, что лицам, коим присвоено воинское звание Адмирал Флота Советского Союза, вручается знак отличия «Маршальская звезда», учрежденный Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 сентября 1940 года.

3. Одновременно со знаком отличия «Маршальская звезда» Адмиралу Флота Советского Союза вручается особая Грамота Президиума Верховного Совета СССР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Ворошилов

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Н. Пегов
Москва, Кремль

Оценка Верховным Главнокомандующим роли ВМФ в Великой Отечественной войне[42]

Войскам Красной Армии и Военно-Морскому Флоту СССР в связи с празднованием Дня ВМФ
№ 37122 июля 1945 г.

В Великой Отечественной войне советского народа против фашистской Германии Военно-Морской Флот наше го государства был верным помощником Красной Армии.

В войне против СССР фашистская Германия, пользуясь внезапностью нападения и имея сильную армию, стремилась в короткий срок разбить нашу армию и наш флот. Силами армии во взаимодействии со своей авиацией и Военно-Морским Флотом немцы хотели также достигнуть господства на море.

Как известно, на суше и на море планы германских стратегов полностью провалились. Красная Армия совместно с союзниками наголову разбила гитлеровскую армию и заставила ее капитулировать.

В период обороны и наступления Красной Армии наш флот надежно прикрывал фланги Красной Армии, упиравшиеся в море, наносил серьезные удары по торговому флоту и судоходству противника и обеспечил бесперебойное действие своих коммуникаций. Боевая деятельность советских моряков отличалась беззаветной стойкостью и мужеством, высокой боевой активностью и воинским мастерством. Моряки подводных лодок, надводных кораблей, морские летчики, артиллеристы и пехотинцы восприняли и развили все ценное из вековых традиций русского флота.

На Балтийском, Черном и Баренцевом морях, на Волге, Дунае и Днепре советские моряки за четыре года войны вписали новые страницы в книгу русской морской славы. Флот до конца выполнил свой долг перед советской Родиной.

Товарищи краснофлотцы, старшины и офицеры!

Советский народ хочет видеть свой флот еще более сильным и могучим. Наш народ создаст для флота новые боевые корабли и новые базы. Задача флота заключается в том, чтобы неустанно готовить и совершенствовать кадры моряков, полностью освоить боевой опыт Отечественной войны, еще выше поднять морскую культуру, дисциплину и организованность в своих рядах.

Поздравляю вас с Днем Военно-Морского Флота Союза ССР!

Да здравствует Военно-Морской Флот Советской державы и его героические моряки!

Верховный Главнокомандующий
Генералиссимус Советского Союза И. Сталин

Хронология основных событий жизни, государственной и общественной деятельности Адмирала Флота Советского Союза Кузнецова Николая Герасимовича [43]

1904 г.[44]

24 (11) июля — родился Н.Г. Кузнецов в дер. Медведки Котласского района Архангельской обл. В книге церковного прихода за 1904 г. записано: «В деревне Медведки сего прихода и волости у казенного крестьянина Герасима Федоровича Кузнецова и законной жены его Анны Ивановны, оба православные, родился сын Николай 11 июля 1904 г.»

С 1912 по 1915 гг. — учился в Церковно-приходской школе. Окончил три класса.

1915 г.

Июль — умер отец Герасим Федорович Кузнецов. «Никогда не забуду: «Иди домой», — сказала мне соседка, и я почему-то сразу понял, что случилось что-то непоправимое. «Умер то не вовремя, в самую страдную пору», — слышал я, когда мы двигались к деревне Выставка, где церковь Троицы. С горы спускалось кладбище, на нем в зеленом холмике давно уж он лежит» (Кузнецов Н.Г. Накануне. М., 1990. С. 9).

1916 г.

Лето — мать отдала 12-летнего сына в «люди» в чайную купца Попова в Котласе, откуда его вскоре забрал дядя Павел Федорович Кузнецов и увез к себе в Архангельск помогать по хозяйству и учиться. Год учился вместе с сыном дяди в школе.

1917 г.

Лето — уехал в деревню помогать матери по хозяйству.

С осени *1917 по 1918 г.* — поступил (по совету товарища и с согласия дяди) на службу рассыльным в Управление работ по улучшению Архангельского порта. «По моему росту мне всегда давали на 2–3 года больше, поэтому меня приняли на работу без больших расспросов, убедившись, что я отлично знаю город, а, стало быть, в состоянии выполнять работу рассыльного» (Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 10).

1918 г.

Июнь — уехал в деревню помогать матери по хозяйству.

Осень — поступил работать на деревенскую мельницу, так как в Архангельск вернуться не удалось в связи с высадкой там в июле интервентов, создавших свою военную флотилию и устремившихся к Котласу.

1919 г.

Осень — мать отвезла Николая в Котлас к брату, бывшему кронштадтскому матросу, а теперь осмотрщику вагонов на железной дороге Дмитрию Ивановичу Пьянкову. Дядя обещал пристроить парня в депо, сказал «жди» и уехал в рейс. Николай познакомился на пристани с военным моряком, посоветовавшим ему идти во флотилию. «Не забудь взять справку о годе рождения, тебе, видно, лет 17». Вот тогда я и прибавил себе два года, упросив в сельсовете написать справку с 1902 годом рождения» (Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 11).

13 октября — поступил на военную службу в Северо-Двинскую флотилию, готовый немедленно идти в бой. «Но начальник усадил меня, как более грамотного, перестукивать на грохочущем «Ундервуде» секретные и совершенно секретные донесения с фронта. Только к концу года я выпросился на канонерскую лодку в боевой экипаж» (Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 11).

Конец года — зачислен краснофлотцем. В составе флотилии участвовал в гражданской войне.

1920 г.

21 февраля — освобожден Архангельск. Северо-Двинскую флотилию расформировали. Николая в числе молодых матросов оставили продолжать службу сначала в Мурманске, затем в Архангельске. Прошел шестимесячную строевую подготовку.

Осень — переведен в Петроград и зачислен в Центральный флотский экипаж.

С *06.12.20 по 20.05.22* — учился в подготовительной школе при училище. Чтобы убедить приемную комиссию в искреннем желании учиться морскому делу, приписывает на заявлении: «Обязуюсь прослужить на флоте сверх обязательного срока, за каждый месяц обучения в школе — полтора месяца. Желаю изучить английский язык».

1921 г. — вступил в комсомол.

1922 г.

С *20 сентября* — переведен в Военно-морское училище. Курсант. «Итак, моя мечта — навсегда связать свою судьбу с флотом — обрела реальность. Желтое здание бывшего Морского корпуса стало моим домом…» (Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 12).

(В 1922 г. училище командного состава флота было

переименовано в Военно-морское училище. В 1926 г. ему было присвоено имя М.В.Фрунзе. В 1936 г. оно стало Краснознаменным, награждено почетным революционным Красным Знаменем ЦИК СССР. В 1939 г. переведено в разряд высших учебных заведений. — Прим. сост.).

С *15 августа по 12 сентября* — в практическом плавании на крейсере «Аврора».

1924 г.

Январь — в числе подразделения моряков-курсантов, входивших в питерскую делегацию, участвовал в похоронах В.И. Ленина. Возвратясь в училище, подал заявление о вступлении в ряды ВКП(б). Принят кандидатом в члены ВКП(б).

Со 2 *июня по 1 сентября* — во втором практическом плавании на крейсере «Аврора» вокруг Скандинавии с заходами в порты Швеции и Норвегии: Гетенберг, Берген, Трондгейм и более длительными стоянками в наших портах Мурманске и Архангельске.

1 октября — «временно допущен к исполнению обязанностей командира отделения. Из учебной характеристики того времени: «Развитие выше среднего. Курс усваивает легко. Решителен, выдержан… Говорит коротко, толково, командирским языком. Связно, сжато и грамотно излагает мысль письменно… Был перегиб: изучал два языка в ущерб остальному, теперь поправился… Трайнин».

1925 г.

Принят в члены ВКП (б).

С 16 мая по июнь — в практическом плавании на канонерской лодке «Красное Знамя».

С 22 *июня по 6 сентября* — на практических занятиях в Петергофской морской базе.

14 октября — назначен командиром 1-го отделения 1-го взвода роты «А» первого курса нового набора.

31 октября — скончался нарком по Военным и Морским делам М.В. Фрунзе. Послан в Москву вместе с курсантами роты в составе ленинградской делегации на похороны М.В. Фрунзе, наркомом назначен К.Е. Ворошилов.

1926 г.

С *20 мая по 25 сентября* — в практическом плавании на линкоре «Парижская Коммуна». Из аттестации на корабельного курсанта Н. Кузнецова: «Очень способный, общее развитие хорошее. Выдержан. Спокоен. Инициативен. Здоров. Выправка хорошая. Специальная подготовка отличная. Политическая подготовка хорошая. Будет хорошим артиллеристом».

5 октября — закончил ВМУ им. М.Ф. Фрунзе с отличием и с

правом выбора флота. Приказом по РККФ № 5/6 удостоен звания командира РККФ с зачислением в средний строевой командный состав ВМС РККА. От запроса начальника штаба Морских Сил Балтфлота Л.М. Галлера служить при штабе МС Балтфлота отказался. Изъявил желание служить на Черном море, на крейсере «Червона Украина». «Итак, я изменил Балтике с ее линкорами и избрал Черное море и крейсер «Червона Украина», строительство которого началось еще перед революцией и закончилось только в 20-х годах» (Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 29).

12 октября — приказом по РККФ № 579 назначен в Морские Силы Черного моря (МСЧМ) и направлен в распоряжение начальника штаба МСЧМ.

27 *октября* — приказом по РККФ № 427 Наморси (начальника морских сил) назначен вахтенным начальником крейсера «Червона Украина». Кроме основной должности, ему вменены обязанности командира первого плутонга (батареи) и командира строевой роты, исполнял обязанности по август 1927 г.

Октябрь — выехал в г. Николаев, где на судостроительном заводе находился крейсер. «Спустя полгода на флагштоке «Червоной Украины» взвился Военно-морской флаг — наш корабль стал военным кораблем. Постоянно на наших глазах и при нашем участии новый крейсер становился более слаженным организмом. Начались учебные стрельбы из пушек и торпедами. Мы совершали длительные плавания. Два года спустя «Червону Украину» можно было уже считать боевым кораблем… На «Червоной Украине» я понял, что подготовка хороших опытных командиров — сложный, длительный процесс. Чем стремительнее развивается техника, тем короче сроки постройки корабля. Зато подготовка офицеров становится более продолжительной: ведь им приходится осваивать более сложную технику.»

1927 г.

С *августа 1927 г. по 1 октября 1929 г.* — приказом № 19 Наморси Черного моря назначен старшим вахтенным начальником крейсера. В очередной аттестации появилась запись: «Заслуживает продвижения во внеочередном порядке».

12 сентября — поход в Сочи с командующим флотом В.М.Орловым и членом военного совета Г.С.Окуневым. «Вышли мы в ночь на 12 сентября. Не успели скрыться маяки Южного берега Крыма, и Ялта еще находилась в траверзе крейсера, как нас сильно тряхнуло, корабль будто выскочил на камни или ударился о какой-то тяжелый предмет. «Стоп машины!» Что случилось? Ответа никто не мог дать. Вскоре пришло известие: в Крыму землетрясение. На следующий день корабль отдал якорь

на открытом сочинском рейде. На корабль прибыл начальник Морских Сил Р.А. Муклевич, и «Червона Украина» взяла курс на Крым». (Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 41).

1928 г.

С 27 мая по 3 июня — поход в Стамбул. «Нам предстояло встретить и эскортировать яхту «Измир», на которой из Стамбула возвращался падишах Афганистана Аманулла-хан, посетивший нашу страну и Турцию…3 июня готовились выйти из Стамбула… Возник пожар у котла… Долгое время пожар у действующего котла служил темой для тренировок и внезапных учений, которые устраивали на корабле» (Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 38).

1929 г.

26 июля — поход в Сочи. На борту крейсера в сопровождении командующего Черноморским флотом В.М. Орлова и члена военного совета Г.С. Окунева — И.В. Сталин и С. Орджоникидзе с дочерью.

С *1 октября 1929 г. по 4 мая 1932 г.* — учился в военно-морской академии им. К.Е. Ворошилова. «В военно-морской академии мы получили солидное оперативно-тактическое образование, основательно изучили многие проблемы будущей войны на море. Именно в стенах академии нам привили правильные взгляды на роль флота в обороне нашей Родины. Исходя из единой для всех Вооруженных Сил стратегии, мы ясно стали видеть место флота как одного из видов Вооруженных Сил» (Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 48, 55).

За время учебы в академии изучил немецкий и французский языки.

1931 г.

Использует очередной отпуск в плавании на торгово-пассажирском судне в Кильскую бухту, Гамбург, Гулль, Лондон.

1932 г.

4 мая — закончил академию с отличием и с правом выбора моря. Награжден Наморси РККА пистолетом системы Коровина с надписью: «Командиру-ударнику Николаю Герасимовичу Кузнецову за успешное окончание академии».

С *5 мая 1932 г. по 3 ноября 1933 г.* — старший помощник командира крейсера «Красный Кавказ» на Черном море (приказ РВС СССР № 365). «Крейсер «Красный Кавказ» — совершенно новый, проходящий испытания. На нем было установлено качественно новое все — от корабельной радиотрансляции до артиллерии…» (Королев В. Герои великого океана. Владивосток, 1967, С. 286).

18 сентября — родился сын Виктор. (Н.Г. Кузнецов был женат дважды. Первый брак не сложился).

Кампания 1932 г. — служба на крейсере. По итогам кампании в аттестации записано: «Проявляет любовь и заботу к крейсеру. В походной обстановке вынослив… Оставить в должности ст. помощника ввиду короткого практического стажа для накопления опыта, после чего может быть повышен в категории… Должности вполне соответствует. Ралль, Лаухин, Душенов, Гугин».

К обязательным качествам старпома Н.Г. Кузнецов относил: умение не терять равновесия, быть строгим, сочетать строгость с поощрительными мерами, не унывать, когда не клеится дело, бодрость духа и хорошее настроение должны чувствоваться во всех распоряжениях старпома. У старпома должны быть крепкие нервы.

Командир крейсера «Красный Кавказ» А.М. Гущин, вспоминал: «…Установленный порядок на корабле долгие годы сохранялся. Старпомовская закалка помогала мне в боевых условиях… Даже после войны на крейсере я наблюдал, как установившиеся традиции еще жили на нем, передавались от одного состава команды к другому».

Год потребовался старпому, чтобы команда крейсера превратилась в дружный сплоченный боевой коллектив, способный четко действовать в любых сложных ситуациях. В 1933 г. крейсер вошел в состав боевого ядра Черноморского флота. Штаб флота при его проверке установил, что организация службы на крейсере отработана значительно лучше, чем на других кораблях, учитывая при этом особую заслугу старшего помощника командира крейсера.

1933 г.

Кампания 1933 г. — совершает длительные походы в Турцию, Грецию, Италию. Из аттестации 1933 г.: «заслуживает продвижения по службе во внеочередном порядке. — Командир крейсера «Красный Кавказ» Н.Ф. Заяц. 23.11.33».

Осень 1933 г. — осенние флотские учения. *С ноября 1933 по 15.08.36 г.* — командир крейсера «Червона Украина». Назначен приказом № 08 РВС СССР. С *осени 1933 по осень 1934 г.* — под руководством и при деятельном участии командира крейсера разработана система боевой готовности одиночного корабля, принятая позже на всех флотах СССР; отработан метод экстренного прогревания турбин, принятый на всех флотах, позволивший готовить турбины вместо 4 часов за 15–20 минут, отработаны стрельбы главного калибра на самых больших скоростях хода крейсера и на предельной дальности обнаружения цели. На крейсере начато движение «Борьба за первый залп». Чисто артиллерийское понятие «первый залп» превратилось в общефлотское, стратегическое, позволившее значительно

повысить боеготовность соединений ВМФ и распространившееся на все флоты СССР; впервые артиллеристы стали использовать самолет для корректировки невидимой цели. «На флоте многие заговорили о методах организации боевой подготовки «по системе Кузнецова», — писала газета «Красный флот», — только сам командир утверждал, что он ничего нового не создал».

1934 г.

Осень — награжден орденом «Знак Почета» за успешные летние учения крейсера «Червона Украина».

1935 г.

Вывел крейсер «Червона Украина» на первое место в Морских Силах СССР.

Сентябрь — награжден легковой автомашиной ГАЗ-А С.Г. Орджоникидзе, совершившим поход на крейсере.

Ноябрь — командующий флотом И.К. Кожанов подверг крейсер всесторонней проверке, приказал обеспечить экстренный прогрев турбин, выход в море по тревоге, проверил организацию службы на общекорабельном учении, имитируя бой с противником и получение «тяжелых повреждений», с которыми предстояло бороться личному составу. Команде пришлось отражать атаки самолетов, ликвидировать последствия «попадания торпеды в правый борт», бороться с пожаром в носовом отсеке, провести боевые стрельбы по щиту и конусу, буксируемому самолетом. По окончании учений получил личную благодарность командующего, объявленную также и всей команде.

7 *ноября* — газета «Красная Звезда» публикует статью командующего Черноморским флотом И.К. Кожанова «Капитан 1 ранга» о Н.Г. Кузнецове, в которой он называет его «самым молодым капитаном 1 ранга всех морей мира».

23 декабря — награжден орденом Красной Звезды (№ 727) постановлением ЦИК СССР «За выдающиеся заслуги в деле организации подводных и надводных морских сил РККА и за успехи в боевой и политической подготовке краснофлотцев» (за первое место по всем видам боевой подготовки крейсера «Червона Украина»). Орден вручен в Кремле 17 февраля 1936 г.

1936 г.

С 23 августа 1936 г. по 15 июля 1937 г. — военно-морской атташе и главный военно-морской советник, а также руководитель советских моряков-добровольцев в Испании: «На республиканский флот легла немалая задача: конвоировать транспорта, оберегать их от нападения кораблей противника. Эскадра постоянно находилась в море. Моряки проявляли настоящее мужество, но об этом не писали в газетах. Молчало

радио, и совсем немногие знали, что всей сложной и важной работой, от которой в значительной степени зависит исход борьбы, негласно руководил русский товарищ Н.Г. Кузнецов» (Королев В. Указ. соч. С. 290).

1937 г.

3 января — награжден орденом Ленина (№ 3414) постановлением ЦИК СССР «За активное участие в национально-революционной войне в Испании». Орден вручен в Москве 17 июля 1937 г.

21 июня — награжден орденом Красного Знамени (№ 940) постановлением ЦИК СССР «За активное участие в национально-революционной войне в Испании». Орден вручен в Москве 17 июля 1937 г.

15 июля — вернулся из Испании в Москву.

С *15 июля по 15 августа* — отпуск в Сочи.

С *15 августа 1937 г. по 10 января 1938 г.* — заместитель командующего Тихоокеанским флотом (пр. НКО № 3088).

30 *декабря* — постановлением ЦИК и СНК СССР создан наркомат ВМФ СССР.

1938 г.

С 10 января 1938 г. по 28 марта 1939 г. — командующий Тихоокеанским флотом (пр. НКО № 03).

2 февраля 1938 г. — присвоено воинское звание флагман 2 ранга постановлением ЦИК СССР № 090.

2 февраля — награжден «Юбилейной медалью XX лет РККА».

Начало марта — избран делегатом на XVIII съезд ВКП(б) на 1-й краевой партийной конференции Приморья. «Мы, находящиеся на передовой линии, должны решать вопросы культурного и хозяйственного строительства таким образом, чтобы они были тесно увязаны с вопросами укрепления обороноспособности нашего края, обороноспособности Советского Союза в целом», — сказал в выступлении перед избирателями Н.Г. Кузнецов.

13 марта — введен в состав созданного при наркомате ВМФ Главного военного совета ВМФ (постановлением СНК СССР).

Май — выдвинут кандидатом в депутаты РСФСР по Приморскому избирательному округу горняками шахты № 2 ˚Сучана.

Избран депутатом Верховного Совета РСФСР (первого созыва) от Приморского избирательного округа Дальневосточного края, избран членом Президиума Верховного Совета РСФСР (деп. бил. № 134).

3 *июня* — открыл 3-ю партийную конференцию Тихоокеанского флота во Владивостоке. Выступил с докладом «Об

итогах и задачах боевой и политической подготовки кораблей, частей и соединений флота».

29 июля — 11 августа — конфликт у о. Хасан. Ускоряет переброску военных частей и грузов морем в район Посьетта, организует перевозку раненых.

1 августа — отправляется вместе с маршалом В.К. Блюхером на эсминце на место боев.

С *самого начала конфликта* флот принимал меры предосторожности, заботился о каждом корабле, воинской части, о городе и его жителях.

Разгар боев — дает кораблям и частям первые директивы по оперативной готовности. Трудным оказалось быстрое рассредоточение кораблей, много времени занимало затемнение баз. Для повышения боевой готовности сделано было еще мало, требовались постоянные тренировки, быстрое выполнение всех предупредительных мер.

7 *ноября* — гибель на ТОФ нового эсминца «Решительный».

Декабрь — вызван в Москву на заседание ГВС ВМФ, состоявшееся в Кремле с участием членов Политбюро.

19 декабря — выступил на ГВС ВМФ, говорил о необходимости высокой боевой готовности флотов, об организации противовоздушной обороны кораблей по опыту войны в Испании. Поставил вопросы: о необходимости вывода из Владивостока торгового порта в бухту Находка и превращения города в закрытую военную базу; доказал невиновность командира погибшего эсминца «Решительный» С.Г. Горшкова, говорил о необходимости подготовки кадров для будущих кораблей по опыту и порядкам, существующим на иностранных флотах, и о сверхсрочниках.

1939 г.

3 *января* — Президиум Верховного Совета СССР утвердил новый текст военной присяги для Красной Армии и ВМФ и новое положение о порядке ее принятия.

23 февраля — принял одним из первых на ТОФ, присягая, как и все военные моряки, Родине на верность, присягу: «Я всегда готов по приказу Советского правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик, как воин Вооруженных Сил, клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для победы над врагом».

13марта — женился на Вере Николаевне Шетохиной, 1916 г. рождения, потомственной москвичке. После окончания трудовой школы в 1932 г. Вера Николаевна поступила работать копировщицей в конструкторское бюро МГЭС, где мастером

работал ее отец Шетохин Н.В. В 1933—35 гг. училась по этой специальности в учебном комбинате им. Милютина на Арбате. В МГЭС Вера Николаевна готовилась учиться дальше — в химико-энергетическом институте, прослушала специальный курс лекций. В 1937 г. Вера Николаевна перешла работать в ГМШ ВМФ в конструкторское бюро на должность чертежника-конструктора и работала здесь до 1939 г. После замужества Вера Николаевна оставила службу. Она уезжала на Дальний Восток по месту службы мужа навсегда. Поездка оказалась для нее чудесным подарком судьбы — свадебным путешествием, оставившим приятные воспоминания на всю жизнь. Очень скоро она возвращалась в Москву к новому месту службы мужа.

17 марта — выступил на XVIII съезде ВКП(б): «… Современные средства борьбы на море исключительно сложны и разнообразны… Мы должны иметь сильный морской флот, который должен служить нам опорой мира… Исходя из этого, мы должны строить различные классы кораблей применительно к нашим морским театрам и применительно к возможному противнику… В дни Хасанских боев мы убедились, насколько крепка связь частей флота с частями нашей Красной Армии и населением Дальнего Востока. Эту связь мы будем укреплять и углублять дальше… Мы должны еще крепче нажать на боевую подготовку… Противника на Дальнем Востоке мы не боимся, но которого недооценивать было бы опасно… Мы не увлекаемся успехами, мы работаем и учимся и готовы бить врага, если он полезет. У нас в Приморье есть Сучанская долина, которая, кроме угля, славится еще незабудками. И когда японцы захватили в 20-х годах Приморье, они говорили, что пришли, дескать, рвать сучанские незабудки. Но если японская военщина забыла, как их били на Хасане, и если они все же будут забывать и попытаются прийти морем или по суше, то сучанские и вообще советские дальневосточные незабудки действительно будут для них незабываемыми…»

Март — избран в состав ЦК ВКП(б) (чл. бил. № 32. Членом ЦК был до 1955 г.).

С *28 марта по 5 апреля* — по заданию правительства выехал с А.А. Ждановым на Дальний Восток для окончательного заключения о целесообразности строительства в бухте Находка большого торгового порта и перевода туда торгового флота из Владивостока.

27 *апреля* — правительство утвердило решение о переносе торгового флота из Владивостока в Находку.

27 *апреля* — открыл заседание ГВС НК ВМФ. Поставил вопрос о подготовке кадров для флота и кадрах флота вообще, в связи с

чем потребовал:

пересмотреть процесс подготовки кадров, особенно рядового и младшего начальствующего состава;

повысить качество боевой подготовки рядового и младшего начальствующего состава, удлинить сроки службы на флоте, в БО и в ВВС;

повысить заработную плату личному составу в связи с увеличением срока службы;

создать новое положение о прохождении службы рядовым и младшим начальствующим составом;

установить на кораблях и в частях процент сверхсрочнослужащих к штатам;

пересмотреть нормы снабжения личного состава ВМФ обмундированием;

установить систему подготовки и обучения рядового и младшего начальствующего состава.

28 апреля — назначен народным комиссаром ВМФ СССР Указом Президиума ВС СССР. «Когда в 1939 г. Кузнецов был назначен наркомом ВМФ СССР, моряки-тихоокеанцы сожалели, что расстаются с таким чутким и любимым руководителем, и в то же время понимали, что под его руководством флот будет в надежных руках». («Красный черноморец», 17 янв. 1946 г.). «Наш флотский наркомат существовал второй год, а во главе его уже перебывало несколько руководителей случайных и менее случайных, — но никто из них не оставил после себя заметного следа. Исключением являлся флагман флота 2 ранга Н.Г. Кузнецов. Он оказался на месте — думающий, уверенный, отлично знающий флот и его людей» (Пантелеев Ю.А. Полвека на флоте. М., 1974. С. 124).

Апрель — присвоено воинское звание «флагман флота 2 ранга» постановлением СНК СССР № 442 (соответствовало званию «адмирал» в шкале званий, введенных в ВМФ в 1940 г.).

В первые месяцы работы в новой должности:

издал приказ о восстановлении кают-компании, как места встреч офицерского состава;

разрешил специальной директивой всем командирам соединений, дивизионов, кораблей 1 и 2 ранга, не имеющим академического образования, но желающим получить его, направлять свои рапорты начальнику ВМА или наркому ВМФ непосредственно;

приказал передать Центральную библиотеку ВМФ в ведение Центрального Военно-Морского музея и перевести ее вместе с музеем из здания Главного адмиралтейства в здание бывшей фондовой биржи в связи с неблагоприятным положением с

кадрами, средствами, помещением, не позволявшим Центральной библиотеке ВМФ полноценно развернуть работу;

принял решение выделить из состава картотипографии ГУ ВМФ и передать в непосредственное подчинение начальника управления Военно-Морского издательства типографию в составе всех типографских цехов с их оборудованием, помещениями и личным составом. Картография ГУ ВМФ в составе только картоиздательских цехов была переименована в картографию ГУ ВМФ, а с апреля 1941 г. — в картофабрику ГУ ВМФ.

Май — под флагом наркома состоялись большие учения Черноморского флота. По результатам в Доме флота в Севастополе проведен разбор учений. Нарком подробно проанализировал действия кораблей, соединений и флота в целом, поставил перед командным составом задачи на ближайшее будущее — добиться высокой организации, дисциплины, отличной морской выучки, знать в совершенстве вверенную технику и уметь ее использовать. Провел осмотр кораблей Черноморского флота, начав его с трюмного помещения крейсера «Красный Кавказ».

Весна — потребовал перенести Главную базу Балтийского флота (БФ) ближе к устью Финского залива — в Таллин. Пребывание штаба флота в Кронштадте усложняло управление БФ. Теперь у КБФ театр действий становился обширнее с базами в Лиепае, Риге, Таллине, Ханко. Открываются новые причалы, батареи, склады.

5 *июня* — награжден медалью «Участник Хасанских боев 1938 г.» в соответствии с постановлением Президиума ВС СССР.

Май — июнь — по предложению наркома Правительство приняло решение о приеме на службу на кораблях неограниченного процента сверхсрочников, об улучшении их обеспечения и оплаты.

22 июня — по предложению наркома принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) об установлении и праздновании ежегодного Дня Военно-Морского Флота СССР в каждое последнее воскресенье июля.

24 июля — впервые в стране отмечался День Военно-Морского Флота СССР. На торжественном собрании актива общественных организаций Москвы в Зеленом театре ЦПКиО им. Горького нарком ВМФ выступил с докладом. В этот же день Н.Г. Кузнецов провел в ГМШ совещание командования, где выступил с предложениями по созданию на флоте такой организации службы, которая позволила бы изготовить корабли к бою в кратчайший срок, даже в случае внезапного нападения противника.

27 июля — в Кремле устроен прием для командования всех флотов и флотилий в честь Дня Военно-Морского Флота.

Конец июля — под флагом наркома на Балтике состоялись большие учения КБФ. В Кронштадте в составе эскадры на линкоре «Октябрьская Революция» нарком вышел в поход, в ходе которого одно учение следовало за другим. По результатам состоялся разбор в Доме флота, на котором с анализом учений выступил нарком ВМФ. Также он рассказал о разработке в наркомате ВМФ и в ГМШ системы 3-х степеней оперативной подготовки на случай внезапного нападения.

12–20 августа — участвует в совещании трех держав: СССР, Англии и Франции в Москве в качестве члена советской военной делегации. В ходе переговоров готовит и представляет начальнику Генерального штаба данные о состоянии флотов Англии, Франции и Германии.

1 сентября — Указом Президиума ВС СССР принят Закон о всеобщей воинской обязанности и о пятилетнем сроке службы краснофлотцев на кораблях, четырехлетнем — в частях связи и береговой артиллерии.

15 сентября — назначает приказом № 364 флагмана 1 ранга Г.А.Степанова начальником Военно-морской академии, подчинив ее непосредственно наркому ВМФ. Освобождает от совместительства по должности начальника ВМА, первого заместителя наркома ВМФ флагмана 2 ранга И.С. Исакова. Приказывает представлять лично наркому ВМФ учебные планы и программы, планы НИР и отчеты.

16 сентября — приказывает заместителю начальника ГМШ В.А. Алафузову выехать на Днепровскую флотилию для организации ее участия в действиях в погранрайонах Белоруссии и Украины.

Вторая половина сентября — выехал на Северный флот для составления и обсуждения с военным советом и штабом СФ более целенаправленных, соответствующих международной обстановке планов боевой подготовки.

Сентябрь — внес предложение начальнику Генерального штаба Б.М. Шапошникову и И.В. Сталину о необходимости и целесообразности перевода Главной базы Днепровской флотилии в Пинск. Предложение было принято, начаты переговоры с буржуазными правительствами Эстонии, Латвии и Литвы о возможности размещения на их территории наших войск и базирования флота.

Получено право размещать на островах Эзель и Даго авиацию, строить береговые батареи.

16 октября ввел своим приказом № 416 в действие новый

«Корабельный устав ВМФ СССР», отменив прежний устав 1932 г.

11 ноября — утвердил первую инструкцию по оперативным готовностям в целях предотвращения внезапного нападения, обязавшую иметь силы в положении предварительного развертывания боевой готовности к отражению нападения и проведению первых операций. Предоставил право военным советам флотов изменять готовность только с ведома наркомата ВМФ. Над первой инструкцией по оперативным готовностям работал начальник ГМШ Л.М. Галлер. Оперативные готовности предусматривали:

№ 3 — шестичасовую готовность боевого ядра и наличие на кораблях неснижаемого запаса топлива и боеприпасов;

№ 2 — четырехчасовую готовность боевого ядра, когда все находится в повышенной готовности и способно так жить длительное время;

№ 1 — часовую готовность боевого ядра, когда все части готовы к отмобилизованию, усилены дозоры, запрещен вход в базу.

С момента введения готовностей на флотах начаты постоянные тренировки по приведению флотов в готовность № 2 и № 1 и дорабатывалась инструкция о готовностях.

Декабрь — приказал наркомату ВМФ совместно с Главспецгидростроем провести выбор мест расположения баз, доставить туда строительные материалы и начать их строительство. «У нас установились самые деловые и вместе с тем дружеские отношения с наркомом ВМФ адмиралом Николаем Герасимовичем Кузнецовым и адмиралом Галлером Львом Михайловичем. Во время войны созданные военно-морские базы (ВМБ) сыграли огромную роль — задержали врага, и ни одна база не сдалась врагу. Развернутые в большом масштабе строительные работы на флотах, к сожалению, не были завершены в связи с началом войны» (Комаровский А.Н. Записки строителя. М., 1972. С. 88).

В течение года:

поставил задачу перед Гидрографическим управлением ВМФ подготовить и издать наглядное пособие в виде «Атласа командира ВМФ СССР» в целях создания полноценного справочника, обеспечивающего повседневную работу командиров, политработников и инженеров ВМФ по производству оперативных и навигационных расчетов. Своим приказом назначил комиссию под председательством начальника ГУ для составления тактико-технического задания на «Атлас командира», поставил задачу собрать в него физико-географические, военно-политические и навигационно-штурманские карты, а также чтобы, помимо

прямого предназначения, «Атлас» служил бы хорошим популяризатором нового флота. Осуществить замысел не позволила война. После войны «Морской атлас», но уже на более высоком уровне, был издан;

проводит работу по реализации судостроительной программы. «Чуть не каждую неделю проходили тогда совещания по кооперированным поставкам для судостроения. От нас, моряков, и М.Ф. Тевосяна — наркома судостроительной промышленности, требовали срочно представить на утверждение Правительства проекты кораблей, которые уже строились, планы создания военно-морских баз, судоремонтных заводов, доков, складов — всего, что необходимо большому флоту» (Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 239–244); темпы выполнения проектных работ позволили уже в 1939 г. произвести закладку на стапелях и вести ускоренное строительство подавляющего большинства кораблей, предусмотренных программой 1937 г.;

принимает меры по улучшению подготовки командного состава и прохождения им службы. Командные военно-морские училища преобразовываются в высшие учебные заведения;

ставит в Правительстве, Генштабе и наркомате обороны вопрос о необходимости единоначалия в организации руководства военно-морскими базами в Либаве, Ханко, в Крыму, на островах Эзель и Даго (будь то армейское или морское командование), придавая решающее значение этому принципу. Встречает противодействие. Положительного решения добивается только в отношении Ханко. Впоследствии, оценивая правильность такого решения на Ханко, главком ВМФ С.Г. Горшков писал: «… Заблаговременно и тщательно подготовилась к обороне со всех направлений — с моря, суши и воздуха… Все это позволило сделать оборону Ханко неприступной…» (Военно-исторический журнал, 1989. № 7. С. 13).

Конец 1939 г. — по решению Правительства в Германии приобретен (и доставлен весной 1940 г. в Ленинград) недостроенный крейсер «Лютцов» (Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 239–244).

По приказу наркома ВМФ создана Центральная поликлиника Военно-Морского Флота.

Конец ноября 1939 г. — март 1940 г. — война с Финляндией, нарком ВМФ приказал своему первому заместителю адмиралу И.С. Исакову и начальнику ГМШ адмиралу Л.М. Галлеру выехать в Кронштадт для оказания помощи командующему КБФ адмиралу В.Ф.Трибуцу в организации связи КБФ с фронтом. Бои приняли упорный характер. Балтийцы успешно высадили десант на островах Гогланд, Сескар, Лавенсари, в котором участвовали

авиация флота, расположенная в Эстонии, крупные надводные корабли, подлодки, базировавшиеся в Таллине и Либаве (Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 277).

Потребовал от Л.З. Мехлиса[45] (прибывшего в штаб Ленфронта с Г.И. Куликом[46], пытавшихся давать морякам некомпетентные указания, минуя наркома ВМФ и ГМШ ВМФ): «Без ведома наркома ВМФ приказов флоту не отдавать» (Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 227, 228).

1940 г.

Январь — встречается и обсуждает по поручению Правительства с послом США Штейгартом, прибывшим с советским послом К.А. Уманским, меры по обеспечению безопасности плавания американских транспортов в Финском заливе.

6 февраля — родился сын Николай.

21 февраля — приказал военным советам флотов и командирам соединений доложить свои соображения и вероятные действия на каждом флоте в связи с подготовкой флотов по системе готовностей.

26 февраля — издал специальную директиву флотам, в которой указал на возможность одновременного выступления против СССР коалиции, возглавляемой Германией и включающей Италию, Венгрию, Финляндию. «Противник был определен довольно точно» (Трибуц В.Ф. Балтийцы вступают в бой. Калининград, 1972. С. 209).

12 марта — осмотрел полуостров Ханко, передаваемый в аренду Советскому Союзу после заключения мирного договора между СССР и Финляндией, нарком видел здесь уже мощную военно-морскую базу, которую предстояло создать в короткий срок.

28 марта — издал директиву № 16430 об увеличении боевого ядра.

Апрель — совместным приказом НК ВМФ и НКСП утвержден план работ по развитию метода размагничивания кораблей на 1940 г. и сопровожден необходимыми обеспечивающими мероприятиями.

Весна — начало свертывания строительства крупных кораблей.

Начало мая — организована и начала работу комиссия, в состав которой включен нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов, по рассмотрению кандидатов из высшего командования на присвоение генеральских и адмиральских званий.

10 мая — по указанию наркома ВМФ флотам выслано Положение о взаимодействии Красной Армии и Военно-Морского

Флота.

24 мая — приказом наркома ВМФ в связи с 20-летием Амурской военной флотилии многим адмиралам досрочно присвоены воинские звания, 200 младших командиров, краснофлотцев и красноармейцев награждены знаком «Отличник ВМФ», наиболее отличившиеся — именными часами и ценными подарками. Нарком поздравил с юбилеем ВС АКВФ.

4 июня — присвоено звание «адмирал» постановлением СНК СССР.

Середина июля — издал приказ о введении в действие на флотах «Наставления по боевой деятельности штабов соединений ВМФ».

27 июля — выступил с докладом на торжественном собрании актива общественности Москвы, посвященном Дню Военно-Морского Флота СССР в Зеленом театре ЦПКиО им. Горького. В статье, опубликованной к этому дню в журнале «Морской сборник» (1940 г., № 7. С. 9), отмечалось: «Быть настоящим моряком, уметь побеждать врага на море, плавать круглый год, поменьше торчать у стенки, на бочке, проводить боевую подготовку при любых условиях и при любом состоянии погоды и моря — вот те требования, которые красной нитью проходят через все приказы и указания народного комиссара флотам».

Лето:

по предложению наркома ВМФ Правительство приняло решение об открытии семи морских спецшкол, занятия в которых начались в сентябре 1940 г. наркомат ВМФ возрождал добрую российскую традицию, заложенную еще Петром I — готовить наиболее смелых и талантливых юношей к военно-морской службе. Но это было не просто продолжение традиции. Н.Г. Кузнецов хотел с помощью военных спецшкол восполнить ужасающие потери, понесенные командными кадрами флота во время репрессий 30-х гг. «Подготовка командных кадров для флота является большой и сложной задачей, в решении которой специальные школы могут и должны сыграть немаловажную роль. (Из речи наркома ВМФ перед строем 2-й ВМСШ в Ленинграде 30 октября 1940 г.);

выехал в Севастополь и Одессу для принятия мер по координации совместных действий ЧФ с сухопутными частями в операции по освобождению Бессарабии.

Август:

участвовал в крупных военных учениях в устье Финского залива, провел разбор учений с командирами соединений и частей;

посетил Либаву (вместе с Л.М. Галлером и В.Ф. Трибу цом) с

тем чтобы определить, какие силы целесообразно сосредоточить в Либаве, где восстанавливалась база флота;

принимается специальное постановление Главного морского совета о переводе части кораблей из Либавы в Ригу. Получает на это согласие И.В. Сталина;

ведется строительство оборонительных береговых батарей в Либаве с моря. «Но с сухопутным направлением дела обстояли неважно. Командир базы своих войск не имел, а армейские части стояли далеко. Мы с комфлота решили добиваться усиления сухопутного гарнизона. Удалось не сразу. Я настоял на своем — в Либаву была направлена 67-я стрелковая дивизия. Вопрос о взаимодействии сухопутных частей с Военно-Морскими Силами до конца решен не был» (Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 232, 233).

8 сентября — руководил учениями на КБФ. Провел их разбор, проанализировал действия флота в учениях, оценил работу всех звеньев личного состава и развернул перед участниками программу дальнейших мероприятий по укреплению боевой мощи флота.

23 сентября — приказом наркома ВМФ создана государственная комиссия для проведения заводских и войсковых испытаний размагничивающего устройства для защиты от магнитных мин.

19 октября — Правительство пересмотрело план военного судостроения. Решено продолжать строить подводные лодки, малые надводные корабли — эсминцы и тральщики. «Новых закладок линейных кораблей и тяжелых крейсеров на судостроительных заводах наркомсудпрома не производить», а техническую готовность и спуск на воду строящихся кораблей отодвинуть на более поздние сроки. Тем не менее объем продукции военного судостроения продолжал нарастать. Общий тоннаж боевых кораблей флота с начала 1939 по 1941 г. возрос почти на 160 тыс. т. (Басов А. Флот в Великой Отечественной войне. М.: Наука, 1980). Утвержден план строительства большой серии торпедных катеров типа Д-3.

Октябрь — докладывает И.В. Сталину (вместе с начальником ГМШ Л.М. Галлером) о ходе работ по строительству береговых батарей, принявших большой размах, быстрые темпы, особенно на Балтике, от Кронштадта до Палангена (Паланга), и на Севере — от Архангельска до п-ова Рыбачий, об укреплении западных морских границ на всем их протяжении.

20 октября — вводит в действие своим приказом № 654 «Дисциплинарный устав ВМФ», в котором организация управления воинской дисциплиной была сосредоточена как основа боевой его мощи, нарком указывал, что «не только

дисциплинарными взысканиями нужно поднимать уровень дисциплины», но и что «воспитание и разъяснительная работа имеют огромное значение». Подчеркивал, что строгость требований к подчиненным должна сочетаться с постоянной заботой о них.

Вторая половина года — провел перестройку методов обучения и воспитания личного состава ВМФ в связи с возрастанием военной опасности. По указанию наркома в боевой подготовке стал максимально использоваться опыт современных войн. Подготовка стала проводиться в условиях близких к боевым, без лишних ограничений. Потребовал довести до совершенства взаимодействие кораблей и соединений в условиях сложного маневрирования как днем, так и ночью, добиться максимальной сплаванности кораблей, высокой натренированности личного состава для совместного выполнения кораблями боевых задач.

Конец года — доложил в Правительство о тяжелых условиях базирования кораблей КБФ в связи с освоением новых баз в этих районах в условиях суровой зимы. Все базы, включая Таллин, покрылись льдом, открытой осталась только Либава.

31 декабря — Председатель ГВС ВМФ нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов утвердил решение ГВС об установке защитных устройств системы ЛФТИ на линкорах, крейсерах, эсминцах и тральщиках, по оборудованию спецполигонов и другим необходимым для испытаний мероприятиям, о необходимости обращения в СНК СССР с ходатайством о создании в системе НКСП организации по производству комплексных работ по противоминной защите кораблей и подводных лодок, с тем чтобы испытания закончить до 1 июля 1941 г. Работа на практике была начата 15 февраля 1941 г. в Севастополе. Координацию ученых ЛФТИ с флотскими организациями осуществлял офицер КПА УК ВМФ В.Д. Иванов.

Декабрь — провел в НК ВМФ совещание высшего командного состава флотов, на котором были рассмотрены уроки финской войны и проблемы, выдвинутые опытом второй мировой войны, а также текущая деятельность флотов под углом зрения войны в Европе; проанализирована дерзкая операция немцев против Норвегии, начавшаяся 9 апреля 1940 г. высадкой крупных десантов на норвежское побережье, удаленное от баз на 1000 миль и в условиях отсутствия временного преимущества в воздухе и на море. Нарком сделал вывод: нужно быть готовым к любым неожиданностям, потребовал усилить боевую подготовку и начать плавание раньше, чем в прошлом году.

Открывая сбор командующих флотами и флотилиями,

нарком обратил их внимание на то, что «опыт войны с Финляндией, проверка БП флотов показали недостаточную подготовленность начальствующего состава». «Мы имеем неплохую технику, преданный нашему делу рядовой и начальствующий состав, но подготовка начальствующего состава — наше слабое место. Особенно высшего начальствующего состава. Не потому, что это звено знает меньше, чем звено старшего начальствующего состава, а потому что его подготовка должна быть особенно тщательной…

…Никаких систематических занятий с высшим начальствующим составом у нас по-настоящему налажено не было. У нас также не было и нет единой точки зрения на ряд принципиальных вопросов. У нас не было системы оценки высшего начальствующего состава по его оперативно-тактической подготовке, по его умению руководить во время войны подчиненными ему соединениями».

В заключительном слове нарком сказал: «Весь опыт войны нужно изучать не ради знания, не просто ради науки, а для того, чтобы найти и разгадать вероятные средства и методы борьбы противника и своевременно найти противоядие против них. Кого нам изучать? Есть общее положение, что нужно изучать своего вероятного противника. Я сейчас не берусь определять и указывать «имярек», но, как правило, из двух вероятных противников более вероятным является ближайший, соседний. Этим, я думаю, нам и следует руководствоваться».

Ввел своим приказом в действие «Временное постановление по ведению морских операций (ВМО-40)». Сделал вывод, что с оперативной точки зрения постановка оборонных минных заграждений около своих баз не только на Черном море, но и на Дальнем Востоке была правильной. (Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. М., 1989. С. 24, 25).

1941 г.

Январь — награжден боевой винтовкой коллективом Тульского оружейного завода.

После 2 января — приказал открывать огонь зенитных батарей при появлении иностранных самолетов над нашими базами в связи с полетами над п-овом Ханко немецкого самолета-разведчика.

Создана школа боцманов на о. Валаам в Ладожском озере. В 1941 г. мальчишки, не успев окончить учебу, шагнули в огонь войны, участвовали в обороне Ладожских островов, в эвакуации окруженных частей Красной Армии под Ленинградом, в боях на знаменитом Невском «пятачке».

15 февраля — издал директиву № 475, направленную на

флоты, в которой поставил задачи по составлению боевого ядра флота для отражения удара противника и прикрытия побережья.

26 февраля — поставил флотам задачу разработать к 15 апреля оперативные планы, которые легли в основу действий флотов в начальный период войны.

Издал директиву, согласованную с НКО, о совместных действиях армии и флота на случай вторжения врага.

В феврале:

приказал принять меры к обороне побережья и баз;

издал директиву «не допускать высадки десанта и захвата противником баз с моря, с воздуха, а также проникновения его в Рижский и Финский заливы».

3 марта — доложил Правительству, что немцы задерживают поставки для крейсера «Лютцов».

Приказал ГМШ передать директиву флотам открывать огонь по нарушителям без всякого предупреждения.

5 *марта* — над Лиепаей был обстрелян немецкий самолет-разведчик.

17–18 марта — над Либавой и Полярным были обстреляны несколько раз немецкие самолеты-разведчики.

После 18 марта — вызван к И.В. Сталину и в присутствии Л.П. Берия получил выговор и приказание отменить распоряжение от 3 марта об открытии огня по самолетам-нарушителям.

29 марта — приказал ГМШ дать директиву на флоты: «Огонь не открывать, а высылать свои самолеты-истребители для посадки иностранных самолетов на аэродромы».

1 апреля — приказал командующим Дунайской и Пинской флотилиями усилить разведку.

Апрель — разработано Положение о тыле флота, в соответствии с которым признано, что «тылом флота является совокупность органов, осуществляющих материально-техническое обеспечение боевой деятельности кораблей, Военно-Воздушных Сил, береговой обороны и сухопутных частей флота».

6 *мая* — получил донесение военно-морского атташе в Берлине М.А. Воронцова о готовящемся вторжении немцев, назначенном на 14 мая. Направил записку И.В. Сталину.

7 мая — приказал установить дозоры в устье Финского залива, минные заграждения на подступах к Таллину и Ханко — силами ОВРа.

Весна — нарком ВМФ сделал вывод, что над нашим побережьем установлено наблюдение подводных лодок Германии, Финляндии и Румынии.

17 мая и 6 июня — Председатель ГВС ВМФ, нарком ВМФ Н.Г.

Кузнецов утвердил решения ГВС, определяющие организацию работ по защите кораблей, предписывающие установку размагничивающих устройств на всех боевых кораблях в течение 1941 г., ускорение проектирования и создания на флотах испытательных стендов, оснащенных неконтактными минами и стационарной магнитоизмерительной аппаратурой, подготовку выделяемых флотами специалистов по размагничиванию кораблей и мин. — Пархоменко В.Н. // Роль академика А.П. Александрова в становлении защиты кораблей ВМФ. — В бр.: II Александровские чтения. 13 февраля 1996 г. РНЦ «Курчатовские лнститут». М., 1996. С. 18.

С *начала* 1941 *г. и до начала войны* — нарком ВМФ и ГМШ отправляли донесения И.В. Сталину и в Генеральный штаб с информацией о подготовке немцев к войне, поступавшей из различных источников.

5 *июня* — издал приказ, обязывающий «об обнаруженных недочетах фактической оперативной готовности корабля, части, соединения, флота доносить мне как о чрезвычайном происшествии, выявлять лиц, проводивших последнюю проверку, и строго наказывать за случаи притупления внимания и очковтирательские заключения».

13 июня — доложил И.В. Сталину факты, о которых ранее докладывал в Генеральный Штаб и наркомат обороны, о выводе всех немецких кораблей из советских портов и просил разрешить вывести все советские корабли из немецких портов, чем вызвал его крайнее неудовольствие. По этому случаю секретарь И.В. Сталина А.Н. Поскребышев зафиксировал в телефонограмме: «Сегодня (14 июня. — *Р.К.*) Сталина И.В. в Кремле посетил адмирал Н.Г. Кузнецов. В докладе он упомянул, предоставив даже статистические данные, о выводе всех немецких кораблей из советских портов и просил разрешения вывести все советские корабли из немецких. «Хозяин» выпроводил его вон. Неужели адмирал не читал сегодняшнее сообщение ТАСС, опровергающее провокационные слухи о нападении Германии на Советский Союз? Всюду провокации… Все наши враги и ложные друзья пытаются стравить нас с Гитлером в своих интересах…»

14 июня — в газетах опубликовано сообщение ТАСС, опровергающее слухи о нападении Германии на СССР

Приказал всем флотам перейти на боевую готовность № 2, базам и соединениям — рассредоточить силы и усилить наблюдение за водой и воздухом, запретить увольнение личного состава из частей и с кораблей. Корабли приняли необходимые запасы, привели в порядок материальную часть, было установлено определенное дежурство. Весь личный состав

остался на кораблях. Была усилена политработа среди краснофлотцев в духе постоянной готовности встретить и отразить нападение врага.

Июнь — направил начальника ГМШ ВМФ И.С.Исакова на ЧФ для участия в военных учениях, проводившихся с целью отработки высадки десанта и его отражения.

14 июня — в соответствии с решением ГВС ВМФ от 6 июня (председатель Совета — нарком Н.Г. Кузнецов) издан приказ по НК ВМФ о создании комиссии по регулированию и приемке размагничивающего устройства линкора «Марат». Приказ предписывал произвести с 20 по 26 июня измерения магнитного поля корабля и его прохождение над индукционными минами, а в III квартале 1941 г. провести контрольные стрельбы неконтактными торпедами. В комиссию вошли от НТК ВМФ: Б.В. Хорошкин (председатель), Б.Е. Годзевич (заместитель), И.В. Климов, от НИМТИ ВМФ — П.И. Смирнов, от ЦКБ НКСП — В.С. Евдокимов, от ЛФТИ — А.П. Александров, от ЦНИИ НКСП — И.И. Дехтяр. К работе комиссии были привлечены сотрудники ЛФТИ П.Г. Степанов, В.Р. Регель, Г.Я. Щепкин, К.К. Щербо, Д.В. Филиппов, от ЦНИИНКСП — И.М. Фомин. Таким образом, решения ГВС ВМФ создавали к началу войны предпосылки к обеспечению защиты кораблей от магнитных мин противника. (О конкретных мерах см.: Ткаченко Б.А. История размагничивания кораблей советского Военно-морского флота. Л.: Наука, 1981. С. 42–47.)

20 июня — ГВС ВМФ (председатель Н.Г. Кузнецов) принял решение об ускорении строительства военно-морских баз, особенно для Северного флота, об усилении противовоздушной обороны флота, разведки и дозорной службы, об увеличении состава Северного флота.

До начала войны — разработаны и введены в действие на всех флотах «Наставления» по организации боевой деятельности Военно-Воздушных Сил, подводных лодок и различных классов надводных кораблей.

21 июня (в 21.50) — связался с флотами, узнал обстановку и приказал (по телефону) действовать, без промедления при получении приказа о переходе на высшую боевую готовность.

21 июня (в 23.00) — вызван к наркому обороны и проинформирован о возможном нападении в эту ночь фашистов. Приказал в 23.50 телеграммой флотам немедленно перейти на оперативную готовность № 1 и еще ранее — устно по телефону — перейти на готовность № 1, не дожидаясь телеграммы. Кроме приказа по телефону и телеграммой, отправил вторую телеграмму для военных советов флотов следующего содержания:

«В течение 22–23 июня возможно внезапное нападение немцев. Нападение немцев может начаться с провокационных действий. Наша задача не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно флотам и флотилиям быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников. Приказываю перейти на оперативную готовность № 1. Тщательно маскировать повышение боевой готовности. Ведение разведки в чужих территориальных водах категорически запрещаю. Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить. Кузнецов». Таким образом, высшая боевая готовность № 1 была объявлена на флоте в 23 ч 50 мин 21 июня.

Директива о переходе на повышенную боевую готовность № ЗН/87 в 23 ч 50 мин 21 июня. *Им изданы:*

Директива о возможности внезапного нападения немцев № ЗН/88 в 01 ч 12 мин 22 июня.

Директива о принятии мер предосторожности в связи с угрозой нападения фашистской Германии, б/н.

22 *июня (в 03.07)* — вражеские самолеты совершили налеты на главную базу в Севастополе и на Измаил с целью заблокировать ЧФ. Сбросили на входной фарватер базы и в Северной бухте электромагнитные мины. Их встретил огонь зенитной артиллерии. В полной боевой готовности встретили шквальный огонь с румынской стороны корабли Дунайской флотилии. Воздушным атакам подверглись также Лиепайская и Рижская ВМБ КБФ. Магнитные мины были сброшены с самолетов в районе Кронштадта. Были сброшены бомбы в районе главной базы СФ — Полярного. Однако нападение фашистской Германии не застало ВМФ врасплох. Флот не потерял ни одного корабля. Флоты и флотилии начали действовать согласно предвоенным планам обороны.

22 *июня (в 03.15)* — нарком ВМФ получил первое телефонное сообщение от командующего ЧФ Октябрьского Ф.С. о том, что на Севастополь совершен налет.

После звонка из Севастополя — пытался по телефону доложить обстановку И.В.Сталину, которого не нашел. Разговаривал с Г.М. Маленковым. Последний перепроверил сведения Кузнецова, звонил в Севастополь.

22 *июня (до 05.17)* — под свою ответственность нарком ВМФ приказал передать флотам официальное извещение, что Германия начала нападение на наши базы и порты, которое следует отражать силой оружия.

22 *июня в первые часы начала войны* приказал через ГМШ всем флотам: «Немедленно начать постановку минных заграждений по

плану прикрытия». Первоначально намечалось ставить мины у германских военно-морских баз: Мемеля, Гдыни, Данцига. По распоряжению наркома план был изменен. Минные постановки авиация производила у финских баз и портов и на коммуникациях в шхерном районе. В течение июня — июля авиация КБФ поставила несколько заграждений из 105 неконтактных мин на фарватерах в районе Аландских шхер и на подходах к Турку. Сторожевые корабли, тральщики и торпедные катера выставили еще 128 контактных мин на выходах из шхер у о-ов Утэ и Эре. В середине сентября в этом районе подорвался и затонул финский броненосец береговой обороны «Ильмарине». Всего на центральной минно-артиллерийской позиции было поставлено 3059 контактных мин образца 1908 г. и 1926 г. и 498 минных заграждений. На Ирбенской позиции и в Рижском заливе было поставлено 1178 контактных мин и 40 мощных заграждений.

Состоялся разговор с флотами и управлениями Наркомата. «Больше оперативности, следить за каждым шагом противника, действовать решительно, не дожидаясь указаний сверху», — потребовал нарком.

Приказал ГМШ не терять управления флотами, контролировать положение на них, быть в курсе всех распоряжений наркомата обороны.

Приказал заместителю начальника ГМШ В.А. Алафузову чаще информировать Генеральный Штаб о событиях на флотах.

22 *июня* — издал:

директиву о минных постановках, б/н;

директиву о развертывании подводных лодок № НШ/121;

директиву о развертывании подводных лодок № НШ/122;

директиву о развертывании подводных лодок № НШ/123;

директиву о проведении мобилизационных мероприятий № 242/ш;

директиву о нанесении ударов авиацией по Норвегии № НШ/138;

директиву о нанесении воздушного удара по портам Румынии № НШ/140;

директиву о ведении боевых действий в операционной зоне флота № 7/27.

с 23 *июня по 10 июля* — входит в Ставку Главного Командования.

23 *июня* — вызван к И.В. Сталину, в присутствии членов Политбюро и наркома обороны доложил о положении на флотах.

23 *июня* — издал:

директиву об активизации боевых действий с использованием

минного оружия № НШ/150;

директиву об отмобилизации Каспийской военной флотилии № 252/Ш.

24 июня — издал:

директиву об обороне Рижского залива № 253/111; приказ о введении серии «Воздух» и простой условной таблицы для донесений о воздушном противнике № 337;

приказ о новых формированиях по усилению ПВО КБФ № 00143;

приказ о новых формированиях по усилению ПВО ЧФ № 00144.

24 июня — обсудил с начальником ГМШ И.С. Исаковым развитие событий на флотах с анализом положения.

По приказу № 1371 наркома ВМФ начальник ГМШ адмирал И.С. Исаков направлен в Ленинград в состав Командования Северо-Западного направления в качестве представителя главкома ВМФ по морской части. В годы войны нарком направлял на флоты начальника Главного политуправления ВМФ И.В. Рогова, адмиралов Л.М. Галлера, Г.И. Левченко, В.А. Алафузова и др.

25 *июня* — приказал военному совету Северного флота начать военные действия против Финляндии. Директива № 261/Ш.

Приказал сформировать военные трибуналы на водном транспорте. Приказ № 0536/0173.

26 июня — поставил задачу Черноморскому флоту обеспечить морские перевозки, и в первую очередь — топлива.

27 июня — принял решение о создании трех позиций обороны в восточной части Финского залива на линии о. Гогланд — губа Кунда для прикрытия Ленинграда, связанных единством замысла и являвшихся серьезным препятствием для противника в попытках прорваться в восточную часть залива к Ленинграду.

Издал директиву об обороне Рижского залива № 266. Издал директиву о недостатках использования морской авиации № 298/МА.

28 июня — издал директиву об обеспечении своих коммуникаций № 9/49.

Издал директиву об усилении ПВО военно-морских баз № 276/Ш.

29 *июня* — приказал о-ова Сааремаа и Хийумаа оборонять при любых условиях обстановки на сухопутном фронте, держаться за каждую пядь земли даже в условиях возможного окружения.

Издал директиву об обороне о-ов Эзель и Даго № 31-1/120.

30 *июня* — приказал Черноморскому флоту уничтожить

объекты нефтепромышленности в Плоешти. Директива №3Н/126.

Издал директиву об отводе боевых кораблей на восток № 8/124.

Издал директиву об усилении Чудской флотилии № 3Н/125.

Издал приказ о формировании частей ВВС ВМФ № 00161.

Июнь — сформирована Ладожская военная флотилия.

Июнь — начало июля — приказал (по запросу Генштаба) выделить орудия калибра от 100 до 152 мм и отправить их под Вязьму.

1июля — издал директиву о развертывании маневренной базы в Лужской губе № 3Н/131.

Издал приказ о подготовке летного и технического состава ВВС ВМФ в военное время № 0578.

2 июля — издал директиву о борьбе с магнитными минами противника № 286/Ш.

3 июля — приказал в связи с нарушением связи между флотом и фронтом выставить на основных дорогах заслон морской пехоты, активно использовать авиацию для разведки, не ослабевая содействия войскам 8-й армии.

Оборонять до конца Ханко, Эзель, Даго, район Таллина, отвести на. восток и эвакуировать корабли и имущество, нужное для обороны.

4 июля издал:

директиву об обороне Ханко, о-ов Эзель и Даго № 292/Ш;

директиву о предупреждении потерь авиации № 293/Ш;

директиву о возможных постановках минных заграждений в наших терводах № 295/Ш;

приказ о введении всеобщей обязательной подготовки к ПВО и ПВХО вольнонаемного состава управлений и отделов НКВМФ № 349.

5 июля — приказал в целях успешного использования сил и средств Балтийского флота для защиты Ленинграда создать командование морской обороной Ленинграда и Озерного района (МОЛ) — приказ № 00170. Тяжелая сложилась бы в те дни обстановка в тылу Ленинграда с востока, в районе Невской Дубровки, если бы здесь не была вовремя создана флотом мощная Невская артиллерийская позиция Северного берега, не было бы кораблей, поддержавших нашу героическую пехоту. Невская группа армейских войск начала создаваться лишь в сентябре. Создание Невского укрепленного района из сил армии и флота сыграло колоссальную роль в обороне города.

Издал:

5 июля — приказ о ремонте боевых кораблей и вспомогательных судов КБФ, ЧФ и СФ № 0579/171;

6 июля — приказ о формировании двух батарей на Новой Земле № 0604/р205;

7 *июля* — приказ о перебазировании авиации СФ для охраны Севморпути № 7/53;

приказ о порядке ношения личного огнестрельного оружия начальствующим составом ВМФ в военное время № 0614;

9 июля — директиву о необходимости усиления борьбы с фактами проявления трусости и паникерства № 315/Ш;

директиву о необходимости учета опыта первых дней войны № 316/Ш;

директиву о совместном с авиацией Сухопутных войск ударе по островной группе противника № ЗН/167;

10 июля — приказ о мобилизации запаса 1-й и 2-й категории и начальствующего состава, находящегося на сборах № 358;

приказ о формировании авиационной группы ВВС ВМФ № 00180;

95

11 июля — директиву о необходимости усиления мер борьбы с минной опасностью № 324/Ш.

12 июля — приказал поставить на ТОФ оборонительные мощные заграждения для прикрытия от нападения с моря в направлении Владивосток, Владимир — Ольга, Советская гавань и Петропавловск-Камчатский.

13 июля — совместно со Сталиным И.В. и Шапошниковым Б.М. подписал с советской стороны соглашение, заключенное 12 июля 1941 г. между правительствами СССР и Великобритании, о совместных действиях против Германии, что явилось первой крупной акцией на долгом и трудном пути создания коалиции.

Издал:

13 июля — директиву об усилении обороны побережья № 9/63;

приказ о мероприятиях по скорейшему введению в строй кораблей, строящихся на заводах в районе р. Волги № 00190;

14 июля — директиву о необходимости укрепления дисциплины и организации службы № 335/Ш;

приказ о сбережении, сборке и обновлении стреляных гильз № 00193;

15 июля — директиву об усилении разведывательной деятельности № ЗН/192;

директиву о направлении на корабли исправившихся краснофлотцев из дисциплинарных батальонов № 339/Ш;

17 июля — директиву о необходимости защиты главной базы СФ № ЗН/204;

директиву об активизации деятельности подводных лодок №

ЗН/205;

19 июля — директиву о дальнейшем использовании Дунайской флотилии № ЗН/216;

21 июля — директиву об отмобилизовании ТОФ № 2/224.

22 июля — обратился с письмом к начальнику Генштаба А.М. Василевскому с предложением ряда мер по организации защиты перевозок по Каспийскому морю и Волге, усилению противовоздушной обороны этого района, увеличению числа плавучих батарей.

Издал:

22 июля — директиву об использовании Дунайской флотилии № 360/Ш;

директиву о необходимости укрепления восточной части северного театра № ЗН/229;

директиву об усилении охраны транспортов № ЗН/228;

директиву о задачах Дунайской флотилии № ЗН/237;

24 июля — директиву об укреплении обороны главной базы ТОФ № ОД-88;

25 июля — директиву о доведении до личного состава флота решений военных трибуналов № ПУ/107Ш;

26 июля — директиву о возможном применении противником химического оружия № ЗН/250;

директиву об укреплении сухопутной обороны Одессы № 378/Ш;

27 июля — директиву об организации взаимодействия морской и сухопутной авиации № 382/Ш;

29 июля — директиву о борьбе с транспортами противника № 8/163;

30 июля — директиву о тралении мин в Белом море № 389/Ш.

Июль

Воссоздана Азовская военная флотилия — приказ от 22 июля № 00215.

Сформирована Ильменская военная флотилия.

Сформирована Чудская военная флотилия.

Конец шюля — приказал на базе расформированной восточной позиции создать минную оборону Балтийского моря, возложить на нее задачу по постановке минных и сетевых заграждений. Эскадренными миноносцами, действовавшими из Кронштадта днем и ночью, производилась эта постановка. Всего на восточной и тыловой позициях было поставлено 5657 контактных мин и 1480 минных заграждений. Эффективность минных заграждений признана главкомом немецко-фашистского флота гросс-адмиралом Редером, отмечавшим, что «много судов нарвалось на

мины на южном краю заграждений в Балтийском море (речь идет о Финском заливе), что повлекло за собой большие потери в людях и технике».

С начала войны нарком постоянно контролировал и направлял через свой аппарат работу по размагничиванию кораблей. Решение наиболее сложных вопросов было поручено заместителю наркома Л.М. Галлеру. Командованию флотов поручалось осуществление этих функций на местах. Общее организационно-техническое руководство размагничиванием кораблей на флотах было возложено на начальника НТК ВМФ А.А. Жукова, заказы на оборудование системами ЛФТИ кораблей выдавало УК ВМФ и ТУ ВМФ, научное руководство и подготовка исходных данных для проектирования устройств защиты осуществлял ЛФТИ АН СССР, разработку проектов систем — ЦКБ НКСП, изготовление элементов оборудования и монтаж — предприятия ЭМТ совместно с судостроительными заводами НКСП и судоремонтными мастерскими ТО флотов. Ответственность за выполнение работы на местах несли командующие флотов и флотилий. Контроль за изготовлением оборудования и его монтажом возлагался на УК ВМФ, как и координация работ. На каждом флоте работы курировались научными консультантами. Ими стали: на Черном море — И.В. Курчатов и П.Г. Степанов, на Балтике — П.П. Кобеко и В.А. Иоффе, на Северном флоте — В.М. Тучкевич и В.Р. Регель, на Тихоокеанском — Н.В. Федоренко и И.Ф. Факидов, на Амурской флотилии — А.Р Регель, на Волге — Ю.С. Лазуркин. В 1942 г. была создана Служба размагничивания кораблей и научными консультантами УК ВМФ стали профессора ЛФТИ А.П. Александров и И.В. Курчатов. А.П. Александров с августа 1941 г. консультировал работы сначала вместе с И.В. Курчатовым на Черноморском флоте, затем — на Балтике и Северном флоте. О состоянии дел по защите кораблей от магнитных мин противника нарком ВМФ систематически докладывал в Ставке ВГК. Через 2–3 месяца после начала работ на большинстве действующих кораблей всех флотов они были закончены.

2 *августа* — приказал переформировать Беломорскую военно-морскую базу в Беломорскую военную флотилию.

Издал:

2 августа — директиву о разрешении подводным лодкам действовать против транспортов противника в территориальных водах Болгарии № ЗН/282;

директиву об организации боевой подготовки на флотах № 80/5П;

3 августа — директиву о возможности использования

кораблей ЧФ в обороне Одессы № 402ш;

4 августа — директиву о задачах флота при обороне Одессы № 3/294.

7 августа — сформирована Онежская военная флотилия.

С 8 августа по 5 сентября — по предложению наркома, принятому Ставкой, и планом операции, разработанным наркомом и ГМШ, были нанесены бомбовые удары по Берлину советскими самолетами морской авиации. Личная ответственность за проведение операции была возложена Ставкой ВГК на Н.Г. Кузнецова. (Общее руководство осуществлял командующий ВВС ВМФ генерал-лейтенант С.Ф. Жаворонков.)

Издал:

9 августа — директиву о продолжении налетов на Берлин № ЗН/314;

приказ о строительстве упрощенных взлетно-посадочных полос на аэродромах ВВС ВМФ № 00250;

приказ о боевой подготовке ВМФ на военное время № 0733;

12 августа — директиву об активизации действий ЧФ в районе Одессы и Николаева № 431/Ш;

директиву об организации налетов на Берлин № 432/Ш;

директиву о развертывании сил Черноморского флота № ЗН/329;

13 августа — директиву о действиях КБФ № 440/Ш;

14 августа — директиву о ведении боевых действий на Ханко № 443/Ш;

директиву об укреплении Перекопского перешейка № 446/Ш;

приказ о плане постройки малых боевых кораблей для ВМФ № 00264;

15 августа — директиву об организации взаимодействия ЧФ с армией при обороне Крыма № 450/Ш;

18 августа — директиву о преждевременном оставлении Николаева № ЗН/360;

директиву о действиях кораблей СФ в районе Новой Земли № ЗН/357;

21 августа — директиву об усилении маскировки и рассредоточении самолетов на аэродромах № 470/Ш;

директиву об усилении действий авиации в районе Одессы № ЗН/374;

25 августа — директиву о проявлении упорства и мужества при обороне Одессы № 486/Ш;

директиву о проявлении инициативы при обороне Одессы № 487/Ш;

директиву об эвакуации из Одессы раненых № 489/Ш.

Август — установлен морской путь между Великобританией

и северными портами СССР.

Август — по личному указанию И.В. Сталина подготовлена директива об уничтожении Балтийского флота в случае захвата фашистами Ленинграда. Директива подписана Сталиным, Шапошниковым, Кузнецовым. «Ничего не должно достаться фашистам».

Являясь всю войну представителем Ставки ВГК по использованию сил флота и членом ГКО, Главкомом ВМС с 1944 г. и членом Ставки ВГК с 1945 г., Н.Г. Кузнецов лично докладывал в Ставку о положении на фронтах, где действовали силы флота, когда командование направлений, медлило. Например, в критической ситуации в Таллине.

15 августа — обратился к председателю ГКО СССР И.В. Сталину и заместителю председателя СНК СССР Н.А. Вознесенскому с ходатайством об изготовлении заводами «Совкабель» и «Москабель» необходимых для размагничивания кораблей 350 км кабеля и о заказе 300 км кабеля на импорт, т. к. имеющегося на складах ЭМТ кабеля едва хватило бы для удовлетворения малой доли того, сколько требовалось, несмотря на то, что все предприятия Ленинграда, Кронштадта, Таллина, Севастополя, Архангельска, Мурманска, Владивостока отдали все запасы кабеля, годного для систем ЛФТИ. В первых числах сентября «Совкабель» начал поставки кабеля для ЭМТ.

26 августа — просил разрешения на эвакуацию главной базы Балтийского флота (Таллинской). Докладывать и просить принять соответствующие меры должно было главнокомандование северо-западного направления, но оно медлило, а ждать дальше было нельзя. Ставка отдала приказ об эвакуации защитников Таллина и прорыве флота в Кронштадт для усиления обороны Ленинграда. В результате удалось сохранить боевое ядро БФ, сыгравшего важную роль в обороне Ленинграда.

Издал:

2 сентября — приказ о предоставлении кратковременного отпуска летно-техническому составу ВВС ВМФ № 0844;

3 сентября — директиву о недопущении больших потерь авиации № 874/МН;

директиву о порядке использования английских кораблей № ЗН/447;

приказ об организации в г. Ульяновске управления старшего морского начальника № 0840;

4 сентября — директиву об использовании сил флота при обороне Перекопа № ЗН/449;

6 сентября — директиву о нанесении авиационного удара по Бухаресту № 541/Ш;

директиву о подготовке операции по высадке тактического десанта в районе Одессы № ЗН/452;

9 сентября — директиву о совершенствовании обороны Севастополя № ЗН/458;

11 сентября — директиву о целесообразности минных постановок в Финских шхерах № ЗН/467.

12 сентября — начала действовать Дорога жизни. Когда блокадное кольцо фашистских войск замкнулось вокруг Ленинграда, нарком ВМФ и военный совет Ленинградского фронта, выполняя решение ГКО, поставили перед Ладожской военной флотилией важную задачу обеспечить морские перевозки грузов через Ладожское озеро для осажденного города. Так родилась Дорога жизни (водная магистраль — летом и ледовая — зимой), сыгравшая важную стратегическую роль в войне. Моряки переправили по «Дороге жизни» более 1 млн. человек и доставили 1690 тыс. т грузов.

Издал:

12 сентября — директиву об удержании опорных пунктов под Одессой № 559/Ш;

13 сентября — директиву о подготовке выхода кораблей из Севастополя № ЗН/469;

14 сентября — директиву о плане действий в случае оставления Ленинграда № 570/Ш;

15 сентября — директиву о мерах по укреплению обороны Одессы № ЗН/476;

17 сентября — директиву о направлении батарей «РС» для Одессы № ЗН/483;

18 сентября — директиву о плане обороны Крыма № ЗН/490;

директиву об учете опыта Таллина при эвакуации Одессы № ЗН/495;

20 сентября — директиву о минировании Днепро-Бугского лимана № ЗН/502;

22 сентября — директиву о рациональном использовании артиллерийского боезапаса № 598/Ш;

23 сентября — директиву о мерах по усилению ПВО КБФ № ЗН/514;

24 сентября — директиву о мероприятиях в связи с возможной операцией немецкого флота № ЗН/526;

приказ о рассредоточении кораблей по затонам р. Волги и переводе кораблей в Каспийское море № 00338;

26 сентября — директиву об управлении тыловыми частями № 609/Ш;

директиву об экономном расходовании боезапаса при стрельбе по берегу № 610/Ш;

приказ о всеобщем обязательном военном обучении вольнонаемного состава ЦУ НКВМФ № 417;

27 сентября — приказ об обеспечении плавания кораблей в ледовых условиях № 0927;

28 сентября — директиву об упреждении противника в наступлении № 9/135.

29 сентября — приказал ЧФ подготовить эвакуацию сил и средств флота из Одессы № 619/III;

30 сентября — приказал (совместно с ГМШ) военному совету ЧФ провести эвакуацию с учетом опыта эвакуации Таллина. В результате вывод войск и сил флота из Одессы был проведен более организованно — директива № ЗН/545.

Сентябрь — приказал (совместно с наркомом обороны) сформировать ГУ Гидрометеослужбы Красной Армии и Управление Гидрометеослужбы Флота.

Сентябрь — октябрь — участвовал в Московской конференции представителей трех держав — СССР, Англии и США, на которой решались вопросы о военных поставках Советскому Союзу. По Военно-Морскому Флоту вопрос рассматривался вместе с наркомом ВМФ, имевшим свою заявку.

Первая половина октября — подготовил проект решения и приказал в соответствии с постановлением ГКО и указанием (Ставки ВГК) выделить с флотов 40–55 тыс. моряков для формирования 25 морских стрелковых бригад. Приказал сформировать для обороны Москвы 5–6 бригад из числа личного состава ТОФа и Амурской флотилии.

Издал:

3 октября — директиву об оставлении подводных лодок для обороны Ленинграда № 635/III;

4 октября — директиву о возможности дальнейшей обороны Одессы № 639/Ш;

5 октября — директиву о повышении активности подводных лодок № 645/Ш;

директиву о полной эвакуации Одессы № 647/Ш;

6 октября — директиву о мерах по ускорению эвакуации Одессы № 649/Ш;

приказ о перебазировании Ладожской военной флотилии № 00362;

8 октября — директиву об оказании помощи войскам 9-й армии № 661/111;

приказ об исполнении приказа НКО от 4 октября 1941 г. № 0391 в ВМФ № 0980.

10 октября — отдал соответствующее распоряжение в связи с указанием Ставки ВГК об эвакуации всех управлений НК ВМФ в г.

Куйбышев и Ульяновск. Для организации работы в новых условиях и установления связи с флотами командировал в г. Куйбышев В.А. Алафузова.

Издал:

10 октября — приказ об организации ледокольной кампании в Белом море № 00370/Р247;

13 октября —. директиву о кадровых изменениях на Азовской военной флотилии № 673/Ш;

14 октября — директиву о запрещении действий торпедоносной авиации в Болгарских территориальных водах № ЗН/568;

15 октября — директиву об использовании Тендровского опорного пункта № ОД-209.

16 октября — вылетел в Куйбышев. На месте принял решение по вопросам, связанным с размещением штаба, организацией оборудования командного пункта наркомата по вопросам установления связи с флотами. Он не без труда отвоевал там нужные помещения для работников штаба и узла связи. Встретился с Н.А. Вознесенским и генералом М.З. Захаровым.

18 октября — вернулся в Москву.

19 октября — присутствовал на заседании ГКО, на котором было принято постановление о введении в Москве и прилегающих к ней районов с 20 октября осадного положения.

23 октября — приказал образовать в подчинении командующего войсками Московской зоны обороны первый морской отдельный отряд моряков в составе: батальона охраны НК ВМФ, батальона Московского флотского экипажа, гвардейского флотского дивизиона РС («катюш»), дивизиона моряков ПТО (противотанковых орудий).

25 октября — издал директиву о мероприятиях по обороне Кремля № 24.

Октябрь 1941 г. — сформирована Волжская военная флотилия.

Октябрь — выехал по приказу Ставки ВГК на Северный флот для организации и проверки подготовки встречи союзных конвоев. Уточнил, какие силы выделить в помощь английским кораблям, и определил порядок взаимодействия с англичанами.

Начало ноября — немцы подошли к Севастополю, нарком ВМФ, убежденный, что только командующий ЧФ может по-настоящему руководить обороной города, обратился в Генштаб с просьбой рассмотреть этот вопрос. В секретариат И.В. Сталина был направлен проект директивы, завизированный Б.М. Шапошниковым и Н.Г. Кузнецовым.

7 *ноября* в соответствии с указанной выше директивой в

Севастополь на имя адмирала Г.И. Левченко отправлена телеграмма за подписями И.В. Сталина, Б.М. Шапошникова и Н.Г. Кузнецова, в которой от имени Ставки ВГК (с целью сковать силы противника в Крыму и не допустить его на Кавказ через Таманский п-ов) было приказано считать главной задачей ЧФ активную оборону Севастополя и Керченского п-ова; Севастополя не сдавать ни в коем случае; издал директиву о непременном удержании Севастополя № 29738/Ш.

На Красной площади в Москве состоялся военный парад, в котором участвовали 1-й Московский отдельный морской отряд и две курсантские роты, созданные в августе 1941 г. по приказу адмирала Л.М. Галлера. С парада курсанты вместе с войсками 316-й стрелковой дивизии генерал-майора И.В. Панфилова ушли на фронт, приняли на себя мощный удар вражеских танков под Волоколамском, нарком ВМФ напутствовал и вручил боевое знамя командиру 1-го отдельного отряда моряков полковнику Смирнову и военкому Владимирову.

Издал:

10 ноября — директиву об уничтожении предприятий и военных объектов в Феодосии;

12 ноября — директиву о мероприятиях по недопущению переправы противника с Керченского на Таманский п-ов № 29943/Ш;

12 ноября — приказ о плохом выполнении приказа НК ВМФ № 353-1941 г. и мерах по устранению ненормальностей № 01207;

25 ноября — директиву о мероприятиях по обороне Севастополя № 177;

25 ноября — директиву о создании противодесантной обороны Кавказского побережья и Севастополя № 179;

28 ноября — директиву о мерах по усилению обороны Севастополя № 191;

30 ноября — приказ об итогах проверки боеготовности Каспийской военной флотилии № 01093;

6 декабря — приказ о выполнении программы военного судостроения в 1942 г.;

8 декабря — директиву о предупреждении аварий и гибели кораблей № 32668/Ш;

11 декабря — приказ о приемке и разгрузке иностранных судов в г. Мурманске № 01108;

18 декабря — директиву о действии советских подводных лодок в Северном море № 371;

23 декабря — директиву о наведении порядка и поддержании дисциплины в портах и базах флота № НП-85/Ш;

30 декабря — приказ о расширении применения дымовой

маскировки для обеспечения боевых действий флота и обороны ВМБ и объектов ВМФ № 01116.

Середина зимы 1941 г. — нарком ВМФ объявил на совещании командиров-подводников ЧФ о введении на флотах отделов подводного плавания, подчиненных непосредственно командующим, в целях совершенствования организации службы на лодках и лучшего освоения техники.

25 декабря 1941 г. — 2 января 1942 г. — Керченско-Феодосийская операция. Она вошла в историю Великой Отечественной войны как «не только образец отваги воинов. Это была самая крупная десантная операция нашего флота, хорошо разработанная, несмотря на крайне сжатые сроки ее подготовки. Действия нашего флота мы оцениваем по тому, насколько полезны они были для общего дела борьбы с врагом… Что принесло пользу стране, то и надо признать разумным в действиях флота» (Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. М., 1971. С. 149). В разработке и проведении этой операции участвовал и нарком ВМФ. В результате в Крыму был создан новый фронт. Противник потерял возможность вторгнуться через Керченский полуостров на Кавказ и был вынужден прекратить наступление под Севастополем, оборона которого продолжалась еще полгода.

1942 г.

Деятельность наркома ВМФ имела свои особенности. Она заключалась в том, что он ставил задачи флотам на каждый год, руководствуясь сложившейся обстановкой на огромном сухопутном фронте. Подчиняя действия флота интересам армии, нарком и его аппарат анализировали состояние боевой готовности флотов, результаты выполнения задач в морских операциях и определяли новые, исходя из конкретной оперативно-стратегической обстановки. Так, например, на 1942 г. нарком ВМФ поставил Северному флоту следующие задачи:

не допустить захвата районов базирования флота, прорыва кораблей и высадки десантов в Кольском заливе, Иоканьге и Белом море;

содействовать флангу 14-й армии авиацией, артогнем, десантными и морскими перевозками;

продолжить нарушение перевозок противника в Норвежском и Баренцевом морях и запретить использование Петсамо в качестве конечного пункта перевозок;

активизировать действия подлодок, авиации и надводных кораблей против боевых кораблей и транспортов противника, систематически производить активные минные постановки;

обеспечить движение внешних конвоев усилением охранения

и всеми видами обороны в прибрежной зоне; сохранить морскую коммуникацию Мурманск — Белое море — Арктика.

Издал:

4 января — директиву о подчинении ЧФ командующему Кавказским фронтом № 12/III;

6 января — директиву об итогах подводной войны за 6 месяцев 1941 г. № 159/Ш;

7 января — директиву об охране линкора «Парижская коммуна» во время выхода в море № 22/ОГ.

12 января — приказал преобразовать Краснознаменный смешанный авиаполк в 20-й гвардейский Краснознаменный авиаполк.

Издал:

16 января — приказ об объявлении положения и штатов военной приемки импортных грузов № ООН;

17 января — приказ об аварийности в частях ВВС действующих флотов № 039;

18 января — директиву о разрешении рыбной ловли на театрах военных действий № 57/ОТ;

21 января — приказ о задачах по судоремонту на 1942 г. № 056;

21 января — приказ об оперативном использовании торпедных катеров № 093;

24 января — приказ о формировании отдельных батальонов морской пехоты № 0018;

28 января — приказ о мерах по прикрытию с воздуха транспортов в районе Мурманска № 0024/0022;

30 января — приказ о повышении боевой готовности флотов на 1942 г. № 00400;

4 февраля — директиву о систематической постановке мин самолетами № 122/Ш;

8 февраля — директиву о повышении зенитной подготовки всех классов кораблей, б/н;

10 февраля — приказ об изучении боевого опыта и его реализации № ОНО;

13 февраля — директиву об использовании минно-торпедной авиации № НШ/58;

14 февраля — приказ об объявлении приказа НКО СССР № 082 от 6 февраля 1942 г. № 0117;

17 февраля — директиву о порядке присвоения воинских званий по сокращенным срокам № 99/111;

18 февраля — директиву о повышении ответственности командиров и комиссаров за организацию полетов авиации;

19 февраля — приказ об инженерной подготовке военно-морских баз ВМФ;

20 февраля — директиву об обеспечении конвоя PQ -11 № 7/188;

20 февраля — приказ о составе эскадры КБФ № 0045;

24 февраля — директиву о повышении эффективности минных постановок № 2939;

25 февраля — директиву об утверждении состава ОВР КБФ б/н;

27 февраля — директиву об усилении минной войны на коммуникациях противника № 9/39;

28 февраля — приказ о формировании авиационных полков резерва ВГК № 0053.

Февраль — приказал сформировать на Онежском озере Онежский отряд кораблей, более сильный, чем флотилия, с непосредственным подчинением наркому ВМФ.

Издал:

1 марта — директиву о деятельности торпедных катеров и береговых батарей СФ № 7/195;

3 марта — директиву об обеспечении безопасности своих коммуникаций № 9/45;

4 марта — приказ о практике курсантов вмузов на кораблях и в частях ВМФ в 1942 г. № 0186;

7 марта — директиву о развертывании подводных лодок для прикрытия конвоя № 7/198;

8 марта — приказ об объявлении приказа НКО СССР № 0169-42 г. и постановления ГКО от 3 марта 1942 г. № ГКО-1379с «Об охране военного имущества Красной Армии в военное время» № 0210;

9 марта — директиву об усилении охраны транспортов № 9/47;

11 марта — директиву о действиях торпедных катеров и авиации в районе Кольского залива № 7/201;

13 марта — приказ о распространении приказа НКО СССР от 4 марта 1942 г. № 0171 на ВВС ВМФ № 0223;

15 марта — директиву об обеспечении перехода конвоев № 7/206.

16 марта — командировал во Владивосток (в связи с директивой ВГК Дальневосточному фронту, Тихоокеанскому флоту и Амурской военной флотилии разработать и уточнить планы боевых операций на случай внезапного нападения Японии) начальника ГМШ адмирала И.С. Исакова для разработки совместно с военсоветом ТОФ плана предохранительных мер.

Издал:

20 марта — директиву о развертывании минной войны на коммуникациях противника № 9/60;

20 марта — директиву об установке артиллерийских батарей для обороны Крыма № 9/59;

21 марта — приказ о случаях потери и гибели личного состава верхней вахты на подлодках в боевых походах № 0253;

23 марта — директиву о проверке готовности кораблей к противохимической обороне № 7/213;

24 марта — директиву о постановке аэростатов заграждения № 163/Ш;

26 марта — директиву о выборе мест для аэродромов № 9/66;

3 апреля — директиву об использовании торпедоносной авиации № 7/220;

3 апреля — приказ о создании в системе нарком-судпрома специального конструкторского бюро № 0082;

3 апреля — приказ о подготовке легководолазов на надводных кораблях № 0279.

3 апреля — приказал удостоить гвардейского звания крейсер «Красный Кавказ», подводные лодки М-171, М-174, Д-3, К-22, эсминец «Стойкий», минный заградитель «Марат» («Ока») и тральщик Т-205. Родилась морская гвардия, традиции которой сохраняются экипажами современных кораблей.

4 апреля — утвердил и ввел в действие план предохранительных мер на ТОФе, которым предусматривались усиленная разведка подводными лодками у японских баз, повседневная воздушная разведка самолетами на юг до Гензана и на восток к берегам Японии, не нарушая границ.

Издал:

4 апреля — приказ об опыте первых месяцев минной войны № 0084;

6 апреля — директиву об усилении противовоздушной обороны кораблей № 8/48;

9 апреля — директиву о возможности переброски мелких плавсредств на Ладожское озеро № 8/51.

До 10 апреля — не раз поднимает в Ставке ВГК вопрос о необходимости лучшей организации управления Черноморским флотом.

10 апреля — доказывает И.В. Сталину необходимость смены командования в Севастополе.

Издал:

10 апреля — приказ о мероприятиях по повышению химической боеготовности ВМФ № 0093;

11 апреля — приказ о перевозке грузов для Ленинграда и

фронта через Ладожское озеро в навигацию 1942 г. № 0095;

13 апреля — директиву об усилении ПВО Туапсе № 202/Ш;

18 апреля — приказ об использовании минного оружия ВМФ в войне с германским фашизмом № 00111;

20 апреля — директиву о перевозке людей и грузов в Севастополь боевыми кораблями № 9/89;

22 апреля — приказ о мероприятиях по обеспечению перевозок на Ладожском озере № 0359;

23 апреля — приказ о переводе подводных лодок на Северный флот № 00116.

23 апреля — принял решение и приказал военному совету Беломорской военной флотилии строить военно-морскую базу в Иоканьге.

Апрель — вылетел вместе с С.М. Буденным по указанию Ставки ВГК на Керченский п-ов в связи с подготовкой там наших войск к наступлению. «Фашистская авиация висела над проливом и городом. В штабе фронта царила неразбериха. Л.З. Мехлис вмешивался во все оперативные дела… Побывал в Керченской базе и бригаде морской пехоты, вылетел в Новороссийск, а оттуда в Поти, где стояла эскадра флота». Здесь наркома ВМФ застало известие о наступлении врага на Керченском п-ове. Наши войска оказались в критическом положении. Когда положение в Керчи стало катастрофическим, Л.З. Мехлис попытался свалить ответственность на командира Керченской базы Фролова А.С., потребовал от Н.Г.Кузнецова отдать его под суд, в противном случае грозился расстрелять его своим приказом. «Этого вы не посмеете сделать!» — заявил Н.Г Кузнецов Л.З. Мехлису, защитил и отстоял А.С. Фролова (см.: Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 170).

Апрель — май — видя, что защитникам Севастополя не хватает оружия, послал в Ставку ВГК телеграмму: «В базах ЧФ имеется до 5000 прекрасных бойцов, могущих быть использованными для обороны Севастополя, но не имеющих оружия. Убедительно прошу в срочном порядке выделить 5000 винтовок».

Апрель — рассмотрел, насколько эффективно используется корабельная артиллерия в общей системе обороны Ленинграда. Огненным щитом стали орудия фортов «Красная горка» и «Серая лошадь», а также крепости Кронштадт. Заметил, что корабельная артиллерия, обладающая высокой мощностью и дальностью стрельбы, нередко используется недостаточно эффективно из-за того, что многие командиры сухопутных частей ставят задачи флотской артиллерии без понимания ее специфики. Добился директивы, отданной начальником Генштаба войскам,

использовать корабельную артиллерию в интересах сил фронта, как артиллерию резерва Верховного Главнокомандования (РВГК), не планируя для нее тех целей, которые могли подавляться полковыми и дивизионными орудиями.

Апрель — встретился с прибывшим в Москву послом США В. Стендли, согласовал вопросы, связанные с увеличением морских перевозок из США в СССР и оказанием содействия американским представителям в Архангельске.

Издал:

6 мая — приказ о мобилизации девушек-комсомолок и некомсомолок-добровольцев в ВМФ № 0365;

9 мая — приказ о расширении использования огневых завес № 0398;

15 мая — директиву о переводе кораблей Северным морским путем № ОВК/71;

16 мая — приказ о порядке выдачи водки кораблям и частям действующих флотов № 0441;

18 мая — директиву об организации ПВО военно-морских баз № 243/Ш;

18 мая — приказ о мероприятиях по обеспечению противоминной защиты перевозок по р. Волге № 00162;

21 мая — директиву об усилении борьбы на коммуникациях противника № 9/120;

21 мая — директиву об учете опыта Керченской операции № 9/119;

21 мая — приказ об итогах сбора артиллеристов на КБФ и мероприятиях по повышению эффективности использования морской артиллерии № 0433;

22 мая — приказ о материальном обеспечении военнослужащих на военизированных судах морского флота № 0438/М-3;

23 мая — директиву о совершенствовании управления артиллерийским огнем № 22/бп;

25 мая — директиву об активизации борьбы с транспортами противника в Финском заливе в № 8/74;

25 мая — приказ о противоминной обороне № 00175;

25 мая — приказ об усилении ПХЗ военно-морских баз ВМФ № 00177;

25 мая — приказ о руководстве подготовкой рядового и младшего начсостава для кораблей и частей ВМФ № 0446.

25 мая — приказал создать Соловецкую школу юнг ВМФ: «В целях создания кадров будущих специалистов флота высокой квалификации, требующих длительного обучения и практического плавания на кораблях ВМФ, приказываю:

1.1 августа 1942 г. сформировать при учебном отделе Северного флота школу юнг ВМФ с дислокацией на Соловецких островах. Плановые занятия начать 1 сентября 1942 г.

2. Школу юнг подчинить командиру учебного отряда Северного флота.

3. Школу укомплектовать юношами в возрасте 15–16 лет, имеющими образование в объеме 6–7 классов, исключительно добровольцами…»

В приказе приведен перечень специальностей, по которым шла подготовка юнг, указывался порядок формирования и материального обеспечения школы. Одновременно вводились в действие «Положение о юнгах ВМФ СССР» и «Правила приема в школу юнг ВМФ».

Издал:

26 мая — директиву об увеличении количества подлодок для обеспечения конвоя № 7/250;

26 мая — приказ об увеличении численного состава флота в Ладожском озере под перевозки грузов для г. Ленинграда № 0448;

27 мая — директиву о принципах организации ПВО на флотах № 266/Ш;

28 мая — директиву о мероприятиях по встрече конвоя PQ-16 № 267/Ш.

Май — встретился с бывшим послом СССР в США К.А. Уманским по вопросу о необходимости дальнейшего развития деловых отношений с США, связанных с поставками по ленд-лизу; решил ряд вопросов, касавшихся морских перевозок и поставок военных грузов Советскому Союзу.

Издал:

6 июня — приказ об упорядочении связи ГМШ и ЦУ ВМФ с флотами и флотилиями № 00191;

10 июня — директиву о действиях флота в Финском заливе № 8/99;

11 июня — директиву об обеспечении конвоя PQ-17 № 7/280;

11 июня — директиву об улучшении использования средств радиосвязи № 6/97;

11 июня — директиву об улучшении боевой подготовки на кораблях ВВФ № 25/бп;

14 июня — директиву об обеспечении СОР боеприпасами и продовольствием № 9/149;

14 июня — приказ о принятии мер по изжитию аварий навигационного характера на кораблях ВМФ № 0511;

17 июня — директиву о плане прикрытия конвоя PQ-17 № 7/284;

18 июня — директиву об усилении СФ авиацией для обеспечения встречи конвоя PQ-17 № 7/285;

18 июня — директиву о мерах по усилению обороны под Ленинградом № 8/Ш.

21 июня — приказал учредить гвардейский Военно-морской флаг СССР и гвардейский Краснознаменный Военно-морской флаг СССР для отличия кораблей, личный состав которых проявил массовый героизм и мужество. Торжественное вручение и подъем гвардейского Военно-морского флага СССР состоялись на первых гвардейских кораблях, объявленных приказом наркома ВМФ.

27 июня — трагическая гибель конвоя PQ-17. Под давлением адмиралтейства У.Черчилль, опасаясь дальнейших потерь, пытался прекратить отправку конвоев до наступления полярной ночи. Нарком ВМФ СССР неоднократно докладывает в Ставке ВГК о сложившейся ситуации, получает указания и готовит проекты телеграмм советскому представителю в Великобритании и лично У.Черчиллю с настоятельными просьбами продолжать отправку грузов Северным путем.

Издал:

29 июня — приказ о мероприятиях по дальнейшему развитию маскировочного дела на ВМФ СССР № 0553;

30 июня — директиву об усилении Ладожской военной флотилии № 8/122;

30 июня — приказ о мероприятиях по службе размагничивания кораблей ВМФ № 0555;

5 *июля* — директиву о непрерывной разведке в Альтен-фиорде № 7/318;

8 июля — директиву о готовности ударных групп к действию по кораблям противника № 1/324;

9 июля — приказ о применении на военизированных судах НКМФ подрывных патронов для затопления судов № 0583;

11 июля — директиву о недостатках операции по захвату о. Соммерс № 8/130;

11 июля — приказ о ремонте иностранных судов в г. Мурманске и г. Архангельске № 0591;

12 июля — директиву о создании запасов в отдаленных гарнизонах № 228/Ш;

14 июля — директиву о базировании северного отряда кораблей № 7/334;

16 июля — директиву о недостатках боевой деятельности авиации СФ № 338/III;

17 июля — директиву о проведении демонстрационной высадки десанта на остров Коневец № 8/138;

17 июля — приказ о наложении дисциплинарных взысканий за халатное отношение к обобщению опыта войны № 00246;

18 июля — приказал ввести на флоте отличительный знак для раненых военнослужащих ВМФ.

Приказал ввести в действие «Правила ношения орденов,

медалей и нагрудных знаков военнослужащими ВМФ».

Издал:

18 июля — директиву о мерах по снижению эффективности действий авиации противника № 9/198;

20 июля — директиву о повышении активности боевых действий № 8/144;

25 июля — приказ № 0635 о распределении функций между заместителями народного комиссара по руководству управлениями наркомата;

28 июля — директиву № 351/Ш об основных задачах флотилий;

30 июля — директиву № 360/1II о выполнении приказа № 227;

30 июля — приказ № 00268 о сокращении военно-морских учебных заведений;

31 июля — директиву № 9/217 об активизации боевых действий у берегов Крыма;

Июль — утвердил тактико-техническое задание на техпроект малого самоходного транспорта.

Издал:

2 августа — директиву № 170 об уничтожении дозорных кораблей противника;

4 августа — директиву № ОВК/182 о внимательном отношении к иностранным морякам;

7 августа — директиву № 9/228 об обеспечении перевозок грузов и войск по Каспийскому морю;

8 августа — приказ № 0675 об определении степени повреждения неприятельских батарей, кораблей (транспортов), подводных лодок и самолетов в результате проведенной атаки с использованием различного оружия;

15 августа — приказ № 00296 о проведении десантной операции КБФ по захвату о. Соммерс;

16 августа — директиву № 8/193 об активизации действий авиации;

18 августа — приказал обеспечить сбор конвоев в районе Новой Земли и защищать новоземельские проливы, сформировать Новоземельскую ВМБ в губе Белушья.

Издал:

19 августа — директиву № 518/НШ об использовании авиации ЧФ для прикрытия коммуникаций;

20 августа — директиву № 7/374 об усилении охраны коммуникаций в Баренцевом море;

24 августа — директиву № 8/204 о действиях ВВФ в случае выхода противника на Волгу;

24 августа — приказ № 00304 о результатах обобщения и реализации боевого опыта воюющих флотов и флотилий ВМФ;

27 августа — директиву № 9/265 о возможных затоплениях кораблей ЧФ;

27 августа — приказ № 0734 об организационных мероприятиях по дымомаскировке караванов и судов в отстойных пунктах на р. Волге;

29 августа — приказ № 0742 об опыте использования индивидуальных спасательных аппаратов на подводных лодках;

2 сентября — директиву № К/329 о приеме призывников на флот;

7 *сентября* — директиву № 9/269 о задачах ЧФ по обороне побережья;

10 сентября — директиву № 7/409 об использовании авиации на СФ;

12 сентября — приказ *№* 0791 о распространении приказа НКО СССР № 0685 на ВВС ВМФ;

13 сентября — директиву № 9/280 о результатах десантной операции на СФ;

16 сентября — приказ № 0799 о нарушении организации службы и ослаблении внимания к вопросам боевой подготовки на подводных лодках действующих флотов;

18 сентября — директиву № 7/420 об усилении ПВО подходов к Архангельску;

20 сентября — директиву № 6/196 об использовании авиации ТОФ против нарушителей границы;

22 сентября — директиву № 9/295 об усилении противодействия перевозкам противника на Черном море;

24 сентября — приказ № 0816 об аварийности в ВМФ и мероприятиях по ее ликвидации;

25 сентября — приказ № 0824 о военизации вольнонаемного состава вспомогательных судов и плавучих средств ВМФ.

26 сентября — издал специальную директиву ЧФ, в которой указал на необходимость усилить активность флота по нарушению морских перевозок у западного побережья Черного моря и особенно на путях сообщения с Крымом и Северным Кавказом. *Издал:*

2 октября — директиву № 497/Ш о повышении бдительности на флотах;

3 октября — директиву № 481/Ш о нарушении формы одежды;

6 октября — директиву № 8/262 об организации зимней обороны баз и островов;

10 октября — директиву № 522/III об установлении

единоначалия в ВМФ;

12 октября — приказ № 0876 об утверждении образца революционного Красного Знамени для частей и соединений береговой противовоздушной обороны, ВВС и других береговых частей ВМФ;

13 октября — директиву № ОВК-335 об укреплении дисциплины команд транспортов в загранплаваний;

17 октября — приказ № 00351 о мероприятиях по усилению боевого применения огневых и зажигательных средств в ВМФ;

18 октября — директиву № ОВК/347 об обеспечении проводки транспортов на СФ;

18 октября — приказ № 00360 о зимней ледокольной кампании на Белом море;

20 октября — приказ № 00364 о недостатках по инженерному оборудованию рубежей сухопутной обороны военно-морских баз;

21 октября — директиву № 9/325 о положительном опыте использования торпедоносной авиации на КБФ;

22 октября — приказ № 00372 об итогах боевой деятельности ПВО ВМФ;

23 октября — приказ № 0903 об итогах операции, проведенной Ладожской военной флотилией;

24 октября — директиву № 9/328 о повышении активности боевой деятельности ЧФ;

27 октября — директиву № 557/Ш о перевозке грузов в связи с закрытием навигации на Ладожском озере;

27 октября — директиву № 558/Ш о беспрекословном выполнении приказов наркома ВМФ;

30 октября — приказ № 0925 об упорядочении перелетов высшего командно-начальствующего состава.

Начало ноября — выехал на Краснознаменный Балтийский флот.

5 ноября — издал директиву № 585/Ш об изучении опыта боевых действий на кораблях.

10 ноября — награжден моряками КБФ пистолетом «Браунинг-Ш» № 1839 с кобурой и ремнем (с металлической накладкой и гравировкой: «наркому ВМФ адмиралу Кузнецову Н.Г. от эскадры КБФ»).

14 ноября — выступил на совещании командного состава КБФ с оценкой начала боевых действий флотов, состояния материальной части флотов, личного состава, боевого управления, подготовки операций и руководства ими. Речь шла о неумении предусмотреть все, что нужно; об организации флота в целом: ВВС, БО, флот, тыл, базы, ОВР, ПВО; о выполнении своих задач всеми флотами.

Издал:

19 ноября — директиву № 9/358 о плане действий кораблей ЧФ;

19 ноября — приказ № 00396 о создании мобилизационных резервов для ВМФ;

21 ноября — директиву № 602/III о правдивости донесений по потерям противника;

26 ноября — директиву № 613/Ш о расследовании факта гибели эсминца «Сокрушительный»;

30 ноября — директиву № 617/III о подготовке приказа по факту гибели эсминца «Сокрушительный»;

30 ноября — директиву № 618/Ш о наказании виновных в гибели канонерской лодки «Красное Знамя»;

1 декабря — директиву № 621/III об увлечении репрессивными мерами на ЧФ;

1 декабря — приказ № 01020 об организации помощи экипажам самолетов и охраны самолетов, совершивших вынужденную посадку;

8 декабря — приказ № 01038 о награждении личного состава 22-го РАП за успешное перебазирование из Аджи-Кабул в район Архангельска;

10 декабря — приказ № 01040 о порядке выдачи водки личному составу кораблей и частей действующих флотов и флотилий;

11 декабря — директиву № 9/381 о результатах боевой операции на ЧФ;

13 декабря — приказ № 01050 об установлении общей системы заместительства в частях ВВС ВМФ;

26 декабря — приказ № 01074 о порядке назначения и перемещения начсостава ВМФ;

29 декабря — приказ № 01087 об итогах инженерного обеспечения театра ВМФ за 1942 г. и задачах на 1943 г.;

31 декабря — директиву № 648/Ш о планах действий ЧФ;

31 декабря — определил директивой следующие задачи флотам на 1943 г.: защищать свои и нарушать вражеские коммуникации, содействовать приморскому флангу сухопутных войск, оборонять побережье и поддерживать выгодный оперативный режим в своей зоне. Главная задача (для Северного флота) — совместная с военно-морскими силами союзников защита внешней коммуникации, а в период между операциями по обеспечению конвоев — нарушение коммуникаций противника.

В течение 1942 г. нарком ВМФ постоянно следил за формированием морских стрелковых бригад для помощи армейским соединениям. На различных фронтах войны

сражались 21 бригада морской пехоты и свыше 30 морских стрелковых бригад, несколько десятков отдельных полков и батальонов морской пехоты.

Награжден моряками 3-й гвардейской бригады пистолетом системы «Парабеллум-Ш» № 5558 (с металлической накладкой и гравировкой: «наркому ВМФ Адмиралу Кузнецову Н.Г. от моряков 3-й гвардейской бригады. 1941–1942»).

1943 г.

Определил Черноморскому флоту на предстоящий период действовать по морским коммуникациям группировки войск противника на Таманском п-ове и считать это первоочередной задачей.

Издал:

5 января — приказ № 001 о мероприятиях по сокращению численности ЧФ в связи с передачей личного состава в Красную Армию;

7 января — директиву № 65 об организации Азовской военной флотилии;

8 января — директиву № 07/111 об обязательном участии командиров соединений подводных лодок в боевых походах;

10 января — директиву № 7/486 о нанесении массированных ударов по транспортам противника;

14 января — приказ № 0021 о реорганизации органов почтовой службы ВМФ и военно-морской почты;

16 января — приказ № 026 о разделении кораблей ВМФ по категориям и поименном учете их;

18 января — приказ № 028 о формировании управления подводного плавания ВМФ;

18 января — приказ № 030 о формировании отделов подводного плавания на флотах и отделений подводного плавания на флотилиях;

18 января — приказ № 00500 о выводах из опыта боевой подготовки на воюющих флотах за 1942 г.;

20 января — приказ № 032 о мероприятиях по упорядочению организации и повышению дисциплины на ГКП кораблей;

29 января — директиву № 7/491 о повышении эффективности боевого использования торпедных катеров на СФ;

29 января — директиву № ОУ/112 об опыте набеговой операции на коммуникации противника кораблями СФ;

30 января — директиву № 9/408 об использовании авиации ЧФ для минных постановок.

Конец января — поднял в Ставке ВГК вопрос о целесообразности воссоздания расформированной в октябре 1942 г. Азовской флотилии.

3 *февраля* подписал приказ о воссоздании Азовской флотилии под командованием контр-адмирала С.Г. Горшкова.

Издал:

5 февраля — директиву № 1897 о действиях ЧФ и авиации в целях изоляции окруженного противника;

7 февраля — приказ № 0050 об итогах боевого использования подлодок ВМФ за полтора года войны и задачах на 1943 г.;

10 февраля — директиву № 8/28 о подготовке к весеннему тралению;

11 февраля — директиву № 44/Ш об усилении боевой деятельности флотов на море;

13 февраля — директиву № 9/425 о слабом использовании подлодками данных воздушной разведки;

24 февраля — приказ № 00119 о правилах ношения и хранения средств индивидуальной ПХЗ на кораблях, в частях, учреждениях и предприятиях ВМФ;

26 февраля — приказ № 72 об изобретательской и рационализаторской работе на ВМФ;

3 марта — приказал создать на Каспийской флотилии оборону Астраханского рейда в составе дивизиона плавучих батарей (4 батареи), отряда кораблей охранения, отряда тральных средств и других сил и средств.

Издал:

20 марта — приказ № 0176 о присвоении воинского звания «старший краснофлотец» и «ефрейтор» краснофлотцам, выслужившим полный срок военно-морской службы;

26 марта — приказ № 0094 о мерах противоминного обеспечения и ПВО судов НКРФ на р. Волге;

27марта — приказ № 0179 о создании резерва дефицитных специалистов рядового и младшего начсостава в соединениях действующих кораблей ЧФ;

10 апреля — директиву № 7/520 о совершенствовании действий СФ по конвоям противника;

10 апреля — директиву № 8/104 о повседневной готовности авиационной группы на КБФ;

13 апреля — приказ № 0233 о присвоении имени погибших командиров Лекарева и Владимирова кораблям СФ;

13 апреля — приказ № 0243 об итогах работы АСС ВМФ за время войны и задачи на 1943 г.;

14 апреля — директиву № 9/111 об усилении воспитательной работы с подчиненными командирами;

14 апреля — приказ № 0066/00109 о взаимодействии между войсками ПВО ТС и ВВФ по ПВО Волжского бассейна;

14 апреля — приказ № 0244 о повышении гидрографической

подготовки командного состава ВМФ;

15 апреля — приказ № 0249 об итогах сбора начальников химлабораторий флотов (флотилий) и о мероприятиях по улучшению службы химической разведки на ВМФ;

15 апреля — приказ № 0250 о расширении масштаба применения дымовых завес на ВМФ;

17 апреля — директиву № 7/526 о бережливом отношении к использованию транспортов;

5 мая — директиву № 118/III об усилении действий авиации КБФ в островном районе;

6 мая — приказ № 0306 о введении должности заместителя командующего ВВС флота по ПВО;

6 мая — приказ № 0309 о предоставлении права командующим флотов и командующим ВВС флота назначать и перемещать начсостав ВВС;

8 мая — директиву№ 124/Ш о судимости в ВМФ.

10 мая — приказал организовать противоминную оборону Волги и Волго-Каспийского канала, состоявшую из бригады траления трехдивизионного состава (48 вымпелов, 104 поста) СНиС Астраханской ВМБ. Было сформировано управление старшего морского начальника для руководства движением конвоев, шедших вдоль восточного побережья Каспийского моря.

Издал:

10 мая — директиву *№* 130/Ш о минных постановках в Керченском проливе;

124

11 мая — приказ № 0325 о немедленном усилении ПВО коммуникаций р. Волга на участке Камышин — Замьяны;

13 мая — приказ № 0342 об обеспечении перевозок нефтепродуктов от Астраханского рейда до Саратова;

22 мая — директиву № 140/Ш о противодействии авиации противника;

22 мая — приказ № 00144 об усилении обороны побережья Азовской военной флотилией;

25 мая — директиву № 146/111 об увековечении памяти геройски погибших моряков;

28 мая — директиву № 7/579 о мерах по прикрытию коммуникаций и главных баз СФ;

3 июня — приказ № 00156 о мероприятиях по обеспечению нормального судоходства в Татарском проливе;

3 июня — приказ № 0408 об установлении денежных наград личному составу подводных лодок, торпедных катеров, катеров охотников и экипажей самолетов ВВС ВМФ за потопление кораблей противника;

19 июня — директиву № 9/558 о проведении массированных налетов авиации;

19 июня — директиву № 9/559 о случаях безуспешных торпедных атак;

21 июня — директиву № 8/255 об уничтожении плавсредств противника в Невской губе;

24 июня — директиву № 9/568 о фактах безрезультатных вылетов авиации ЧФ;

25 июня — приказ № 00179 о дальнейшем совершенствовании боевой организации и повышении эффективности огня береговой артиллерии;

1 июля — директиву № ОУ-3/607 об усилении борьбы с минной опасностью;

4 июля — директиву № 140/Ш о минных постановках на р. Дунай;

7 июля — приказ № 0511 о состоянии оперативной и боевой подготовки Онежской военной флотилии.

17 июля — приказал ввести в действие «Корабельный Устав Военно-Морского Флота СССР 1943 г.», состоящий из двух частей (1. Боевая служба корабля; 2. Повседневная служба корабля) и приложения к части 2-й («Правила службы корабельных нарядов»). В статье № 121 Устава получило дальнейшее развитие очень важное положение, требующее от командира корабля, как главы экипажа воспитывать у личного состава чувство гордости за свой корабль, стремление сохранить и приумножить его боевые традиции. Правильность и жизненность основных положений Устава 1943 г. подтверждает тот факт, что он оставался без существенных изменений вплоть до 1951 г. *Издал:*

19 июля — приказ № 252 об установлении для летного состава надбавки к получаемому содержанию за каждый боевой вылет на разведку;

20 июля — директиву № ОУ-4/585 об организации службы спасения экипажей самолетов при вынужденной посадке в море;

24 июля — приказ № 00202 о проведении работ по дезориентированию самолетов и подлодок противника, пользующихся приводными радиостанциями;

24 июля — приказ № 0582 об итогах оперативной подготовки флотов, флотилий за зимний 1942/43 гг. и весенний периоды 1943 г.;

28 июля — приказ № 0579 о поднятии штурманской культуры на флотах и повышении качества организации штурманской службы;

30 июля — приказ № 0586 об итогах сбора флагманских артиллеристов флотов (флотилий) и о мероприятиях по

повышению эффективности огня корабельной артиллерии;

6 августа — директиву № ОУ-3/662 о выполнении установленного оперативного режима всеми судами в море;

13 августа — обязал своей директивой КБФ развернуть борьбу за Нарвско-Гогландскую укрепленную позицию, являвшуюся первой блокадной линией противника, захватить ключевые острова этой позиции — Гогланд и Тютерс — и продолжить вывод подводных лодок в Балтийском море. После прорыва блокады основной проблемой КБФ поставил вывод сил из Финского залива в Балтийское море (№М-НШ/408);

21 августа — издал приказ № 0638 о поддержании максимальной скорости хода кораблей.

Лето — вылетел вместе с маршалом Г.К. Жуковым по приказу Ставки ВГК в район Новороссийска в целях организовать помощь сухопутным войскам силами ЧФ.

Вылетел в Сталинград и Саратов по поручению Ставки ВГК и ГКО для организации оказания помощи новому командующему Волжской флотилией Ю.А. Пантелееву и принятия решительных мер для обеспечения движения судов по Волге. К осени все волжские фарватеры были очищены от фашистских мин.

Издал:

3 сентября — директиву № 283/Ш о патрулировании подводных лодок в районе мыса Желания;

15 сентября — директиву № ОУ-2/317 об организации и боевом обеспечении траления;

15 сентября — приказ № 0688 о поощрении бойцов и командиров за боевую работу по уничтожении танков противника;

17 сентября — директиву № НШ/556 о подготовке десантной операции крупного масштаба;

18 сентября — директиву № 304/Ш о переподчинении Азовской военной флотилии;

18 сентября — директиву № 305/Ш о развертывании подлодок на коммуникациях противника;

18 сентября — приказ № 0709 о потерях торпед и небрежном обращении с торпедным оружием на флотах;

16 октября — приказ № 0785 об организации Нахимовского военно-морского подготовительного училища в г. Тбилиси;

22 октября — приказ № 00275 о вооружении кораблей ВМФ (крейсеров и эсминцев) зенитными радиолокационными установками;

27 октября — директиву о выявлении причин гибели подводных лодок № ОУ-3/817;

17 ноября — директиву№ 348/III о результатах инспекции

ТОФ;

17 ноября — директиву № ОУ-4/188 о мероприятиях по обеспечению живучести подводных лодок;

19 ноября — директиву № 350/Ш об усилении конвоя Архангельской группы;

24 ноября — директиву № ОУ-4/193 о боевом управлении подводными лодками командирами соединений;

30 ноября — приказ № 0930 о предоставлении отпусков офицерскому, старшинскому и рядовому составу подводных лодок действующих флотов;

15 декабря — директиву № 381/1II о замене экипажей подводных лодок;

27 декабря — приказ № 00600 о выводах из опыта боевой подготовки на флотах и флотилиях за 1943 г.;

31 декабря — директиву № НГП/890 об обеспечении перевозок войск отдельной Приморской армии.

Декабрь — доложил Верховному Главнокомандующему, что практика оперативного руководства флотами показала необходимость ее некоторого изменения. Командующие фронтами ставят подчиненным флотам задачи только на текущие операции. Задачи флотам, которые они решают самостоятельно на морском направлении (борьба на морских коммуникациях, набеговые действия на береговые объекты и др.), ставит нарком ВМФ, согласовывая их с Генштабом. Просил распоряжения И.В. Сталина, чтобы в будущем директивы исходили из Ставки.

1943 г. — дал на флоты шифровку в связи с Курской битвой: «Учесть обстановку и в пределах поставленных оперативных задач повысить свою боевую активность, приковывая силы противника к побережью и этим помогая частям Красной Армии в кратчайший срок парализовать попытки противника к наступлению». Для хода и исхода летне-осенних сражений самостоятельные действия ВМФ на океанских, морских и речных коммуникациях имели важное значение.

1944 г.

Издал:

5 января — приказ США № 002 о формировании управления бригады больших охотников в США, поступающих от судпрома;

14 января — приказ № 007 о потоплении подлодками противника двух транспортов и одного тральщика конвоя «ВА-18» в Красном море и наложении взыскания на виновных;

19 января — приказ № 040 о сборе документов и материалов, захваченных у противника;

28 января — директиву № 18/Ш о наведении порядка в учете и хранении военного имущества;

29 января — директиву № ОУ-3/42 об усилении ПВО военно-морских баз;

2 февраля — приказ № 0032 о замене экипажей подводных лодок СФ и ЧФ экипажами подлодок ТОФ;

6 февраля — директиву № Ш/97 об использовании батальонов морской пехоты ЧФ;

7 февраля — директиву № 24/Ш о более активном использовании торпедных катеров на коммуникациях противника;

8 февраля — директиву№ ОУ-2/387 о задачах КБФ в связи с изменением обстановки на фронтах в Балтийском театре;

18 февраля — директиву о недостатках десантной операции в Нарвском заливе;

18 февраля — директиву № НШ/153 о деятельности КБФ в Нарвском заливе;

23 февраля — директиву № ОУ-3/57 о задачах ЧФ в связи с изменением обстановки в Крыму;

23 февраля — приказ № 0142 о продлении действия приказа НК ВМФ № 638-43 г.;

29 февраля — приказ № 0154 о формировании отдела послевоенного траления ГМШ.

Февраль — присвоено звание «Адмирал флота» (с четырьмя звездами на погонах).

2 марта — И.В. Сталин объявил наркому ВМФ выговор (постановление ГКО № 5278) «За непринятие мер к предупреждению неправильных действий командования ЧФ при подготовке и проведении операций кораблей» (пр. по НК ВМФ от 04.03 44 г. № 0060).

Издал:

30 марта — приказ № 0239 о подготовке водолазов и водолазных специалистов для подразделений РАСУ ВМФ;

31 марта — приказ № 235 об определении классов кораблей и катеров, имеющих основным назначением борьбу с подводными лодками противника.

31 марта вышла директива Ставки ВГК, принятая по предложению наркома ВМФ, в которой были сформулированы основные принципы управления силами флота и их взаимодействия с другими видами Вооруженных Сил. Все флоты и флотилии во всех отношениях подчинялись наркому ВМФ. На отдельных этапах войны они могли быть переданы в оперативное подчинение командующих соответствующих фронтов, округов, армий, которые ставили им задачи, утвержденные Ставкой ВГК, касающиеся проведения операций: десантных, противодесантных, по поддержке приморского фланга сухопутных войск, против

береговых объектов противника. Не связанные непосредственно с фронтами задачи, решаемые только военно-морскими силами, ставились флотам и флотилиям лично наркомом ВМФ.

В соответствии с директивой Ставки ВГК нарком ВМФ стал именоваться главнокомандующим Военно-Морскими Силами СССР.

В соответствии с директивой Ставки ВГК № 24123 Черноморский, Северный флоты и Беломорская флотилия непосредственно подчинены наркому ВМФ. С 1944 г. нарком ВМФ и ГМШ самостоятельно разрабатывают крупные операции, согласовывая их с Генштабом или командующими фронтами на местах, полностью отвечают за их проведение.

Издал:

1 апреля — директиву № ОУ-3/78 о задачах ЧФ по борьбе на коммуникациях противника;

1 апреля — приказ № 0249 об аварийности в ВМФ и мероприятиях по ее ликвидации;

2 апреля — директиву № НШ/353 об оперативном подчинении командира ОВМБ с бригадой речных кораблей командующему 3-м УФ;

3 апреля — приказ № 0079 о формировании Севастопольской ВМБ ЧФ;

4 апреля — директиву № 75/Ш о недопущении грубости и сквернословия офицерами флота;

12 апреля — приказ № 0087 о состоянии ПВО Туапсинской ВМБ ЧФ;

10 апреля — приказ № 0273 о приемке в США тральщиков и больших охотников и переходе их в СССР;

14 апреля — директиву № ОУ-3/98 об усилении борьбы на коммуникациях противника;

16 апреля — приказ № 0097 о выполнении Постановления ГКО от 13 апреля 1944 г. по переводу 10 подводных лодок типа «М» с ТОФ в Черное море;

30 апреля — приказ № 0349 о разрешении выдачи и распития вино-водочных изделий на кораблях, в частях и учреждениях ВМФ.

1 мая — награжден медалями «За оборону Кавказа» № 000013 — вручена 6 октября 1944 г., «За оборону Москвы» № 008595 —вручена 22 июля 1944 г.

Издал:

3 мая — директиву №ОУ-3/118 о задачах Днепровской флотилии;

4 мая — директиву №ОУ-2/423 о деятельности ЛВФ на 1944 г.;

13 мая — директиву № 118/Ш о приеме молодых офицеров, выпускников военно-морских училищ;

15 мая — директиву № ОУ-3/130 об усилении борьбы с подводными лодками противника на ЧФ;

15 мая — директиву № ОУ-2/428 о недостатках в боевой деятельности КБФ;

25 мая — директиву № 535/НШ о необходимости рассредоточения кораблей, усиления ПВО;

31 мая — присвоено звание «Адмирал флота» (с маршальскими звездами на погонах) постановлением СНК СССР. Звание приравнено к званию «Маршала Советского Союза» (см. Табель о рангах 1944 г.).

Издал:

31 мая — директиву № ОУ-2/440 об организации помощи экипажам самолетов, сбитых противником или терпящих бедствие;

1 июня — приказ № 00146 об обеспечении народнохозяйственных перевозок в 1944 г.;

9 июня — приказ об усилении средств борьбы с неконтактными минами противника на ЧФ № 0445;

21 июня — по ходатайству Н.Г. Кузнецова и Ленинградского комитета ВКП(б) постановлением СНК СССР в Ленинграде создано Нахимовское военно-морское училище для обучения и воспитания сыновей-сирот, чьи родители погибли во время войны. Здание училища выбирал лично главком ВМС вместе с комиссией города.

Издал:

23 июня — приказ № 0500 об итогах боевой деятельности Волжской военной флотилии за 1941—44 гг.;

25 июня — директиву № 162/Ш о высокой аварийности в авиации ТОФ;

26 июня — директиву №ОУ-5/151 о задачах КБФ и Онежской флотилии по разминированию Беломорско-Балтийского канала;

27 июня — награжден орденом Ушакова 1-й степени (№ 5) «За умелое и мужественное руководство боевыми операциями и за достигнутые успехи в результате этих операций в боях с немецко-фашистскими захватчиками». (Указ ПВС СССР. Орден вручен 1 августа 1944 г.).

Издал:

29 июня — директиву № ОУ-2/472 об усилении борьбы на коммуникации противника Таллин — Финляндия;

1 июля — директиву № ОУ-2/476 об операции на о. Халли;

3 июля — директиву № ОУ-3/179 об усилении Дунайской военной флотилии;

5 июля — директиву № ОУ-3/184 об использовании подводных лодок на ЧФ;

8 июля — директиву № 176/Ш о своевременных докладах об обстановке на ТВД;

11 июля — приказ № 0555 об итогах боевой деятельности Онежской военной флотилии;

14 июля — приказ № 0568 о присвоении 87-й подвижной зенитной артиллерийской батарее ТОФ имени Ветрова.

18 июля — своим приказом вводит в действие первое «Руководство по размагничиванию кораблей», созданное авторским коллективом моряков и ученых под научным руководством профессора ЛФТИ А.П. Александрова. Оно стало настольной книгой и военных, и гражданских специалистов, работавших над проблемой магнитной защиты кораблей ВМФ.

Издал:

18 июля — приказ № 0582 о повышении боевой эффективности авиации и сокращении непроизводительного расхода авиабензина;

28 июля — директиву № ОУ-2/499 об усилении борьбы с подводными лодками противника на КБФ;

8 августа — приказ № 0653 о поощрении за сбор материала опыта войны;

9 августа — директиву № 198/Ш о фактах диверсий на кораблях ВМФ;

16 августа — директиву № 202/Ш об усилении авиационного прикрытия конвоев в Арктике;

23 августа — директиву № 208/Ш о необходимости усиления борьбы с подводными лодками противника в Баренцевом море;

29 августа — директиву № 213/Ш об усилении внимания к крупным надводным кораблям и повышении флотской культуры;

30 августа — директиву №ОУ-2/531 об активизации подводных лодок КБФ;

3 сентября — директиву № 218/Ш об укреплении единоначалия на флоте;

12 сентября — приказ № 0733 о вооружении подводных лодок средствами радиосвязи на перископной глубине;

21 сентября — приказ № 0745 об установлении регулярных рейсов самолетов для ускорения доставки писем и газет на действующие флоты и флотилии;

25 сентября — директиву №ОУ-3/223 о деятельности ЧФ в связи с продвижением частей Красной Армии на Балканы;

14 октября — директиву об обеспечении безопасности плавания судов на Черном и Азовском морях;

16 октября — приказ № 0789 о подчинении Дунайской

флотилии главнокомандующему ВМС.

24 августа — предложил исполкому Ленинградского горсовета принять решение установить навечно как памятник Краснознаменный крейсер «Аврора» на Неве у Петроградской набережной по р. Большая Невка против здания Ленинградского Нахимовского училища.

Август — вылетел вместе с Г.К. Жуковым по заданию Ставки ВПК в Румынию в целях организации и координации действий ЧФ с фронтами при подготовке наступления на Болгарию.

Сентябрь — сформирована Днепровская военная флотилия.

Издал:

19 октября — директиву № 9/МП о необходимости занятия островов в районе Киликийского рукава;

20 октября — директиву № НШ/1022 о действиях сил флота в связи с окружением войск противника в районе Либавы;

3 ноября — приказ № 0818 о выполнении постановления ГКО № 6804с от 28 октября 1944 г. «О мероприятиях по подъему и восстановлению речного флота, пострадавшего от военных действий»;

3 ноября — награжден орденом Красного Знамени. *Издал:*

4 ноября — приказ № 0821 об итогах боевой деятельности Краснознаменной Ладожской флотилии;

6 ноября — приказ № 0824 об изучении германской подводной лодки «У-250» и определении дальнейшего ее использования;

13 ноября — директиву №ОУ-4/591 о действиях КБФ в связи с возможной активизацией германского флота на Балтийском море;

15 ноября — директиву№ 284/Ш о недопустимости использования личного состава не по назначению;

21 ноября — приказ № 0853 о мероприятиях по обеспечению ледовых операций на Белом море и Дальнем Востоке в зимний период 1944/45 гг.;

27 *ноября* — КБФ полностью подчинен главнокомандующему ВМС.

Издал:

6 декабря — директиву № ОУ-1/176 об организации противолодочной обороны прибрежных коммуникаций;

20 декабря — приказ № 00260 о проверке боевой деятельности КБФ;

27 декабря — приказ № 00700 о выводах по боевой подготовке флотов и флотилий за 1944 г.;

28 декабря — приказ № 0935 о порядке направления в действующий флот, флотилию офицеров, осужденных военными трибуналами с применением отсрочки исполнения приговора до

окончания войны;

1944 г. — награжден кортиком (от трудящихся г. Златоуста).

1945 г.

Издал:

3 января — приказ № 01 о результатах работы гидрографической группы ВМФ СССР в США и об их использовании;

5 января — директиву № ОУ-4/5 о блокировании морских коммуникаций противника в районе порта Либава;

9 января — директиву № 15/Ш о повышении строевой выучки в частях и на кораблях;

12 января — приказ № 028 о разрешении временного использования личного состава флотов (флотилий) на восстановительных, строительных и заготовительных работах;

14 января — приказ № 018 об аварийности в частях ВВС Северного флота;

23 января — приказ № 030 о выплате денежного содержания и суточных составу кораблей, частей и учреждений ВМФ, находящихся на территории Германии;

24 января — приказ № 23 о награждении авторского коллектива, разработавшего ордена и медали Ушакова и Нахимова;

27 января — приказ № 051 о хищениях и утерях личного оружия в ВМФ:

25 января — приказ № 049 о выявлении и учете трофейного народно-хозяйственного имущества;

28 января — приказ № 45 о наборе в Военно-морскую ордена Ленина академию имени Ворошилова.

Январь — направил директиву КБФ провести в январе — мае в центральной и южной Балтике в районе от Курляндского п-ова до Померанской бухты операцию по нарушению морских сообщений гитлеровцев;

2 февраля — введен в состав Ставки Верховного Главнокомандования. Директивы и приказы Наркома ВМФ флотам до этого момента шли также от Ставки ВГК;

4—11 февраля — в составе советской делегации принимает участие в Крымской конференции в Ялте.

Издал:

19 февраля — приказ № 0014 о подготовке мероприятий для обучения офицеров и курсантов югославского флота;

21 февраля — директиву № 63/Ш об организации снабжения и обслуживания бойцов и командиров.

21 февраля — награжден орденом Ленина (№ 23507). Орден вручен 1 марта 1945 г.

Издал:

23 февраля — приказ № 86 о преобразовании Краснознаменной подлодки «С-56» СФ в гвардейскую;

28 февраля — приказ № 0016 о порядке выявления учета и вывоза материальных ценностей с территории Германии и Польши;

28 февраля — приказ № 81 о поощрении связистов, обеспечивавших связь на линии Крым — Москва с 23 января по 12 февраля 1945 г.;

3 марта — приказ № 0018 о порядке разрешения вопросов использования для нужд ведения войны промышленных предприятий, оборудования, материалов и всякого рода трофейного имущества, находящихся на территории Польши;

10 марта — приказ № 0038 о результатах инспектирования боевой деятельности Краснознаменной Дунайской флотилии;

12 марта — приказ № 0039 о результатах инспектирования Черноморского флота;

2 апреля — приказ № 0110 об историографической работе в ВМФ;

5 *апреля* — приказ № 0157 о допризывной подготовке молодежи ОСОАВИАХИМом для ВМФ;

21 апреля — приказ № 0068 о расформировании Беломорской флотилии СФ;

26 апреля — приказ № 0209 о переработке Боевого Устава МС;

27 апреля — приказ № 0210 об итогах боевой подготовки за зимний период 1944–1945 гг. и задачах на летний период;

27 апреля — приказ № 0218 о получении трофейных немецких судов;

28 апреля — приказ № 0220 о сформировании трофейного отдела ВМФ и об утверждении положения о трофейном отделе ВМФ;

5 мая — приказ № 0242 о недостатках в работе с письмами по розыску военнослужащих ВМФ;

9 мая — награжден медалью «За победу над Германией» (№ 947).

28 июня — награжден орденом Ушакова 1-й степени (№ 17) «За образцовое выполнение боевых заданий». Орден вручен 10 июля.

22 июля — издан приказ за подписью Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса Советского Союза И. Сталина, подготовленный главнокомандующим ВМС СССР Н.Г. Кузнецовым № 371, оценивший деятельность и вклад Военно-Морского Флота в дело Победы над фашистской Германией. В

приказе было сказано, что военные моряки за годы войны восприняли и развили все ценное из вековых традиций русского флота, вписали новые страницы в книгу русской морской славы. Флот до конца выполнил свой долг перед Родиной.

Июнь — июль — определил и разработал совместно с начальником ГМШ вопрос взаимодействия ТОФ и Амурской военной флотилии для плана предстоящих операций на Дальнем Востоке.

Организовал и провел совещание командующих и начальников штабов по вопросам организации взаимодействия сил ТОФ и Краснознаменной Амурской флотилии с войсками 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, на котором были уточнены вопросы подготовки и высадки десантов в порты Северной Кореи и в ходе продвижения 25-й армии вдоль побережья. Действия Амурской флотилии совместно с Сухопутными войсками в армейских наступательных операциях планировались до деталей.

17 июля—2 августа — в составе советской делегации принимает участие в Потсдамской конференции.

24 июля — создано Рижское Нахимовское училище.

3 *августа* — доложил и согласовал в Ставке ВГК планы кампании на ТОФ. Вылетел на Дальний Восток.

7 *августа* — И.В. Сталин подписал директиву о начале военных действий против Японии 9 августа 1945 г. 8 августа правительство СССР объявило войну Японии.

Август — начало сентября — осуществлял координацию и взаимодействие ТОФ и Краснознаменной Амурской флотилии с войсками 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов в войне с Японией.

14 сентября — присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР. Вручена Золотая Звезда Героя Советского Союза (№ 8608) и орден Ленина (№ 54389), а также Грамота Героя Советского Союза (№ 11727) с текстом: «За Ваш геройский подвиг, проявленный при выполнении заданий Верховного Главнокомандования по руководству боевыми операциями флота и достигнутые в результате этих операций успехи».

30 сентября — награжден медалью «За победу над Японией».

Сентябрь — награжден медалью «Освобождение Кореи».

Награжден оружием — опытным образцом пистолета «Балтиец» (№ 2) с металлической накладкой с надписью: «наркому ВМФ Адмиралу флота Кузнецову Н.Г. от коллектива завода № 1811».

Награжден пистолетом «Браунинг» — Бельгия (№ 1080051).

1941–1945 гг. — как по заданиям Ставки, так и по своей

инициативе нарком ВМФ часто вылетал на фронты и флоты, где возникала наиболее сложная ситуация. Десятки раз выезжал он на флоты и в штабы фронтов, в том числе:

сентябрь 1941 г. — при обороне Ленинграда;

1942–1943 гг. — при подготовке и проведении войсками Приморских фронтов и силами фронтов десантных операций на Черноморском побережье (Новороссийская и Керченско-Эльтигенская операции).;

1943 г. — при обороне Сталинграда и в битве за Волгу;

1944 г. — *в* ходе Выборгской и Петсамо-Киркинесской наступательных операций;

1945 г. — при подготовке и проведении операций в ходе войны с Японией;

1941–1945 гг. — при организации и решении вопросов по проведению союзных конвоев, усилению их охранения, вопросов, связанных с морскими перевозками и поставками военных грузов странами-союзницами Советскому Союзу и др.

На флоты и фронты парком ВМФ нередко направлял своих заместителей: И.С. Исакова (до ранения в 1942 г.), Л.М. Галлера, начальника Главпура ВМФ И.В. Рогова, адмиралов Г.И. Левченко, В.А. Алафузова и др.

Нарком ВМФ организовывал и координировал дея-тельность флотов в совместных с сухопутными частями операциях, непосредственно участвовал в разработке планов проведения стратегических операций по использованию сил и средств флота, замысел которых зарождался в Ставке ВГК; вносил предложения по операциям и планам их проведения Верховному Главнокомандованию, в том числе: по налетам на Берлин, по обеспечению союзных конвоев, по защите их кораблей в портах, самостоятельно ставил задачи по усилению борьбы на коммуникациях противника, высадке десантов, воинским перевозкам, эвакуации грузов, населения и войск, блокаде участков побережья, занятого противником, по содействию сухопутным войскам в операциях по обороне и освобождению приморских городов и территорий побережья, защите собственных коммуникаций и нарушению коммуникаций противника, по высадке десантов и наращиванию сил на отвоеванных территориях, по поддержке фланговых соединений огнем корабельной и береговой артиллерии, по поводу снабжения и подкреплений и др.

Сентябрь 1945 г. — подготовил и представил в Правительство десятилетнюю программу строительства ВМФ, включавшую производство авианосцев — больших и малых, крейсеров с 9-дюймовой артиллерией, новых подводных лодок и

эсминцев с универсальной артиллерией, и вызвавшую споры, которые явились одной из основных причин снятия Н.Г. Кузнецова с должности. Строительство кораблей осуществлялось после его ухода «в ином духе».

1946 г.

12 января — направил доклад за № 50сс Председателю СНК СССР о том, что опыт войны показывает необходимость иметь единую организацию всех Вооруженных Сил. Доклад нигде не рассматривался и не обсуждался.

Январь — избран депутатом ВС СССР (2-го созыва) по Севастопольскому избирательному округу Крымской области (деп. билет № 188). Газета «Красный черноморец» писала, что «в т. Кузнецове каждый член экипажа видел своего воспитателя, который учил военному делу и морской культуре, порядку и был сам образцом военного моряка».

28 января — родился сын Владимир.

Конец января — по решению И.В. Сталина Балтийский флот был разделен на два. Категорическое возражение и несогласие с таким решением также явилось одной из причин снятия Н.Г.Кузнецова с должности.

25 февраля — вышел Указ Президиума ВС СССР об упразднении наркомата ВМФ (был вновь воссоздан в 1950 г.).

С 21 марта 1946 г. по 19 февраля 1947 г. — работал в должности заместителя министра Вооруженных Сил и главнокомандующего ВМС в соответствии с постановлением СМ СССР № 629.

21 мая награжден орденом «Крест Грюнвальда» 1-го класса (№ 11870) Президиумом Национального Общепольского Совета (Крайовой Рады Народовой), также награжден орденом «Комендорский Крест» (ПНР).

8 *июня* награжден орденом «Партизанская Звезда 1-й степени» (№ 890) Президиумом Народной Скупщины ФРЮ и орденом «Народного освобождения» (№ 356) ФРЮ.

19 сентября — поставлено на вид за недостаточное внимание к руководству по переводу конвоев из Германии в Советский Союз (пост. СМ СССР № 2138 —868 ГК ВМФ).

30 *сентября* — направил письмо И.В. Сталину, в котором писал, что ВМФ ведет работу по созданию методов защиты от атомной бомбы, что, возможно, она идет параллельно соответствующим исследованиям в Академии наук СССР, в других видах Вооруженных Сил. В связи с этим Н.Г. Кузнецов предлагал создать специальный единый руководящий орган в Министерстве Вооруженных Сил. Указывал, что для флотов исследования в области ядерной энергии имеют особое значение. Предлагал

создать при Главкоме ВМС специальный Совет по противоатомной защите и применению внутриядерной энергии для движения. (ЦВМА. Ф. 14. Оп. 2 Д. 8. Л. 16. См. также: А.М. Золототрубов. Тревожный колокол. М.: Патриот, 1995. С. 517).

14 октября — во вступительном слове на совещании конструкторов, поставил вопрос о необходимости разработки новых проектов кораблей для ВМФ с учетом использования последних достижений в области науки и техники: кибернетики, электроники и атомной энергии. 23 *октября* — в заключительном слове на совещании конструкторов говорил о создании при главкоме ВМС-Управления со специальными подразделениями — «атомными» группами.

7 ноября — выступил на совещании ВВС ВМФ по вопросам коренного улучшения организации работы в ВВС ВМФ после войны, устранения недостатков с учетом будущего.

Конец года — выступил перед профессорско-преподавательским составом вмузов в Ленинграде по вопросам подготовки офицерских кадров для настоящего и будущего ВМФ.

В течение года:

поднял вопрос о защите флота и военно-морских баз от атомного оружия;

по указанию И.В. Сталина комиссия под председательством маршала Л. Говорова проверила деятельность главкома ВМС и ГМШ. Освобожден от должности.

1947 г.

с 19 февраля по 8 ноября 1947 г. — работал начальником Управления вмузов в Ленинграде (приказ ВМС № 0153).

Избран депутатом Ленгорсовета 2-го созыва по избирательному округу 195 Дзержинского района Ленинграда.

8 ноября — отозван в Москву вместе с адмиралами Л.М. Галлером, В.А. Алафузовым и ГА. Степановым. Главком ВМС Юмашев И.С. и начальник штаба ВМФ Головко А.Г сообщили, что бывшему руководству наркомата предъявлены обвинения в незаконной передаче союзникам во время войны секретной документации на парашютную торпеду; основанием явилось письмо офицера минно-торпедного управления ВМФ капитана 1 ранга В. Алферова.

11 декабря — на совещании у Маршала Н.А. Булганина принято решение судить четверых адмиралов «судом чести».

12 декабря принято постановление СМ СССР, подписанное И.В. Сталиным, о предании бывших руководителей ВМФ «суду чести». Приказом маршала Н.А. Булганина определен состав суда.

1948 г.

12–15 января — состоялся «суд чести» над адмиралами в

клубе Главного штаба ВМФ. «Обвинения в адрес «подсудимых» сыпались, как из дырявого ведра. Выступавшие требовали как можно строже наказать адмиралов, «потерявших бдительность» и «опозоривших советский флот». Все указания суду шли от И.В. Сталина через Н.А. Булганина. «Свое суждение иметь» судьи не решились.

Несмотря на все это, вина адмиралов не была доказана», — вспоминали впоследствии адмиралы В.А. Касатонов, Ю.А. Пантелеев, Н.Д. Сергеев и другие присутствовавшие на процессе. Тем не менее было принято решение передать дело в Военную коллегию Верховного суда СССР.

16 января — И.В. Сталин подписал постановление СМ СССР об утверждении решения «суда чести», о подготовке дела к рассмотрению Военной коллегией Верховного Суда СССР, которое поручалось военному прокурору Вооруженных Сил СССР. Был утвержден состав суда во главе с Ульрихом. Дело слушалось в закрытом судебном заседании коллегии без обвинения и защиты.

18 января — Главная военная прокуратура возбудила уголовное дело и начала допрос адмиралов.

29 января — вынесено постановление о привлечении адмиралов к уголовной ответственности. С них снимаются допросы уже как с обвиняемых.

31 января — следствие закончено. Вынесено обвинительное заключение с требованием придать всех обвиняемых суду и направить дело в Военную коллегию Верховного суда СССР.

2 *февраля (в 12.45)* — открытие судебного заседания.

3 февраля(в 00.30) — оглашение приговора.

В.А. Алафузов и ГА. Степанов приговорены к 10 годам лишения свободы, Л.М. Галлер — к четырем. Кроме того, они лишены всех воинских званий и государственных наград, Н.Г. Кузнецов признан виновным, «однако, учитывая большие заслуги Кузнецова Н.Г. перед Союзом ССР в деле организации военно-морского флота как в данный период, так и особенно в период Великой Отечественной войны, Военная коллегия Верховного суда, руководствуясь ст. 8 УК РСФСР, постановила не применять к Кузнецову Н.Г. уголовного наказания, постановила ходатайствовать перед СМ СССР о снижении Кузнецова Н.Г. в воинском звании до контр-адмирала».

10 февраля — снижен в воинском звании до контрадмирала постановлением СМСССР № 283–114. (Отменено 13.05.53 г. за отсутствием состава преступлений).

11 февраля — постановление объявлено приказом № 012 Министерства Вооруженных Сил.

22 *февраля* — награжден медалью «XXX лет Советской Армии

и Флота».

С 8 марта по 12 июня 1948 г. — находился в распоряжении главнокомандующего ВМС.

С 12 июня 1948 г. по 20 февраля 1950 г. — работал в должности заместителя главнокомандующего войсками Дальнего Востока по ВМС (согласно приказу по ВМС № 01120).

1949 г. — руководил крупной военной игрой (учениями) войск на Дальнем Востоке.

1950 г.

С 20 февраля 1950 г. по 20 июля 1951 г. — командующий 5-м военно-морским флотом (согласно приказу ВМС № 0317).

15 ноября — награжден орденом Красного Знамени «За долголетнюю и безупречную службу в Вооруженных Силах СССР» (№ 3-5935).

1950 г. — избран депутатом ВС РСФСР 3-го созыва по особому избирательному округу Порт-Артур (депутатский билет № 772).

1950 г. — воссоздан наркомат ВМФ Военно-Морское Министерство.

1951 г.

27 *января* — получил очередное воинское знание «вице-адмирал» (постановление СМ СССР № 257 объявлено приказом ВМС от 28.01.51 № 16).

Лето (до 15 июля) — выступил на Главном военно-морском совете против отмены гарантийного срока на вновь построенные корабли.

20 июля 1951 г. назначен (будучи уголовно наказанным) Военно-Морским министром СССР и работал в этой должности по 16 марта 1953 г.

25 *августа* — выступил на научно-практической конференции Военно-Морского Министерства СССР.

Лето 1951 г.

Принял энергичные меры:

по совершенствованию деятельности отдела № 6, подчиненного Военно-Морскому министру, созданного для обеспечения разработки атомного оружия для флота, способов его применения в боевых действиях на море и для защиты объектов флота от атомного оружия противника под руководством капитана 1 ранга П.Ф. Фомина;

по организации системы подготовки личного состава ВМФ по основам устройства ядерного оружия, вопросам его применения в боевых действиях на море, способам защиты от поражающих факторов ядерного взрыва.

1 сентября — отправил Председателю СНК СМ СССР доклад

№ 2222сс об устаревшем флоте, о кораблях, построенных по старым проектам, о реактивном вооружении и по другим флотским вопросам, о необходимости ряда крупных и срочных мер по флоту. Добиться рассмотрения вопросов не удалось. «…Ни формально, ни по существу меня нельзя обвинять в тех кораблях, которые построены в период 1947–1951 гг. Программа была принята без меня и против моих предложений. Строительство велось в мое отсутствие».

В течение года — запрашивает инстанции о судьбе своих товарищей и пишет письма об облегчении их участи.

1952 г.

22 февраля — выступил на торжественном собрании личного состава ВМФ в связи с 34-й годовщиной Советской Армии и. Военно-Морского Флота.

Июнь — отправил Председателю СМ СССР доклад об основных недостатках по оружию и технике ВМС. 7 августа 1952 г. этот вопрос рассматривался на заседании Президиума СМ СССР.

23 июля — награжден орденом Ленина (№ 216081) «За заслуги перед государством и ВМФ и в связи с 50-летием со дня рождения».

31 июля — в связи с непринятием должных мер, несмотря на доклады о недостатках в судостроении и вооружении, направляет в адрес И.В. Сталина, Н.А. Булганина и Г.М. Маленкова доклад № 2476сс о недостатках в судостроении. Вопрос рассматривался на заседании Бюро Президиума СМ СССР. «Этот доклад был воспринят как направленный против кого-то и никакого решения не получил. Была написана записка В.А. Малышева по моему докладу, где я обвиняюсь в антигосударственном деле, «охаиваю» самые современные корабли. Резолюция на нем закончила это дело».

7 августа — вопросы, поставленные Н.Г. Кузнецовым в докладе от июня 1952 г., рассмотрены на Бюро Президиума СМ СССР. Принято решение: «Придавая важное значение представленным Военно-Морским министром т. Кузнецовым материалам по данному вопросу, поручить Бюро по военно-промышленным и военным вопросам тщательно разобраться в этих материалах и в 10-дневный срок доложить Бюро Президиума Совета министров заключение и предложения по каждому виду оружия и техники». В докладе Н.Г. Кузнецова по каждому разделу были изложены основные недостатки и предложения по их устранению. При этом в предложения включены только те вопросы, которые Военно-Морское Министерство собственными силами решить не могло: недостатки надводных кораблей —

низкие мореходные качества, слабость зенитного и противолодочного вооружения, недостаточная скорость кораблей ПЛО, интенсивная коррозия корпусов, ненадежность отдельных механизмов, устройств и систем; недостатки ПЛ серии М-XV и 613 проекта, отставание в развитии и перевооружении авиации ВМС; недостатки минно-торпедного, трального и противолодочного оружия; низкие темпы и эффективность разработки реактивного оружия для флота; недостатки в развитии радиолокационных и гидроакустических средств».

10 августа — выступил перед личным составом ВМФ в связи с Днем Военно-Морского Флота СССР.

9 сентября — принято правительственное решение о строительстве первой ядерной энергетической установки для флота. — См.: Захаров И.Г., доктор технических наук, профессор, контр-адмирал: «Перспективы развития корабельных ядерных энергетических установок» // Александровские чтения, февраль. 1996. РНЦ «Курчатовский институт». М., 1996. С. 3. В книге Мормуль Н. «Атомные уникальные стратегические». Мурманск, 1997. С. 39. Это постановление подписал И.В. Сталин 12.09.52.

Напутствуя назначенного командующим Беломорской флотилией адмирала Н.Д. Сергеева, поручил ему выбрать удобное место для строительства специального цеха № 42 для закладки и сборки первой атомной подводной лодки в районе Северодвинска (Молотовска). — Из воспоминаний адмирала флота Н.Д. Сергеева в 1997 г.

5—14 октября — участвовал (как делегат) в работе XIX съезда ВКП(б)с правом решающего голоса от Московской областной партийной организации; избран членом ЦК ВКП(б). Членский билет № 58. **1953 г.**

12 февраля — выступил перед избирателями. Избран депутатом Моссовета по избирательному округу № 1222.

Март — в связи с возникновением после смерти И.В. Сталина многих организационных вопросов и подтверждая свою точку зрения на необходимость единой организации Вооруженных Сил СССР, отправил в правительство копию доклада от января 1946 г. о единой организации, построенной не на простом слиянии двух министерств, а с учетом накопленного в войну и позже опыта.

16 марта — постановлением СМ СССР № 783 Военно-Морское Министерство слито с Министерством обороны без учета точки зрения Военно-Морского министра Н.Г. Кузнецова.

С 16 марта 1953 г. по 8 декабря 1956 г. — назначен (постановлением СМ СССР № 783) и работал Первым заместителем министра обороны СССР — главнокомандующим ВМС.

11 мая — постановлением пленума Верховного суда Союза ССР приговор Верховной коллегии от 3 февраля 1948 г. отменен, и дело за отсутствием в делах адмиралов состава уголовного преступления производством прекращено.

13 мая запрашивает Верховный суд СССР о судьбе адмирала Л.М. Галлера, получает ответ от председателя Военного коллегии Верховного суда СССР генерал-лейтенанта юстиции А. Чепцова: «Сообщаю, что по извещению МВД СССР Галлер Лев Михайлович, 1883 г. рождения, умер 12 июля 1950 г. в Казани».

Восстановлен в прежнем воинском звании «Адмирал Флота», полученном во время войны, постановлением СМ СССР № 1254-504с. Отменено постановление СМ СССР № 283-114с, от 10 февраля 1948 г. «за отсутствием состава преступления».

25 июля — выступил перед общественностью с докладом на торжественном собрании, посвященном Дню Военно-Морского Флота СССР в ЦПКиО им. Горького.

6 августа — направил в Правительство доклад (№ 1832сс) о необходимости решить назревшие вопросы флота по десятилетнему плану судостроения.

Октябрь — представил министру Среднего машиностроения В.А. Малышеву исходные данные «для решения вопросов о целесообразности создания артиллерийского снаряда калибра 280 мм с тротиловым эквивалентом 1, 5, 10 и 20 килотонн»;

принял меры к разработке торпедного оружия с ядерным боеприпасом, противокорабельной авиационной крылатой ракеты типа «Комета», крылатой ракеты «Стрела» для береговых установок;

сформировал в штабе авиации ВМФ отдел атомного вооружения.

1953 г. — в соответствии с постановлением СМ СССР от 28 июля 1953 г. распорядился провести работы по обитаемости атомной подводной лодки (объект 627) на специально оборудованной лодке. По заказу 6-го отдела ВМФ в Лаборатории № *2* разрабатывалась дозиметрическая аппаратура и совместно с ВМФ решались др. вопросы в этом направлении.

1954 г.

15 января — распорядился организацию и руководство работами по объекту 627 (АПЛ) возложить на 6-й отдел ВМФ. На заводе № 402 по указанию главкома ВМС была выделена из контрольно-приемного аппарата (КПА) специальная группа по объекту 627.

9 февраля — выступил с речью на вечере, посвященном 50-летию со дня героического подвига моряков крейсера «Варяг», в Доме Советской Армии (г. Москва).

20 февраля — выступил с речью на торжественном собрании личного состава органов управления ВМС, посвященном 36-й годовщине Советской Армии и Военно-Морского Флота, в Центральном театре Советской Армии.

4—6 *марта* — в связи с выдвижением в депутаты Верховного Совета СССР выступил перед избирателями — рабочими завода № 890, личным составом судостроительного батальона, рабочими и служащими заводов «Ильмарине», «Вольта», № 7, комбината «Балтийская мануфактура», кондитерской фабрики «Калев», резиновой фабрики «Пыхьяла», ремонтно-механического завода № 4, в Политехническом институте, перед военнослужащими Калининградского Северного избирательного округа Эстонской ССР.

14 марта — избран депутатом ВС СССР (4-го созыва) от Калининградского Северного избирательного округа Эстонской ССР. Депутатский билет № 352.

27 *марта* — обратился к делегатам конференции — коммунистам вмузов (Ленинград) на партийной конференции вмузов (обращение зачитано адмиралом С.Г. Кучеровым).

31 марта — представил в Правительство доклад, согласованный в Министерстве обороны и в Генштабе, о десятилетнем плане судостроения. Доклад рассматривался на расширенном заседании Президиума ЦК КПСС. Однако рассмотрение плана, как и создание комиссии для дальнейшего и детального его рассмотрения, было отложено. Решения приняты не были.

22 мая — выступил с докладом в Доме офицеров флота в Кронштадте на торжественном собрании, посвященном 250-летию со дня основания Кронштадтской военно-морской крепости.

23 мая — участвовал в военно-морском параде на большом рейде и в сухопутном параде на Якорной площади Краснознаменной Кронштадтской военно-морской крепости в связи с 250-летием со дня ее основания.

Назначен Постановлением Правительства ответственным вместе с В.Л. Малышевым за испытания на Новоземельском полигоне.

Распорядился о работах по созданию полигона на Новой Земле для испытаний ядерного оружия и кораблей на воздействие его поражающих факторов (на основании постановлений СМ СССР: от 31.04 1954; об обеспечении проведения испытаний — от 13.04 1955; о проведении испытаний спецзаряда торпеды Т-5 —от 25.08 1955 и др.).

Декабрь 1954 г. — оформлен первый заказ корабельного ядерного оружия для подводных лодок проектов 611 и 613

(дизельные) и 627 (атомная) в количестве 80-ти единиц. Положено начало системе ядерно-технического обеспечения флотов СССР.

1954 г. — добился решения об установке первого опытного образца реактивного оружия на крейсере «Адмирал Нахимов» на Черноморском флоте. Крейсер «Адмирал Нахимов» и береговая оборона флота закончили установку опытных образцов нового оружия. Береговая установка «Стрела» была испытана стрельбой.

Вместе с тт. В.А. Малышевым и А.П. Завенягиным рассматривает проекты атомной подводной лодки и утверждает первый проект, после чего начинается строительство первой атомной подводной лодки.

Было положено начало созданию атомного боевого корабля. Специалисты ВМФ в ходе рассмотрения проекта выявили серьезные недостатки, главный из которых — неправильное назначение подводной лодки. (Буров В.Н. Отечественное военное кораблестроение. СПб.: Судостроение, 1995. С. 357).

Утверждение первого проекта проходило в несколько этапов и драматично. Лодка, разработанная в секрете от специалистов ВМФ, уже строилась (был готов ее корпус). Ее идея рассматривалась исполнителями лишь как носитель для доставки ядерного боеприпаса к берегам вероятного противника для разрушения его объектов в базе. Лодка не рассматривалась для боевых действий против кораблей в море. Кузнецов категорически отверг данный проект лодки с громадной суперторпедой, потребовал его переработки.

После этого Военно-Морским Флотом было обосновано иное назначение подводной лодки, внесены другие изменения, были утверждены основные элементы опытной атомной подводной лодки. С привлечением специалистов ВМФ начался новый этап ее проектирования и строительства. Опытная АПЛ была спроектирована и построена в сжатые сроки: предэскизный проект разрабатывался с октября 1952 г. по март 1953 г., эскизный проект — с марта по октябрь 1953 г., технический проект — с ноября 1953 г. по июнь 1954 г., изготовление рабочих чертежей начато в марте 1954 г. и закончено в июле 1955 г., закладка АПЛ на Северном машиностроительном предприятии (СМП) произведена в мае 1954 г., спуск на воду — в августе 1957 г., ходовые испытания закончены в декабре 1958 г., после чего первая АПЛ была сдана флоту в опытную эксплуатацию (см.: Буров В.Н. Отечественное военное кораблестроение. СПб.: Судостроение, 1995. С. 357, 359).

Таким образом, в первом послевоенном десятилетии в отечественном кораблестроении были заложены основы к тому,

чтобы во втором послевоенном десятилетии созрели реальные возможности практического использования в военных целях научных открытий второй половины XX столетия. Были созданы условия к тому, чтобы в короткий срок решить общегосударственную задачу создания основы атомного ракетного океанского флота. Эту проблему ставил Н.Г. Кузнецов в последнем своем плане судостроения, за принятие которого он спорил на Президиуме ЦК весной 1954 г. Все это говорит за то, что адмирал флота Советского Союза Н.Г.Кузнецов не только создавал, начиная с 1946 г., новое мировоззрение в судостроении и стоял у истоков создания нового ракетно-ядерного флота, но и был одним из первых, кто заложил основы атомного подводного флота и подготовил его строительство в нашем Отечестве, кто принял деятельное участие и в конкретной работе, в самый трудный период, в самом начале пути. Широко развернули массовое строительство АПЛ, уже вслед за ним, новые люди в ВМФ;

принял меры по организации работ по крылатым ракетам для подводных лодок, в частности по П-5, предназначенной для стрельбы по береговым целям.

С 1951 по 1954 г. — продолжил, определил и возглавил решение в ВМФ следующих проблем, сосредоточенных в 6-м отделе ВМФ: создание центральных органов флота по ядерному оружию; изучение основ ядерного оружия всем офицерским составом флота; разработка тактико-технических заданий на ядерные боеприпасы к артиллерийскому и торпедному оружию, а также к противокорабельной авиационной ракете; испытание военно-морской техники на взрывостойкость при воздействии поражающих факторов ядерного взрыва на сухопутном полигоне; участие в создании ядерно-энергетической установки для подводной лодки; создание основ противоатомной защиты кораблей; разработка методов и средств борьбы с боевыми радиоактивными веществами; подготовка ВМФ к действиям в условиях применения ядерного оружия. Это было время революционных преобразований в отечественном флоте, в результате которых ставшем — ядерным. (Из воспоминаний вице-адмирала Е.А. Шитикова. История атомного проекта. М., 1998. С. 126–127);

вновь ставит перед министром обороны и в Правительстве вопрос о необходимости рассмотрения программы судостроения для ВМФ и решения жизненных для флота проблем.

15 сентября — одобрил кандидатуру на должность старшего помощника командира первой атомной подводной лодки К-3 («Ленинский комсомол») капитан-лейтенанта Л.М. Жильцова. (Из

воспоминаний Л.Г. Осипенко — первого командира К-3).

1955 г.

Январь — изложил свое мнение на запрос Н.А. Булганина о назначении министром обороны маршала Г.К. Жукова.

3 марта — издан Указ Президиума Верховного Совета СССР, которым внесена поправка в Указ от 07.05.40: к прежнему званию «Адмирал Флота» (1944 г.) добавлены слова «Советского Союза». Это звание Н.Г. Кузнецов носил с 31 мая 1944 г. Нового звания в 1955 г. не вводилось.

27 апреля — в связи с Указом ПВС СССР от 3 марта получил в Президиуме ВС СССР Особую грамоту и Маршальский знак отличия — бриллиантовую звезду.

Апрель — составил и представил в ЦК КПСС проект доклада о десятилетнем плане создания кораблей, вооруженных реактивным оружием.

Пытается добиться рассмотрения программы судостроения и решения флотских вопросов перед Министерством обороны, Президиумом ЦК КПСС. Решения по программе откладываются.

Принял решение о назначении Л.Г. Осипенко (впоследствии контр-адмирала, Героя Советского Союза) первым командиром первой атомной подводной лодки К-3.

Май — совместно с И.И. Носенко подготовил доклад о необходимости разработки и создания комплекса гироскопических устройств и счетно-решающих приборов для ПЛ, вооруженных ракетным оружием. Ставит перед министром обороны вопрос о необходимости немедленной разработки реактивного оружия дальнего действия для ПЛ. Г.К. Жуков нашел аргументы убедительными и в свою очередь обратился по этому вопросу в ЦК КПСС.

В 1955 году:

Принимает решение и подписывает документы на создание новой гидрооптической техники для подводных лодок и надводных кораблей, которой в то время не было ни у кого в мире. (Из воспоминаний академика В.М. Ахутина.)

Начаты работы по строительству новых баз хранения ядерных боеприпасов для атомных подводных лодок. Выбор мест увязывался с развитием атомного флота и ракетного оружия, а так же с требованиями противоатомной защиты.

Инфаркт.

26 мая — обратился к министру обороны с письмом, в котором просил освободить от должности по состоянию здоровья. Ответа не последовало.

12 июня — первым заместителем главкома ВМС и исполняющим обязанности главкома ВМС по рекомендации Н.Г.

Кузнецова назначен командующий Черноморским флотом вице-адмирал С.Г. Горшков (с 5 января 1956 г. назначен на должность Главкома постоянно).

Сентябрь — октябрь — по рекомендации врачей после госпиталя находился на санаторном лечении в Крыму.

27 *октября* — выехал из Крыма в Москву. В день приезда узнал о взрыве на линкоре «Новороссийск». Вылетел в Севастополь.

29 октября — «…на месте в Севастополе уже работала правительственная комиссия. В комиссию по расследованию не включаюсь. События против меня». («К трагедии с «Новороссийском». Рукопись хранится в личном архиве Н.Г Кузнецова.)

Ноябрь — разбирается дело по «Новороссийску». Несмотря на мои просьбы, никто не принимает меня. Дело разбирается без меня». («К трагедии с «Новороссийском».)

8 декабря — снят с должности Первого заместителя министра обороны СССР — главнокомандующего ВМС постановлением Президиума ЦК КПСС (согласно протоколу № 172) и постановлением СМ СССР № 2049–1108 «за неудовлетворительное руководство ВМС». Решение принято без вызова и заслушивания Н.Г. Кузнецова.

15 декабря — направил письмо министру обороны СССР маршалу Г.К. Жукову. Ответа не получил.

С 8 декабря 1955 г. по 18 февраля 1956 г. — в распоряжении кадров МО СССР.

1956 г.

14 февраля — присутствовал в качестве делегата с правом совещательного голоса на XX съезде КПСС. (Удостов. № 112, мандат — в Музее Революции в г. С.-Петербурге.)

15 февраля — вызван к министру обороны маршалу Г.К. Жукову и выслушивает объявление решения об увольнении без права надеяться на восстановление.

17 февраля — снижен в звании до вице-адмирала и уволен в отставку.

18 февраля — приказом министра обороны уволен из кадров ВМС в отставку с правом ношения формы.

Февраль — получил выговор по партийной линии, о котором узнал лишь 13 лет спустя, в 1968 г.

1 марта — получил через нарочного МО на дому увольнительные документы и пенсионное удостоверение с правами «обычного» пенсионера.

8 июля — обратился с письмом к министру обороны СССР маршалу Г.К. Жукову с просьбой принять по ряду вопросов,

касающихся ВМФ, перечислил в письме номера документов, о которых хотел говорить. Ответа не получил.

1957 г.

8 ноября — обратился с письмом в Президиум ЦК КПСС с просьбой поручить разобрать дело. Ответа не получил.

Конец 50-х — начало 60-х гг. — находясь на пенсии, стал изучать английский язык, переводить зарубежные работы. Зародились мысли написать об увиденном и пережитом.

1962 г.

До 5 июля — написал письмо главнокомандующему ВМФ С.Г Горшкову с просьбой проверить и сообщить, нет ли новых выводов о гибели линкора «Новороссийск». Отправил письменное изложение своих соображений о трагедии.

5 июля — получил ответ (№ 700/1/106) следующего содержания: «Ничего нового сообщить Вам по существу этого вопроса в настоящее время не имею возможности. С. Горшков».

1963 г.

Написал статью для Военно-исторического журнала об адмирале Л.М. Галлере. На ее корректуре прочитал резолюцию С.Г. Горшкова: «Не печатать, прославляет себя. С. Горшков». Несмотря на реакцию главкома, статья была опубликована, но в сокращении.

«В мою «фигуру» попадают все палки. Я стою на городошной черте и все игроки стараются попасть в меня. Один Х. (Хрущев) сколько раз «выбивал» меня за черту, а за ним Г-вы (Горшковы) подходили на более близкое расстояние и добивали, если «рюха» еще не выкатилась. Ату его, ату!» (Из черновых записей Н.Г Кузнецова).

1964–1967 гг.

Ежедневно работает над мемуарами, статьями по истории отечественного флота, воспоминаниями о сослуживцах. Участвует в общественной жизни страны. Встает на партийный учет в парторганизации Института общей и педагогической психологии АПН СССР. Ведет семинары. Выступает перед учеными, студентами, читателями, общественностью в различных организациях с воспоминаниями и рассказами об исторических событиях, об истории Советской Армии и Военно-Морского Флота, о Великой Отечественной войне, о людях, с которыми работал и которых знал.

1964 г.

28 октября — отправил письмо министру обороны СССР маршалу Р.Я. Малиновскому. Был принят. На просьбу заняться рассмотрением дела получил отказ с мотивировкой, что вопрос решался высшими инстанциями. «Хрущев почему-то на Вас

сердит», — буквально сказал он мне и развел руками» (личный архив Н.Г. Кузнецова).

Узнал, что маршалу М.В. Захарову поручено подготовить «какое-то решение по моему делу», отправил письмо в Президиум ЦК КПСС на имя Л.И. Брежнева с просьбой вызвать для разбора дела. Ответа не получил. Вызван не был.

1966 г.

Получил от маршала А.М. Василевского копию письма, отправленного в ЦК КПСС по вопросу восстановления Н.Г. Кузнецова. (В 1956–1988 гг. общественность, моряки-ветераны, служащие ВМФ, семья адмирала (Верой Николаевной написано и отправлено пять писем — *Р.К.*) обращались с письмами в высшие инстанции на имя всех Генеральных Секретарей ЦК КПСС с просьбами разобраться по существу и восстановить справедливость. Решения не принимались вплоть до 26.07.88 г.)

«Сегодня был в Польском посольстве. Вручили медаль за Испанию. За последние годы я получил три медали за Испанию и ни одной за защиту своей Родины. Ну, кто что заслужил, то и получает!» (Из записной книжки Н.Г. Кузнецова).

1967 г.

27 декабря — награжден медалью «50 лет Вооруженных Сил СССР». Вручена в сентябре 1969 г.

1968 г.

19 февраля — награжден медалью ПНР «За вашу и нашу свободу».

До начала мая — обратился (в связи с Постановлением Правительства о пересмотре пенсий Героям Советского Союза) к министру обороны А.А. Гречко с просьбой написать ходатайство о пересмотре пенсии. Заведующий административным отделом ЦК КПСС Н.И. Савинкин информировал Н.Г. Кузнецова по телефону, что для решения пенсионного вопроса необходимо снять выговор по партийной линии, который он имеет.

9 июня — отправил письмо Н.И. Савинкину в ЦК КПСС с сообщением, что ничего не знает о партийном взыскании.

25 июня — принят Н.И. Савинкиным, показавшим решение 1956 г., но не ознакомившим с его основаниями. Просьбу ознакомить с основаниями отклонил, сославшись на вышестоящие органы. Для снятия партийного взыскания посоветовал написать министру обороны А.А. Гречко и начальнику ГПУ СА и ВМФ генералу А.А. Епишеву.

26 июня — отправил письма в оба адреса с просьбой поддержать ходатайство о снятии партийного взыскания.

«Переживания по случаю 50-летия Вооруженных Сил стоили мне не так дорого: обошлось небольшим гипертоническим

кризом… В процессе празднования мне было нанесено довольно много булавочных уколов с печатью низкой мести. То, что мне пришлось видеть и слышать на торжественном заседании и приеме, превзошло все мои ожидания. Я под влиянием всего этого будто переродился и стал новым человеком…» (Из черновых записей Н.Г. Кузнецова.)

1969 г.

31 марта — с связи с тем, что узнал о партийном взыскании (спустя 13 лет после его объявления), написал письмо в ЦК КПСС с просьбой объяснить основания.

1 апреля — принят А.Я. Пельше в связи со снятием партийного взыскания. Передать письмо Л.И. Брежневу с просьбой разобраться в деле, ознакомиться с материалами, на основании которых снижен в звании, Пельше отказался.

Лето — получил прибавку к пенсии, новое пенсионное удостоверение. Назначена пенсия в 380 руб.

1971 г.

Работал на общественных началах в качестве военного консультанта в Главной редакционной комиссии научного труда «История второй мировой войны 1939–1945 гг.». Написал и отправил замечания по труду в адрес академика П.Н. Поспелова и главкома ВМФ С.Г. Горшкова. В изданном 2-м томе замечания учтены не были.

1972 г.

Лето — награжден монгольским орденом «За боевые заслуги» (№ 2405).

1974 г.

Из записной книжки: «16.08.74. Живем тихо. Все чаще посматриваю на укороченный конец жизненного пути. Важно его закончить, сохранив присутствие духа…».

19.10.74. Книгу подписал к печати — выйдет в январе. (Вышла 28 мая 1975 г., — уже напечатанную задержали и не выпустили ко Дню Победы. — *Р.К.*) В «Октябре» будут два куска в 11 и 12 номерах, уже посмотрел и подписал. В журнале «История СССР» № 5 74 г. есть статья «День первый и день последний». Расписался ко Дню Победы — 30-летию — будет статей пять. Но вот беда, меня это почему-то не радует как раньше. Очевидно, падающие рядом снаряды, контузили меня и апатия берет верх».

Ноябрь — заболел, госпитализирован в больницу на ул. Грановского в Москве.

3 декабря — оперирован по поводу кисты на почке. Во время операции сердце не выдержало. Развился обширный инфаркт миокарда.

6 декабря — в 1 ч 15 мин — Н.Г. Кузнецов скончался в

возрасте 70 лет.

9 декабря — прощание с Н.Г. Кузнецовым в Доме Советской Армии. Похороны на Новодевичьем кладбище. Председателем комиссии по организации похорон был назначен Адмирал флота Касатонов В.А.

1977 г.

28 января — в Центральном Доме Литераторов в Москве военная секция Союза писателей организовала и провела вечер памяти в связи с 75-летием со дня рождения Н.Г. Кузнецова. Представителей от официальных военных или морских организаций на собрании не было. В канун торжественного собрания к В.Н. Кузнецовой поступила просьба от председателя ветеранов КБФ (г. Москва) В.Ф. Трибуца «отменить вечер, т. к. он организован не на том уровне…» Зал ЦДЛ был переполнен. Гражданские и военные люди, молодежь и ветераны почтили память флотоводца. Многие выступили с воспоминаниями о службе с ним в военное и мирное время, о нем, как о человеке. Из разных городов поступили письма и телеграммы тех, кто не мог лично присутствовать.

1987 г.

24 июля — состоялся вечер памяти, посвященный 85-летию со дня рождения Н.Г. Кузнецова в Центральном Доме Литераторов. (Годом рождения считался 1902 г.)

1988 г.

26 июля — посмертно восстановлен в звании «Адмирал Флота Советского Союза», которое он получил еще во время Великой Отечественной войны в мае 1944 г. (Указ Президиума ВС СССР № 9296-XI)[47].

26 июля — приказом министра обороны СССР № 255 Указ Президиума ВС СССР № 9296-XI о восстановлении Н.Г. Кузнецова в прежнем воинском звании объявлен среди личного состава Советской Армии и Военно-Морского Флота.

1989 г.

Вступившему в строй тяжелому авианесущему крейсеру (ТАКР) присвоено имя «Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов».

1990 г.

24 августа — имя Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова присвоено Военно-Морской Академии в г. Санкт-Петербурге (Ленинграде).

1994 г.

24 июля — впервые у моряков проведено торжественное собрание в клубе ГМШ ВМФ по случаю 90-летия со дня рождения Героя Советского Союза, Адмирала Флота Советского Союза,

бывшего наркома и министра ВМФ СССР (1939–1946, 1951–1953), главкома ВМС СССР (1944–1947, 1951–1956), — первого заместителя министра Вооруженных Сил (1946–1947), первого заместителя министра обороны СССР Н.Г. Кузнецова. Главнокомандующий ВМФ адмирал флота Ф.Н. Громов выступил перед личным составом и ветеранами ВМФ с докладом, в котором впервые прозвучали объективные оценки личности и деятельности юбиляра. На собрание были приглашены члены его семьи.

1996 г.

9 мая — в Москве на здании ГМШ ВМФ была открыта мемориальная доска в честь Николая Герасимовича Кузнецова, созданная под руководством адмирала И.В. Касатонова.

1999 г.

26 мая в Клубе центральных управлений ВМФ в связи с 95-летием со дня рождения флотоводца проведена научно-практическая конференция «Деятельность Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова и его вклад в развитие отечественного ВМФ» под руководством первого заместителя Главнокомандующего ВМФ адмирала Касатонова И.В.

2002 г.

27 июня — на III съезде Общероссийского Движения Поддержки Флота принято решение о начале подготовки к 100-летию со дня рождения Н.Г. Кузнецова. Образован Оргкомитет по подготовке к юбилею Н.Г. Кузнецова. Председателем Оргкомитета избран И.В. Касатонов. В Оргкомитет вошли М.П. Ненашев, В.А. Попов, Р.В. Кузнецова, В.Г Дейнека, В.Ф. Корельский, П.С. Орлов, П.П. Бойко и др.

2003 г.

26 ноября скончалась Вера Николаевна Кузнецова на 88-м году жизни. Похоронена на Новодевичьем кладбище рядом с Николаем Герасимовичем.

2004 г.

19–20 мая в Архангельске и Северодвинске проведены общероссийские общественно-научные чтения «Флот и Победа», *1 июля* в Москве проведена научно-практическая конференция «Личность и великие дела Н.Г. Кузнецова — пример служения Отечеству», посвященные 100-летию со дня рождения Н.Г. Кузнецова.

По инициативе Общероссийского Движения Поддержки Флота принято решение об установке в Москве на улице Тверской, дом 9 мемориальной доски Н.Г. Кузнецову и о сооружении в столице памятника великому адмиралу.

По обращению Общероссийского Движения Поддержки Флота

Председателем Правительства России даны конкретные поручения министерствам и ведомствам по оказанию реального содействия авианосцу, носящему имя Н.Г. Кузнецова.

«Кузнецовские уроки» — высказывания Н.Г. Кузнецова из рукописей трудов, записных книжек и книг [48]

В них выражены взгляды Н.Г. Кузнецова на различные проблемы теории и практики ВМФ. Они остаются актуальными и теперь, позволяют глубже познавать сущность флотской службы, находить правильные нравственные ориентиры в служении Родине.

Кают-компания — зеркало здорового коллектива.

Подготовка хороших опытных командиров — сложный, длительный процесс.

Все, от наркома до матроса (солдата), должны знать, что им надлежит делать в случае нападения.

Никогда не употреблять спиртного на корабле.

Каковы задачи — таков должен быть и флот.

Военные люди не имеют права быть застигнутыми врасплох. Как бы ни выглядел неожиданным тот или иной поворот события, нельзя, чтобы он застал врасплох, к нему нужно быть готовым. При высокой готовности внезапность теряет силу.

Учиться надо на ошибках других. Но и из собственных ошибок надо извлекать пользу для себя и в поучение другим.

Единственное настоящее дело для моряка — командовать кораблем.

От службы во флоте я отстранен, но отстранить меня от службы флоту невозможно.

Высокая организация — ключ к победе.

Не рискуя, ничего хорошего не сделаешь.

Я книги писал, чтобы были сделаны выводы.

Опытом минувшего освещается настоящее и будущее.

Только труд, упорный, повседневный, помогает добиться успеха.

Зазнавшийся, ставший беспечным командир, опаснее неумелого.

Излишняя опека со стороны старшего начальника, вышедшего в море, по отношению к командиру создает только нервозность на корабле.

Подлинный патриотизм неотделим от культуры.

Посты у нас могут быть разные, но все мы — адмиралы, офицеры, матросы — люди советского общества, интересы у нас

одни и те же. Этим сознанием должен быть пронизан каждый поступок командира, каждая его мысль. Бывает, что командиру приходится действовать круто, говорить резко, но и тогда в его словах и поступках не должно быть и тени высокомерия, безразличия к людям. Этого никогда никому не прощают.

Опыт войны нужно изучать не ради знания, не просто ради науки, а для того, чтобы обнаружить, разгадать вероятные средства и методы противника и своевременно найти противоядия против них.

Организация — ключ к победе. Все главное: и штаб, и строительство баз, аэродромов, авиация, ПВО, боевая подготовка, связь, комплектование, боеспособность флота. Но главное — организация. Как на корабле… Упрощенная модель? Наверное. В масштабе государства все куда сложнее.

У каждого моряка и в молодости, и в зрелом возрасте случаются неприятности и малые, и большие, но не всякий, возвысясь, хочет о них вспомнить. А бывает, и не терпит, когда ему о них напоминают. Не в том достоинство, что ты всегда и во всем выглядишь непогрешимым, а в том, чтобы из собственных ошибок извлекать пользу и для себя, и в поучение другим.

Как это важно, когда старший создает благоприятную обстановку для смелого высказывания младшим.

Коллектив добросовестных людей… Можно ли создать коллектив приказом? — Объединяет коллектив не здание, в котором он работает — главное, без чего он не может существовать, — это единство цели, стремление каждого внести свой вклад.

Командир имеет право требовать от всех. Жестко требовать. Требовать от имени Родины. Но он должен быть правдив. Он должен быть истиной (!) для всех подчиненных.

Терпеть не могу начальников, которые поучают тому, чего сами не умеют.

О компетентности и добросовестности. Что важнее? Добросовестность или компетентность? Добросовестность. Компетентных много, но иногда такой человек не хочет решать. Добросовестный почти всегда компетентен, а если чего и не знает, должен узнать и узнает.

Мужество связано с умением говорить, что думаешь, доказывать, отстаивать свое мнение, свое убеждение, не боясь ответственности и потери расположения или должности.

Флоту необходима постоянная готовность.

Флот является сгустком самой современной техники.

Массовый героизм… происходит от глубокого личного осознания каждым своего патриотического долга. Настоящий

патриот, герой — тот, кто сознательно идет на риск, кто во имя исполнения осознанного долга способен отдать жизнь. А на это способен лишь человек, который прошел хорошую школу воспитания.

Подвиг — закономерное проявление прекрасного воспитания высоких моральных качеств.

Без соответствующей культуры не сдвинется с места и дело воспитания.

Как интеллект, так и способность совершать героические поступки в значительной мере характеризуют самую сущность человечности.

Что является определяющим признаком прогрессивной культуры? По-моему, главное — это верное понимание и знание процессов истории. Ведь в конечном счете здесь сосредоточие всех идейных битв.

Патриотизм — это в конечном счете чувство. Чувство, воспитание, опирающееся на большую культуру…

Мы не вправе забыть тех, кто отдал жизнь за счастье народа. Их пример — школа патриотизма.

Тем, в чьих руках дело патриотического воспитания искусством, я бы посоветовал приглядываться к тому, что делают битые наши противники.

Страшно не отступление, а паника. Вовремя отойти, сохранив силы, — полбеды, превратить отступление в бегство — это поражение.

Дисциплина есть сохранение установленного порядка, т. е. чтобы установить дисциплину, нужно установить порядок. Там, где нет порядка, нет и дисциплины.

Чем меньше линий подчиненности и проще организация, тем яснее круг обязанностей у каждого человека.

Лишь разумное и научно обоснованное сочетание различных родов морских сил и классов кораблей может обеспечить выполнение задач, стоящих перед флотом.

Готовность флота к войне — это прежде всего готовность его людей.

У каждого человека, если он не ограничивается только мелкими житейскими радостями, существует более широкая цель, связанная с интересами Родины и общества…

Для всякого гражданина есть одна очень важная цель — Родина, ее развитие, ее успехи, ее судьба.

… верю, что хороших людей больше, чем плохих.

В наш бурный и беспокойный век за жизнь приходится бороться больше, чем прежде, но это совсем не значит, что теперь надо пренебрегать законами морали и порядочности.

В трудные минуты нужно по-философски подходить к происшедшему… Каждый должен по-своему философствовать, выбирая нужную тему.

Законность нужна не только мне, но и вышестоящим органам.

Я опасаюсь, что ловкачи опять пожнут плоды, быстро перестроившись на новый лад.

Нельзя освобождать от ответственности тех, которые должны отвечать. Иначе безответственность будет расти и расти… Вот пример. Внес Хрущев неправильное предложение о школах. Его приняли. Сидел в это время ответственный за школы человек. Теперь он кричит (да еще громче всех): «Виноват Хрущев!» А я бы вытащил этого деятеля, снял штаны и всыпал, приговаривая: «А ты? А ты где был?» Это дало бы хороший урок на будущее. Иначе, он отсидится, будет делать и дальше глупости, не задумываясь, что его долг либо настоять на своем, либо уйти.

Ошибка, допущенная однажды, — это плохо, повторенная — уже преступление.

Если не вырвать корней и не сменить почву, на которой так быстро растут «культы», то нет гарантий от повторения пройденного. В чем корень зла? Мне кажется, в отсутствии твердых законов, конституционных положений и контроля за их выполнением. Огромная власть в одних руках — такое не должно быть свойственно нашему государству.

Слова и писанина приобретают больше веса, когда они употребляются редко, но метко.

Высокий руководитель должен не считаться со своими собственными интересами и опасностью быть снятым с поста, если дело касается принципиальных вопросов.

Сотни раз сказанная ложь многим представляется правдой.

В.Н. Кузнецова. Я готова была для него на все [49]

Когда я задумываюсь о прошлом, размышляю о событиях, людях, их поступках и многом другом, что осталось позади, то каждый раз прихожу к мысли, что, несмотря ни на что, мне незачем сетовать на жизнь — она у меня удалась, судьба была ко мне благосклонна. А ведь пережито много мучительного из-за происходившего с Николаем Герасимовичем. В памяти же остается больше светлого и хорошего. Трудное и тяжелое как бы обволакивается дымкой и постепенно тает. И только где-то глубоко-глубоко в душе не проходит чувство боли и обиды за Николая Герасимовича.

Каждую прожитую вместе минуту я вспоминаю с благодарностью. Я была счастлива. Мне казалось, что я сумела создать наш дом и быть в нем хозяйкой, куда он стремился со всеми своими радостями и печалями, чтобы набраться сил, отогреться душой, побыть с семьей, окружавшей его добротой и любовью.

Его обожали и старшие — родители, и дети — сыновья, многому научившиеся у него, как и он, полюбившие море и морское дело. Все они прошли школу Ленинградского нахимовского училища, двое — Высшего военно-инженерного. И хотя морское дело не стало у всех профессией, оно всегда сопутствовало им в жизни.

Рядом с Николаем Герасимовичем мне посчастливилось быть 36 лет, до последней минуты, когда он, слабея и уходя в вечность, тихо прошептал: «Почитай». Его не стало, и я осиротела. С того самого дня — 6 декабря 1974 г. — я все вспоминаю и вспоминаю…

В годы юности меня окружали прекрасные люди. Мои друзья-товарищи моего крестного дяди Миши, сына моей двоюродной бабушки, которого я почему-то называла братом, — уже были студентами Архитектурного института, когда я начинала работать чертежником-конструктором (и одновременно училась) в проектно-конструкторском отделе МГЭС, маленькой электростанции, построенной, кажется, голландцами, где мастером работал мой отец. Готовилась к поступлению в институт. О сотрудниках проектного отдела осталось в памяти только хорошее. Большинство из них были люди высокой культуры и классные специалисты. Пятилетнее общение с ними для меня не прошло даром. Походы в Большой и Художественный

театры, на литературные вечера, игра в теннис заполняли наше свободное время. Молодежь жила тогда событиями страны. Гремела слава первых героев, пролагавших новые воздушные трассы, совершавших беспримерные перелеты, — Чкалова, Громова, Коккинаки. А события в Испании? Они волновали каждого. В нашем отделе висела карта Испании, и мы каждое утро передвигали по ней флажки, обсуждая услышанное накануне.

Как ни хорошо мне было в МГЭС но, когда проект турбины закончился в конце 1937 г., я уволилась, ничего не сказав родителям. Подобной работы долго не могла найти. Наконец, по совету знакомой позвонила по телефону. Ответили: есть место чертежницы, пригласили зайти.

На доме, который я нашла по указанному адресу, не было вывески. Он стоял в Антипьевском переулке. Пять лет по утрам, торопясь в свой МГЭС, я проходила мимо этого дома несуразной архитектуры — вытянутого прямоугольного здания, оканчивавшегося башней с нарисованным на ней танком. Я видела, как в подъезд быстрым потоком входили военные — летчики в армейской форме и гражданские люди. Встретивший меня человек в синем кителе просмотрел документы и дал анкету для заполнения.

Меня приняли в ГМШ в 1-й отдел. Происшедшее изменило всю мою жизнь. Место работы на прежнее не походило. Проектно-конструкторского бюро здесь не было. Ходила расстроенной, особенно в первые месяцы, так как работа была совсем иной — без знакомых мне турбин и котлов. Теперь приходилось иметь дело все больше со схемами, таблицами, картами, которых было бесконечно много. И постоянно: «срочно», «срочно» и «срочно».

Люди в синих кителях все казались мне на одно лицо. Нашивки — их звания — я не понимала. Между собой они называли друг друга начальниками, обращались по званию, и не чувствовалось той заботы, к которой я привыкла в гражданском коллективе, атмосферы дружбы, внимания и просто человеческой теплоты.

Лиц людей, приносивших мне работу, я не видела, видела только руки, передававшие ватман или морскую карту. Они показывали, что нужно делать. С трудом я привыкала узнавать «заказчиков» по нашивкам на рукавах. Считаю: 4 резки на рукаве — значит, думаю, капитан 2 ранга. Решаюсь назвать по-военному и ошибаюсь, а он смеется и говорит: «Я не капитан 2 ранга, а полковник». Оказывается, нужно еще увидеть просветы между нашивками. Так я и не справилась с этой наукой.

Николай Герасимович вошел в мою жизнь неожиданно и

навсегда. Мы познакомились с ним вскоре после Хасанских событий. Он уже командовал Тихоокеанским флотом и в декабре 1938 г. прибыл на Главный военный совет ВМФ, чтобы обобщить опыт обеспечения боев у о. Хасан с моря. Часто бывал он в кабинете начальника. Принимали его в нашем отделе хорошо. Всегда приветливо и неофициально он здоровался с сотрудниками, шутил, общался просто, по-человечески. Все им были очарованы. Еще не видя его, я слышала, как много хорошего говорили о нем все вокруг.

И случилось так, что мне поручили помочь ему оформить графический материал к докладу. За время работы между нами установились такие отношения, словно мы давно знали друг друга. Когда я заканчивала работу, Николай Герасимович в компании со мной шел до моего дома. Москву он тогда знал плохо. Я показывала ему Арбатскую площадь, рассказывала о переулках, по которым мы брели до Смоленской площади. Время летело быстро. Так незаметно мы и подружились.

Однажды он предложил мне после работы пойти в Большой театр. Сначала я было отказалась, но сослуживцы уговорили. А до начала спектакля оставалось меньше часа. «У нас же билетов нет», — говорю ему. «Будут», — ответил он уверенно и просто. В театре меня ждал сюрприз. В ложе собрались «испанцы»: Смушкевич, Дрозд, Проскуров… Все они были с женами. Начались воспоминания, общие разговоры. Я почувствовала себя лишней и хотела уйти, но Николай Герасимович удержал меня.

Наконец моя работа закончилась, 19 декабря Николай Герасимович выступил на Совете. Накануне он выглядел тревожным и напряженным. После Совета я увидела его совершенно другим. Радостный, будто гора с плеч, он весь светился от счастья. Он рассказал мне, что сегодня был день удачи, что ему удалось убедить И.В. Сталина в невиновности командира погибшего на ТОФ нового эсминца «Решительный». Гроза миновала. Решено было под суд никого не отдавать. «Отделался двумя выговорами — себе и командиру корабля», — сказал он. Я порадовалась вместе с ним. И тогда, и потом — всю жизнь я болела душой за его дело, гордилась им и готова была для него на все.

Командировка Николая Герасимовича подходила к концу. «Хорошо было бы нам поехать вместе», — сказал он, прощаясь у моего дома в последний вечер, перед его отъездом. «Почему Вы обижаете меня, разве я дала повод? Я мало знаю Вас, но знаю, что у Вас есть сын», — ответила я ему. Николай Герасимович смутился и, сжав мне руку, вложил что-то в ладонь, проговорив: «Сын нам не помешает. Я все сделаю для него.» Дома, раскрыв

ладонь, я увидела, что это бракоразводное свидетельство, оформленное еще летом 1935 г., за год до его отъезда в Испанию.

В начале января Николай Герасимович уехал. По дороге с каждой станции отправлял мне открыточки. Из Владивостока прислал письмо с нарочным, а в марте 1939 г. снова приехал в Москву на съезд. Теперь мы встретились уже как старые знакомые.

13 марта я вышла за него замуж. Жили мы в гостинице «Москва». Я стала собираться в дальнюю дорогу с мыслью, что уезжаю на Дальний Восток навсегда. Мама ворчала: «Не могла найти себе жениха в Москве». А папа сказал: «Поезжай. Я, дочка, не боюсь: он добрый человек». 26 марта Николай Герасимович вернулся из Наркомата и заявил: «Тебе везет: меня перевели к тебе в Москву в заместители Наркома».

Моя поездка на Дальний Восток все же состоялась, так как Николай Герасимович должен был сдать дела новому командующему. Я приняла ее как подарок судьбы, как свадебное путешествие. Проехала через всю страну, увидела ее. Раньше реки больше, чем Волга, я не видела, а теперь же восхищалась Леной, Енисеем, Байкалом. Увидела на берегу омулевые бочки, про которые вспоминал мой дедушка, воспевая «славное море, священный Байкал». Через необъятные и прекрасные просторы вместе с нами ехали: Г.М. Штерн с супругой Софьей Марковной, П.В. Рычагов, А.А. Жданов и назначенный командовать ТОФ И.С. Юмашев. Ехали с песнями Петра Лещенко и Александра Вертинского — всю дорогу слушали их записи на пластинках, привезенных нашими «испанцами».

В конце мая мы вернулись в Москву. Поселились в Доме правительства на ул. Серафимовича. С первого дня нашей семейной жизни я пыталась понять, как и чем могу помочь Николаю Герасимовичу. Решила, что должна устроить дом, родной дом для нас, для него. Ведь не может же жить человек без родного дома. Прежде ему приходилось жить у чужих людей, либо в военных училищах, либо в гостиницах. И я делала для этого все, хоть была молода и неопытна.

Вскоре я заметила, что Николай Герасимович почувствовал тепло нашего дома. Перестал обедать в Наркомате, приезжал только домой. Насовсем к себе мы перевезли его маму из Медведок. Летом мы перебрались в Астафьево на дачу, в маленький и уютный деревянный домик. Встретила нас скованная, с испуганными глазами худощавая женщина — повариха Надя, которая еще и ведала всем хозяйством в даче. Вскоре от ее испуга не осталось и следа. Жила и работала она у нас все 7 лет, пока мы жили в Москве. Часто с бабушкой Анной

Ивановной ездили они на церковную службу по праздникам и воскресениям. Николай Герасимович давал им машину. Жили мы дружно. Это место — бывшее имение Вяземских — нам очень понравилось. Прожили мы там недолго. Дом попросили уступить германскому послу Шуленбургу, по-видимому, из-за его местоположения, отдаленного от соседей. Мы переехали в Архангельское. Жить за городом нам нравилось больше, чем в Москве. Здесь Николай Герасимович научился кататься на коньках и лыжах, играть в теннис. Вставали все рано, но он уже был на ногах. Из ванной слышалось бодрое пение: «Вставай, вставай, браток, поспел уж кипяток». Каждое зимнее утро перед завтраком и отъездом на службу начиналось с того, что мы час катались на лыжах, а летом играли в теннис. В 9 часов он уезжал.

Хотелось быть полезной ему в делах. Как? Это пришло само по себе. Однажды он позвонил со службы: «Ко мне приехал начальник Военно-Морской Академии Ставицкий. Я могу ему уделить только 10 минут. Он приедет, займи его». «Сумею ли, засомневалась я». «Попробуй, мне тоже многое приходится делать впервые», — напутствовал Н.Г И я справилась. Потом я нередко помогала ему в подобных случаях. Когда начальство приезжало с женами, то обычно после отъезда их мужей по делам, я шефствовала над ними, водила их «на Уланову» в Большой театр, на премьеры в Художественный театр.

Как-то приехал Л.М. Галлер со срочным документом. Глаза усталые, грустные. Н.Г. объясняет причину его перевода на другую должность. Глаза у Льва Михайловича засветились. «Николай Герасимович, с Вами я на любой работе буду помогать». Любил его. Как-то звонит: «Вера Николаевна, завтра приезжает Н.Г, я Вам посылаю машину». Я поехала, вижу встречают Н.Г. многие. Заметив меня, он помахал рукой, потом подошел: «Только заедем в Наркомат». В другой раз я сказала Льву Михайловичу, что, может, я мешаю и не нужно встречать Н.Г. «Нет, нет, обязательно встречайте, обязательно». Так я и поступала: встречала Н.Г., заезжали в Наркомат, и только потом домой.

Лев Михайлович стал бывать у нас часто. Семьи у него не было, мне казалось, что ему у нас было хорошо. Однажды летом, когда мы играли в теннис, я увидела, что коляску с нашим сыном вместо няни катает Лев Михайлович и заглядывает на нашего Николашу. Это меня очень тронуло. Очень любил мою младшую сестру Женю. Приезжал в 1941 г. ее хоронить. Бывая в гостях, предупреждал меня, что уйдет по-английски, не прощаясь. Одним словом, относился Лев Михайлович к Николаю Герасимовичу и к нашей семье нежно.

В то время я много читала, занималась английским языком на курсах и готовилась поступать в институт. У нас стали бывать гости — старые и новые друзья. И мы ходили к ним. Встречались с Коккинаки, Шапошниковыми, Ливановыми, Михайловыми, Козловским, Неждановой, Головановым, А. Толстым, Тевосянами, Хрулевыми, Шахуриными, с «испанцами» — Штерном, Проскуровым, Рычаговым и др.

День рождения Николая Герасимовича в 1939 г. мы отмечали с друзьями у нас дома, по-семейному. 24 июля пришлось на воскресенье и совпало с Днем Военно-Морского Флота, который тогда впервые отмечался. Виновником этого торжества тоже был мой Николай Герасимович. Я знала, что это его предложение ввести такой праздник для моряков, который живет и сегодня, было принято Правительством. И в каждый день своего рождения Николай Герасимович первый тост за столом поднимал за родной ему ВМФ. А о том дне рождения у нас остался подарок ему на память от жен офицеров-моряков вышитый четырьмя мастерицами его портрет.

Какой он был тогда, мой Николай Герасимович? Высокого роста, худощавый, но уже склонный к полноте. Гордо посаженная голова с большим лбом и залысинами по бокам. Седые виски и каштановые волосы. Улыбающиеся всегда особенной улыбкой узкие серые глаза. Красивый рот, волевой и прямой подбородок с ямочкой посередине. Он был добр, умен и остроумен. Каждый раз, когда я присматривалась к нему, я обнаруживала, что он мне нравится заново. Главным в его лице были его умные добрые глаза и улыбка.

Работа для Николая Герасимовича всегда оставалась главнее всего остального, занимала все его время, мысли и даже чувства. По правде сказать, на остальное у него оставалось мало времени. И все же во мне живет ощущение, что он всегда был с нами. О его служебных делах мы, как правило, не говорили. Но еще до войны я заметила, что при неудачах он был сдержан, задумчив, молчалив, а при успехе прямо-таки светился весь. По его виду, настроению при возвращении из командировки я всегда знала, конечно, в самых общих чертах, как обстоят дела на флоте.

Николай Герасимович сутками пропадал на службе, особенно в первые месяцы войны. Но странное дело, я почти не чувствовала его отсутствия ни в Москве, ни в эвакуации в Куйбышеве. Разлук было много, но такое впечатление, что мы ни разу не расставались. Мы с сыновьями всегда были в его сердце. «Моя семья, как-то сказал он, — мой самый надежный тыл». Как бы он ни был занят, обязательно вспомнит о нас, заскочит на минутку, позвонит по телефону, пришлет записку на служебном бланке,

написанную цветным карандашом. Вот пишет в Куйбышев: «Завтра летит к вам Жаворонков, поэтому имею возможность отправить с ним письмо. Соскучился по вас всех, но это в военное время должно держать в секрете. Скука это лишение незначительное по военному времени…» Или: «Сегодня получил твое письмо и, пользуясь случаем, что к вам летит самолет, пишу тебе…» Или: «Едет один товарищ к вам, я решил отправить с ним деньги и записочку»; «Летит Шахурин, решил кое-что написать. Уже второй час ночи… Настроение удовлетворительное, с колебаниями в зависимости от обстановки на каждый данный момент». Позвонит, спросит: «Как вы там?» И когда узнавал, что у нас все хорошо, — радовался, говорил: «Вот это хорошо, теперь и я больше сделаю». И снова, как в самом начале, нас связывали записочки и звонки.

В Куйбышеве я жила полтора года с моей мамой Марией Александровной и с детьми. Папа и мама Н.Г. остались в Москве. Ходила в госпиталь, ухаживала за ранеными, заботилась о сыновьях Викторе, девятилетнем сыне Николая Герасимовича от первого брака, и нашем полуторагодовалом Коле. Случилось так, что после окончания летом 1941 г. первого класса отец отправил Виктора в Евпаторию в санаторий. В канун начала войны его привезли в Москву. Адъютант позвонил и сказал мне, что Виктор находится у адмирала Акулина. Я связалась с Н.Г. и сказала: «Если ты считаешь, что у тебя есть дом, то твой сын должен жить там, где живут его отец, бабушка, где есть у него комната и прочее». Виктора привезли. И так вышло, что Виктор с начала войны стал жить с нами до 1948 г., пока не поступил учиться в Ленинградское Нахимовское училище. Отношения у нас установились хорошие.

Весной 1943 г. мы вернулись в Москву. Жили за городом. Снова все были вместе. Виктор учился в школе в деревне Глухово. Память сохранила многие события военного времени, много тяжелого. Помню поверженные Берлин и Дрезден. Я была там на пятый день после объявления конца войны. И сейчас перед глазами разбитый Берлин и немцы, очищающие его. Обгорелые макушки деревьев в парке. Бесконечные надписи на колоннах рейхстага. Вокруг местное население в большинстве это женщины с чайниками и кастрюлями выстроилось в длинные очереди за кашей. Наши кашевары из походных кухонь раздают еду. Тут же идет торговля вещами. Берлин еще не поделен на зоны между союзниками. В глаза бросаются столбы с надписями: «Заминировано». Американцы гоняют по городу на машинах, торгуют шоколадом, выменивают вещи на часы, которые у них висят на руках по пять-шесть штук. Разрушенный Дрезден после

бомбежки превращен в руины. Чего только не торчит из воронок! Немцы пакуют картины.

Во время работы конференции стран-победительниц в Потсдаме Николай Герасимович взял меня с собой. На память о конференции остались фотографии.

В победные дни 1945 г. особенная радость наполняла сердце. Глядя на Николая Герасимовича, приветствовавшего моряков, своих соратников и питомцев, чеканивших шаг по брусчатке Красной площади, я гордилась им. После Парада Победы в Кремле состоялся праздничный прием. Мы были в Георгиевском зале. К Николаю Герасимовичу подходили маршалы и генералы, поздравляли друг друга, благодарили за помощь. Помню, как всплакнул Еременко: «Спасибо, что моряки перевозили наши войска»; слова Рокоссовского: «Всегда был рад, когда в моей армии воевала хотя бы рота бесстрашных моряков»; слезы на глазах Чуйкова, вспомнившего моряков под Москвой, дом Павлова в Сталинграде (тогда я узнала, что, оказывается, Павлов был моряком) и что благодаря морякам 62-я армия не погибла. Подходили и другие, говорили о Ленинграде, Севастополе, Одессе, Новороссийске… Сталин поднял бокал и произнес тост: «Выпьем за тех, кто нам очень нужен во время войны, но о ком потом быстро забывают». Я и теперь примериваю эти слова к Николаю Герасимовичу, кажется, что понимаю их смысл. От приема осталась память — «платок Победы». На нем изображены государственные флаги всех стран-победительниц во второй мировой войне.

Непередаваемые чувства восторга охватили нас, собравшихся вечером, чтобы видеть салют Победы на балконе Дома правительства, выходившем в сторону Кремля. Салютовали тысячи орудий, и под их гром Марк Рейзен пел песню «Артиллеристы»… Это было грандиозно!

Почти сразу же после войны, в 1946 г., у Николая Герасимовича начались неприятности на службе. Думаю, что они были связаны с его деятельностью по созданию программы нового послевоенного судостроения и с его предложениями, изложенными в докладе Правительству, по организации управления Вооруженными Силами с учетом опыта прошедшей войны и опыта других стран.

Его мысли оказались ненужными. Чтобы прекратить споры с Минсудпромом, которому не выгодно было строить корабли по программе Кузнецова, наркомат упразднили «за ненадобностью», а главкома ВМС перевели в начальники Управления вмузов в Ленинград, а позже, в 1947–1948 гг., и вовсе решили разделаться, чтобы не мешал, — сначала вместе с его заместителями по

Наркомату во время войны (Галлером, Алафузовым и Степановым) предали суду чести, а затем — Верховной коллегии Верховного Суда. 7 ноября 1947 г. Николая Герасимовича вызвали в Москву. Он уехал, позвонил мне оттуда, предупредил, что задерживается.

Перед судом я прилетела на два дня в Москву. У нас на обеде собрались Алафузов и Галлер. Разговаривали, гадали: что может быть? Галлер сказал, что торпеду передали недавно, в 47-м г., после рассекречивания. Сказал: «Наверно, снимут погоны».

Я вернулась в Ленинград, ведь там оставались двое наших маленьких детей: семилетний Коля и двухлетний Володя. Жили мы за городом. Явился начальник тыла, заявил: «Немедленно выезжайте с дачи. Для Вас нет угля, нечем топить дом». Мы перебрались на городскую квартиру на ул. Попова. Дети болели — не подходил климат. Их опекал профессор Военно-медицинской академии З.М. Волынский. Узнав о суде, примчался, предложил мне в помощь «дать двух медсестер, чтобы присмотреть за ребятами» на время моей очередной поездки в Москву. Я не воспользовалась этим. В это время на квартиру заходили командиры кораблей, представлялись: «С такого-то корабля», оставляли телефоны: «Если что нужно, звоните».

В день суда не спала в Москве мама, не спала в Ленинграде и я. Николай Герасимович позвонил под утро: «Приезжай». Я нашла его спокойным, грустным, сокрушающимся за судьбу своих товарищей. Я и мама радовались, что он с нами, дома, и вместе с тем было печально видеть его мучения.

Николай Герасимович надолго остался без работы, вскоре с инфарктом попал в больницу. Я с ребятами вернулась в Москву. Жили на даче. Новое руководство флота проявляло беспокойство. Однажды позвонили от Главкома, пригласили меня подписать какой-то документ. Я уехала в Москву. Вернулась, а повариха говорит: «Вера Николаевна, у нас была рота краснофлотцев, копали землю». Я спросила, зачем копаете? Ответили: «Не закопал ли Кузнецов трофейные машины?» Тогда я поняла, что искали какие-нибудь «зацепки», чтобы посадить все-таки Николая Герасимовича в тюрьму. Вскоре позвонил адъютант главкома и решительно приказал: «Завтра же освободить дачу для нового командующего». Хотя я человек гражданский, все же встревожилась. Казенные вещи: мебель, посуда, ковры, белье все было записано на меня, и я должна была сдать их под расписку. Решила позвонить в Управление делами Чадаеву (встречались с ним на парадах). Он услышал и сказал: «Живите спокойно, этой дачи он не получит». Вечером вышла за калитку — вижу на воротах громадный замок! Больше меня не беспокоили.

Николай Герасимович поправился. Получил назначение на Дальний Восток. Перед отъездом мы всей семьей провели отпуск в Прибалтике. Время пронеслось быстро. И вот, оставив ненадолго детей с няней, я поехала в Москву проводить его в Хабаровск на новое место службы. «Как-то меня там встретят после всего случившегося?» — размышлял он. «А может, нужно ехать всем вместе?» — говорила я. Сама не знала, как лучше: не хотелось оставлять его одного. На этот раз расставались мы надолго. Прощаясь на перроне московского вокзала, он сказал: «Все-таки мы правильно решили. Вы приедете, когда я устроюсь там с квартирой, пока август проведете на взморье, а в сентябре Коля пойдет в школу». И опять, как сильный человек, он не говорил, как тоскливо ему покидать нас.

Поезд тронулся. И с каждой станции он снова посылал мне письмецо за письмецом, открыточку за открыточкой. Поезд увозил его от нас, а он уже считал дни до встречи с нами. Я и сейчас, закрыв глаза, отчетливо вижу его лицо, стараюсь угадать его мысли… Поезд мчался, увеличивая между нами расстояние. Открытки, торопливо брошенные на остановках, делались все короче. Впереди у него была новая работа, новые люди. Он скучал до нашего приезда к нему в мае 1949 г. Ожидая нас, приводил в порядок дом, делал ремонт и с детской радостью писал мне об этом. Я очень волновалась вместе с ним, как встретит его Дальний Восток. Письмо Николая Герасимовича меня успокоило: флотские люди встретили его тепло, нового звания не упоминали, обращались по имени и отчеству. Может быть, это невероятно, но факт, письмо сохранилось. Его ценили и уважали на флотах. И это он относил к плодам своей работы.

Случившееся с Николаем Герасимовичем как бы обнажило отношение к нему со стороны сослуживцев. За него многие переживали. Но были и злорадствовавшие, и действовавшие против. Особенно странным мне казалось поведение адмиралов В.Ф. Трибуца и И.С. Исакова.

Считавший себя другом Николая Герасимовича, Трибуц часто останавливался у нас на квартире, приезжая в Москву. Так случилось и осенью 1948 г. Буквально накануне его приезда на квартиру ко мне заходили десятки моряков с разных флотов. Представлялись откуда, говорили, что едут на конференцию в Ленинград, и что недавно у них с инспекцией был адмирал Трибуц, который в своих выступлениях перед ними называл Кузнецова «врагом народа». Это ошеломило меня. Когда Трибуц по обыкновению, как ни в чем не бывало остановился у меня на квартире и даже согласился отзавтракать, я, дождавшись, когда он покончит с едой, перед тем как уходить, спросила: «Правда ли,

что в Ленинграде собирается совещание?» «Правда», — отвечал он. «А правда ли, что вы ездили на флоты с инспекцией?» — «Правда». Тогда я и сказала ему все, что узнала. Нервно куря, гася одну за другой сигареты и краснея, он буркнул: «Вы что, хотите меня рассорить с Николаем?» И ушел рассерженным. Днем позвонил из главкомата и заявил: «Ужинать я к вам не приеду». Я надеялась, что остатки совести не позволят ему это сделать. Написала обо всем Николаю Герасимовичу. А он мне в ответ: «Не обращай внимания, у Трибуца неприятности». Прямо «святой» какой-то.

На квартиру Владимир Филиппович больше не заезжал, но, бывая в Москве, имел привычку позвонить и сказать: «Звоню из кабинета Главнокомандующего. Николай Герасимович сделал не так то-то и то-то…» Однажды я ответила: «Не звоните, я — жена Николая Герасимовича и в это не верю».

Вновь я увидела Трибуца в 1949 г. в Ленинграде. Мы всей семьей снова ехали в отпуск в Дзинтари, а он встречал нас на вокзале. Напрасно я надеялась, что он принесет извинения. Он промолчал и повел себя как ни в чем не бывало.

Через много лет, когда уже не стало Николая Герасимовича, в 1977 г. военная секция писателей ЦДЛ устраивала памятный вечер в честь его 75-летия. Нашу семью пригласили. Я очень волновалась, но была довольна. Незадолго до назначенного дня позвонил Трибуц, сказал: «Отмените вечер. Кузнецов достоин большего уровня». Я ответила, что вечер устраиваю не я, отменить не могу и не хочу. Позднее звонили еще несколько «доброжелателей» с тем же предложением. Я не воспользовалась «дружеским» советом. Вечер состоялся. Зал был переполнен. Собрались гражданские люди, неравнодушные к истории своей страны, к человеку, который сам был историей, и моряки, находившиеся в отставке. Было много интересных выступлений.

Не могу умолчать о поступках еще одного человека, имевших последствия для Николая Герасимовича, — адмирала И.С. Исакова. Не буду говорить о разногласиях в их взглядах по службе. Расскажу лишь об эпизодах, относившихся ко мне.

Уже после отъезда Николая Герасимовича на Дальний Восток в 1948 г. как-то позвонил Иван Степанович и говорит: «Вы мне верите?» «Верю», — отвечаю я. «Так вот, сделайте, как я вам сейчас скажу, и не спрашивайте меня ни о чем — я положу трубку. У вас есть фотоальбомы Ялтинской и Потсдамской конференций? Сожгите их». И действительно, сразу же повесил трубку. Опешив, я растерялась, а придя в себя, подумала: «Ну приедут, возьмут — пусть возьмут, такие альбомы были у каждого члена делегации». И решила — не стану жечь. Вскоре забыла об

этом совершенно и надолго. В эти годы, с 1948 по 1951-й, Исаков с нами не общался. А когда Кузнецова в 1951 г. вновь назначили министром, он тут же оказался рядом, даже стал письма писать. А когда у нас вновь случилась беда, «его и след простыл». «Объявился» он письмом в 1965 г. после выхода журнального варианта книги «Накануне». Когда же в 1966 г. вышла книга, он примчался на дачу, даже без звонка. Выглядел хорошо. Пили чай. Иван Степанович поучал: «Ты хорошо написал. Тебя читают. Не торопись писать о войне. Оттачивай стиль. Работай над каждой фразой…» Надо сказать, что Николай Герасимович мыслил быстро, поэтому не всегда успевал записать их, работая за пишущей машинкой, и пропускал, конечно, отдельные слова, делал много вставок, а это требовало редактирования текста. Я по своей наивности возразила: «А мы, я и сыновья, наоборот, просим — все, что вспомнишь, — все пиши. Хороший редактор текст поправит». Он резко повернулся в мою сторону и недовольно спросил: «А вы сожгли тогда фотографии?», и я впервые увидела, какие у него колючие глаза. «Нет. Не сожгла». Молчавший до этого Николай Герасимович сказал: «Я благодарен ей за это. До архивов я не допущен, поэтому очень много вспоминаю, разглядывая фотографии».

Я не могу объяснить поведения Ивана Степановича, его фразы: «Надоело грешить совестью», сказанной Николаю Герасимовичу при очередной встрече. Еще более странной осталась для нас с Николаем Герасимовичем и их последняя встреча в 1967 г. Незадолго до своей смерти Исаков позвонил и предложил встретиться, «как два пенсионера на лавочке», у парапета на Ленинских горах. Тогда он был в хорошей форме. Всем был обеспечен, числился (как и Левченко) на службе в «райской группе» (в инспекции Генштаба). Николай Герасимович поехал, но быстро вернулся. «Ничего не понимаю, — сказал он. — Иван Степанович какой-то странный, рассеян. Разговора не вышло.

Почему-то повторял, что «у него не остается детей и хорошо бы эсминцу дать его имя». Это был их последний разговор.

В 1949 г. Николай Герасимович встретил нас в Хабаровске, и два с половиной года мы замечательно прожили на новом, а для него уже хорошо знакомом месте его службы. Ведь он по второму разу командовал здесь флотом. У нас появились новые друзья. С руководством ВМФ в доме жили дружно. Дела шли хорошо и в Хабаровске, и во Владивостоке, где мы пережили в 1950 г. пожар. Сгорел дом. Полностью выгорели столовая и две комнаты с кухней. Мы с Н.Г. ненадолго уехали в Москву (его вызывали на Г.В.С., а я чтобы повидаться с родителями). Няня с Колей

остались вдвоем. Однажды они вышли на прогулку, забыв выключить газовую плиту. А когда вернулись и открыли дверь… Мы с Н.Г. были счастливы, что все живы, и никто не пострадал. Как всегда, Николай Герасимович пропадал на службе, кораблях, учениях. Вскоре ему вновь присвоили звание вице-адмирала, наградили орденом Ленина. И неожиданно летом 1951 г. снова назначили министром.

Мы вернулись в Москву. Поселились в «маршальском» доме по ул. Грановского. Прожили здесь до 1957 г. Так как во время пожара сгорело почти все наше имущество — обстановка, картины, посуда и пр., пришлось заново приобретать все необходимое. На все, что было куплено, я сохранила документы.

Эти последние пять лет работы оказались для Н.Г. самыми тяжелыми. В ВМФ было много неполадок. Корабли строились по старым проектам. В судостроении диктовал и хозяйничал минсудпром. Как человек военный, Николай Герасимович принял новое назначение. И в нем еще оставались силы и стремления, чтобы исправить положение. Позже я узнала, сколько и каких докладов Николай Герасимович направил в Правительство, как он «бил в колокола» об устаревшем флоте и вооружении, о необходимости принятия новой программы судостроения. Но его не хотели слушать. Напряжение было велико. И как известно, все кончилось для Николая Герасимовича печально.

Отстранение от должности и снижение в звании в 1956 г. он встретил мужественно. Считал это незаконным, ибо никто не предъявил ему никаких оснований, не вызвал для объяснений. После семиминутного выговора министра Г.К. Жукова и отказа объяснить причины, вернулся оскорбленным. Писал несколько писем — на них не ответили. До 1965 г. жил как под домашним арестом. Нас никто не навещал. Н.С. Хрущев же шумел, будто Кузнецов ездит по флотам, выступает против него. Николай Герасимович с большой выдержкой относился к такой злобной клевете. Однажды его встретил в поликлинике Андрей Васильевич Хрулев и напустился: «Почему никуда не ходите, почему не «воюете», не требуете приема у Хрущева?» Якобы Никита Сергеевич, ожидая его, сказал: «Не мне же идти к нему на поклон». Николай Герасимович ответил: «Хожу с женой в Большой и Художественный театры, в концерты и на выставки. А поход к Никите Сергеевичу в мои планы не входит».

До конца верил он в свою правоту. Не получив ни одного ответа, как-то сказал: «Укусила вошь — заболел тифом. Ничего не поделаешь, ведь тут не поможешь, нужно переболеть».

Последние 18 лет наша жизнь прошла в Раздорах. В поселке, пограничном с Барвихой, мы арендовали дом у ХОЗУ ВМФ, а

казенную дачу сдали. Платили за уголь, свет, газ, ремонт, телефон и воду. На это уходили наши накопления. Чтобы ездить в город, купили «Победу». Старались жить, как раньше, не замечать того, что случилось. Московскую квартиру задумали обменять на меньшую, поскольку на оплату за нее уходила половина пенсии Н.Г., а льготы нам не были положены. Решили поменяться с Маршалом Рокоссовским, который как раз искал себе большую. Зашел домоуправ, подсчитал квартплату — 500 руб. Нам подходило: сыновьям и нам по комнате, кабинет для Н.Г., общая столовая. И мы переехали в дом № 9 по улице Горького. Сделали капитальный ремонт за свой собственный счет. И прожили до 1998 г. Много страниц было написано здесь за письменным столом нашим Н.Г. до 1974 г. Семнадцать лет пролетели быстро. Когда приближалось его 75-летие в 1977 г., ветераны обратились в Моссовет с письмом, — просили установить в его честь памятную доску на стене у входа в наш подъезд. Им ответили, что этот вопрос «находится в компетенции директивных органов». И дело на этом остановилось.

Это отступление хотя и не к месту, но по теме. Просто горько делается на душе за Н.Г, за нашу действительность.

С первых дней, еще не зная, чем ему занять себя, Николай Герасимович, не раздумывая, стал изучать английский язык, много читал иностранной военной литературы, подбирал материалы к теме «Испания в сердце», переписывался с адмиралами Алафузовым, Владимирским, Пантелеевым. Сыновья учились. Я вела домашнее хозяйство, приходилось заботиться обо всех. Помогала Н.Г. вести переписку с читателями, с соплавателями, позже — дела с редакторами. Вместе с тем я всерьез увлеклась посещением публичных лекций — чудесных лекций Аникста в Московском университете — по литературе, истории искусства и древнерусскому искусству. Посещала Дом ученых, Третьяковку, Кремль. С группой ученых МГУ, Института психологии Академии наук ездили в Суздаль, Владимир, Боголюбов, Троице-Сергиеву лавру, Новый Иерусалим, по Москве и ее окрестностям. Сделала для себя много чудных открытий, вся была переполнена открывшимся мне миром. Об услышанном и увиденном рассказывала Николаю Герасимовичу. И мы забывали наши печали и положение.

У нас появились друзья из Института психологии Академии педагогических наук. Николая Герасимовича туда поставили на партийный учет. Там он вел семинар, слушатели его обожали. Наши новые друзья стали бывать у нас. С ними в дом приходил праздник. Шумные, веселые, довольные прогулкой, раскрасневшиеся от мороза (зимой), они вваливались в дом, и

начинались… смех, разговоры, стихи, чай из самовара с горячими булками. Николай Герасимович рассказывал морские истории. И я видела, как доволен он вторжением молодости, как любит он людей, как важно ему общение с ними. Он молодеет. Уходя, гости извиняются за вторжение, а я чрезвычайно признательна им, думаю про себя: «Они и не подозревают, как нам было хорошо». Мы провожаем их до станции Раздоры. Возвращаемся — на душе тепло и радость от общения с очень интересной молодежью, влюбленной в музыку, поэзию, историю. В то время мы часто ходили в консерваторию на концерты приезжих знаменитостей и наших: под управлением Рождественского (9-я симфония Бетховена), Кондрашина («Колокола» Рахманинова). Слушали самого Стравинского, много музыки Прокофьева. Часто билеты приносила все та же молодежь из Института психологии, а я покупала абонементы на годовые циклы. Николай Герасимович полюбил симфоническую музыку. Сохранилось много программ, рассматривая которые я вспоминаю о прошлом со светлой грустью. Я поражаюсь, как часто мы бывали тогда в театрах и концертных залах! Последней, что мы вместе слушали в 1973 г., была 3-я симфония Рахманинова.

Думаю, что это «лекарство» помогало Николаю Герасимовичу выжить. Я замечала, что после концертов он всегда был бодр. Ему нравилась публика. Вспоминаю один из походов в Большой театр в пятницу 28 ноября 1958 г. Смотрели балет «Дон Кихот». В заглавной роли танцевала О.В. Лепешинская, народная артистка СССР. Николай Герасимович смотрел внимательно. Казался грустным. Придя домой, долго молчал. Подошел к книжному шкафу, взял книгу Сервантеса, долго листал ее и сказал: «Как не похоже на то, что я читал. Послушай, когда в Картахене я обнаружил старое издание М. Сервантеса с прекрасными иллюстрациями, я был удивлен: ни в одном русском издании я не встречал ничего подобного. Та книга — это множество отдельных новелл, не связанных между собой, обилие действующих лиц. Я наслаждался, читая ее… и понял, что Дон Кихот, как это ни странно, и теперь еще остается у нас не таким, каким он показан в произведении Сервантеса: рыцарь печального образа — такой честный, такой святой, что даже смешной для нашей жизни. «Какой же ты чудак!» — не раз я слышал о себе… Я вижу в Дон Кихоте мечтателя, честного, преданного идеалу, для которого он готов подвергнуться лишениям и жертвовать всем. Он весь живет для других. Счастливый он человек, волевой. Многие представляют его слабым, нелепым. Это неверно. Он крепок, любил рано вставать, ходить на охоту. Человек тренированный, ловко, смело, умело владел шпагой. Настоящий храбрец и к тому

же очень образован: хорошо знал французский, итальянский, арабский, латинский и другие языки…Совсем другой человек, чем принято считать».

Видели мы кинофильм «Дон Кихот» с участием Ф. Шаляпина. Но большого удовольствия ни он, ни я не получили. Единственное, что понравилось, — это предсмертная ария героя. Голос артиста искупал все недостатки сценария и актеров. Смотрели мы и кинофильм «Дон Кихот» с народным артистом СССР Н. Черкасовым.

Любил Николай Герасимович оперы Римского-Корсакова. Много раз слушали «Садко», «Снегурочку». Говорил: «Когда я слушал эту оперу, душевную и человечную, у меня всегда возникали в воображении мои северные края — хороводные песни, проводы масленицы». Как-то позвонил И.Д. Михайлов, бывавший у нас, и говорит: «Приходите сегодня в театр, у меня такая Снегурочка! Страшно около нее стоять — растает». Так он сказал о певице Масленниковой. Очевидно, Николай Герасимович любил оперы Римского-Корсакова потому, что он был моряком.

Так что жизнь наша была разнообразной и наполненной. В центре ее находилась новая работа Николая Герасимовича. Он вспоминал Испанию 1936–1939 гг. (время, как мы называли его тогда, накануне войны). Рассказывал истории, которые поражали меня яркостью красок: о Валенсии с великолепными народными праздниками и танцами испанских крестьян на площадях; о Барселоне, где он повидал бой быков в громадном цирке и всю подготовку к бою, когда цирк делился на две части — «соль» и «сомбра», т. е. солнце и тень; о Толедо с картинами Эль Греко и о Прадо с творениями Веласкеса, красочными гобеленами Гойи. Я слушала и ясно видела этот желтый песок и синее небо. Представляла Николая Герасимовича, шагающего стремительной походкой по Мадриду и набережной Картахены.

Часто он задумчиво бродил по дому. Был рассеян и отвлечен какими-то глубокими потаенными думами. А в папке на письменном столе появлялись все новые и новые листки воспоминаний о его большом плавании по жизни. Наши дети жили в Ленинграде. Николай в 1954 г. поступил в Нахимовское училище, в 1960 г. он учился уже в Высшем военно-морском училище им. Дзержинского, а Владимир — в Нахимовском. С улыбкой вспоминаю сейчас, как наш сын Николай сам сделал выбор учиться морскому делу. Тяга к этому была видна уже в раннем детстве. Он с нетерпением всегда ждал старшего брата, когда тот приезжал с кем-нибудь из товарищей из училища на каникулы. Жаль было отпускать его, думалось, что еще рано. И вот в 1954 г. однажды, узнав, что у нас будет обедать начальник

училища Грищенко, он и сын адъютанта Н.Г. явились перед нами подстриженными под машинку «готовые немедленно к корабельной службе», о чем громко по-строевому заявили нам. Пришлось расставаться.

Мы жили за городом летом и зимой. Сыновья навещали нас, приезжая на каникулы с друзьями. Мы полюбили наш домик с маленьким садом. Вставал Николай Герасимович рано. Пока я готовила завтрак, он, уже одетый в простой старый костюм (к новым вещам привыкал долго) и в берете на голове, не спеша прогуливался по самой длинной дорожке сада. Часто останавливался, осматривая стволы деревьев, и о чем-то думал, думал… К завтраку приходил свежий, оживленный. «Как хорошо, что мы живем здесь — какой воздух, какая тишина — можно о многом поразмышлять. Знаешь, когда я выхожу в сад, мне начинает казаться, что все у нас наладится, справедливость все-таки должна победить ложь. Мне даже кажется, что это скоро придет». В это время лицо его светилось. А мне почему-то казалось, что это он говорит для меня, чтобы я поверила. Поначалу было тоскливо без наших сыновей. Николай Герасимович предложил: «Давай посадим три голубые елочки и назовем их именами сыновей. Так и сделали. Елочки выбрали маленькие, но разные по возрасту, как и наши дети. Мы ухаживали за ними, пока они не укрепились в земле и стали быстро расти. Возле них, рядом с кустами сирени, усаживался он в свое любимое плетеное кресло отдохнуть на часок. Сорвет веточку сирени и ищет «пятерочку» — найдет и съест! Ему не надоедало смотреть, не отрываясь, на белок, с необычайной легкостью перелетавших с ветки на ветку, или как дятел винтом поднимается вверх по сосне и неутомимо долбит клювом ее ствол. Очень любил природу. Помню, в Крыму, когда мы отдыхали, мог целыми днями сидеть на берегу моря, не отрывая от него глаз, или часами бродить по Рижскому взморью, ходить по лесу. Когда я навещала его в санатории в Барвихе, он, провожая меня, показывал какое-то особое заморское дерево, кажется японскую березу. Около него всегда образовывался круг отдыхающих, завязывались оживленные разговоры. Вообще он мало говорил — больше слушал. Но бывало, он охотно вспоминал о событиях, рассказывал образно, увлекательно, о себе же старался умалчивать. Его доброжелательность, сердечность теплый товарищеский тон располагали к нему.

Любил Николай Герасимович рассказывать о замечательных людях 30-х гг. — своих сослуживцах, товарищах по Испании. С поразительной точностью вспоминал эпизод, место встречи, год, называл имя человека, припоминал его своеобразные черточки.

Глаза светились, лицо вдруг озарялось улыбкой. Недаром свой маленький очерк об Испании он назвал «Испания в сердце». Большой запас жизненных наблюдений, знание жизни, встречи с интересными людьми (Антонов-Овсеенко, Карахан, Кольцов, Прието) делали беседу весьма интересной и глубокой.

Любил рассказывать о былом флота, о пользе живописных полотен маринистов, помогавших расширить кругозор в военном искусстве. Мог дома часами рассматривать свои картины. Я старалась дарить ему в день рождения картины. Помню, когда подарила картину «Севастополь» Верещагина, он долго ее рассматривал, вслух называя старые редуты, вспоминая, что теперь построено там. Охотно рассказывал о Севастополе, который знал хорошо, — «старинные пушки на Историческом бульваре, сохранившиеся еще со времен Крымской войны, развалины знаменитого четвертого бастиона, куда я приходил с особым чувством». Его душу будоражили воскресавшие в памяти образы дорогих и близких героев, описанных пером Л.Н. Толстого. Он начинал цитировать слова Толстого: «Не может быть, чтобы при мысли, что вы в Севастополе, не проникло в вашу душу чувство какого-то мужества, гордости и чтобы кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах». Любил эту картину и маленькую картину «Ялта», напоминавшую ему молодость. Такую Ялту он видел со своего крейсера «Червона Украина». Восторгался «Ночным Босфором» Айвазовского — тут ему напоминало многое о заграничных походах, трудностях проводки крейсера в этих узких местах[50].

Наша столовая-веранда с большим обеденным столом была центром дома, где не просто обедали, а собиралась вся семья, многочисленные знакомые, сослуживцы Николая Герасимовича, друзья наших сыновей. Словом, были все те, кто не боялся бывать у нас. Заходили и такие, которые говорили, что совершают подвиг и могут пострадать. Николай Герасимович молча выслушивал, становился очень грустным. Разговор не клеился, и такой посетитель быстро уходил, оставляя горечь в душе.

Кабинет Николая Герасимовича — комната проходная, очень просто обставленная, — размещался на первом этаже. Наше присутствие, хождение через нее ему не мешали. Он говорил: «Я люблю, когда вы ходите, чувствую, я не один, идет жизнь, вы у меня рядом».

Отдыхал Николай Герасимович на втором этаже. В 6 часов вечера все мы и гости собирались в кабинете и ждали его появления на лестнице. Высокий, стройный, с доброй улыбкой спускался он. Вечерний ужин и разговоры с нами и друзьями были ему по душе. В нашем чудесном поселке знали наш

распорядок, незапирающуюся калиточку, и частенько на дымок самовара приходили соседи — хорошие люди.

И теперь, по прошествии многих лет, охватывает чувство острой боли: никогда больше не покажется на этой лестнице высокая фигура Николая Герасимовича, никогда больше не услышать его добродушную шутку или острое и меткое словцо в адрес кого-нибудь из нас, не почувствовать теплоту и нежность его взгляда, благодарность, что мы все ждем его, что он не один.

Легкая походка, живость взгляда — все это сохранилось у Николая Герасимовича до последних дней. И никто не мог назвать его стариком. Хотя лицо его сильно изменилось: как печать легли на него горести и несправедливости.

Николай Герасимович много читал. Книги вошли в его жизнь рано и сыграли большую роль. В какой-то степени они помогли ему писать свои воспоминания и, может, даже жить. С 1939 г. он стал подбирать свою личную библиотеку. Радовался, когда находил интересное издание в магазине в Столешниках. Наша домашняя библиотека началась с собрания сочинений Метерлинка и книги Сервантеса «Дон Кихот Ламанчский» на испанском языке. Он купил ее в Испании в 1937 г. Жаль, она пропала в 1941 г. Уезжая в эвакуацию, мы сложили наше в то время богатство — книги — в два ящика и отдали управдому. Многие тогда поступали так. Вещи складывались в подвалы под нашим домом. Когда же я вернулась в Москву, то нашла наши два ящика вскрытыми и пустыми.

Со временем у нас собралась хорошая библиотека. Часть ее составили книги Николая Герасимовича — военно-морские, военные и военно-исторические, военные журналы. Интерес к такой теме зародился у Николая Герасимовича еще в детстве. К нему попала книга Ф. Веселаго «Краткая история русского флота (с начала развития мореплавания до 1825 года)». Может быть, она пробудила в нем интерес к морю и морской профессии и чувство патриотизма? Он помнил об этой книге, думал о ее пользе для флота России, поэтому сразу же по назначении наркомом в 1939 г. распорядился ее переиздать. С тех пор эта книга стояла на книжной полке в кабинете Николая Герасимовича. Большим событием в доме было, когда он принес Устав Петра I — «Устав Морской. Обо всем, что касается доброму управлению в бытности флота на море. Напечатан по указу Государственной Адмиралтейской Коллегии в типографии Морского Шляхетского кадетского корпуса в Санкт-Петербурге 1763 года». Это подлинное издание времен императрицы Екатерины II во второй год ее царствования. При ее правлении на флоте по этому Уставу обучили и воспитали плеяду знаменитых русских флотоводцев,

прославивших Россию. Николай Герасимович собирал книги о людях, например «Словарь достопамятных людей Русской земли» Д. Бантыш-Каменского, специальные энциклопедии и словари по морской теме, а также редкие книги, такие, как «Описание обороны города Севастополя. Сост. под рук. генерал-адъютанта Тотлебена… 1871», «Записки флота капитана Рикарда. 1801», много книг об истории ВМФ и флотоводцах. Так, по его указанию вышли: «Рассуждения по вопросам морской тактики» адмирала С.О. Макарова, «Жизнь и необычные приключения капитана Головнина, путешественника и морехода» Р. Фраермана и П. Зайкина, «Адмирал Сенявин» В.Гончарова и многие другие. Нарком ВМФ поддерживал и помогал издательству. Считал, что такие книги полезны изучающим героическую историю нашего ВМФ. Издательство посылало ему сигнальный экземпляр новой книги. К ним он относился очень бережно, хранил. Зная увлечение Кузнецова, из букинистического магазина часто звонили, радовали его новой книгой. Интересные книги он получал и в подарок от родных и друзей. Упомянутый мною профессор З.М. Волынский привозил ему какую-нибудь книжную редкость, подобную альбому «Военная галерея Зимнего дворца. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах» (СПб… 1846). Я собирала книги по искусству, поэзию. Николай Герасимович знал, что я любила, и не забывал меня.

С книгой Николай Герасимович работать умел. Мне посчастливилось на протяжении многих лет видеть его за книгой, говорить с ним о книгах, которые он читал сегодня, вчера или 25–30 лет назад, приносить для него их из библиотек, читать ему вслух.

Некрасов, Чехов, Соловьев, Ключевский, Карамзин, Тарле… Когда он начал писать свои воспоминания, на столе появились книги о войне иностранных авторов.

Исторические книги, воспоминания, жизнеописания исторических личностей были его постоянным чтением. Особо любил читать о Петре, когда тот еще не был знаменит, а был резок от застенчивости, много знал о нем и любил его. Часто он просил читать ему сочинения историков — Карамзина, Соловьева… Отдельные места просил перечитывать. Я же записывала в свои тетради то, на что он обращал внимание. Вот, к примеру, что я записала из сочинений историка Забелина: «История зависит от искусства и умения или даже намерения писателей изображать в славе или унижать народные дела, как и деяния исторических личностей…» Или: «История не роман, и мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир». Или: «Всякая прекрасная выдуманная речь

безобразит историю, посвященную не славе писателя, не удовольствию читателя и даже. не мудрости нравоучительной, но только истине, которая уже сама собою делается источником удовольствия и пользы». И наконец: «Историк не произведет золота из меди, но должен очистить и медь. Открывать великое, где оно таится, и малому не давать прав великого».

Мне думается, что все написанное Кузнецовым тоже призывает поразмыслить и теперь над проблемами серьезными и даже подсказывает, над какими.

Сам он читал всегда много и когда работал, и, конечно, на отдыхе, а потом — в отставке. Читал по-своему, по несколько раз перечитывая то, что особенно нравилось, часто замечая то, что другие легко пропускали. Всегда следил за текущей литературой — знал все выходившие романы, удивительно умел выбирать значительное и, быстро перелистывая, откладывал в сторону то, что плохо и трафаретно. Любил стихи Алексея Константиновича Толстого (мы купили четырехтомник старого издания, когда во МХАТе пошла пьеса «Царь Федор Иоаннович»), особенно те, где сказано, что «страна у нас большая, порядка только нет». Тогда их мало цитировали. Это теперь они вошли в моду — все вдруг увидели беспорядок и заговорили, заговорили хором. Любил читать и Льва Николаевича Толстого, и Алексея Николаевича Толстого, особенно его книгу «Петр I». С Алексеем Николаевичем был знаком. В период его работы над трилогией он, бывало, заходил к Николаю Герасимовичу, и тот показывал ему старинную карту с изображением полуострова Гангут (Ханко), около которого происходило Гангутское сражение. «Где же точно тащил Петр свои корабли через перешеек?» — добивался Толстой. Потом попросил показать военно-морской флаг того времени и объяснить, чему равен в наши дни чин шаутбенахта — в таком звании воевал со шведами Петр Великий.

Особенно любил Николай Герасимович Пушкина. Всегда брал его томик к себе и, когда не спалось, долго перелистывал. Посмотрю — «Онегин». Роман, как и многое другое пушкинское, знал наизусть. Удивлялся, как умно и содержательно все написано поэтом.

В последние годы перечитывал его «19 октября», сонеты Шекспира. Медленно читал и обращался к ним снова и снова. Интересовался творчеством Пастернака. Бывало, с Ливановым, который горячо поклонялся творчеству Бориса Леонидовича, подолгу беседовали. Я переписывала появлявшиеся новые стихи Пастернака. Николай Герасимович это знал и часто спрашивал меня: «Не появилось ли чего-нибудь новенького Пастернака? Почитай».

Покупали мы книги и для детей. Отец им дарил книги с надписью. В кабинете собрался полный шкаф книг с добрыми надписями их авторов Николаю Герасимовичу.

Любил Николай Герасимович, когда я читала ему вслух. С большим интересом он слушал «Падение Парижа» Эренбурга, а позже его воспоминания, печатавшиеся в «Новом мире», «Василия Теркина» Твардовского, «Прощай, оружие», «Фиесту» Хемингуэя. «По ком звонит колокол» мы читали в отпечатанном на машинке варианте. Ходили слухи, что роман начал печататься, но время шло, а книга не появлялась. Поговаривали, что якобы Долорес Ибаррури наложила «вето». И мы с еще большим интересом читали роман в рукописи. Перечитывали «Севастопольские рассказы» Льва Толстого. Помню, как в годы войны вся страна бросилась читать «Войну и мир». Почему? Очевидно, потому, что в романе написано не только о том, как русские победили Наполеона, но и кто мы и почему мы снова непременно должны победить. А в далекие довоенные годы тоже выходило много интересных книг и вся Москва зачитывалась романами А. Толстого, Шолохова, Федина, Булгакова, Бабеля, Тынянова, Пастернака, Сельвинского, впервые узнавала Симонова, Твардовского, Казакевича, Гудзенко, Берггольц, Панову, Гроссмана… Удивляюсь теперь, откуда бралось время? Читали и русскую классику — произведения Тургенева, Достоевского, Л. Толстого, Чехова. Пьесы по их произведениям смотрели в Художественном театре.

Очень часто Николай Герасимович возвращался к «Войне и миру» Л. Толстого. Делал для себя все новые и новые открытия. «Перечитываю «Войну и мир», — писал он мне в записочке из больницы в феврале 1956 г., — лет десять не читал, читаю с большим интересом, нахожу много нового или по-другому воспринимаю старое, хорошо запомнившееся. Некоторые высказывания хочется выписать для моих книг». Сделал пометки и просил меня выписать указанные места. Позже использовал их в книгах «Накануне» и «На флотах боевая тревога». Так у него было и с произведением «Былое и думы» А. Герцена. Книга читалась, перечитывалась если не целиком, то отдельными главами, он отмечал некоторые высказывания и использовал в своей работе. Если что-нибудь в прочитанном его волновало, он непременно должен был с кем-нибудь поделиться. В последние годы таким человеком была я. Мы обменивались впечатлениями о прочитанном, спорили, приходили к определенным мнениям.

В.А. Рудный в своей книжке «Готовность № 1» показал Кузнецова робким в поведении с начальством. Это совершенно неверно. Он, пожалуй, один из немногих отваживался говорить

правду в глаза начальству, спорил и был прямолинеен. «Излишняя прямолинейность доводила его до неприятностей», — вспоминал адмирал В.В. Виноградов. Кое-кто из сослуживцев утверждал то же. Знаю, что Николай Герасимович не считал прямолинейность недостатком. Он писал: «Я как коммунист должен говорить правду в глаза, как бы она неприятна ни была, если это идет на пользу дела. Я понимал: или я должен плыть по течению, зная, что рано или поздно меня снимут, или активно бороться за дело, но и в этом случае есть опасность, что тебя снимут, только с уже тяжелыми для тебя последствиями. Опытные руководители предпочитали первый путь. Как пример можно привести адмирала Юмашева. Я предпочитаю второй путь». В книгах Кузнецов упорно писал о неудачном начале войны и тяжелом первом ее периоде, и не потому, что кто-то был более подготовлен к ней, а кто-то нет. Нет, не потому. Он был уверен, что первые минуты будущей войны — именно минуты — будут решающими. На ошибках нужно учиться и не бояться их вспоминать не для того, чтобы кого-то обвинить, а чтобы их не повторить. Он призывал глубоко, со всей ответственностью разобрать причины неудач, ошибок в первые дни войны.

«Эти ошибки, — писал он, — лежат отнюдь не на совести людей, переживших войну и сохранивших в душе священную память о тех, кто не вернулся домой. Эти ошибки в значительной степени на нашей совести, на совести руководителей всех степеней. И чтобы они не повторились, их следует не замалчивать, не перекладывать на души умерших, а мужественно, честно признаться в них. Ибо повторение прошлого будет называться уже преступлением». Разве робкий человек мог так мужественно вести себя перед лицом истории? Ничего подобного не найти ни в одних мемуарах сильных мира сего, на чьей совести чудовищные преступления перед народом страны.

Николай Герасимович мужественно и открыто написал, что военные люди должны думать о войне постоянно во имя того, чтобы ее не было. Да ведь никто после второй мировой войны и не обещал, что ее не будет. Кто, кроме него, написал (еще в 60-х гг.), что «новая война, если империалисты ее развяжут, будет протекать совсем не так, как прошлые. Новое оружие — оружие массового уничтожения и моментального действия — определит и характер грядущих сражений. Они станут несравненно скоротечнее и сокрушительнее, охватят сразу большие пространства земного шара не только по фронту, но и в глубину. Военные теоретики, размышляя о будущей войне, придают огромную роль не только ее первым дням, но даже часам и минутам…»

Его книги выходили и раскупались моментально. Обсуждались. Открывали возможность писать на флотскую тему. При переиздании «Накануне» пришлось дать согласие убрать несколько фраз, рассказывающих о гибели эсминца «Решительный». Работа над книгой «Курсом к победе» шла трудно. Ему хотелось писать от души, но он видел перед собой цензора. «Рука не поднимается писать дальше. Но нужно пересилить себя и довести работу до конца», — заметил он в дневнике. И далее: «Книгу сдал, но путь ее тернист. На пути ко всей моей писанине стоят усиленные караулы, через которые трудно пробраться со второй книгой, и совсем мало надежд в будущем. Уж очень на меня ополчились наши старшие товарищи по оружию». Вспоминаю, как Николай Герасимович вернулся из Москвы и сказал: «Подписал книгу к печати. Но вот беда — меня это уже не радует, как раньше. Очевидно, рядом падающие «снаряды» контузили меня и апатия берет верх». 10 ноября 1974 г. пошел в больницу. 6 декабря его не стало. Книга вышла в июне 1975 г. Он ее не увидел. Да и к празднику Победы издатели не поторопились.

В последние годы он вел большую переписку, вызванную выходом его книг. Его ответы отличались сдержанностью, правдивостью, строгостью, когда затрагивали общественные проблемы. Мнение его всегда было определенным. Не знаю, всегда ли он был прав? Но эта черта свидетельствовала о силе и цельности его личности. Меня всегда, и особенно в последние его годы, поражало, как продуманно он говорил о жизни, с такой глубиной, печалью, мужеством, заставляющими подумать о самом себе — как ты живешь? «Скажу, как говорили в плохих прописях, — первая часть жизни всегда лучше второй части жизни, потому что первая всегда что-то обещает», — поговаривал он под конец. Его жизнь можно разделить на три части. Первая — лучшая — обещала многое. Вторая — положила на плечи сложные обязанности. Третья — самая трудная — ничего светлого не обещала. Но он прожил их честно и стойко.

Не согнулся. Не озлобился. Служа своему морскому делу, он продолжал работать деловито и самоотверженно день за днем, отдавая последние свои силы…

Он не знал, что пройдет еще 33 года, прежде чем ему будет возвращено высшее воинское звание, что сотни писем ветеранов, соратников и сослуживцев, а также обращения семьи в адрес высших партийных и государственных деятелей страны получат, наконец, положительный отклик. Это произойдет лишь в 1988 г., когда благодаря впервые за многие годы подготовленному по инициативе адмирала флота В.Н. Чернавина, официальному

ходатайству Главного командования ВМФ был принят соответствующий Указ Президиума Верховного Совета СССР.

К сожалению, я нигде пока не прочла решения о признании совершенно необоснованными и несправедливыми обвинения, выдвигавшиеся против Николая Герасимовича в 1956 г., что давно и убедительно уже доказано. Надеюсь, военные моряки поймут меня и доведут дело до конца.

В.А. Касатонов. Из воспоминаний о Николае Герасимовиче Кузнецове [51]

В феврале 1950 г. командующим 5-м флотом на Дальнем Востоке был назначен контр-адмирал Н.Г. Кузнецов, бывший тогда заместителем ГК ВДВ по флоту.

Так судьба подарила мне возможность работать под непосредственным руководством одного из самых выдающихся военных моряков нашего времени. Кроме того, он был и останется личностью, вызывающей всеобщий интерес. Так получилось, что высокий уровень его руководства стал и мерилом высоты руководителя. Он не допускал фамильярности, умело пользовался и не злоупотреблял предоставленной ему немалой властью. Он изъяснялся просто, четко, конкретно и доступно для всех. Не допускал сложностей, надуманности, «не напускал тумана». Особое его место в нашей памяти объясняется тем, что своей работой Николай Герасимович неутомимо поднимал престиж Военно-Морского Флота во всем и в своей профессиональной деятельности стал неким нравственным эталоном. Такие качества, такой талант даны немногим людям — их единицы. В те годы мне посчастливилось учиться и работать рядом с ним, быть его первым заместителем, что я и делал не без волнения.

С прибытием Кузнецова на флот сразу же упростились взаимоотношения и взаимодействие с главкомом и его штабом, не говоря уже про округа и армии. Если раньше каждый вопрос подолгу взвешивался, обсуждался, то сейчас все делалось легко и просто. Немного подумав, Николай Герасимович сразу же звонил именно туда, где непосредственно решалась проблема, причем в разговоре делал так, что вроде бы все были участниками этого решения вместе с ним. Говорил он в моем присутствии и с Малиновским, внешне соблюдая официальность, однако чувствовалось, что их связывает нечто гораздо большее, чем он показывает. Решались наиболее сложные вопросы. Но самым главным было то, что он имел выход и на военного министра А.М. Василевского и на Поскребышева.

Работал Н.Г. Кузнецов очень организованно. Прибывал на службу к 9.00. Заслушивал мой короткий доклад и те вопросы, которые я выносил на его решение, затем давал указания и, по сути дела, до вечернего доклада никого не дергал. Самое,

пожалуй, сложное было определить круг вопросов, которые докладывать ему, а которые решать самим. Сразу выяснилось, что командующий четко дифференцирует все проблемы и себе берет вопросы крупные и сложные.

Принимая на себя ответственность по решению вопросов, Николай Герасимович всегда спрашивал мнение штаба и практически всегда соглашался с ним. Такой стиль работы командующего — действовать через штаб, опираться на него, очень импонировал всем нам, повышалась наша ответственность, мы понимали, что работаем не впустую и подвести командующего не имеем права.

К 17.30 я всегда был готов доложить командующему обо всем, что случилось за день. В 18.00, как бы ни было сложно, Николай Герасимович убывал из штаба, предоставляя нам возможность работать по своему плану. Оперативному дежурному он звонил редко, но мы знали, что при необходимости ему звонить можно в любое время. Этим мы были избавлены от мелочной опеки, действовали самостоятельно, проявляя больше творчества и инициативы.

Обстановка на театре в то время была сложной и практически не отличалась от предвоенной 1941 г. Шла война в Корее. Много сил приходилось затрачивать на поддержание соединений и частей флота в должной боевой готовности. То и дело нарушались наши воздушные границы, и мы не всегда успевали реагировать на это. Были пробелы в системе берегового наблюдения. Приходилось бдительно следить за всеми группировками американцев, особенно авианосными. При входе авианосцев в Японское море нам предписывалось поднимать свою авиацию. Кроме того, на флоте шло большое строительство ряда пунктов базирования, значительно расширялась и совершенствовалась инфраструктура театра. Реализовывалось то, что было задумано еще перед войной самим Николаем Герасимовичем Кузнецовым, Исаковым, и утверждалось на самом высоком уровне. Много дел было в Порт-Артуре, куда приходилось неоднократно летать.

Большое внимание мы уделяли подготовке сил к фактическим действиям на море, проводили много учении, стрельб, часто ходили в море. В такой обстановке Николай Герасимович нарушил указание Главного морского штаба по запрету артиллерийских стрельб главным калибром крейсеров. Это запрещение ввели несколько лет назад после тяжелого происшествия на крейсере «Молотов» Черноморского флота, когда в экстремальной ситуации во время пожара в одной из башен трюмный, предотвращая взрыв, затопил погреб и зарядное

отделение. Погибли люди. Вывод, к сожалению, был один — запретить стрелять. Но корабли должны стрелять. Их подготовка у нас шла методично, целеустремленно и давала хорошие результаты. Москва, конечно, узнала потом, что мы нарушили запрет, готовился большой шум, зачастили на флот проверяющие, но в конце концов для нас и лично для Кузнецова все прошло безболезненно. Ну а дело от этого только выиграло.

Шло время, уточнялись задачи. Как-то мне выпало докладывать новый оперплан маршалу Малиновскому. Перед докладом я зашел к командующему Приморским округом С.С. Бирюзову. Это был крупный военачальник, прошедший войну, с очень светлым умом, контактный. Хорошо понимал роль флота и внимательно относился к его проблемам. Докладываемые мной документы недавно были согласованы с его штабом, и у него не было сомнений, что все пройдет гладко. У меня же было несколько вариантов доклада, и я, видя, что Малиновский не доволен длинными, очевидно, не совсем удачными докладами моих предшественников, решил избрать самый короткий вариант. Маршал несколько удивился, когда я произнес: «Доклад закончен». Он стал уточнять ряд положений плана по существу и деталям. После моих докладов и обоснований спросил, откуда я так знаю «сухопутные» детали театра, на что пришлось ответить, что здесь я плавал на лодках с 1932 г. и, отстаиваясь в различных бухтах, много ходил по берегу. Только тогда он утвердил наш план.

Уровень работы штаба флота определялся, безусловно, высокой подготовкой офицеров и адмиралов, которые служили вместе со мной. Это были А.В. Кудрявцев, И.В. Силаев, Е.П. Збрицкий, М.С. Клевенский и многие другие. Каждый обладал индивидуальными положительными качествами, а собранные воедино, они давали те мысли, без которых нет никакого начала в малых и больших делах. Работа штаба была стабильной и определялась, конечно, бережным отношением командующего и моим к рабочему времени офицеров и распорядку дня в штабе.

Были у нас и серьезные ситуации. Как-то вечером, прибыв домой со службы, я услышал отдаленный глухой взрыв. Зная, что по плану ничего такого не должно быть, я позвонил оперативному дежурному, тот доложил, что обстановка уточняется. Не ожидая уточнений, я убыл на КП, где уже стало известно, что произошел взрыв на минном заградителе «Ворошиловск», возник пожар и вода поступает в корпус. Немедленно мной были даны команды на действия всех служб флота, в том числе и на развертывание госпиталя. К прибытию комфлота пожар фактически был потушен, прекращен доступ воды в корпус корабля.

Прибыли на пирс. Картина была очень тяжелая, кроме того, что пострадал корабль, причал, постройки, здания, пострадали люди. Командующий спокойно поговорил с людьми, которые заканчивали ликвидацию последствий, оказание медицинской помощи и сказал мне: «Назначаю вас председателем комиссии по разбору данного происшествия».

А дело было в следующем. Корабль, загруженный минами, стоял у причала. Шел обычный день, и по распорядку дня была демонстрация кинофильма. В это время из-за неправильных действий личного состава появился крен — внутрь корабля стала поступать вода. Специалисты разбирались сами, тревога объявлена не была. А крен продолжал увеличиваться. Через некоторое время одна из мин, которая была закреплена ненадежно, сорвалась с места и стукнулась о другую. Начался пожар. Только тогда был сыгран сигнал тревоги и вызваны пожарные машины гарнизона. Самая драматическая ситуация возникла тогда, когда первая пожарная машина въезжала на пирс, в этот момент и взорвалась мина. Получился направленный взрыв, как раз в сторону этой машины. Все люди в ней погибли. Пострадали и другие, но заградитель остался па плаву.

Я начал расследование. А из Москвы уже летела комиссия морского министра, которую возглавил адмирал П.С. Абанькин. В то время из Москвы даже самолетом добирались долго — 3–4 суток. Наша флотская комиссия работала оперативно и по-деловому. Людей погибло много, налицо халатность, а с другой стороны, в то время допускалась большая вероятность вражеской диверсии, то есть потеря бдительности, что каралось жесточайше. Тяжелые тучи сгустились над командованием флота. Подогревали напряженность и недруги Кузнецова требованием судить командующего, начальника штаба, многих других. В этой обстановке Николай Герасимович внешне был предельно спокоен. Первое, чего он добился, — полной ясности, что по линии МГБ ничего нет. Это сняло многие вопросы. Далее он телеграммой доложил прямо Сталину о случившемся и через Поскребышева уточнил реакцию. Поскребышев сказал, что реакции не было. Сталин молча расписался, что означало — информация принята и вышеуказанную телеграмму подшить в дело. То есть все должно обойтись комиссией и мерами морского министра.

Мы окончили работу незадолго до ее прибытия, и я доложил Н.Г. Кузнецову выводы. Он был удовлетворен и сказал мне: «Материалы нашего расследования никому не показывайте. Я сегодня с товарищем Малышевым убуду в Большой Камень и буду там работать. А Абанькину передайте, когда он закончит, я его приму». И командующий улетел.

Московская комиссия приступила к расследованию самостоятельно. Как только она окончила работу, я позвонил Н.Г. Кузнецову, и он назначил время приема Абанькина. Наступил назначенный час. Еле сдерживая негодование, тот зашел к комфлотом… а через три минуты вышел. На следующий день комиссия улетела.

В этой очень тяжелой истории Н.Г. Кузнецов прежде всего думал о людях, принимал все меры, чтобы не было напраслины, чтобы не пострадали невиновные. К сожалению, и у Абанькина, и у его комиссии были другие намерения.

Комфлотом и я были наказаны и получили по строгому выговору от морского министра. Был снят с должности начальник минно-торпедного управления, условно осужден командир, у которого был перебит позвоночник. Были наказаны и другие должностные лица.

Когда Николай Герасимович вновь стал министром, со всех невиновных были сняты взыскания, и они были восстановлены в должностях, наказанными остались только непосредственные виновники. П.С. Абанькин получил новое назначение.

Восстановление Н.Г. Кузнецова произошло после Высшего военного совета, где присутствовали Сталин, Жданов, Берия. Серьезные были кураторы у Военно-Морского Флота! Когда встал вопрос о замене Юмашева, возникла фамилия Николая Герасимовича. Решающим было то, что его кандидатуру поддержал Сталин.

Николай Герасимович с того военного совета на ТОФ уже не вернулся, а в августе на флот прибыл вновь назначенный командующий флотом вице-адмирал Юрий Александрович Пантелеев.

В середине 1954 г. после пятилетнего пребывания в должности начальника штаба ТОФ я попросился на учебу в Академию Генерального штаба. В октябре получил разрешение, и всей семьей поехали на Запад. Поскольку пришлось с собой везти документы, Николай Герасимович дал свой вагон, который сохранился, наверное, еще с самых далеких времен.

* * *

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1988 г. был посмертно восстановлен в звании Адмирала Флота Советского Союза Николай Герасимович Кузнецов. Это лучше всех слов свидетельствует об отношении к нему и его заслугам отечественной общественности. Спустя тридцать два года правда

восторжествовала. Оговор и унизительное недоверие, наконец, были сняты с памяти об этом замечательном человеке. Решение Президиума Верховного Совета СССР было встречено с большим удовлетворением, особенно среди военных моряков и людей, знавших его.

Оглядываясь в прошлое, хотел бы напомнить, что поворотным моментом в истории Военно-Морского Флота стал успех индустриализации страны, а также развитие науки и культуры, которые позволили осуществить техническое переоснащение ВМФ.

Быстрый рост корабельного состава и морской авиации дал возможность не только усилить уже существующие флоты и флотилии, но и создать новые объединения, необходимые для защиты морских рубежей нашей страны. Так в 1932 г. был создан Тихоокеанский, а в 1933 г. — Северный флоты.

К середине 30-х годов международная обстановка значительно обострилась. В центре Европы и на Дальнем Востоке при попустительстве и поддержке Германии и Японии образовались очаги новой войны.

В 1937 г. правительство утвердило программу создания флота, достойного нашей великой державы. В том же году постановлением ЦИК и СНК был образован и Народный Комиссариат Военно-Морского Флота.

Характерной особенностью новой кораблестроительной программы была закладка линейных кораблей и тяжелых крейсеров, подводных лодок, превосходящих по своим качествам иностранные корабли. Предусматривалось также строительство значительного числа кораблей разных классов.

Как известно, война помешала полностью выполнить намеченную программу военного кораблестроения. Тем не менее, к началу Великой Отечественной войны советский Военно-Морской Флот уже представлял собой серьезную боевую силу. Такая обстановка сложилась в ВМФ после того, когда к руководству флотом пришел Николай Герасимович Кузнецов…

Впервые я встретился с ним в 1937 г. Н.Г. Кузнецов являлся тогда первым заместителем командующего Тихоокеанским флотом. В то время я служил там командиром дивизиона подводных лодок. В сентябре 1937 г. недавно прибывший во Владивосток Н.Г. Кузнецов пригласил меня в штаб флота. Хотя о Николае Герасимовиче мне доводилось слышать и раньше, но впервые увидел его тогда.

Помню, навстречу мне из-за стола вышел высокий, с мужественным и открытым лицом, симпатичный капитан 1 ранга. Энергично пожал мне руку, предложил сесть.

— Товарищ Касатонов, вы уже много лет служите на Тихом океане, поэтому вы включены в рекогносцировочную группу, которая поможет мне ознакомиться с морским театром и флотом.

Развернув морские карты, Николай Герасимович, склонив голову, с каким-то одухотворением называл бухты, заливы, острова, где предстоит побывать, лично увидеть. Через несколько часов наша небольшая группа на сторожевом корабле уже вышла в море.

Вскоре начало штормить, покачивать. Мы убедились, что наш заместитель комфлота обладал хорошими морскими качествами. Прислушиваясь к нашим пояснениям, Кузнецов внимательно разглядывал очертания бухты Золотой Рог, залива Петра Великого, побережья Японского моря. Говорил, как, по его мнению, наиболее целесообразно использовать театр Тихоокеанского флота с точки зрения современной войны, для исключения угрозы внезапного нападения.

— Да, просторы необъятны. Мы призваны оберегать наши дальневосточные морские границы, для защиты которых и создан Тихоокеанский флот. Более детально с силами флота и людьми буду знакомиться в ходе работы, — подвел он итог нашей ознакомительной поездки по возвращении в базу.

Эта первая встреча с Н.Г. Кузнецовым оставила в нашей памяти неизгладимый след. На всех он произвел глубокое впечатление: прежде всего простотой и доступностью. Одновременно мы увидели и иное — цельного и решительного человека. Еще тогда мы почувствовали, что его дальнейшая деятельность будет многогранной и плодотворной. Жизнь подтвердила наши предположения.

Вскоре Николаю Герасимовичу было присвоено звание «флагман 2 ранга», а затем последовало назначение на высокую должность командующего Тихоокеанским фло том. Молодой, но, имеющий за плечами боевой опыт, командующий активно взялся за развитие флота, способного защищать наши дальневосточные рубежи. Он посещал надводные корабли и подводные лодки, авиационные и береговые части, штабы, доходил до каждого командира и матроса, вникал в отработку организации службы, быта, досуга личного состава кораблей, частей и соединений.

Не раз на служебных совещаниях и в личных беседах Николай Герасимович указывал, как тщательно надо изучать и беречь оружие, технику, готовить личный состав к боевым действиям и приводить их в боевую готовность, изучать противника, знать театр боевых действий. Большую заботу проявлял он о плавающем составе, много внимания уделял подготовке командиров кораблей — единоначальников, их

умению самостоятельно решать задачи в море, а также и во взаимодействии с другими. Способности нашего командующего, твердость, инициатива, решительность — ярко проявились в период вооруженного конфликта на оз. Хасан, летом 1938 г. Он неуклонно проводил в жизнь четкую систему оповещения, связи, оперативных готовностей флота, которая им практически воплощалась на ТОФ, учил, чтобы нас не могли застигнуть врасплох, — об этом он не уставал напоминать, требовал тщательного выполнения всех инструкций, проверял.

В этот период силы флота несли боевую службу в море и местах рассредоточения. Николай Герасимович напряженно трудился, неустанно изучал, совершенствуя искусство боевого использования надводных кораблей, подводных лодок, авиации, средств береговой обороны. Особое внимание при этом он обращал на организацию и развитие совместных операций армии и флота, взаимодействия родов сил флота с сухопутными войсками и авиацией. Сразу же по вступлении в должность командующего флотом им было установлено тесное взаимодействие сил флота с войсками 1-й Отдельной армии. Наш молодой Тихоокеанский флот стал подлинной школой подготовки военных моряков, в совершенстве владеющих сложными видами оружия, способных наиболее эффективно использовать боевую технику в соответствии с требованиями непрерывно развивающихся военно-морской теории и оперативного искусства.

В процессе напряженной учебы и боевой службы на флоте командующий уделял внимание подготовке командиров соединений, частей и кораблей, а также подготовке младших командиров, способных учить подчиненных и обслуживать боевую технику.

Много Кузнецов занимался и строительством в гарнизонах жилья для личного состава и семей, всевозможных складов, мастерских.

Выполнение планов строительства Военно-Морского Флота позволило пополнить флоты, флотилии новыми кораблями всех классов. Быстрый рост всех наших флотов и флотилий, интенсивное пополнение их корабельным составом, боевой техникой и квалифицированными кадрами повысили значимость ВМФ в системе обороны страны.

В 1939 г. Н.Г. Кузнецов был назначен Первым заместителем народного комиссара Военно-Морского Флота, а 27 апреля того же года, в условиях напряженной международной обстановки — народным комиссаром ВМФ. Было ему тогда всего около 35 лет.

Во флоте были довольны, что возглавил его наконец-то

профессиональный моряк, который обладал всеми необходимыми для этого качествами: образованностью и кругозором, организаторскими способностями, государственным мышлением и умением видеть новое. Имел он и необходимый авторитет и опыт.

Учитывая сложную международную обстановку, Кузнецов считал первостепенной задачей готовить флоты прежде всего для отпора надвигающейся фашистской агрессии.

Боевым экзаменом для Н.Г. Кузнецова стала война с белофиннами в 1939–1940 гг., когда Краснознаменный Балтийский флот оказывал содействие сухопутным войскам.

Начавшаяся вскоре вторая мировая война вынудила Комитет обороны при СНК СССР в течение 1939–1940 гг., по просьбе народного комиссара ВМФ, несколько раз рассматривать вопросы укрепления обороны морских рубежей и принимать меры к усилению флотов.

Учитывая нарастание угрозы нападения на нашу страну, СНК СССР 19 октября 1940 г. пересмотрел программу кораблестроения и принял решение форсировать строительство легких сил Военно-Морского Флота. Это было важное решение, однако на его реализацию времени оказалось уже очень мало.

В период нарастания угрозы нападения фашистской Германии на СССР народный комиссар ВМФ настойчиво требовал от командующих флотами принять меры, чтобы флот не оказался застигнутым врасплох, учить личный состав тому, что потребуется на войне, повышать боевую готовность флотов, осуществлять правильную расстановку кадров, качественную отработку задач боевой подготовки.

Сила Николая Герасимовича была в умении разбираться в людях, выделяя среди них знающих, работоспособных, смелых, инициативных. Он оказывал командирам высокое доверие, и люди отвечали ему тем же. Строго спрашивал за ошибки, за нерадивость, соблюдая такт. Но при этом не терпел фальши, подпевал и подхалимов.

В мае 1941 г. по указанию народного комиссара ВМФ на флотах увеличили состав боевого ядра, усилили корабельные дозоры и разведку. 19 июня 1941 г. по приказу народного комиссара все флоты перешли на оперативную готовность № 2.

Учитывая нарастающую угрозу со стороны фашистской Германии, Н.Г. Кузнецов, не ожидая приказа сверху, самостоятельно приказал в ночь на 22 июня 1941 г. корабли и части ВМФ привести в полную боевую готовность к немедленному отражению возможного нападения.

Именно поэтому начало Великой Отечественной войны

флоты встретили организованно. Первые внезапные удары самолетов противника были успешно отражены.

23 июня 1941 г. был образован высший орган стратегического руководства военными действиями Советских Вооруженных Сил — Ставка Верховного Главнокомандования. Как народный комиссар ВМФ Н.Г. Кузнецов вошел в ее состав.

Оперативно-стратегическое применение Военно-Морского Флота и характер его задач в годы Великой Отечественной войны определялись континентальным характером войны, конкретными условиями складывавшейся обстановки и общими задачами Советских Вооруженных Сил, возникавшими на том или ином этапе войны.

В ходе войны народный комиссар ВМФ Н.Г. Кузнецов в соответствии с поставленными Ставкой Верховного Главнокомандования задачами перед Военно-Морскими Силами уверенно, активно руководил боевыми действиями флотов и флотилий на морях и реках, а также умело осуществлял взаимодействие силами флотов с сухопутными войсками, направляя их усилия на обеспечение приморских флангов Советской Армии, активное нарушение морских сообщений противника и защиту своих внешних и внутренних коммуникаций во взаимодействии с силами флотов союзнических государств (США и Англии).

Из девяти крупнейших стратегических наступательных операций Советских Вооруженных Сил в войне в шести принимали участие флоты и флотилии ВМФ. За годы войны советские флоты потопили свыше 1200 боевых кораблей и вспомогательных судов, 4300 транспортов водоизмещением свыше 3 млн. т, высадили свыше 110 оперативных и тактических десантов, в которых участвовали в общей сложности более 250 тыс. человек и до 2000 боевых кораблей и катеров, обеспечили перевозку морскими и речными путями более 117 млн. т грузов, перевезли 12 млн. человек. Северный флот совместно с союзниками по антигитлеровской коалиции обеспечил охрану 77 союзных конвоев в составе 1464 океанских транспортов.

В ходе войны народный комиссар ВМФ неоднократно проявлял творческую инициативу в использовании флотов и флотилий, докладывая свои предложения Ставке Верховного Главнокомандования.

Так в августе 1941 г. Н.Г. Кузнецов предложил Сталину нанести бомбовые удары по Берлину флотской авиацией с острова Эзель. Сталин дал согласие. Эти бомбежки по Берлину в августе 1941 г. имели большое политическое и военное значение,

в том числе и для советского народа. Кузнецов участвовал в разработке этой операции и лично нес ответственность перед Ставкой за ее выполнение.

В октябре 1941 г. с Балтики меня перевели служить в Оперативное управление Главного штаба ВМФ, которое возглавлял одаренный моряк, прошедший школу войны в Испании, имеющий большой опыт работы в штабах, — Владимир Антонович Алафузов. В то время он замещал начальника главного штаба ВМФ адмирала И.С. Исакова, так как последний в начале войны был назначен заместителем главкома Северо-Западного направления — для координации действий Краснознаменного Балтийского флота с сухопутными войсками. А в 1942 г., после поездки на Дальний Восток, адмирал И.С. Исаков был командирован Ставкой на Кавказ, где потерял ногу, после чего длительное время лечился. В этот период за него в главном штабе ВМФ работал Алафузов.

Знакомясь с работой Оперативного управления ГШ ВМФ, я понял, что с началом войны народный комиссар ВМФ Н.Г. Кузнецов установил четкую систему работы Главного штаба и центральных управлений Военно-Морского Флота и их взаимодействие. Нацелил их на обеспечение выполнения задач, поставленных флотам и флотилиям, на осуществление за этим контроля.

Народный комиссар ВМФ постоянно был связан с флотами и флотилиями.

Мне довелось наблюдать работу Н.Г. Кузнецова на командном пункте главкома при оперативных докладах, рассмотрении планов операций и действий сил флотов, флотилий. Могу сказать, что прежде всего меня поражало глубокое знание Кузнецовым обстановки на флотах и флотилиях, фронтах и в стране, состояния сил и средств флотов и флотилий, планируемых действий, результатов их выполнения, а также о допущенных недостатках и о принятых мерах по их устранению.

Народный комиссар ВМФ стремился быть чаще на флотах и флотилиях, но его поездки осуществлялись только с разрешения Ставки. Были случаи, когда Ставка задерживала выезд. Часто бывал Кузнецов с поручениями Ставки и в Ленинграде в период его блокады. На местах он внимательно выслушивал доклады командующих и других командиров, давал четкие конкретные указания и строго спрашивал за недостатки и промахи. Посещал корабли, части, аэродромы. Все проходило в спокойной, доброжелательной обстановке.

Н.Г. Кузнецов имел постоянную тесную связь и взаимопонимание с начальником Генерального штаба, особенно с

Маршалами Советского Союза Б.М. Шапошниковым и А.М. Василевским, с которыми его объединяли также дружеские отношения.

С первых дней войны народный комиссар, Главный морской штаб сосредоточили силы на одном из основных направлений организаторской работы — взаимодействии Военно-Морского Флота с сухопутными войсками. Н.Г. Кузнецов подходил к этому вопросу творчески, инициативно, целеустремленно, отрабатывая формы и методы четкого взаимодействия сил армии и флота.

Несмотря на то, что основной ареной вооруженной борьбы Советской Армии был сухопутный театр военных действий, флот выполнял ряд важнейших оперативно-стратегических задач, содействуя сухопутным войскам в ведении оборонительных и наступательных операций на приморских направлениях. Проводил самостоятельные операции по нарушению морских сообщений врага и защите своих коммуникаций. Военно-Морские Силы приняли самое активное участие в обороне побережья Балтики, Черного и Азовского морей, Баренцева моря, в разгроме фашистских войск под Москвой, Ленинградом и Сталинградом, в Заполярье, на Кавказе и Прибалтике, а также в завершающих сражениях в Европе и под Берлином. И главком ВМС Н.Г. Кузнецов, руководя ими, бывал на всех театрах военных действий. Там, где возникала необходимость в нем.

Одной из характерных особенностей действий флота была длительная и упорная оборона военно-морских баз совместно с сухопутными войсками. Фашистское командование рассчитывало захватить крупные советские военно-морские базы с суши и тем самым обречь на неминуемую гибель Балтийский, Черноморский и Северный флоты Поэтому одной из важнейших задач ВМФ была оборона основных военно-морских баз. Как известно, в первые месяцы войны три наши главные базы — Таллин, Севастополь, Полярный — оказались под угрозой захвата немецко-фашистскими войсками, и их защита имела важное стратегическое значение.

Оборона Таллина, Моонзундских островов, полуострова Ханко проходила в весьма невыгодных для нас условиях. До 26 августа 1941 г. моряки Балтики и бойцы 10-го стрелкового корпуса, нанеся огромный урон противнику, сделали все возможное для обороны главной военно-морской базы Балтийского флота Таллина и отвлекли крупные силы врага от главной цели — Ленинграда. Когда же силы и возможности при обороне Таллина были исчерпаны, настало время срочной эвакуации базы, вывода главных корабельных сил флота в Кронштадт и Ленинград. Однако главнокомандование Северо-

Западного направления — Ворошилов и Исаков — с такой просьбой к Сталину обратиться не решились.

Эту непростую задачу взял на себя нарком ВМФ Кузнецов с присущей ему решительностью и глубоким знанием обстановки. Именно решительные действия народного комиссара ВМФ позволили сохранить боевое ядро Балтийского флота, которое сыграло в будущем важную роль в обороне Ленинграда. Единственно правильным было и обоснование Н.Г. Кузнецовым решения эвакуировать войска гарнизона Таллина морским путем. Анализ действий балтийцев, ошибок, допущенных при этом, позволил их не повторить при эвакуации войск из Одессы.

Одна из ярчайших, героических страниц в истории Великой Отечественной войны — оборона Севастополя. Народный комиссар ВМФ постоянно уделял внимание обороне города и оказывал всевозможную помощь.

Сейчас, спустя годы, можно увидеть, понять, оценить огромную выдержку и чувство ответственности Н.Г. Кузнецова за порученное дело, тщательность отработки вопросов, связанных с ведением боевых действий Военно-Морского Флота.

Оценивая Н.Г. Кузнецова как народного комиссара ВМФ, необходимо отметить его деятельность по проведению десантных операций. В ходе войны наш флот совместно с сухопутными войсками осуществил высадку нескольких десятков оперативных и тактических десантов, что было очень важно для сухопутных армий, фланги которых упирались в море. Наиболее крупные десанты наш флот высадил во время войны в Керченско-Феодосийской (1941), Новороссийской (1943) операциях, на побережье Керченского полуострова (1943) и на острова Моонзундского архипелага (1944). Противнику же на протяжении всей войны не удалось высадить ни одного десанта на приморских флангах наших войск.

Действия наркома ВМФ резко повысили удельный вес морской пехоты и привели к оформлению ее в самостоятельный род сил флота. За годы войны из военных моряков было сформировано более 40 морских бригад и несколько отдельных батальонов общей численностью свыше 400 тыс. человек. В ходе Московской битвы, в основном за счет моряков Тихоокеанского флота и Амурской флотилии, было сформировано 20 морских бригад, которые внесли свой достойный вклад в защиту Москвы. 150 тыс. моряков-тихоокеанцев было направлено на фронт в разгар Сталинградской битвы. Участие в прорыве блокады Ленинграда, в штурме и освобождении Новороссийска, Севастополя, Одессы, борьба на коммуникациях Ледовитого океана, обеспечение охраны конвоев с военными материалами,

сырьем — все это стало возможным благодаря руководству и продуманной деятельности народного комиссара Николая Герасимовича Кузнецова, Главного штаба ВМФ, отваге и бесстрашию морских пехотинцев, дерзко воевавших и на суше, как на море.

Николай Герасимович Кузнецов был членом советской делегации на Ялтинской и Потсдамской конференциях антигитлеровской коалиции в 1945 г. и внес вклад в решение военно-морских вопросов с пользой для Советского Союза.

Мне довелось присутствовать в феврале 1945 г. на Ялтинской конференции в группе народного комиссара ВМФ и лично наблюдать напряженную и умелую работу Николая Герасимовича, в ходе которой он твердо, настойчиво и авторитетно проводил в жизнь указания Ставки Верховного Главнокомандования. Вспоминаю с каким уважением относились к нему члены советской делегации, а также члены делегаций союзных государств.

В день Военно-Морского Флота СССР 22 июля 1945 г. в приказе № 371 Верховный Главнокомандующий дал высокую оценку деятельности Военно-Морского Флота в годы Великой Отечественной войны.

В сентябре 1945 г., в период разгрома советскими войсками японских милитаристов на Дальнем Востоке, на Н.Г. Кузнецова была возложена задача координировать действия Тихоокеанского флота, Амурской флотилии и сухопутных войск. В разгроме Квантунской армии в течение нескольких дней большая доля и ратного труда моряков.

За образцовое выполнение заданий Ставки Верховного Главнокомандования по руководству боевыми операциями флотов и флотилий в Великой Отечественной войне, в том числе Тихоокеанского флота и Амурской флотилии, 14 сентября 1945 г. Николаю Герасимовичу Кузнецову было присвоено звание Героя Советского Союза. Это событие было встречено с большим удовлетворением и одобрением на флотах и флотилиях, где Н.Г. Кузнецова знали все — от адмирала до матросов.

Николай Герасимович был на редкость порядочный человек. Обладал проницательным умом и большой чуткой душой. Решительный и мужественный, он с готовностью брал на себя ответственность за возможные последствия в сложной и острой обстановке, даже в трагической. Был справедлив и прост. Одинаков со всеми окружающими, внимателен и приветлив, доброжелателен к людям, уважал их мнение, обладал умением вникнуть в нужды подчиненных, заинтересовать их тем, чем жил сам, над чем работал, чему отдавал свое сердце и душу. На флоте

его любили. Он много делал для личного состава флота, смело отстаивал подчиненных в период культа личности, не боясь, что это может обернуться против него.

Народный комиссар ВМФ Н.Г. Кузнецов начал войну в звании адмирала. Ему первому было присвоено высокое звание Адмирала Флота Советского Союза.

Успешно закончив Великую Отечественную войну, силы флота разошлись в приписанные базы, а также в новые места базирования. Часть их продолжала нести еще боевую службу в море. Оперативная зона Советского Военно-Морского Флота расширилась. Началось активное освоение новых районов и отработка задач боевой подготовки с учетом накопленного опыта в годы войны. Приступили к восстановлению разрушенных объектов, ремонту кораблей. В ходе Великой Отечественной войны получило дальнейшее развитие советское военно-морское искусство. В совместных действиях армии и флота была выработана стройная система подготовки и проведения десантных операций, решен вопрос о роли и месте морской пехоты. Опыт борьбы на коммуникациях способствовал достижению оперативного взаимодействия между разнородными силами флота. Получила развитие тактика использования различных классов кораблей и авиации флота. Правильные выводы сделала советская военная наука о возрастании роли в войне на море подводных лодок и авиации, которые превратились в главные ударные силы флота.

Характерными чертами нашего военно-морского искусства в Великой Отечественной войне являлись высокая активность и тесное взаимодействие различных сил флота, сосредоточение превосходящих сил на главных направлениях, решительность в достижении цели. Моряки сражались на море и на сухопутных фронтах, проявляли массовый героизм и непреклонную волю к победе над врагом.

Наши флоты и флотилии внесли достойный вклад в общую победу над фашистской Германией и милитаристской Японией. Все флоты стали Краснознаменными, 223 соединения частей и кораблей были награждены боевыми орденами, многие из них стали гвардейскими, удостоены почетных наименований. Всего этого ВМФ добился под руководством своего наркома и главкома ВМС Н.Г. Кузнецова, трудившегося все годы «не покладая рук».

После окончания Великой Отечественной войны, как отмечает Н.Г. Кузнецов в своих записях, вновь встал вопрос строительства флота, способного защищать Родину. Предстояло оценить боевой опыт, сделать выводы из допущенных ошибок и просчетов. Такой документ был отработан, и подготовлены

предложения с учетом послевоенной разрухи, возможностей промышленности и реальной международной обстановки. Как подчеркивал Н.Г. Кузнецов, он вынужден был согласиться на постройку некоторого количества кораблей предвоенных проектов, что обеспечивало безопасность в текущий момент, дабы не оказаться совсем безоружными.

Первый послевоенный 1946 г. для высшего командования Военно-Морского Флота был трудным. Морские вопросы, особенно строительство современного, сбалансированного флота, обеспечение его базирования из-за сложности и дороговизны решались медленно и с трудом. Единое мнение относительно будущего флота еще не устоялось, выработать его мешал культ личности Сталина и его подпевал. Несмотря на это Н.Г. Кузнецов настойчиво добивался у Сталина незамедлительного решения наболевших вопросов флота, с учетом опыта войны и современных взглядов.

Однако вскоре выяснилось, что Сталина больше не устраивает несговорчивый народный комиссар ВМФ. На одном из докладов он сказал Н.Г. Кузнецову: «Почему ты все время ругаешься со мной? Ведь органы уже давно просят у меня разрешения тобой заняться».

В конце 1946 г. по результатам проверки Главного штаба ВМФ военной инспекцией Министерства обороны Н.Г. Кузнецов был понижен в должности и переведен на новую должность начальника Управления Военно-морских учебных заведений в Ленинград. Позднее было состряпано дело, именно состряпано, на основе письма недобросовестного человека. Тут уже постарались бесчестные доносчики, которым, видимо, не давали покоя заслуги Кузнецова, его большой авторитет в народе, те, кому претили его честность, бескомпромиссность и прямота.

Была создана экспертная комиссия из специалистов Военно-Морского Флота, которая отвергла выдвинутые обвинения против Н.Г. Кузнецова и его ближайших помощников адмиралов Л.М. Галлера, В.А. Алафузова, Г.А. Степанова как необоснованные. Однако Сталин в правильности заключения экспертизы усомнился и дал указание привлечь Кузнецова, Галлера, Алафузова и Степанова к суду чести. Суд состоялся 12–15 января 1948 г. в клубе Главного штаба ВМФ под председательством Маршала Советского Союза Л.А. Говорова. Мне довелось при этом присутствовать. Я служил тогда помощником начальника Главного оперативного управления Генерального штаба. По существу, была разыграна гнусная комедия.

Ко времени, когда состоялось это судилище, я уже служил в Генеральном штабе. Вице-адмирал Н.М. Харламов, заместитель

начальника Генштаба по ВМФ, был моим непосредственным начальником. Суд происходил в клубе Главного штаба ВМФ под председательством Маршала Советского Союза Л.А. Говорова. В составе комиссии были В.А. Захаров, Ф.Н. Голиков, Г.И. Левченко, П.С. Абанькин, Н.М. Харламов, Н.М. Кулаков. Четверо последних были моряки, знали Николая Герасимовича лично многие годы и видели от него только хорошее. Трудно было поверить в такой поворот событий, что Н.М. Харламов, пройдя всю войну, зная деятельность Н.Г. Кузнецова по повышению боеготовности ВМФ, теперь зачитает обвинительное заключение; что Н.М. Кулаков, которого в свое время Николай Герасимович уберег от ответственности за просчеты и ошибки в самые тяжелые времена, будет не только верным «цепным псом» обвинения, но и постарается как можно больше унизить личное достоинство обвиняемых. Один за другим свидетели защиты отказывались от своих показаний и показывали в пользу обвинения. Наконец зачитали заключение «суда чести»: передать суду Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР. А дальше «знаменитый» Ульрих со своими помощниками решал уже «технические вопросы», кому и сколько…

Однако вина привлеченных так и не была доказана. Создалось неловкое положение, и суд завершился ничем. Маршал Л.А. Говоров отбыл для доклада в ВКП(б). Позднее нам объявили, что продолжения суда не будет.

Заслуживает восхищения поведение на суде Николая Герасимовича Кузнецова, который держался спокойно, очень уверенно и с достоинством. Старался, насколько это было возможно, защитить своих подчиненных. И как низко и подло поступили те, кто пытался очернить заслуженных адмиралов, отдавших все службе в Военно-Морском Флоте. Решением Сталина дело адмиралов было передано в Военную коллегию Верховного Суда СССР.

В личных записях Н.Г. Кузнецова читаем: «Следующим этапом был вызов всех нас в военную прокуратуру и своеобразный допрос с предложением обязательно подписать то, что нравится следователю. Мне также было предложено подписать показания, совсем не согласованные с фактами. Только решительное заявление, что не буду подписывать этот вымысел, заставило следователя считаться с моим мнением».

Надуманность обвинения не смутила следователей, прокуроров, судей, ведь они имели указание Сталина.

3 февраля 1948 г. адмиралы В.А. Алафузов и ГА. Степанов были осуждены на десять лет тюрьмы, а Л.М. Галлер на четыре года. Н.Г. Кузнецов был разжалован в контрадмиралы. В 1953 г.,

после смерти И.В. Сталина, все адмиралы были реабилитированы (Л.М. Галлер посмертно).

Мы, моряки, к тому времени уже политически значительно выросли, за плечами была война, и понимали эти события как проявление страшной системы подавления людей, но никто не знал и не мог знать, что необходимо делать. Руководство ВМС не ходатайствовало об облегчении участи адмиралов, и система продолжала свою страшную деятельность. Были арестованы и преданы суду еще и другие адмиралы и офицеры. Так было разгромлено руководство ВМФ, которое провело всю войну и очень многое сделало, чтобы заложить основы нового флота.

Сложная судьба и другие испытания ждали Николая Герасимовича. Некоторое время я был начальником его штаба — первым заместителем командующего Тихоокеанским флотом. Он практически никогда не вспоминал и мало рассказывал об этом периоде, но в отношении тех, кто слишком «активно» участвовал в суде, был суров. В полной мере старался принять участие в судьбе тех, кто пострадал в то страшное время. Вот об этом он рассказывал. С июня 1948 г. Николай Герасимович — заместитель главнокомандующего войсками Дальнего Востока по военно-морским силам. С февраля 1950 г. — второй раз назначен командующим Тихоокеанским флотом. Я в эти годы был начальником штаба Тихоокеанского флота. Опять судьба свела нас вместе. Я горжусь тем, что мне довелось служить под непосредственным руководством такого выдающегося флотоводца, как Н.Г. Кузнецов, быть его помощником. И сегодня с глубоким волнением вспоминаю нашу совместную службу. Я многому у него научился. Уважаю его как высококультурного профессионального военного моряка, как видного руководителя Военно-Морского Флота в очень тяжелое время и в трудных условиях. Кузнецов достойно держался в любой обстановке, даже в трагической. Следует отметить и его по-настоящему энциклопедические знания, прекрасную память. Поражали огромное трудолюбие адмирала, стремление и даже страсть к самообразованию, постоянному расширению кругозора, самосовершенствованию. Порядочный, высоконравственный человек, он был замечательным семьянином.

Работать с Николаем Герасимовичем было очень интересно, ведь его заботило прежде всего дело. Он никогда не подавлял своим авторитетом инициативу подчиненных, но его доверие нельзя было не оправдать. Чуткий и доброжелательный к людям, он был в то же время и требователен к ним. В июне 1951 года Н.Г. Кузнецов вторично назначается Военно-Морским Министром СССР, его восстанавливают в звании. В 1953 году после

реорганизации Министерства Вооруженных Сил и Военно-Морского Министерства в Министерство обороны СССР Николая Герасимовича назначают Первым заместителем министра обороны и главнокомандующим Военно-Морскими Силами СССР. Это период перевооружения Советских Вооруженных Сил. ВМФ в эти послевоенные годы качественно изменялся.

Как и в предвоенные годы Н.Г. Кузнецов отдает свой талант флотоводца, опыт и знания созданию современного сбалансированного флота, исходя из задач, стоящих перед Вооруженными Силами страны, с учетом опыта минувшей войны, научно-технической революции научного предвидения будущего, подготовке и воспитанию военно-морских кадров. По основным кардинальным проблемам строительства и жизни флота Н.Г. Кузнецов имел свою точку зрения, которую неизменно отстаивал, невзирая на авторитеты, хотя это не всегда проходило для него бесследно, особенно в послевоенные годы. Так было у Кузнецова при Сталине, случилось это и при Хрущеве.

После смерти Сталина Кузнецов рассчитывал на перемены к лучшему. Однако по-прежнему вопросы Военно-Морского Флота решались с трудом, откладывались на неопределенное время. Противником строительства надводных кораблей, особенно крупных, был сам Хрущев.

Верный своим принципам, Николай Герасимович резко высказывал собственное мнение и указывал Хрущеву на его полную некомпетентность в вопросах Военно-Морского Флота. Это не могло остаться безнаказанным. Тучи над ним сгущались.

В мае 1955 г. Николай Герасимович перенес инфаркт, лечение которого требовало длительного времени. 27 июня он обратился к министру обороны с просьбой освободить его от занимаемой должности. Ответа не последовало.

Из-за болезни Николай Герасимович уже полгода не исполнял обязанности главнокомандующего Военно-Морским Флотом, когда в ночь на 29 октября 1955 г. под днищем линейного корабля «Новороссийск» (бывший итальянский линкор «Чезаре», полученный по репарации) произошел взрыв. Линкор затонул, погибло много людей.

Комиссия, расследовавшая обстоятельства гибели корабля, истинной причины так и не установила, выдвинув лишь ряд версий.

Вступив в командование Черноморским флотом после катастрофы линкора, в декабре 1955 г., я внимательно изучил все имеющиеся материалы по этому вопросу — состояние корабля, подготовку личного состава, место гибели корабля и его состояние после взрыва, а также выполненные флотом за

десятилетний период траления Севастопольской бухты от неконтактных мин, установку штатных бочек для швартовки кораблей, а также охрану бухты и разведывательные документы. Пришел к заключению, что Н.Г. Кузнецов был прав, записав в свою личную книжку в 1955 г.: «До сих пор для меня остается загадкой, как могла остаться и сработать старая немецкая мина, взорваться обязательно ночью и взорваться в таком уязвимом месте для корабля. Уж слишком это все невероятно».

Это также подтверждается докладами с флота — в течение 10 лет проводилось контрольное траление, но никаких мин так и не обнаружили. Кроме того, кораблям было запрещено становиться на якорь в Севастопольской бухте и для каждого из них установлены штатные бочки. Линкор в то время стоял на своей штатной бочке. Следовательно, наиболее вероятной причиной была все же диверсия.

В феврале 1956 г. Н.Г. Кузнецов был уволен в отставку, понизили его и в звании до вице-адмирала. Однако и в отставке, Кузнецов продолжал настойчиво трудиться для флота. Много читал, разрабатывал материал для написания мемуаров. Совершенствовал свои знания в английском языке, так как интересная литература, многие документы по флотской тематике издавались на этом языке. Многие годы Кузнецов занимался переводами статей, книг с английского языка на русский и весьма успешно.

Николай Герасимович сам писал свои книги. За годы напряженной работы собрал необходимые материалы, развил необходимые литературные навыки. Прекрасное знание военной истории, отечественной, зарубежной, художественной и специальной литературы, французского, немецкого, испанского и английского языков способствовали его успехам на историко-литературном поприще.

В 1965 г. Николай Герасимович закончил работу над книгой «Накануне». В 1968 г. известный советский писатель К.М. Симонов писал об этом труде: «Книга Кузнецова, на мой взгляд, дает очень убедительное представление о том, какое место занимают армия и флот в жизни всей страны, в умах и в сердцах людей».

Затем Николай Герасимович выпустил книги «Курсом к победе», «На флотах боевая тревога», «На далеком меридиане» и др. В них рассказал о боевом пути советского Военно-Морского Флота, своей жизни, о том великом деле, бороться за которое он начал в незабываемом 1919 г.

Близкое общение на протяжении многих лет с Н.Г. Кузнецовым по работе дает мне основание сказать, что Николай

Герасимович несомненно был талантливым руководителем, обладающим высокими организаторскими способностями. Важнее всего то, что он внес выдающийся вклад в создание советского Военно-Морского Флота. Трудно переоценить роль и значение народного комиссара ВМФ СССР Н.Г. Кузнецова в подготовке флотов и его кадров к войне против вероятного агрессора в 1939–1941 гг., его талантливое руководство флотом в сложнейших условиях Великой Отечественной войны с фашистской Германией и милитаристской Японией, его фундаментальные работы и деятельность в послевоенном строительстве флотов и по подготовке кадров в условиях внедрения на флотах достижений научно-технической революции, его вклад в перевооружение Советских Вооруженных Сил.

Николай Герасимович Кузнецов прожил большую, сложную, достойную и полезную жизнь, пройдя путь от матроса до Адмирала Флота Советского Союза и флотоводца.

Судьба его не баловала. Порой с ним поступали несправедливо. Но это не сломило его. В сложных испытаниях отчетливо проявилась сила духа и характера этого прекрасного человека.

Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский так писал о Николае Герасимовиче Кузнецове:

«Я храню постоянную память о редкостном человеке, талантливом военачальнике и любимом друге — Николае Герасимовиче Кузнецове, отдавшем все, что он мог за свою жизнь, делу укрепления, развития и победы наших славных Вооруженных Сил».

Вдумчивый, умелый организатор, внимательный товарищ и наставник, человек щедрой души — таким останется Николай Герасимович Кузнецов в нашей памяти.

После того, как я в 1964 г. был назначен в Москву на должность Первого заместителя главнокомандующего ВМФ, мне приходилось несколько раз встречаться с Н.Г. Кузнецовым, беседовать с ним.

Мысль о восстановлении доброго имени Николая Герасимовича не оставляла меня, и в этом я находил много единомышленников. Но проблема всегда встречала прямое сопротивление С.Г. Горшкова, который в угоду Н.С. Хрущеву и Л.И. Брежневу, а также исходя из личных амбиций, этот вопрос нигде не ставил. Как известно, у Н.Г. Кузнецова был конфликт с Хрущевым по вопросам строительства флота. В то время это все подогревалось и министром обороны Жуковым, который с 1955 г. целенаправленно ездил по флотам, собирая «компромат» против Николая Герасимовича.

Я тогда командовал 8-м ВМФ. Жуков со своей группой работал и у нас в Таллине, и в других пунктах базирования флота. У него напрямую просматривалось предвзятое отношение к Николаю Герасимовичу, желание привлечь его к ответственности за провалы в вопросах воинской дисциплины и аварийности.

Объективно говоря, в тот период недостатков в Военно-Морском Флоте по воинской дисциплине хватало, но это было присуще и другим видам Вооруженных Сил. Я знал это по Прибалтийскому военному округу, с которым нам приходилось взаимодействовать по многим вопросам. Но мнение Г.К. Жукова, имевшего колоссальный авторитет на всех уровнях, было тогда определяющим. А он не стеснялся в формах и способах «наведения порядка». Многие генералы, адмиралы и офицеры снимались им, что называется, «прямо на месте». Разбор также был суров…

Все это использовали против Николая Герасимовича, особенно после гибели линкора «Новороссийск», и Кузнецов «по совокупности» был освобожден от должности главнокомандующего ВМФ с понижением в воинском звании до вице-адмирала.

Что касается Брежнева, то у него были свои причины недолюбливать Кузнецова. Дело в том, что Леонид Ильич в 1953 г., неизвестно почему, был неожиданно назначен на должность начальника Политуправления ВМФ. Ошибочность этого назначения в первую очередь стала ясна Николаю Герасимовичу, и он, даже при всей его тактичности, от Брежнева этого особенно не скрывал. Через полгода Брежнева убрали.

Естественно, он запомнил все и, когда вошел в высшее руководство, стал всячески поддерживать С.Г. Горшкова по замалчиванию заслуг Николая Герасимовича и намеренно не замечал предложений о восстановлении бывшего наркома.

К сожалению, как стало известно много позже, Горшков все делал от имени Военного совета ВМФ, хотя на Военном совете этот вопрос не обсуждался. Им даже был подготовлен документ «О нецелесообразности восстановления…»

У Николая Герасимовича были и личные просьбы. Он обращался с письмами о помощи в ремонте дачи, квартиры, но ответа не получал. Я несколько раз встречался с ним по этим вопросам, давал указания начальнику строительной организации ВМФ, в хозяйственную часть, но после этого все немедленно блокировалось, указания не выполнялись.

Вместе с тем в воспоминаниях С.Г. Горшков неоднократно упоминает Н.Г Кузнецова с положительной стороны, причем

подчеркивает, что с его именем связано укрепление боевой мощи флота, отмечает его высокие качества как флотоводца и человека. Но в течение тридцати лет, руководя Военно-Морским Флотом, Горшков ни разу не поддержал ходатайство флотской общественности о реабилитации и восстановлении в звании Кузнецова. Такая возможность была в 1965 г., затем после 1986 г. В то же время он не мог не помнить, что Николай Герасимович неоднократно проявлял к нему лично несомненную доброжелательность и заступничество. Так было в 1938 г., после катастрофы с эсминцем «Решительный», когда Сергея Георгиевича сняли с должности командира бригады эсминцев. Именно Кузнецов спас его от расстрела, а через 6 месяцев перевел командиром бригады эсминцев на Черноморский флот. В 1944 г. он отстаивал Горшкова в деле перевода его с Дунайской флотилии на эскадру ЧФ.

Известно, что Сергей Георгиевич обиделся на Н.Г. Кузнецова, когда тот в своих записках, о которых знали многие в ВМФ, отметил: «Мне довелось рассчитываться за все битые горшки, а Горшков получил повышение и назначение на должность Главнокомандующего».

С 1 октября 1974 г. я перешел в Группу генеральных инспекторов, где встретил много знакомых армейских начальников, с которыми служил в различное время на самых различных театрах нашей страны: генералов А.И. Белобородова, П.Н. Лященко, А.А. Лучинского, Н.Г. Лященко, С.П. Иванова, маршала авиации С.И. Руденко и многих других. Все они говорили о Николае Герасимовиче только самое хорошее. Особенно мне запомнился разговор с Александром Михайловичем Василевским, который 9 апреля 1966 г. писал в секретариат ЦК КПСС:

> Сознание явной несправедливости, допущенной при жизни Сталина и повторенной в 1956 году по инициативе Н.С. Хрущева и Г.К. Жукова в отношении бывшего Адмирала Флота Советского Союза — ныне вице-адмирала в отставке Кузнецова Н.Г., вынуждает меня просить Секретариат ЦК КПСС поручить проверить материал, на основании которого была допущена эта несправедливость, с тем, чтобы затем соответствующими решениями устранить ее. В довоенное время и особенно в период Великой Отечественной войны и в послевоенные годы, по характеру возложенной на меня работы, имел возможность наблюдать всегда исключительно партийное, высококвалифицированное

руководство со стороны тов. Кузнецова Н.Г. всеми теми ответственными участками работы, которые поручались ему партией и правительством. Более чем уверен, что восстановление тов. Кузнецова Н.Г. в звании, которого он необоснованно был лишен, и зачисление его в Группу генеральных инспекторов при Министерстве обороны было бы, безусловно, справедливым и было бы с большим удовлетворением воспринято всеми, знающими его, личным составом Вооруженных Сил и особенно Военно-Морского Флота, большим и вполне заслуженным авторитетом у которого он пользовался и пользуется поныне.

Но никаких действий тогда предпринято так и не было. А в начале декабря 1974 г. мы все получили печальное известие, что Николая Герасимовича не стало. В этот же день мне позвонили из секретариата главнокомандующего ВМФ и сказали, что я назначен председателем комиссии по организации его похорон. Очень жалко было прощаться с большим флотоводцем, крупным военачальником и прекрасным человеком. Последними в почетный караул у гроба Николая Герасимовича стали его три сына: Виктор, Николай и Владимир.

Николай Герасимович переживал, что никто из них не пошел по его пути. «Не получилось династии», — сетовал он. Но, тем не менее сыновья его, когда выросли, стали настоящими людьми, достойными своего отца и его больших дел[52].

Самое печальное то, что Николай Герасимович при жизни так и не узнал, что справедливость по отношению к нему восстановлена, и он по достоинству оценен последующими поколениями.

В 1982 г. к 80-летию Кузнецова я подготовил большую статью о его жизненном пути, направил ее полный текст в редакцию «Военно-исторического журнала» и вдове Николая Герасимовича, Вере Николаевне, вместе с письмом.

Статья в журнале была напечатана с большими сокращениями, сказывалось еще влияние брежневщины, да и С.Г. Горшков был еще у власти.

Тем не менее на различных собраниях, конференциях высказывались пожелания подробнее рассказать о наркоме ВМФ. В ряде газет и журналов были подготовлены его воспоминания. «Военно-исторический журнал» напечатал обмен мнениями ветеранов флота, в том числе и мои впечатления и воспоминания о встречах и совместной работе с ним.

В июле 1987 г., когда общественность активизировала свою

деятельность в отношении восстановления доброго имени Николая Герасимовича, в Москве в Доме литераторов состоялось собрание столичной общественности, ветеранов Военно-Морского Флота и Союза писателей, посвященное его 85-летию. Было очень много людей, присутствовали вдова Николая Герасимовича и три его сына с семьями. Открыл собрание писатель Владимир Карпов. Было много выступающих, шло обсуждение и в кулуарах. Я делал доклад от Главного штаба ВМФ. Народный артист СССР И.С. Козловский, исполнив свой номер, прямо со сцены вручил Вере Николаевне букет красных роз, а народный артист РСФСР В. Давыдов говорил о Кузнецове как о человеке с большой буквы. Много доброго сказали и те, кто бок о бок работали с Николаем Герасимовичем в тревожные суровые годы, и те, которые потом вместе с ним закладывали основы могучего атомного флота страны Советов. Все присутствующие на вечере одобрили ходатайство о восстановлении Николая Герасимовича Кузнецова в звании Адмирала Флота Советского Союза посмертно.

В 1988 г. в журнале «Москва» № 5 семьей были напечатаны отдельные главы из книги «Накануне», изъятые или значительно сокращеные в 1965 г. Все это вызвало положительные отклики общественности…

Пришедшее новое руководство Военно-Морского Флота до 1968 г. имело все возможности, чтобы воздать должное бывшему наркому ВМФ. Увы, этого не произошло. Так, видимо, было угодно отдельным личностям. Но история — судья суровый и беспощадный, она ничего не упускает. Все обязательно, с течением времени, всплывает наверх, все расставляется по своим местам. Изменить историю нельзя. Можно о чем-то умолчать или даже временно сфальсифицировать. Но из проверенной опытом непрерывной изменчивости жизни и событий следует, что с историей шутить нельзя, так как свидетельств правды и справедливости со временем становится все больше и больше. Они звучат как приговор, осознание правды происходит непрерывно, и все возвращается на «круги своя».

Так оно и случилось. Не захотели Л.И. Брежнев и С.Г. Горшков быть объективными, справедливыми, это сделали за них другие. В середине 1988 г. генералы армии Д.Т. Язов, С.Ф. Ахромеев и адмирал В.Н. Чернавин, руководствуясь мнением широкой общественности, подготовили документы и доложили высшему руководству. 26 июля 1988 г. последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении вице-адмирала Кузнецова Н.Г. в прежнем воинском звании Адмирала Флота Советского Союза». Справедливость восторжествовала.

Е.А.Чернощек. В те давние годы [53]

Я хорошо знал Николая Герасимовича, так как много и близко с ним общался: в 1923–1926 гг. учился с ним на одном курсе в Военно-морском училище, до мая месяца 1938 г. служил с Николаем Герасимовичем на Тихоокеанском флоте (ТОФ). Являясь начальником отдела боевой подготовки штаба ТОФ, я повседневно руководствовался его указаниями и советами в планировании и обеспечении боевой подготовки флота; дважды в 1941–1942 и 1946–1947 гг. я являлся начальником Управления делами при народном комиссаре ВМФ, находился в его непосредственном подчинении и выполнял его личные указания и распоряжения. По долгу своему я сопровождал его во всех поездках на флоты и другие места.

В училище Николай Герасимович являлся примером высокой дисциплинированности, исполнительности, внешней и деловой подтянутости и культуры. Он был скромным, простым, добрым и отзывчивым товарищем, за что пользовался уважением на курсе. Он дружил со всеми, но особенно дружеские отношения поддерживал с Н.И. Николайчиком и В.Ф. Трибуцем.

В 1926 г. мы окончили Военно-морское училище. По успеваемости Николай Герасимович и я оказались в первом десятке, и нам в порядке поощрения было предоставлено право выбирать море и корабль. Он выбрал Черное море и крейсер «Червона Украина», а я Балтийское море и линкор «Октябрьская Революция». В октябре 1926 г. мы разъехались по своим морям и на свои корабли.

В 1938 г. мы встретились во Владивостоке. В штабе ТОФ пошел слух, что к нам на должность заместителя командующего назначен Кузнецов, но какой Кузнецов, никто толком не знал, а мне и в голову не пришло, что это может быть Николай Герасимович. Как-то раздался телефонный звонок. Беру трубку и слышу знакомый голос: «Чернощек Елисей Андреевич?» «Да». «Елисей, ты что же не желаешь встретиться с товарищем?» «Коля, это ты?», — спрашиваю я. «Да! Это я, Коля-треска». (Николай Герасимович любил треску, которой кормили нас в училище, поэтому ему дали прозвище «Коля-треска». Мы все имели соответствующие прозвища). «Ты где находишься, откуда говоришь?» — спросил я. «Нахожусь в кабинете зам. командующего», — ответил он. Через минуту мы встретились, коротко обменялись стандартными вопросами. Договорились вечером встретиться у него дома. Мы много говорили о личной жизни, о служебной деятельности за истекшие 11 лет, о

состоянии флота, о штабном коллективе, он поинтересовался, кто из наших училищных товарищей служит на ТОФ и в каких должностях. Он был доволен, что на ТОФ служат 10 человек и все занимают ответственные должности. Не сговариваясь, мы построили наши взаимоотношения с Николаем Герасимовичем, соблюдая требования устава и субординации. Он, заметив это, сказал мне: «Передай нашим товарищам, что во время службы мы должны соблюдать уставные взаимоотношения, а вне службы оставаться добрыми товарищами, старые товарищеские отношения ценить и охранять».

В подтверждение изложенного приведу ряд примеров, участником или свидетелем которых я являлся.

Во Владивостоке в мае 1938 г. у меня распалась семья. Я тяжело переживал эту трагедию. Николай Герасимович и член Военного Совета Яков Васильевич Волков пытались исправить случившееся, но ничего не получилось. Мне Николай Герасимович сказал: «Елисей, мы с Яковом Васильевичем говорили с твоей женой, но безрезультатно: гнилую веревку не свяжешь. Я вижу, как тебе тяжело, тебе надо изменить обстановку. На днях мне звонил В.К. Блюхер и просил меня выделить ему хорошего опытного командира с академическим образованием для сформирования при оперативном отделе штаба ОКДВА морского оперативного отдела и руководства им. Это необходимо для эффективного взаимодействия ОКДВА с ТОФ. Тебе нечего объяснять важность и необходимость этого мероприятия. Мы с Яковом Васильевичем посоветовались и решили, что ты больше всего подходишь для этого дела. Мы рекомендуем тебе отправиться в Хабаровск. Здесь тебе трудно, а в новой обстановке тебе будет легче, ты там быстрее приведешь себя в порядок. Мне не хочется отпускать тебя, но я действую в твоих интересах. Согласен ехать в Хабаровск?» Я согласился.

Через неделю я был уже в Хабаровске в штабе ОКДВА. Здесь меня встретили приветливо, особенно начальник штаба Г.И. Штерн, дали мне хорошее жилье, материально устроили так, что я ни в чем не нуждался. Я с увлечением принялся за работу и постепенно стал привыкать к одиночеству. Но 22 сентября 1938 г. меня, как и многих других сотрудников штаба, арестовали, и я оказался в Хабаровской особой тюрьме. Мне, как «врагу народа», предъявили обвинение по нескольким статьям, каждая из которых предусматривала только высшую меру наказания. И в Хабаровске, и во Владивостоке я много раз подвергался тяжелым и оскорбительным допросам, до предела терпимого унижавшим человеческое достоинство. На допросы нас возили в «черном вороне» и всегда после 12 часов ночи, чтобы оказывать

психическое воздействие.

В конце 1939 г. мне предложили подписать обвинительное заключение, необходимое для предания суду, но я, наученный опытными «врагами народа», от подписи обвинительного заключения, а заодно и от всех своих «чистосердечных» признаний, которые я дал на допросах, категорически отказался. Мне угрожали, уговаривали, убеждая, что за чистосердечное признание суд сделает снисхождение и снизит меру наказания. Но я решительно отверг и угрозы, и уговоры. Не знаю, откуда у меня взялись силы на это. В тюрьме ходило выражение: «Лучше умереть стоя, чем вымаливать снисхождение на коленях», — я это мнение разделял. Меня надолго оставили в покое.

Я сидел, и не знаю, в который уже раз до мелочей вспоминал свою прожитую жизнь. Было очень трудно и до душевной боли обидно. За какую вину мне и всем моим товарищам по тюрьме судьба послала такое тяжелое испытание, что происходит и кому это нужно? Я старался только не потерять веры в справедливость, в благополучный исход, не потерять веры в себя, в свои силы, так как видел, до какого тяжелого состояния апатии, депрессии дошли некоторые мои товарищи по камере, потерявшие веру в эти жизненные категории. Но неожиданно, в начале марта 1940 г., меня под конвоем двух матросов пешим ходом (на допросы нас всегда возили в «черном вороне») доставили к прокурору по особо важным делам. Прокурор вежливо предложил мне сесть. «Вы — Елисей Андреевич Чернощек?» — спросил он, глядя на меня с приветливой улыбкой. «Да, я — Елисей Андреевич Чернощек», — ответил я, пораженный столь вежливым обращением, от которого я уже отвык. «Вот что, Елисей Андреевич, политические статьи, которые вам инкриминируют, заменены на уголовные, судить вас будут не по политическим статьям, а по уголовным, а это уже совсем иное дело. Но, возможно, вас даже судить не будут, возможно, даже, что вы встретитесь в скором времени с Николаем Герасимовичем Кузнецовым». Когда прокурор все это говорил, я приходил в какое-то странное непонятное состояние, мне казалось, что внутри все обрывается. За все время пребывания в заключении я не сдержался и заплакал. Придя в себя, я спросил прокурора: «Николай Герасимович жив? Где он находится?» «Николай Герасимович жив и здоров. Он находится в Москве и является народным комиссаром ВМФ». Тогда я стал кое-что понимать.

Дело в том, что в Хабаровске во время одного из допросов следователь задал мне вопрос: «А почему именно тебя Кузнецов направил в распоряжение Блюхера?» «Не знаю», — ответил я. «Ах, ты не знаешь! Ну, мы тебе объясним, зачем Кузнецов направил

тебя к Блюхеру», со злобой пригрозил мне следователь. Из этого диалога у меня появилось убежденность, что Николай Герасимович разделил участь своих предшественников командующих ТОФ Викторова и Киреева. Эта убежденность утвердилась после того как во Владивостокской тюрьме я из «тюремного телеграфа» (перестукивание), которым я хорошо владел, узнал, что В. К. Блюхера уже нет в живых.

Прокурор с сочувствием наблюдал за мной (надо же такому случиться: прокурор оказался моим земляком и знал меня еще на родине, но я его не знал) и сказал: «Ну, что же, Елисей Андреевич, отправляйтесь в тюрьму и ждите положительного решения вашей судьбы, которое состоится дня через два-три». Я ушел с надеждой на свободу.

В камере я все рассказал товарищам. Они очень обрадовались, так как это явилось подтверждением распространяемых «тюремным телеграфом» слухов о положительных изменениях в отношениях к «врагам народа», и у нас появилась надежда на освобождение. В полдень 5 мая меня забрали из камеры и провели в кабинет начальника тюрьмы. Начальник тюрьмы задал мне вопросы: «Вы — Чернощек Елисей Андреевич?» «Да», — ответил я. «Наверное, соскучились по работе?» «Да», — ответил я. «А где хотите работать?» Я ничего не ответил, мне стало не по себе. «Ну ладно, вот, прочитайте», — и он протянул мне какой-то документ. Я взял и прочитал: «Протокол № 32 подготовительного заседания военного трибунала Тихоокеанского флота от 4 марта 1940 года. Слушали дело № 031 на бывшего начальника 2-го отдела штаба ТОФ Чернощека Е.А. с обвинительным заключением помощника военного прокурора ТОФ военного юриста 1 ранга Милокума, утвержденного прокурором ТОФ, бригадным юристом Семченко, для предания Чернощека Е.А. суду по ст. 193-17, п. «а» УК РСФСР. Определили: в действиях Чернощека Е.А. нет состава уголовного преступления, а имеются отдельные упущения по службе, что надлежит квалифицировать по ст. 193-17, п. «а» УК РСФСР. А поэтому… Дело по обвинению Чернощека Е.А. в уголовном порядке прекратить, и из-под стражи его немедленно освободить. Ввиду того, что Е.А. Чернощек с 22.09 1938 г. находился в предварительном заключении, к административной ответственности его не привлекать.

Начальник тюрьмы, внимательно наблюдавший за мной, спросил: «Ну, что, все ясно, вопросов нет?» «Все ясно, вопросов нет». «Поздравляю вас с получением свободы», — сказал начальник тюрьмы и вызвал надзирателя, приказал ему, указывая на меня: «Побрить, помыть в бане, хорошо покормить и выставить

за ворота тюрьмы». Вскоре я уже был в кабинете Николая Герасимовича. Встреча была очень трогательной. Он ни о чем меня не расспрашивал, а сказал: «Елисей, хорошо, что жив остался, а Николайчик, бедняга, погиб, не успел я. Сейчас о твоем назначении говорить не будем. Поезжай в Ялту в Черноморский дом отдыха, отдохни там. Пусть тебя там хорошо проветрят, не захватил ли чего с собой из тюрьмы. Если да, то пусть подлечат. Когда вернешься в Москву, тогда будем решать вопрос о твоем назначении, а сейчас иди к моему заму по кадрам Игнатьеву, он в курсе дела».

Я уехал в Ялту. Врачи обнаружили у меня в верхней части левого легкого заболевание туберкулезом. Им удалось меня вылечить. Потом мне рассказал товарищ, с которым я был в «черном вороне», когда везли на допрос. Он раньше меня вышел из тюрьмы и раньше встретился с Николаем Герасимовичем. Николай Герасимович ему сказал: «Жаль, нет в живых Николайчика и Чернощека. Погибли». «Как нет Чернощека? Я ведь с ним недавно ехал на допрос», — ответил он. «А где он? Ведь его посадили в Хабаровске?» — спросил Николай Герасимович. «Нет, он сидит во Владивостоке в особой тюрьме». «Вот почему я не нашел его в Хабаровске. Ну, хорошо!» (Николай Герасимович, как мне говорили, состоял в комиссии ЦК КПСС, которая занималась на Дальнем Востоке проверкой дел «врагов народа».) Николай Герасимович вызвал начальника особого отдела Петрова и сказал: «Петров, во Владивостоке в тюрьме сидит Чернощек. Чтобы через месяц он стоял вот здесь, где ты стоишь!» Вот так Николай Герасимович помог мне.

В начале мая 1942 г. Николай Герасимович вылетел на Черноморский флот, который с наступлением фашистских войск на Керченском направлении оказался в сложном положении, нужно было на месте изучить обстановку и принять необходимые меры. Мы прибыли в Новороссийск, который почти безнаказанно подвергался бомбардировкам фашистской авиации. Выслушав доклад командира Новороссийской ВМБ капитана 1 ранга Г.Н. Холостякова, он сразу же отправился на командный пункт ПВО Новороссийска. Выслушав доклад начальника ПВО и изучив расположение зенитных батарей, Николай Герасимович сказал: «Немцы хорошо изучили дислокацию зенитных батарей и умело обходят опасные зоны зенитного огня. Нужно срочно переместить зенитные батареи на новые позиции, пожалуй, лучше всего вот сюда», — и показал места на плане города. «В течение ночи незаметно для немцев переместите батареи к рассвету, до налета фашистов». Начальник ПВО начал доказывать, что он эту работу к рассвету выполнить не в силах. Тогда Николай Герасимович

твердым голосом сказал начальнику ПВО: «Если к рассвету зенитные батареи не будут перемещены на указанные мной места, вы будете расстреляны». Начальник ПВО побледнел, а я был ошеломлен. «Поехали к Холостякову», — сказал он, и мы ушли с командного пункта ПВО. К рассвету начальник ПВО доложил, что все батареи установлены на указанные ему места.

Около 9 ч утра появилась большая группа фашистких бомбардировщиков, идущих с моря на Новороссийск. Мы выбежали на шоссе, откуда все было хорошо видно. С Николаем Герасимовичем были командующий авиацией ВМФ С.Ф. Жаворонков, командующий ВВС Черноморского флота В.В. Ермаченков, вице-адмирал С.П. Ставицкий и еще несколько человек. Мы с волнением и восторгом наблюдали, как падали фашистские бомбардировщики, сбиваемые зенитной артиллерией с новых мест расположения. Группа бомбардировщиков расстроилась и начала в беспорядке отходить в море. Но тут появились наши истребители, которые стали преследовать отходящие бомбардировщики и сбивать их. Враг потерял 6 или 8 бомбардировщиков. Николай Герасимович обратил внимание на три истребителя, которые умело маневрировали и сбили несколько бомбардировщиков. «Ермаченков, чьи это истребители? — спросил Николай Герасимович, — поедем в эскадрилью, поблагодарим летчиков-героев». Когда мы приехали в эскадрилью, весь личный состав был выстроен на летном поле, кто-то успел предупредить командира эскадрильи. В это время истребители совершали посадку. «Командир, представьте мне летчиков, сбивших фашистские бомбардировщики, и скажите, чем я могу их отметить?» — спросил Николай Герасимович. «Товарищ народный комиссар, — доложил весьма бойкий командир эскадрильи, — летчики — младшие командиры, они давно мечтают стать лейтенантами». В это время подошли три возбужденные боем летчика. Увидев живого народного комиссара, которого видели только на фотографии, они были крайне смущены. Николай Герасимович каждого поцеловал и перед строем объявил им благодарность, присвоил им звание «лейтенант» и наградил часами. «У тебя с собой нет часов?» — обратился он ко мне. «Нет», — ответил я. «По приезде в Москву дай указание Управлению кадров немедленно оформить присвоение званий, награждение часами и выслать часы. Кстати, необходимо отметить начальника ПВО за точное выполнение приказа в тяжелых условиях обстановки». Николай Герасимович всегда достойно отмечал заслуги людей.

Летом 1946 г. Николай Герасимович инспектировал Северный флот. Прибыли на одну из военно-морских баз.

Командир базы четко и бодро докладывал, что на базе все благополучно и нормально. «А как живут семьи командиров?» — спросил Николай Герасимович. «Нормально, товарищ Адмирал флота». Николай Герасимович посмотрел на командира базы лукаво и сказал: «Давайте пойдем к женам и послушаем, что они нам доложат». Зашли в одну из квартир. Не успели осмотреться, как квартира заполнилась женами с маленькими детьми из других квартир. Николай Герасимович обратился к ним: «Расскажите, как вы живете, какие у вас трудности?» Ну жены и начали «докладывать»: «Мы живем на сухих овощах, наши дети редко видят масло, мясо и молоко, посмотрите на них!» И прочие жалобы. Николай Герасимович терпеливо выслушал все жалобы и сказал: «Товарищи жены, обещаю вам сделать все возможное, чтобы улучшить снабжение ваших семей». Командир базы и его заместитель по политической части стояли, опустив глаза вниз, и интересно было знать, о чем они думали: ругали или хвалили своих боевых подруг за правдивый доклад. Мы возвратились в штаб. Николай Герасимович спокойно, не осуждая командование базы, сказал: «Вот жены сделали правдивый доклад. А вы — все благополучно, все нормально. Зачем обманывать себя и меня, говорите, как есть на самом деле, ведь не вы виноваты в плохом снабжении. Запомните, что от благополучия в ваших семьях, от настроения ваших боевых подруг намного зависит боеспособность вашего соединения». Встретившись с командующим флотом, Николай Герасимович дал ему указание: впредь семьям командиров в отдаленных базах выдавать по два пайка из неприкосновенного запаса. В Москве Николай Герасимович такое же указание дал своему заместителю по материальному снабжению С.И. Воробьеву. Тот предупредил, что будут большие неприятности, но Николай Герасимович сказал: «Благополучие семей командиров, боеспособность флота для меня выше, чем мое благополучие». Потом уже А.И. Микоян пожурил Николая Герасимовича и порекомендовал ему впредь в подобных случаях испрашивать разрешения Правительства.

В соединении контр-адмирала Заостровцева были осуждены и отправлены в штрафной батальон три матроса за то, что они, увидев, как два хулигана избивали офицера их части, вступились в защиту его, изрядно расправившись с хулиганами, которыми оказались сотрудники НКВД. Николай Герасимович по кремлевскому телефону позвонил М.И. Калинину и обратился с просьбой о помиловании матросов. Михаил Иванович посоветовал написать ходатайство в Комиссию по помилованиям Верховного Совета СССР. Это было быстро сделано. Матросов освободили и вернули в соединение. Заостровцеву было сделано

порицание за бездеятельность в этом случае.

Летом 1946 г. Николай Герасимович, В.Ф. Трибуц и несколько командиров штаба флота возвращались из Хельсинки или из Ханко (уже не помню) на большом охотнике в Таллин. Вдруг корабль правым бортом коснулся камня. Корабль накренился так, что все мы упали на палубе и едва не вывалились за борт. Трибуц в ярости набросился на флагманского штурмана флота, который и без того был потрясен случившимся. Николай Герасимович спокойно, как всегда, сказал: «Трибуц, что кипятишься, что напал на человека?! Может быть, вешка вчерашним штормом смещена или какой-либо финский злоумышленник переставил. Надо проверить». Проверка показала, что вешка была действительно смещена.

В декабре 1941 г. ко мне зашли батальонный комиссар и два матроса. Это оказалась депутация от одной из морских бригад морской пехоты, оборонявших Москву. Они от имени бойцов бригады привезли Николаю Герасимовичу подарок — новенький немецкий автомат с выгравированной на нем соответствующей надписью.

Батальонный комиссар доложил, что матросы и офицеры бригады послали их, чтобы вручить Народному комиссару подарок, но, знаете ли, нам как-то страшно. «Что страшно?» — спросил я. «Да мы еще ни разу не видели его живого, только на фотографиях». «Нет, не бойтесь, народный Комиссар очень добрый человек, он будет вам рад». Я доложил Николаю Герасимовичу. Он сказал присутствующим у него посетителям: «Товарищи, на минуту прервем доклады, прибыли делегаты с фронта, надо их принять». Делегаты, крайне смущенные, зашли в кабинет. Все встали. Николай Герасимович вышел из-за стола и подошел к делегации. Он очень тепло приветствовал их, принял подарок и расспросил о боевых делах бригады. Затем он также тепло с ними простился, передал бойцам и офицерам благодарность за подарок, привет и добрые пожелания, затем дал мне указание покормить их как можно лучше. Делегация ушла, растроганная оказанным приемом.

В конце 1946 года А.А. Жданов и нарком обороны Булганин вызвали Николая Герасимовича в Кремль и потребовали доложить, как были допущены такие-то недостатки и кто в этом виноват. С Николаем Герасимовичем были Л.М. Галлер, И.В. Рогов, вице-адмирал Исаченков и еще несколько человек, и в их числе я.

Николай Герасимович доложил причины, которые вызвали недостатки, и сказал: «В возникновении недостатков виноват только я». «А почему вы?» — спросил Жданов. «Я возглавляю ВМФ

и за все недостатки, которые возникают в ВМФ, ответственность несу я». А.А. Жданов возражал Николаю Герасимовичу, не соглашаясь с тем, что всю ответственность он берет на себя. Вдруг Рогов выступает и говорит, что Николай Герасимович действительно не принял должных мер, чтобы не допустить эти недостатки. Мы были шокированы выступлением Рогова. Жданов резко поворачивается к Рогову и задает ему вопрос: «А вы кто такой?» Рогов растерялся и говорит: «Я — заместитель по политической части и начальник политотдела ВМФ». «Так что же, вы не виноваты, вы к этому непричастны? Для чего вы там находитесь?» Через неделю Рогов был назначен в Прибалтийский военный округ (если мне не изменяет память).

Несколько наших училищных товарищей: Б. Птохов, Ф. Кравченко, И. Зайдулин, Д. Вдовиченко пристрастились к вину. Они не могли справиться со своим недугом. Это были хорошие товарищи и очень способные офицеры, достигшие ответственных должностей. Николай Герасимович ценил их. Он переживал их несчастье и делал все возможное, чтобы помочь им стать на ноги, но ничего не получилось. Они были сняты с занимаемых должностей, а некоторые из них уволены из ВМФ.

Вспоминаю капитана 1 ранга Б. Птохова. Это был добрый товарищ и очень способный офицер, с которым я еще с училища поддерживал дружеские отношения. Я пытался ему помочь справиться со своей болезнью, но ничего не получилось. Он был уволен из ВМФ, заболел туберкулезом, потом перестал пить, но было уже поздно. Я переживал за его жену и сына-подростка, которые тяжело переносили трагедию своей семьи.

Как-то Николай Герасимович прибыл в Ленинград. Улучив свободное время, я поехал навестить своего друга. Встреча была безрадостная. Он рассказал, как тяжело переживает происшедшее с ним несчастье, как много переживаний причинил жене и сыну, что он уже прекратил пить, что чувствует, что жить ему уже осталось мало, что его мечта — вернуться во флот и умереть в его рядах, чтобы как-то искупить свою вину перед сыном, который мечтает стать моряком. «Я хотел обратиться к Николаю Герасимовичу с просьбой восстановить меня во флоте, но не могу решиться, уж очень много я, Зайдулин и другие принесли ему неприятностей», — сказал Птохов и заплакал.

Я приехал очень расстроенный. Николай Герасимович заметил и спросил: «Что это ты такой хмурый, что случилось?» Я все рассказал Николаю Герасимовичу. Он внимательно меня слушал. Набравшись смелости, я сказал: «Николай Герасимович! Я никогда не обращался к вам с личной просьбой, но сейчас прошу вас, восстановите Птохова в кадрах». При разговоре

присутствовал его заместитель по кадрам Абанькин, который меня поддержал. Николай Герасимович молчал и смотрел на меня, а потом сказал: «Ну, хорошо. Пусть завтра Птохов ко мне явится».

Николай Герасимович принял Птохова, внимательно его выслушал. Не делая никаких упреков и предупреждений, сказал: «Ну, добро! Выбирай работу по силам», — и подписал приказ о восстановлении Птохова в кадрах, который был уже подготовлен. Птохов работал два или три года и умер в возрасте 42-х лет. Л.М. Галлер был весьма доволен работой, которую выполнил Птохов.

Адмирал Харламов, обязанный Николаю Герасимовичу адмиральскими погонами и своим благополучием, был направлен в Генеральный штаб на должность заместителя начальника Генштаба по военно-морским вопросам. Однажды Харламов за своей подписью присылает Николаю Герасимовичу бумагу: «Первому заместителю Народного Комиссара Обороны и Главнокомандующему ВМФ СССР. Распоряжение». Я положил Николаю Герасимовичу документ на стол, возмущенный бестактностью Харламова. Николай Герасимович позвонил Харламову и сказал ему как всегда спокойным, но твердым голосом: «Харламов! Я удивлен вашей бестактностью. Я вас направил в Генштаб, я вас оттуда и уберу, если позволите себе еще раз подобное».

Занимая высокое служебное положение — командующего ТОФ, народного комиссара ВМФ, являясь членом ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР, — Николай Герасимович оставался простым, доступным и внимательным к людям человеком: был тверд, решителен и правдив, смело высказывал правду в глаза любому. Если требовали интересы флота, дела, он почти без колебания допускал поступки и принимал решения, зная, что они неизбежно вызовут лично для него неприятные последствия.

Николай Герасимович был сторонник радикального, реального комплексного переустройства структуры ВМФ, быстрого внедрения в развитие его боевой мощности последних достижений науки и техники, в частности, ядерной энергии.

Николай Герасимович терпеть не мог подхалимов, ловкачей, приспособленцев, бездельников и хитрецов. Но он с уважением относился к деловым, инициативным и решительным людям. Терпеливо выслушивал их предложения и рекомендации, даже те, которые выходили за пределы возможного. Дельные, полезные предложения он принимал и содействовал их внедрению.

Николай Герасимович не допускал грубости и унижения человеческого достоинства, оскорблений и угроз даже по

отношению к тем, кто этого заслуживал. Он наказывал только в том случае, когда иначе поступить было нельзя, причем наказанный уходил убежденный в справедливости наказания.

Николай Герасимович был чуток к человеческому горю. Он решительно выступал в защиту людей, попавших в беду, и немедленно подавал руку помощи. Давал разрешение на привлечение к суровой ответственности провинившихся только тогда, когда убеждался, что другого выхода нет. Иногда он брал всю вину на себя: «Я — народный комиссар, и во всех недостатках, допущенных в наркомате, виноват прежде всего я». Но он никогда не оставлял безнаказанным истинных виновников, допустивших недостатки.

Николай Герасимович не был злопамятным человеком, он никому не мстил и ни с кем не сводил личных счетов. Стойко, не показывая вида, переносил он неприятности, обиды и неблагодарность людей, обязанных ему своим положением и благополучием. Он никогда не жаловался на допущенную по отношению к нему несправедливость и терпеть не мог сочувствия.

Николай Герасимович бережно хранил в памяти товарищей по училищу, академии, по службе, и людей, когда-либо вызвавших к себе его симпатию. Он мне не раз говорил: «Елисей! Как поживают наши училищные товарищи, сколько нас еще осталось в живых?» Если кто из них нуждается в помощи, то помоги, если сам не сумеешь, то скажи мне».

Николай Герасимович прожил большую, трудную и красивую жизнь, жизнь человека высоких моральных качеств, душевной красоты, чистоты и обаяния. Его жизнь достойна подражания для военных моряков — флотоводцев настоящего и будущего поколений.

Ю.А. Пантелеев. Человек несгибаемой воли [54]

Бывает так — встречаются люди в ранней молодости, а затем жизненные циклоны разносят их в разные стороны, но связи не теряют, хотя иногда и на больших расстояниях, но хорошо видят друг друга. Так случилось и у меня с Николаем Герасимовичем Кузнецовым.

Был мрачный, прохладный осенний день 1926 г. в городе Николаеве. Большая старинная казарма из красного кирпича с высокими потолками располагалась далеко за городом, ни домами, ни лесом не окруженная. В казарме этой размещалась команда крейсера «Червона Украина», достраивавшегося на Николаевском судостроительном заводе на р. Буг. Корабль должен был в ближайшее время войти в состав Черноморского флота. Ежедневно для укомплектования экипажа крейсера в казарму прибывали партии матросов разных специальностей и группы командиров, окончивших военно-морские училища.

Поеживаясь от сырого прохладного воздуха, я сидел с рассыльным краснофлотцем в комнате дежурного командира по команде, попивая крепкий флотский чай и периодически подбрасывая в большую печку сухие поленья дров. Казарма тогда еще не имела парового отопления, поэтому там стояли десятки большущих старинных печей. Старший помощник командира крейсера был болен, и я его замещал. И вот слышу громкий бодрый голос в коридоре: «Где у вас командир помещается?» Кто-то ответил: «А вот в конце коридора открывается дверь». Не прошло и минуты, как в комнату бодро вошли три молодых стройных командира, держа в руках какие-то документы. По блестящему, наглаженному форменному обмундированию и особенно брюкам со складкой-стрелкой, блестящим, еще не мытым двум нашивкам на рукавах я сразу понял, что прибыли служить молодые вахтенные начальники, только что окончившие Военно-морское училище имени М. В. Фрунзе. Они еще застали собиравшегося покинуть казарму командира крейсера Н.Н. Несвицкого. Он посмотрел предписания командиров и на каждом из них написал краткую резолюцию «Ст. пом.» Это означало — идите к старшему помощнику. Так как никаких других указаний дано не было, молодежь и явилась ко мне. Зная «разговорчивость» Несвицкого, по существу, очень доброго человека, но до крайности молчаливого, и видя смущение прибывших, я постарался сгладить их первое впечатление, ибо все это сам

пережил год тому назад. Выше, представительнее других мне показался Кузнецов Н.Г. Я даже про себя подумал: «Прямо гвардеец какой-то». Он оказался и разговорчивее своих товарищей. Спрашиваю: «Как доехали, обедали ли?» Вижу смущенную улыбку, двое молчат, а Николай Герасимович прямо объявил: «Признаться, ничего не ели еще». Меня подкупила такая откровенность, я даже ей обрадовался. «Чудесно, сейчас все организуем», — ответил я и вызвал к себе дежурного по камбузу. Хотя ужин команды уже закончился, но прибывшие были накормлены. Через некоторое время ко мне явился Кузнецов и от имени прибывших поблагодарил за ужин. На вечерний чай я пригласил Кузнецова к себе в комнату дежурного по команде. Рассказал ему о крейсере, его командире и специалистах. Кузнецов поведал мне о последних днях в училище, об общих знакомых по Балтике. Кузнецов, оказывается, очень любил парусное дело и, будучи курсантом, любил ходить на шлюпке под парусами. А ведь парус был и моим увлечением. Это, конечно, сделало нашу беседу живой и сблизило нас. Пробеседовав до ночи, чувствовалось, что мы познакомились довольно близко и, видимо, взаимно были удовлетворены.

На заводе шла приемка различных механизмов строящегося крейсера. В этой ответственной работе в специальных комиссиях участвовали все командиры крейсера. Н.Г. Кузнецов участвовал в приемке пожарной системы и еще чего-то. Работали мы целыми днями до темноты. Иногда днем, встречаясь с Кузнецовым, я стал замечать, что он не производит впечатления робкого новичка, голос его звучит уверенно, что ему не ясно — он спрашивает у заводских инженеров. Я давно был знаком с председателем комиссии по наблюдению за строительством корабля (сокращенно: комнаб) Дроздовым — симпатичным корабельным инженером очень высокого роста. Так вот, как-то, идя вместе с завода домой и делясь впечатлениями о ходе приемок на корабле, он мне говорит: «Вы, Юрий Александрович, давно знаете Кузнецова?» Я ответил, что знаю его не более двух месяцев. Дроздов помолчал, а затем произнес: «Удивительно хорошее произвел на меня он впечатление… довольно скромен и очень деловой, разбирается во всем до деталей, совсем не так, как другие. Вот увидите этот пойдет далеко». Я согласился с Дроздовым и стал еще больше приглядываться к новому вахтенному начальнику. Прогноз вскоре оправдался. Крейсер, вступив в строй, начал усиленно проводить боевую подготовку, часто выходить в море. С нами выходил в море и командующий флотом М.В. Орлов. Он тоже внимательно приглядывался к вахтенному начальнику Кузнецову, к тому, как смело и

решительно он отдает команды рулевому и сигнальщику. После одного из многодневных выходов в море комиссар крейсера Кедрин, очень общительный человек, сообщил на мостике командиру, что комфлот обратил свое внимание на Кузнецова и сказал Кедрину, чтобы тот посматривал за ним. «Из него выйдет толк», — добавил Орлов, прощаясь с комиссаром. Все это я отчетливо слышал, так как был старшим штурманом крейсера и по должности стоял на мостике рядом с командиром. А волевые качества у Николая Герасимовича действительно проявлялись и совершенствовались с каждым днем его службы на корабле. Мне хорошо помнится один эпизод из нашей совместной службы. В годы строительства флота вахтенных начальников с законченным военно-морским образованием не хватало. Поэтому вахту часто несли командиры из бывших унтер-офицеров царского флота — специалистов своего дела, но вахтенную службу на ходу они знали плохо, особенно навигацию и лоцию. Поэтому штатные командиры-штурманы, имевшие неспециальное образование, чувствовали себя на мостике полными хозяевами, на вахтенных начальников обращали мало внимания и отдавали команды рулевым и сигнальщикам, минуя вахтенного начальника. В те часы на вахте стоял Н.Г. Кузнецов. Определив место корабля и получив разрешение командира поворачивать на новый курс, я отдал непосредственно рулевому команду ложиться на такой-то курс. Кузнецов все это слышал и молчал. Когда крейсер лег уже на новый курс, он отозвал меня на крыло мостика и не грубо, но очень четко и негромко сказал: «Послушай, Пантелеев, на вахте стою я и за движение корабля отвечаю по уставу… команды рулевому об изменении курса должен подавать я… иначе я здесь не нужен, да это требует и устав… если ты не согласен, придется доложить командиру…» Кузнецов был абсолютно прав, я тоже хорошо знал устав. Нас — штурманов — избаловали приведенные выше обстоятельства, и мы перестали как-то считаться с вахтенными начальниками. Я улыбнулся и, помню, ответил тогда Николаю Герасимовичу: «Ладно, ты прав, учтем». Найдя удобную минуту, я тогда же рассказал о нашем разговоре командиру крейсера. Он выслушал меня и как всегда буркнул: «Что же, Кузнецов прав, учтите». Отношения наши не испортились.

Через некоторое время Н.Г. Кузнецов был назначен старшим вахтенным начальником крейсера и в этой должности вскоре показал свои достоинства. Обучая краснофлотцев гребле и хождению под парусом, я заметил, что шлюпка Н.Г. Кузнецова всегда обгоняла шлюпки других рот как под веслами, так и под парусом. Среди командиров в кают-компании о Кузнецове заговорили как о молодом, но дельном моряке, любящем морское

дело, море и корабль. Кают-компания у нас была очень дружная. По вечерам мы собирались в ней. Кто-нибудь играл на пианино, другие подпевали любимые песенки. Правда, играли плохо и пели несвязно, но Николай Герасимович любил петь какие-то свои песенки, мы подтягивали ему. Некоторые командиры были остроумными рассказчиками каких-либо историй из своей жизни, вызывавших общее оживление и смех. Николай Герасимович очень любил военно-морскую историю, видимо, он много читал о морских войнах прошлого. Мы разбирали события, разбирали и критиковали действия иностранных флотоводцев. Заводилой этих, по существу, научных дискуссий всегда был Н.Г. Кузнецов. Мы много — до хрипоты — спорили, но все это как-то сближало нас, и все мы становились друзьями.

Но особенно ярко Н.Г. Кузнецов проявил себя в Константинополе, куда в мае 1927 г. с визитом пришли крейсер «Червона Украина» с тремя миноносцами для сопровождения в Афганистан Аманнулы-хана. В один из вечеров старший помощник командира М.М. Оленин с группой командиров были приглашены турецкими офицерами на дружеский вечер. За старпома остался старший вахтенный начальник Н.Г. Кузнецов. И представьте наше удивление, когда, возвращаясь ночью на корабль, мы увидели крейсер стоящим на рейде совершенно без огней, на палубе, видимо, были разнесены пожарные шланги, ибо с бортов лились струи воды, из трубы вылетали крупные искры, и видно было, как по палубе метались темные фигуры моряков. На катере воцарилась гробовая тишина. Старпом Оленин мрачно произнес: «Неужели командир затеял ночью пожарную тревогу, да еще в Турции…» Не верилось, но что-то страшное случилось. На крейсере в тот день поздно вечером вспыхнул пожар в кочегарке рядом с артпогребом.

Горшков тоже был на берегу, за него остался трюмный механик Н.Л. Лобановский. Н.Г. Кузнецов, услыхав пожарную тревогу, немедленно кинулся в кочегарку и стал принимать решительные меры по ликвидации пожара. Затем вызвал боцманскую команду и сумел быстро накрыть чехлом трубы, чтобы прекратить доступ воздуха к месту пожара. Перегородки соседнего артпогреба сильно нагрелись, угрожая взрыву боезапаса. Н.Г. Кузнецов не растерялся и приказал немедленно включить орошение. Температура переборки стала падать, и вскоре пожар вообще прекратился. Н.Г. Кузнецов приказал форсировать введение второго котла, и через короткое время свет вновь оживил корабль. Убрали шланги и приступили к приведению труб в порядок. Они от пожара, конечно, потеряли свой обычный блеск, покрылись обгорелой краской. Утром все

сияло чистотой, а турки так и не узнали о нашем пожаре, приписав почти часовое затемнение обычной учебной тревоге. Это происшествие подняло авторитет Н.Г. Кузнецова в глазах всего личного состава главным образом за быстроту, смелость и решительность всех правильных действий.

Осенью 1929 г. мы участвовали в большом учении флота в районе Одессы. На корабле присутствовали народный комиссар обороны К.Е. Ворошилов и еще ряд высокопоставленных военных деятелей. По ходу учения нужно было быстро спустить баркас, посадить в него десант и высадить у Дофиновского лимана. Командир поручил это осуществить Н.Г. Кузнецову. На мостике находился К.Е. Ворошилов с сопровождающими его начальниками, которые внимательно следили за всеми действиями Николая Герасимовича. Погода была не бурная, но с моря шла волна, крейсер без хода качало, и спустить баркас, посадить в него несколько десятков моряков с оружием было далеко не просто. Но Н.Г. Кузнецов с этой операцией блестяще справился. Когда он вернулся с берега, его вызвал на мостик К.Е. Ворошилов, и мы все видели и слышали, как он, пожав Н.Г. Кузнецову руку, сказал: «Товарищ Кузнецов! Вы уже стали опытным моряком, операцию провели успешно. Благодарю вас и передайте благодарность краснофлотцам!»

После учения все начальство съехало с корабля, и мы вошли в Одесский порт. За день до ухода домой в Севастополь была получена телеграмма из Москвы о том, что Н.Г. Кузнецов принят в Военно-морскую академию и ему разрешалось срочно выехать в Ленинград прямо из Одессы. Вечером все командиры собрались за чаем в кают-компании, организовав таким образом нечто вроде прощального ужина. Николаю Герасимовичу сказано было много теплых слов, пожеланий, вспоминали разные интересные комические и трагические случаи из нашей совместной службы на крейсере. Поздно вечером, провожаемый всеми командирами крейсера и краснофлотцами роты, которой командовал Н.Г. Кузнецов, он, очень растроганный, покинул корабль. Все мы ясно видели, какое искреннее расположение и любовь снискал к себе Николай Герасимович.

Я задумался над тем, чем он этого достиг, что особенного сделал? После отъезда Н.Г. Кузнецова мы часто по вечерам вспоминали его и по-разному судили. Создалось общее мнение, что Николай Герасимович был очень прост с людьми, бесхитростен, правдив. Он всегда был готов в большом и малом помочь и помогал товарищам во всем. Н.Г. Кузнецов не умел и не пытался хоть как-нибудь подхалимничать перед начальством или заискивать перед подчиненными. Он мог быть и груб в разговоре

с товарищами, но я ясно видел и чувствовал, что это была какая-то искренняя, теплая грубость, и обижаться на нее никто не мог. Больше того, он не боялся и возражать начальству, если чувствовал себя правым. Как-то на одном из учений присутствовал командующий флотом Орлов. Крейсер должен был развить полный ход. Корабль дрожал всем своим корпусом, стрелка указателя скорости ползла вверх и остановилась на цифре 30. Орлов обратился к командиру дивизиона: «Товарищ Шельтинга, это что — предел скорости?». Не подумав или забыв, он сразу ответил: «Так точно». Рядом на мостике стоял вахтенный начальник Н.Г. Кузнецов. Орлов задумался и обратился к нему: «Товарищ Кузнецов, а вы, помнится, на партсобрании говорили, что дали 31 узел, ведь один узел в бою может сыграть решающую роль, комдив забыл или я не понял его?» Николай Герасимович, не смутившись, своим четким волевым голосом ответил Орлову: «Так точно, командир дивизиона, видимо, ошибся, крейсер может 31 узел». Орлов снисходительно посмотрел на Шельтингу, ничего не сказав. Через несколько минут стрелка прибора поползла на 31-й узел. Н.Г. Кузнецов не побоялся испортить отношения с комдивом и доложил правдиво. И подобных случаев я мог бы вспомнить множество. Эта прямота высказывания своих мыслей была основной чертой его характера и, к сожалению, в дальнейшей его службе только портила отношения с начальством, которое не хотело вникнуть в существо дела.

Через год после Н.Г. Кузнецова я тоже поступил в академию, и мы опять встретились с Николаем Герасимовичем. Он пользовался у преподавателей и слушателей большим уважением, его смелые высказывания по различным теоретическим вопросам военно-морского дела вызывали интерес, несмотря на то, что он был только слушателем академии.

Французский язык Н.Г. Кузнецов, В.А. Алафузов и я изучали вместе у француза месье Гобара. Он очень был доволен успехами Николая Герасимович, поругивая меня и Алафузова за нашу якобы леность.

После окончания академии мы снова были направлены на Черное море. Н.Г. Кузнецов по его личной просьбе был назначен старшим помощником командира крейсера «Красный Кавказ». Конечно, он мог бы проситься и на другую должность, но Николай Герасимович хотел пройти всю корабельную службу строго последовательно. Служил он очень хорошо и инициативно, командир крейсера Заяц ему во всем доверял, предоставив полную самостоятельность.

Комфлот И. Кожанов, плавая на крейсере, внимательно наблюдал за новым старпомом и, помню, не раз ставил его в

пример на различных собраниях и учебных сборах.

Через несколько кампаний, осенью 1933 г., Н.Г. Кузнецов был назначен командиром крейсера «Червона Украина», а я в то время командовал 2-й бригадой подводных лодок, и мы на всех учениях флота часто встречались с Николаем Герасимовичем. Командующий флотом И. Кожанов на разборе всех больших учений всегда отмечал действия крейсера «Червона Украина» и его командира как правильные и решительные.

В 1936 г. совершенно неожиданно для нас мы надолго расстались с Николаем Герасимовичем. Его вызвали в Москву, и он уехал в Испанию, будучи назначен военно-морским атташе. По рассказам моих друзей, как моряков, так и армейских командиров, в своем поведении Николай Герасимович оставался во всем себе верен, и у испанских офицеров, и у их морского министра быстро завоевал авторитет и глубокое к себе уважение своим спокойным, смелым тоном в суждениях и дружеским ко всем отношением, без всякого намека на превосходство. Он скоро стал всеобщим любимцем как советских, так и испанских офицеров. Мой друг детства Н.А. Питерский рассказывал: «Бывало какой-либо испанский командир корабля заупрямится в выполнении моих рекомендаций, я тогда говорю ему: «Хорошо, не делайте, я только доложу Николасу». Испанец брал меня за рукав и экспансивно говорил: «Не надо, не надо, я подумаю». В результате делал так, как было нужно». И подобных случаев, рассказанных мне адмиралами, бывшими в Испании, было много.

После Испании Николай Герасимович был назначен сперва заместителем, а затем командующим Тихоокеанским флотом. Как я полагаю, с этого быстрого продвижения по службе и начались все личные неприятности у Николая Герасимовича. Не будучи ни в чем лично виновен, он, естественно, с большой тягостью переживал все несправедливости по службе. Внешне ничем это не выдавалось. Как всегда Николай Герасимович был ровен, строг и справедлив к людям, не заискивал ни перед кем, оставался прямым в суждениях.

На ТОФ он пробыл недолго, в 1939 г. Николая Герасимовича назначили народным комиссаром ВМФ. Было тогда ему всего 35 лет. Количество недругов, завистников стало увеличиваться, но Николай Герасимович их просто не замечал.

На флотах назначение Н.Г. Кузнецова было воспринято очень положительно. Офицеры прямо говорили, что наконец-то нашли флотского человека для руководства флотом, а то ведь обидно было видеть, как флотом пытались долгое время руководить совершенно случайные люди, абсолютно не знавшие флота, ни его жизни, ни людей, не окончившие ни академии, ни военно-

морских училищ. В этом смысле Н.Г. Кузнецов, конечно, всех на флоте удовлетворял как окончивший военно-морское училище, академию и командовавший кораблем и флотом. Морякам по душе пришлись первые же распоряжения молодого наркома ВМФ. Не знаю, с чьего согласия, но в конце 30-х годов на кораблях, по существу, были ликвидированы офицерские кают-компании. Они остались только как столовые, а в остальное время в них проводились партийные и комсомольские собрания и совещания. Короче говоря, кают-компания была занята весь день и офицерам собраться было просто негде. Наверно, Николай Герасимович, узнав об этом, вспомнил, какая была у нас на крейсере «Червона Украина» кают-компания, какую большую роль она играла в воспитании и образовании офицерского состава. Приказом наркома ВМФ предписывалось восстановить кают-компании, организовать в них чтение лекций на военно-политические темы и сделать ее местом воспитания офицерского состава.

Далеко не всем политработникам понравилось это совершенно правильное решение наркома, началась скрытая критика Николая Герасимовича. Знаю, что в Москве пытались воздействовать на Н.Г. Кузнецова, чтобы он отменил это решение, но он остался непреклонен в своем решении, объясняя всю историю кают-компании и ее роль в создании крепкого коллектива офицерского состава, что в боевой обстановке имело большое значение.

Хорошо помню еще одно принципиальное решение Н.Г. Кузнецова. В пространной телеграмме, разосланной по флотам, Николай Герасимович писал о том, что глубокой осенью, когда кончалась летняя кампания, все корабли ставились в заводы на ремонт или ремонтировались своими силами. Начальствующий состав уезжал в отпуска или на различные курсы усовершенствования. Короче говоря, флот оставался небоеспособным. Помню, нарком ВМФ спрашивал в телеграмме: почему все решили, что войны осенью и зимой не будет? Это совершенно нелогично. И далее нарком ВМФ установил процент кораблей, которые могут быть в ремонте, остальные должны плавать, стрелять из орудий и торпедных аппаратов. Это было для флотов большой новостью, и прогрессивная часть офицерского состава, истинные моряки, восприняли ее, я бы сказал, тоже с энтузиазмом. Я командовал тогда Тихоокеанским флотом и помню, с каким интересом мы вышли с тремя эсминцами на артиллерийскую стрельбу при очень сильном морозе, но артиллеристы справились с поставленной задачей. Корабль весь обледенел и выглядел как-то фантастически. Придя на базу, мы сфотографировали обледенелые корабли и послали фото Н.Г.

Кузнецову. По телефону Николай Герасимович мне объявил: «Послушайте, Пантелеев, чем вы хвастаете? Тем, что ваши корабли могут воевать в мороз? Вряд ли наши враги спросят нас, когда им наступать…» Несмотря на холодность тона, я учуял, что нарком доволен, а это мне было важно.

Во время моей службы в Главном морском штабе (ГМШ) я был свидетелем одного события, касавшегося не только меня, но и Н.Г. Кузнецова. В начале мая 1943 г. фашисты потопили на Волге несколько барж с жидким топливом. Тысячи тонн нефти горели и текли по Волге. Сталин был этим очень возмущен, собрал Политбюро, очень резко разговаривал с Н.Г. Кузнецовым, приказал немедленно снять командующего Волжской военной флотилией и в тот же день на вечернем, точнее ночном, заседании представить на утверждение нового кандидата. Никаких подробностей об этом заседании я не знал, а Николай Герасимович ни о чем меня не предупредил. Хорошо помню, что ночью в первых числах мая, когда вся семья уже спала, зазвонил телефон и мужской грубый голос сообщил, что через 20 минут за мной заедет майор (фамилии не помню). Я, конечно, кинулся искать по телефону наркома ВМФ, но его нигде не было. Действительно, через 20 минут за мной приехал какой-то майор, и на большой темной машине мы помчались в Кремль. Из самолюбия я ничего не спрашивал, настроение было, конечно, плохое, да еще темная военная Москва наводила тоску. Не успел я опомниться, как очутился в светлой комнате, где сидело много военных в форме НКВД. Меня попросили подождать. В перерыве вышли все члены Политбюро, и с ними шел Николай Герасимович. Он разговаривал с А.И. Микояном, меня, видимо, не заметил, но я хорошо знал наркома, видел, что он чем-то возбужден, покраснел и говорил с несвойственной ему экспрессией. Очень скоро все члены Политбюро вновь прошли в кабинет И.В. Сталина, и через пару минут туда пригласили меня. Почти у входных дверей мне предложили сесть. Я оглядел комнату и узнал всех членов Политбюро, сидевших за большим столом. У большой кафельной печки, прислонясь к ней спиной и опершись руками на спинку стула, в очень возбужденном, как мне показалось, состоянии во весь рост величественно стоял наш нарком ВМФ. Я смотрел на него и ожидал, что он объяснит мне причину моего здесь присутствия, но Николай Герасимович на меня даже не взглянул. А на меня посыпалось много самых различных вопросов о моей службе на флоте и бывал ли я на Волге. Я ответил, что Волги я в глаза не видел и никогда по ней не плавал. После этих моих слов взоры всех членов Политбюро обратились к стоявшему наркому ВМФ Н.Г Кузнецову. Помню,

кто-то спросил: «Кузнецов, как же так?» Тут Николай Герасимович как-то еще больше выпрямился, на шаг отошел от печки, строго обвел всех глазами и громко, но спокойным тоном заявил: «Я уже докладывал товарищу Сталину, что «рекаков»[55] у меня нет, а любой опытный моряк-адмирал, уже воевавший, безусловно, справится с флотилией, и я предлагаю утвердить командующим Волжской военной флотилией контр-адмирала Пантелеева». Наступила гнетущая для меня пауза. Николай Герасимович вновь прислонился к печке и ни на кого не смотрел. Мне предложили выйти в приемную. Что еще говорил Николай Герасимович, я не знаю, но вышел он из кабинета в бодром настроении, краска с лица сошла, он приветливо улыбнулся мне и коротко сказал одно слово: «Поехали». И только в машине, обернувшись ко мне, он уже спокойным тоном произнес: «Ну, Пантелеев, поздравляю, вас утвердили в должности командующего Волжской флотилией, не подведите…»

Конечно, Николай Герасимович не рассказал мне, сколько горьких слов выслушали он и нарком речного флота З.А. Шашков от Сталина за потерянную нефть на Волге и за недостаточную помощь военных моряков речникам.

8 мая рано утром нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов, нарком речного флота З.А. Шашков и я вылетели в Сталинград. Наркомы всю дорогу о чем-то оживленно беседовали, я же молча сидел сзади. Полет был тяжелый, но прилетели мы благополучно, и я рад был, что Николай Герасимович вновь обрел свой тон речи, величавость внешнего вида и знакомое мне спокойствие.

За продвижением нефтяных барж, следовавших по Волге из Астрахани в Саратов на нефтеперегонный завод, следило много начальства, ежедневно звонили Микоян, Кузнецов и из Генерального штаба. Горючее требовалось армии, авиации и флоту, без него нельзя было начать большое наступление. Николай Герасимович пробыл на Волге несколько дней, принял решительные меры по техническому и боевому усилению флотилии всем необходимым имуществом. Для помощи мне он вызвал из Москвы начальников управления ВМФ: минно-торпедного, технического, связи и противовоздушной обороны. Все они прилетели с необходимой нам материальной частью.

Волжская военная флотилия широко развернула свою деятельность, баржи с нефтью перестали подрываться на немецких минах. Был все же один интересный случай, характеризовавший выдержку нашего наркома.

Прошла неделя, Николай Герасимович собирался улетать в Москву, и вдруг как-то утром, еще до моего доклада наркому, начальник штаба флотилии В. Григорьев докладывает, что только

что взорвалась на мине канлодка «Красный Дагестан» — старый колесный пароход. Он разлетелся на части, и его детали мы находили на деревьях в лесу, вдали от реки, вся команда погибла, не нашли даже трупов — сила взрыва 500-килограммовой немецкой мины, да еще на мелком месте, была колоссальной. Конечно, расстроенный, я пошел на доклад к наркому — это была первая катастрофа. Николай Герасимович выслушал меня внимательно, спросил, было ли место гибели ранее протралено, а затем, обратив внимание на мой расстроенный вид, проговорил: «Слушайте, Пантелеев, неужели вы думаете, что от того, что вы вступили в командование флотилией, корабли не будут взрываться и фашисты не будут ставить мины? Это было бы более чем наивно, возьмите себя в руки, не к лицу командующему так скисать… давайте лучше завтракать». Чувствуя, что у меня в горле появился какой-то комочек, так как я ожидал превеликого «разноса», хотя виновным себя в этой драме считать не мог. Выяснилось, что тральщики 10 раз тралили злополучное место, но мина не взорвалась. Оказалось, что она была какой-то большей кратности действия. Это все мы учли, тралили фашистские мины до 15 раз, мины подрывались иногда и на пятнадцатом проходе тральщика. В результате принятых мер по тралению мин за все лето ни одна баржа с нефтью не подорвалась. В этом была большая заслуга и Николая Герасимовича, ибо он даже из Москвы ежедневно по ВЧ интересовался всеми делами флотилии и немедленно оказывал реальную помощь во всех наших нуждах.

Однажды нарком ВМФ спросил меня, сколько орденов и медалей я израсходовал, награждая офицеров и матросов за подрывы фашистских мин? Я ответил, ожидая упрека за большое число врученных наград. После паузы Николай Герасимович говорит мне: «Вы, наверно, считаете, что Правительство дало вам разрешение награждать от имени Верховного Совета СССР орденами как памятными значками?» — и с сарказмом продолжал: «Если вы бережете ордена себе и своему штабу на конец кампании, то неостроумно — орденов хватит. Если законно израсходуете, то пришлем еще». Признаться, по неопытности я был вначале скуп на награждение орденами. Николай Герасимович нас поправил, и мы в итоге никого не обидели.

Два раза в течение лета прилетал Н.Г. Кузнецов на Волгу проверять на месте, как выполняются его указания и как вообще идут дела по очистке реки от мин. Чувствовалось по всему тону разговора, что нарком ВМФ был доволен флотилией. Осенью, когда из-за льда плавание прекратилось, многие из руководства и личного состава флотилии были заслуженно награждены боевыми орденами и отмечены присвоением очередных воинских

званий.

Время летит быстро, и через год — в августе 1944-го — будучи вице-адмиралом, я был назначен командующим Беломорской военной флотилией (БВФ). Организационно БВФ подчинялась командующему Северным флотом. В связи с тем, что фашисты прервали железнодорожную и телефонную связь Москвы с Полярным, все распоряжения из Москвы шли по ВЧ через Архангельск. Мне часто приходилось выслушивать от наркома ВМФ разные «фитили» в адрес командования флотом, хотя никакой моей вины в недовольстве Н.Г. Кузнецова не было. Я должен был передавать эти указания в Полярный командующему флотом. На Севере у меня произошло одно важное событие, характеризующее порядочность Николая Герасимовича. Осенью 1944 г. мне было поручено провести одну важную операцию — вывести из Карского моря в Архангельск два ледокола, одним из которых был «Иосиф Сталин». Потерять его в эпоху культа личности было равносильно потере головы флагмана. В Москве я лично доложил наркому ВМФ весь план операции и добавил, что немецкие подводные лодки, вероятно, будут нас ждать на выходе из Карских ворот в Баренцево море и при входе в Белое море. Для соблюдения полной скрытности и согласно боевому уставу я просил разрешения сохранять полное радиомолчание. Нарком разрешил и даже добавил: «Конечно, конечно», — но мне тогда же показалось, что думал он в тот момент о другом. Операция проводилась в октябре 1944 г., в составе отряда было 24 разных корабля. Погода стояла по-осеннему штормовая и холодная, дни короткие, обстановка в море неуютная и мрачная. Наша радиоразведка доносила с берега, что в море обнаружено несколько подводных лодок противника, но места их были неизвестны. Ледоколы мы встретили точно по расчетному времени, а дальше, допуская, что противник мог предполагать наш маршрут движения, я изменил курс на много градусов к северу, желая уклониться от мысов, где могли быть подводные лодки. На море разыгрался шторм, и мы, конечно, вышли на видимость наших постов значительно позже расчетного времени. Корабли охранения неоднократно обнаруживали шумы подводных лодок и бомбили их. Каково же было мое удивление, когда я получил две телеграммы от командующего Северным флотом с приказанием показать свое место. Я запретил радистам давать квитанции о получении радиограмм и, конечно, на них не ответил. Вдруг я получаю радиограмму от наркома ВМФ, короткую, но строгую: «Приказываю показать свое место». Несколько минут я переживал, ведь приказание идет от наркома ВМФ! Разные мысли лезли в голову, а что, если это провокация

фашистов. Полностью исключить такую возможность было нельзя, да и Кузнецова я хорошо знал как человека, не менявшего своего слова. И на радиограмму я не ответил.

В Молотовск (сейчас Северодвинск) мы пришли с опозданием почти на сутки. Как только отшвартовался мой корабль, меня немедленно вызвали по ВЧ, так как нарком ВМФ звонил несколько раз, интересуясь судьбою ледоколов. Звоню наркому, докладываю о выполнении операции. В ответ суровый, строгий голос: «Почему вы не ответили на две радиограммы комфлота и мою?» У меня пересохло в горле, я медлил с ответом. Слышу в трубке голос: «Почему молчите? Вы меня поняли?» Набрав в легкие воздуха и стараясь быть полностью спокойным, четко отвечаю: «Товарищ нарком! Вы мне лично в Москве приказали сохранять полное радиомолчание, и я не рискнул нарушить ваше приказание». Молчание… я хорошо слышу, как нарком дышит, но молчит. Наконец я услышал знакомый, но уже мягкий голос Николая Герасимовича: «Правильно сделали, у меня все», и телефонная трубка щелкнула. А что бы я делал, если бы нарком ответил, что не помнит такого приказания, ведь никакого документа у меня в мое оправдание не было и мое командование флотилией на этом и закончилось бы. Н.Г. Кузнецов не мог так поступить, я в это верил и не ошибся. Это был глубоко порядочный человек, рыцарь своего слова. Вот тогда глаза мои увлажнились. Ответ наркома ВМФ для меня был высшей наградой, и я на всю жизнь запомнил этот случай как пример того, как надо держать свое слово. И этот случай не единственный. Когда осенью первого года войны фашисты подошли к окрестностям Ленинграда и над городом нависла явная угроза, Сталин приказал подготовить весь флот и все боевые объекты на берегу к полному уничтожению: «Ничего не должно достаться фашистам». Хотя Сталин и подписал эту страшную директиву, но к нам на флот ее не послал, ограничившись лишь устным приказанием наркому ВМФ Н.Г. Кузнецову. Мы тогда составили план уничтожения флота и всех береговых батарей. Это была мучительная работа для всего штаба флота. Когда положение на фронте стабилизировалось, новый командующий фронтом Г. К. Жуков написал Сталину, что на флоте все руководство в панике, собирается уничтожить весь флот и все батареи. В Правительстве и в ЦК были возмущены этим обстоятельством. Н.Г. Кузнецову приказали снять В.Ф. Трибуца, всех членов военного совета и меня как начальника штаба флота. Конечно, над нашими головами навис меч. Нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов доложил Сталину, что на Балтике никакой паники нет: «Комфлот Трибуц точно выполнил ваше приказание,

которое вы лично отдали мне». Сталин вспомнил и приказал никаких репрессий к командованию Балтийского флота и прежде всего к Трибуцу не применять. Если бы Николай Герасимович промолчал, а документа, подписанного Сталиным, ни у Наркома ВМФ, ни у нас в штабе не было, то всем нам было бы несдобровать в тот горячий 41-й год. Николай Герасимович выручил всех и в первую очередь В.Ф. Трибуца — человека, который в дальнейшем отплатил ему черной неблагодарностью. Подобных примеров заступничества Н.Г. Кузнецова за тех, кто, по его мнению, не был виновен, я мог бы привести много. Таков был характер этого человека Защитить же самого себя от заведомо несправедливых нареканий Николай Герасимович не умел. Не могу не вспомнить один тяжелый случай. Во время войны на юге представителем Ставки Верховного Главнокомандующего был Мехлис. По своему опыту это был политработник, человек невоенный и по моральным своим качествам весьма ограниченный, самонадеянный и очень неприятный. После встречи с ним в Главном штабе у наркома я стал просто физически бояться этого человека. И вот когда в 1942 г. на Керченском п-ове сложилась для нас очень тяжелая обстановка и фронт отошел на восток к проливу, то вместе с ним вынуждены были перебазироваться на таманский берег и все части Керченской ВМБ во главе с ее командиром контр-адмиралом А.С. Фроловым. В эти дни Мехлис ничего лучшего не нашел, как писать И.В. Сталину истеричные телеграммы на всех генералов и адмиралов, обвиняя их в нашем поражении. Такую телеграмму он дал и наркому ВМФ, требуя отдачи Фролова под суд, добавив при этом, что если нарком Кузнецов этого не сделает, то он, Мехлис, своим приказом и своими руками расстреляет Фролова. Разговор происходил по телефону «ВЧ». На это Николай Герасимович резко и громко ответил: «Послушайте, Мехлис! Этого вы не посмеете сделать и права на это не имеете». С шумом бросив трубку на рычаг телефона и весь покраснев, Н.Г. Кузнецов произнес, ни к кому конкретно не обращаясь: «Вот же прохвост какой». А в кабинете в это время сидели на докладе заместитель Наркома ВМФ Л.М. Галлер и я, как врио начальника Главморштаба (начальник ГМШ был в госпитале). Мы переглянулись с Галлером и промолчали, чувствуя, что нарком на эту тему говорить не хочет. Должен добавить, что Сталин скоро убрал Мехлиса с фронта, но злобу на Кузнецова последний, конечно, затаил.

Да что Мехлис! К сожалению, у Николая Герасимовича постепенно накопилось много так называемых «друзей», больших и малых, которые из зависти искали случая подложить ему мину. Обидно было нам, друзьям, видеть, что Николай Герасимович,

зная подлый характер многих сослуживцев, совершенно не мстил им, не обращал внимания на их каверзные проделки. Однажды узнаю, что Н.Г. Кузнецов собирается назначить на большую должность адмирала, который делал ему только пакости по службе. Будучи на даче у Николая Герасимовича с членом военного совета ТОФ генерал-лейтенантом Зайцевым, я решился и все рассказал ему об этом человеке, упрекая его в том, что он сам себя окружает непорядочными людьми. И что же? Николай Герасимович, выслушав, посмеялся над нами, пошутил добродушно, и на этом дело и закончилось. В этом сказался его сильный характер — он, не чувствуя за собой никакой вины, не хотел верить в возможность людской пакости.

В 40-х гг. ГМШ ВМФ и Управление кораблестроения ВМФ, возглавляемое очень порядочным адмиралом-инженером Н.В. Исаченковым, долго и скрупулезно трудились над разработкой плана строительства нашего флота. Работа была очень сложная, она неоднократно корректировалась и обсуждалась руководством ВМФ. Наконец наступил день, когда Н.Г. Кузнецов должен был доложить этот план Политбюро ЦК ВКП(б). Забрав большое количество документов, схем и карт, сопровождаемый всеми своими заместителями, Н.Г. Кузнецов отправился на доклад. Отсутствовал он очень долго. Услышав, что нарком вернулся, мы с Исаченковым поспешили в приемную и, как только Николай Герасимович вошел в кабинет, без разрешения вошли за ним, чтобы взять секретные документы. Н.Г. Кузнецов подошел к столу и с шумом бросил на него портфель и рулон схем, произнеся при этом, ни к кому не обращаясь: «Ну и нахал… ни черта не понимает, а лезет». Видя крайнюю возбужденность наркома, мы не стали его расспрашивать, быстро взяли свои документы и ушли к начальнику ГМШ адмиралу А.Г. Головко, тоже только что вернувшемуся из Кремля. Это был человек мягкий, но хитрый и дипломатичный. Почти хором мы спросили: «Ну как дела?» Головко был одним из антагонистов наркома, может, поэтому с улыбкой, в бодром тоне он нам ответил: «Не утвердили план… отложили… Ну и орел наш нарком… представляете себе, делает доклад, Сталин внимательно слушает, вдруг Хрущев перебивает Н.Г. Кузнецова своей репликой раз, другой. Н.Г. Кузнецов не обращает на это внимания. Сталин постучал карандашом и сказал: «Хрущев, вы мешаете слушать, продолжайте…» И когда еще раз Хрущев перебил Кузнецова, то он, обратившись к Хрущеву, сказал: «Послушайте, Никита Сергеевич, вы мне мешаете докладывать, ведь вы ничего не понимаете в этом вопросе». Близкие к Николаю Герасимовичу адмиралы Алафузов, Зозуля, Владимирский и я, обсуждая это между собой, с грустью

пришли к выводу, зная злопамятность Хрущева, что это для Николая Герасимовича даром не пройдет.

К сожалению, очень скоро Главный морской штаб проверяла только что созданная Военная инспекция под руководством маршала Говорова. Моряков в инспекции не было, а армейские генералы, судя по содержанию вопросов, были некомпетентными в делах ВМФ. Большинство вопросов были направлены на уточнение деятельности Н.Г. Кузнецова. Это нас возмущало, но инспекция проводилась по указанию ЦК партии, и мы были бессильны. Акт инспекции был утвержден Говоровым, не пожелавшим никого выслушать. Акт я прочел внимательно. Много было написано в нем совершенно несправедливого, просто неверного как в адрес Николая Герасимовича, так и в адрес других адмиралов, близких к нему. Беспринципность Говорова меня поразила.

По результатам инспекции Н.Г. Кузнецов был понижен в должности и-назначен начальником военно-морских учебных заведений ВМФ. Это было только начало. Почти через год — в 1947-м — по письму Сталину одного непорядочного офицера-изобретателя было назначено расследование о случаях якобы передачи наркоматом ВМФ союзным державам чертежей нашего секретного торпедного оружия и секретных карт подходов к нашим портам.[56] Мне и бывшему начальнику гидрографии ВМФ Я.Я. Лапушкину было поручено проведение экспертизы. Ничего не подозревая, мы составили акт о том, что никакого секретного оружия иностранцам не передавалось, так как подобная торпеда у союзников уже была, а наши карты представляют собой перепечатку со старых английских карт, переведенных на русский язык. Когда адмирал А.Г. Головко вернулся из Кремля с доклада, он заявил нам: «Ваше счастье, что я не показал Сталину ваш акт и не назвал фамилий, а то бы вы все вылетели с флота». Сталин якобы сказал Головко: «Ваши эксперты ничего не понимают», — и приказал провести суд чести с привлечением Н.Г. Кузнецова и ряда других адмиралов.

Председательствовал на суде опять Говоров. Я отлично помню, и не только я, а все мы — друзья Николая Герасимовича в ГМШ — считали весь этот «суд» какой-то гнусной комедией, так как ни один из привлеченных к нему адмиралов ни в чем не был виновен. Ни одно «свидетельское» показание не говорило об их виновности. Создавалось неловкое положение. Надо судить, а вина привлеченных людей никак не доказывалась. В перерывах мы между собой просто издевались над судом и всем ходом процесса. Николай Герасимович держал себя с большим достоинством, ничего не просил и четко отвечал на

невразумительные вопросы судей. Мы переживали за Николая Герасимовича и в то же время гордились его выдержкой и твердостью характера.

Сталин решил, что суд чести не достиг своей цели, и дело было передано в военный трибунал, где суд протекал при закрытых дверях, так что его подробности мне неизвестны. Три адмирала были заключены в тюрьму, а Николай Герасимович был понижен в звании до контр-адмирала и получил назначение в Хабаровск заместителем главнокомандующего войск Дальнего Востока по морской части к Маршалу Советского Союза Р.Я. Малиновскому.

Вскоре я тоже получил новое назначение в Ленинград.

Позднее, когда я был командующим Тихоокеанским флотом и близко познакомился с маршалом Р.Я. Малиновским, я много раз слышал от него очень хорошие отзывы о Н.Г. Кузнецове. Маршал считал его отличным моряком, очень образованным и прекрасным волевым адмиралом. Высокого мнения о Н.Г. Кузнецове были многие генералы, служившие на Дальнем Востоке, все они не понимали смысла суда и того, в чем же была вина Н.Г. Кузнецова.

Находясь в Хабаровске, Николай Герасимович часто писал мне в академию письма с просьбой о высылке ему различной морской научной литературы, что я с большим удовольствием и делал.

Через два года с небольшим Николай Герасимович был назначен командующим Тихоокеанским флотом и в 1950 г. дослужился до звания вице-адмирала. Флотом пришлось командовать недолго. Но за это время Н.Г. Кузнецов осуществил много дельных мероприятий для поднятия боеспособности флота, завоевав большой авторитет и любовь не только моряков, но и армейских генералов, взаимодействовавших с флотом. Словом, Тихоокеанский флот при Н.Г. Кузнецове жил с армией очень дружно. В 1951 г. он был назначен Военно-Морским Министром СССР и восстановлен в звании адмирала флота. Флот воспринял это с энтузиазмом. Сам Николай Герасимович писал в своих мемуарах: «Быстрый подъем опасен не только для водолазов… он таит в себе много опасностей». Я видел Николая Герасимовича в первые дни его новой деятельности. Он мне показался все тем же Кузнецовым, никаких следов от незаслуженно нанесенных ему обид, а по существу издевательств, никакого зазнайства, приписывавшегося ему Говоровым, я не заметил. Передо мной стоял все тот же стройный, еще не седой, с легкой улыбкой Н.Г. Кузнецов. Надо было быть человеком несгибаемой воли, чтобы так стоически все перенести, но, конечно, это не могло не

отразиться на его здоровье.

Однако мрачные тучи вновь сгустились над головой Н.Г. Кузнецова. Совершенно неожиданно в октябре 1955 г. в Севастополе взорвался линкор «Новороссийск», полученный из Италии в качестве репараций. Корабль стоял на бочке в Северной бухте, на месте, где ранее стояли десятки судов. И вдруг произошел страшный взрыв, корабль перевернулся и затонул, похоронив в себе сотни молодых жизней. Кто виноват в этой драме? Можно назвать многих: командир корабля, но он был в отпуске, командующий эскадрой и, наконец, командующий флотом. Но менее всего к виноватым относился Н.Г. Кузнецов. Была создана правительственная комиссия под председательством заместителя Председателя Совета Министров СССР Малышева.

Получив во Владивостоке телеграмму об этом ужасном случае, я и другие друзья Николая Герасимовича содрогнулись. Мы говорили тогда: «Это уже все». Так и вышло. Установить причину взрыва линкора комиссия не смогла, как не установила она и его подлинных виновников. Но Малышев решил, что во всем виноват Н.Г. Кузнецов. Николай Герасимович был снижен в звании до вице-адмирала и уволен в отставку.

Сохранив моральные и физические силы, Николай Герасимович начал писать свои мемуары. Написал несколько книг. Без дела Николай Герасимович не сидел. Я встречался с ним и понимал его переживания. Внешне Николай Герасимович оставался все тем же спокойным человеком, хорошим товарищем. Никакой злобы на людей, по существу, его антагонистов, не было заметно. В своих книгах Николай Герасимович о всех них отзывался хорошо. И если внимательно читать его мемуары, то становится ясным, с каким благородством и самокритичностью писал он о себе, большую долю вины в ряде событий на флоте беря на себя. Причины этому я не знаю. Во многих случаях я был с ним не согласен и писал об этом Николаю Герасимовичу. Но он молчал, видимо, понимая, что я был прав, но он должен был так писать, чтобы книга увидела свет. Ему было виднее.

Тяжел был путь Николая Герасимовича, но он не согнулся, пощады ни у кого не просил. Таким человеком несгибаемой воли он и ушел раньше времени от нас. Память на флоте о нем не умрет.

К истории создания советского атомного подводного флота

Интервью Р.В. Кузнецовой с адмиралом П.Г. Котовым 21 марта 2004 г.

Павлу Григорьевичу Котову, адмиралу из рода кораблестроителей в двух поколениях исполнилось 93 года. Дед его работал сборщиком на Адмиралтейском заводе в Санкт-Петербурге. Упал с высоты, поломал себе ноги. Увезли его в родную деревню Матвейково Смоленской губернии, где он и доживал свой век. Сын Григорий, будущий отец Павла дал клятву заменить отца и сдержал ее. Ушел из дома в 14 лет достраивать «Аврору». Павел Григорьевич продолжил семейную династию корабелов. После окончания в 1938 г. Высшего военно-морского инженерного училища им. Дзержинского работал в Ленинграде помощником военного представителя, с 1939 г. — старшим военным представителем, а с 1940 г. — инженером управления кораблестроения ВМФ.

Котову выпала важная историческая миссия вместе с моряками и учеными и в составе правительства координировать все процессы создания первого в СССР атомного подводного военного корабля «К-3» под названием «Ленинский комсомол» до момента сдачи его в промышленную эксплуатация, участвовать в его государственных испытаниях.

Я попросила Павла Григорьевича рассказать об этой малоизвестной странице из истории отечественного ВМФ.

Павел Григорьевич все прекрасно помнит. Голова его светлая, и рассказывает он с удовольствием, красочно и в подробностях, немного повторяясь. Говорит, что по долгу службы видел, читал очень многие и очень важные документы Николая Герасимовича Кузнецова. И письма, и доклады Сталину, и в Правительство, и в Президиум ЦК КПСС, и Кузнецовскую десятилетнюю программу военного кораблестроения — последнюю «десятилетку» — план, которую Кузнецов возил на подпись Булганину в Крым в 1954 г., взяв с собою и Павла Григорьевича.

Р.В.: Уважаемый Павел Григорьевич. Я знаю, что к работам, связанным с созданием первого атомного военного корабля «Ленинский комсомол», Вас привлек в 1953 г. Николай Герасимович Кузнецов. В самый тяжелый начальный период его создания. Это было еще при Сталине, когда Кузнецов являлся еще Военно-Морским Министром, а Сталин был еще жив. Эта деятельность Кузнецова малоизвестна в его истории и в истории

Военно-Морского Флота. На то были причины. Расскажите пожалуйста, что Вы помните о начальном этапе создания атомной подводной лодки «Ленинский комсомол»?

П.Г.: На Пленуме ЦК после XIX съезда Хрущев предложил создать Чрезвычайную комиссию по обороне и развитию страны — «Семерку». В нее вошли: Булганин, Ворошилов, Хрущев, Малышев, Байбаков, Берия, Маленков. Когда Булганин услышал, что «в «Семерку» будут представлять проекты, а мы будем придумывать задания», — он поинтересовался: «А кто же будет готовить постановления?», кто-то предложил: «А, давайте создадим «Оперативную группу». Под «Семеркой» организовали «Оперативную группу». Всем главкомам, министру обороны, Госплану дали указание представить в нее своих представителей. «Оперативная группа» — это неплохо. Во главе «ОП» поставили генерал-лейтенанта Громова, бывшего фронтовика. Флотские дела он не знал совсем.

Я в это время был начальником Управления кораблестроения ВМФ. Булганин обратился к Кузнецову: «Дай хорошего парня в «Оперативную группу». Николай Герасимович распорядился и отрекомендовал меня. Это было за четыре месяца до смерти Сталина.

И, вот, звонит мне по кремлевскому телефону генерал-лейтенант Громов. «Товарищ Котов, прошу-в 12 часов прийти ко мне в Кремль». Я говорю: «Подождите, кто Вы?» Он представился. «Я без указания главнокомандующего Кузнецова к Вам не приеду. Если он разрешит, тогда я буду у Вас». Позвонил адмиралу Исаченкову — заместителю главнокомандующего, который много лет был начальником управления кораблестроения, потом заместителем главкома, после адмирала Галлера. А я был у него заместителем. Прихожу к нему, докладываю. Он говорит, что ничего не знает, что меня направляют в Кремль, в «Оперативную группу». Позвонил при мне Кузнецову: «Николай Герасимович, ну как же так, я же после инфаркта, я Вам докладывал, чтобы Котова назначить вместо меня заместителем главнокомандующего по кораблестроению и вооружению. Он фактически мой заместитель. А Вы его в какую-то «Оперативную группу» в Кремль? Котова вызвали и требуют, чтобы он немедленно прекратил работы. Не отдавайте его.»

«Ну, хорошо, — говорит Николай Герасимович. Передайте Павлу Григорьевичу трубку» и сказал мне, что сегодня ночью позвонит Булганину и попробует меня отстоять, будет добиваться, чтобы меня назначили вместо Исаченкова, а его освободили, так как Исаченков после инфаркта дальше работать не может. А в «Оперативную группу» направим другого. Просил

меня дождаться результата, домой не уходить. Сказал: «не уходите, пока я не переговорю».

Николай Герасимович поднял меня поздно ночью звонком и сказал: «Меня маршал отругал. Вы по Котову представили такие документы, что я его захотел не просто в «Оперативную группу» забрать, я его своим помощником сделаю». Потом Булганин это и осуществил. А оперативная группа, которая по предложению Хрущева была создана, работала на «Семерку» короткое время. А когда Сталин умер, Булганина назначили министром обороны. Одновременно он оставался и зампредсовмина. На следующий день я просил меня отпустить в Военно-Морской Флот на свою должность. Когда доложили Булганину, он подписал постановление о назначении меня помощником министра обороны — Булганина. И комната, где я работал, была рядом с кабинетом Булганина.

Так вот, вызвал меня генерал Громов. Он флотскими делами никогда не занимался. Но был рассудительный, характер имел крепкий. И, когда он меня в Кремль пригласил, я пообещал прибыть после доклада заместителю главкома адмиралу Исаченкову и доклада вместе с ним главнокомандующему Николаю Герасимовичу Кузнецову. Сказал: «Если он не отменит, я к Вам приеду». Ну, он уже по телефону рассердился, этот генерал. Он показал мне записку Кузнецова, рекомендовавшего меня в рабочую группу от ВМФ для «Семерки» и сказал: «Дело и аттестацию утвердил Н.Г. Кузнецов!» Вот так было.

Р.В.: А кто готовил проект Постановления по первой атомной лодке, кто решал, что надо строить?

П.Г.: По первой лодке проект Постановления писал я с генеральным конструктором Анатолием Петровичем Александровым.

Р.В.: А кто письма писал Сталину о том, что надо построить такую лодку?

П.Г.: Я с Малышевым. Когда я к Малышеву попал, от него узнал, что будто бы Сталин сказал ему, что согласился с Хрущевым на первых порах к работе над проектом атомной подводной лодки военных моряков не привлекать, — они будут, дескать, придумывать свое и поэтому лодку приказал делать у атомщиков. После смерти Сталина организация эта называлась Министерством среднего машиностроения. Малышев тогда там был министром. Там собрали специальную большую группу, организовали даже не управление, а отдел, который готовил документы.

Знаете, какую они на атомной лодке атомную установку для хода придумали и атомную торпеду, которая стреляла на 50 км,

по берегу главным образом. Представляете себе, что это такое? И все это было утверждено Сталиным. Утверждено было. И эта лодка начала строиться. Корпус уже был, когда я помощником у министра обороны Булганина начал работать. Хрущев уже возглавлял ЦК.

Пришел документ Булганину: в среду состоится заседание Президиума ЦК по утверждению проекта строительства и о приемке первой атомной подводной лодки, т. е. ее корпуса, который уже построен. Значит, в среду Президиум ЦК должен утвердить Постановление. Булганин мне, как помощнику, этот документ — проект Постановления с запиской хрущевской и отписал. А на проекте Хрущев отписал: «Малышеву и Кузнецову». Я, когда прочитал, начал звонить начальнику управления кораблестроения вице-адмиралу Козьмину: «Кто представляет, кто разработчик — с одной торпедой? А он говорит: «Мы не допущены». Я звоню адмиралу Исаченкову. Тот тоже: «Павел Григорьевич, я не допущен». «А кто же допущен», — спрашиваю. А он говорит, что допущены главком Н.Г. Кузнецов, начальник Главного штаба ВМФ Н.Д. Сергеев и «сундук с клопами». И смеется. Спрашиваю: «Кто такой?». А он: «Слушай, это Петр Фомич Фомин», который был назначен главкомом Н.Г. Кузнецовым начальником атомного полигона на Новой Земле. Он находился в подчинении главкома и начальника Главного штаба. И что ж получается? К первой атомной лодке Военно-Морской Флот не допущен, а уже корпус лодки построен в Северодвинске, уже, представляете себе, средства какие затрачены?»

Когда я понял, что всех обошел, звоню и захожу к Булганину: «Вот такое положение. Мне нужно обязательно встретиться сегодня с Малышевым, позвоните ему, потому что нельзя утверждать проект Постановления о строительстве лодки. Вы же понимаете, что потом на Президиуме ЦК придется все отменять, нельзя принимать без рассмотрения Военно-Морским Флотом. Надо отложить заседание. Необходимо пригласить на заседание Президиума ЦК Кузнецова Николая Герасимовича, чтобы он высказал свои соображения. Нужно назначить специальную комиссию под его руководством или под председательством Малышева».

Р.В.: А кому Кузнецов как главком уже поручения давал?

П.Г.: Исаченков-то сказал кому. Он его назвал. Того, кто допущен к строительству атомной подводной лодки был — «Сундук с клопами».

Р.В.: Значит, Фомин, Исаченков, Вы — уже вас трое, кого Кузнецов как главком первоначально определил к этому делу и назначил. Он же Вашим начальником-то был. Павел Григорьевич,

я знаю из архивных данных, что Николай Герасимович писал большой доклад Сталину об устаревшем флоте и недостатках в вооружении еще в 1952 г. и что на Президиуме ЦК этот доклад рассматривали. Там и Малышев был, и Булганин, все прочие высоконачальники. Наверное, Вы смотрели эти документы?

П.Г.: Смотрел эти документы. Помню, он писал там и об устаревшем флоте, и о необходимости нового вооружения для боевых кораблей, и о том, что нужно строить атомные подводные лодки. Да. Да. Он еще в 1946 г. писал Сталину письмо и посылал доклад о том, что нужно строить корабли с двигателями на атомной энергии.

Р.В.: Что нужно атомную энергию на флоте применять. П.Г.: Да он, Николай Герасимович, перед тем, как вот это письмо и доклад писать, он тогда в 1946 году провел совещание с руководителями военно-морской академии, начальниками управлений и ленинградских институтов. Выступил и сказал, что надо начать заниматься атомным флотом. Ну вот. Почему в Питере? А потому что в Москве-то ходу не давали. А в 1953-м лодка-то уже строилась.

Р.В.: А Вы знаете, что ученые академики и Курчатов, и Александров писали также Сталину о необходимости строить атомную подводную лодку? И, как известно, в 1952 г. постановление Правительства было принято. Значит, информация и предложения поступали к главе государства из разных источников? Пусть в разное время. Следовательно, истины ради, исторической справедливости ради надо называть и моряков, и ученых родоначальниками советского атомного флота. И флот выступал, и ученые выступали. Это будет объективно.

П.Г.: Так вот, корпус лодки был построен в Северодвинске. С атомной установкой.

Р.В.: С торпедой.

П.Г.: Да, и с одной торпедой атомной. Представляете, на 50 км эта торпеда сама могла предусматривать порты, города рушить.

Р.В. Не об этой ли торпеде вспоминает академик Сахаров — сверхбомбе, которая должна была взорваться под водой вблизи побережья, чтобы вызвать гигантское цунами, которое поглотило бы все порты, все прибрежные города противника. Сахаров писал, что он этот проект обсуждал с контр-адмиралом Фоминым, который Сахарову ответил, что моряки не убийцы и с мирным населением не воюют.

П.Г.: Вероятно о ней (торпеде).

Р.В.: Скажите, а Вы знали, что А.П. Александров писал об этой первой лодке. Вот, послушайте. Абзац из газеты «Красная

звезда от 21.10.89 из статьи «Реактор для подлодки». Его прямая речь: «Лодка по заданию должна была иметь огромную торпеду диаметром 2 м с мощной водородной бомбой. Когда эту лодку разработали довольно глубоко, провели ее первое рассмотрение флотом. Пригласили Н.Г Кузнецова. Он посмотрел и говорит: «Мне такая лодка не нужна».

П.Г.: Я не читал, но знаю, что Николай Герасимович распорядился представить разработчикам — ученым иное назначение атомной подводной лодки, внести и другие изменения по основным ее элементам. Благодаря Н.Г. Кузнецову с привлечением в 1954 г. специалистов ВМФ начался новый этап в проектировании и строительстве первой в СССР атомной подводной лодки.

И вот, когда Булганин проект Постановления должен был доложить Президиуму ЦК КПСС (три дня оставалось, в среду должны были утвердить проект Постановления ЦК и Совета министров, а уже строительство этой первой лодки шло вовсю, практически корпус уже построен был в Северодвинске и надо было принимать решение дальше строить), он мне говорит: «Давайте срочно готовьте к утверждению проект». Я всех объехал. Когда беседовал с Фоминым, он говорит: «Павел Григорьевич, я ж не допущен, я же, — говорит, — допущен только к этой торпеде атомной. А к лодке в целом я не допущен». Я его пригласил приехать ко мне, показал бумагу. Говорю: «Читай». Он прочитал. «Ну, что делать, — говорит, — безобразие творится, а флот не допущен. Такая торпеда, чтобы по городам стрелять, не нужна».

Р.В.: Это кто говорит?

П.Г.: Фомин. Да, — говорит, — наверное, надо обращаться к Малышеву». Я к Булганину: «Сейчас обстановка такая. Позвоните, пожалуйста, Малышеву, чтобы он меня принял и чтобы Вы с ним, с Малышевым, позвонили бы Хрущеву и уговорили бы в среду заседание Президиума ЦК отложить. Чтобы поручили Кузнецову Николаю Герасимовичу разобраться, что же построили в Северодвинске. Утверждать того, не зная, что построили, — нельзя. Перед этим сам позвонил Николаю Герасимовичу, чтобы посоветоваться. Николай Герасимович — ума палата!.. Мои действия одобрил, сказал: «Правильно сделали, можете докладывать Булганину. А я ему тоже скажу».

В тот же день, когда я доложил Булганину, что никто, кроме группы Минсредмаша, не допущен, он взял кремлевский телефон (я набрал номер Малышева) и сказал: «Мой помощник говорит, что нельзя в среду нам с Вами на Президиуме ЦК проект Постановления о строительстве этой лодки и о строительстве других утверждать (в проекте Постановления уже

конструкторское бюро определялось, а не просто Средмашевское). Что будем делать? Мне Котов доложил и я с Котовым полностью согласен. Надо сроки утверждения изменить. Моряки должны рассмотреть все детали дела. Но удобнее будет послать Котова к Вам. Давайте договоримся с Хрущевым и мы уже дадим поручение, чтобы Николая Герасимовича и моряков, и кого нужно из других министерств допустили бы к проекту Постановления. Вот, Котов правильно представил мне записку, что продолжать дело, в каком оно состоянии представлено сегодня, нельзя и такую лодку делать нельзя, хотя и корпус уже построен. Дальше строить такие лодки нельзя».

Представьте себе, лодка за 50 км от берега будет города рушить. А американцы и англичане не дураки. Они противолодочные рубежи создали уже на 100 км от берега.

Р.В.: А потом, что же воевать с мирным населением? Надо же на море в бою воевать. В океане.

П.Г.: Это были глупости. Глупости. Когда Булганин звонил по моей просьбе Малышеву, то тоже так говорил: «Я и мой помощник взволнованы. Он всех обошел и предлагает, чтобы мы с Вами доложили Хрущеву и просили его отложить это заседание, пригласить Кузнецова Николая Герасимовича, Исаченкова, судостроителей, Бутому — министра судостроительной промышленности, их пригласить обязательно. Что будем делать? Давайте, примите Котова». Малышев говорит: «С удовольствием. Я с Павлом Григорьевичем много лет знаком».

Приехал я к Малышеву. Рассказал, что я проделал, и что ничего не знаю, и никто во флоте не допущен. Он молча открыл сейф, достал Постановление, вслух мне его прочитал (оно короткое было, 52-го года). Затем взял чистый лист бумаги, карандашом синим сделал рисунок, разбил на отсеки, вроде продольного разреза лодки, выделил у него крестом отсек паропроизводительной установки, отдельно кое-что подрисовал, несколько рассказал. Потом в сейф положил это Постановление и вызвал начальника спецотдела. И говорит: «Вот что. Сейчас идите, напечатайте на моем бланке бумагу о том, что товарищ Котов допускается к работам по объекту Перегудова. С моей подписью и печатью. И принесите». Тот быстренько все сделал, буквально за несколько минут и принес. Малышев подписал, вручил мне и сказал: «Павел Григорьевич, действуйте теперь. Я Вам советую побывать у Перегудова, затем съездить в Обнинск, затем съездить советую в Горький, к Максименко». Прощаясь со мной, сказал: «Да, наверное, надо привлекать и Исаченкова, и Козьмина, и, наверное, его людей, его институты. Наверное, настало время». Вот так вот. Я ушел и после этого мог уже

действовать.

Прошло время, звонит мне Исаченков. Говорит: «Павел Григорьевич, ты знаешь, что на Президиуме ЦК рассматривался проект и его отложили. Кузнецова не было в Москве, вызвали на Президиум адмирала Басистого (он был первым заместителем главкома), сказали, чтобы ВМФ дал заключение по проекту. А он заявил, что заключение флот дать не может, поскольку не рассматривал проекта. Тогда было принято решение отложить утверждение, поручить флоту рассмотреть проект и дать заключение. После вернуться к утверждению. На этом заседании Президиума, я не был. Это Исаченков меня проинформировал тогда по телефону. — «Так что, мы будем теперь рассматривать», — сказал он.

А дальше я уже следил, в ряде совещаний я участвовал. Знаю, когда рассматривали проект вместе с учеными (может быть, вот с Вашими), на макетной комиссии, что там уже было. Помню выступление и Кузнецова на совещании. У Кузнецова было уже подготовлено итоговое заключение и он докладывал Президиуму ЦК и Правительству. Помню его выступление. Кузнецов тогда так выступал, по-видимому, по оружию: «Нам атомная подводная лодка нужна, но не такая, эту подводную лодку я не понимаю. Почему? Наверное, задумали ее для уничтожения военно-морских баз и флота в базах. А нам нужна лодка, которая могла бы в морях и океанах, на коммуникациях уничтожать корабли и она же должна быть способна, если потребуется куда нужно добираться, и против баз. Но для этого нужна не одна торпеда, для этого должен быть большой запас, нужны торпеды и с обычным оружием, с обычным боезапасом, и также нужны торпеды атомные.

Вот такой вывод им был сделан. После этого, я даже знаю, что не сразу это предложение принято было. Я помню большое совещание у Булганина, в зале Совета Министров, на котором выступал Кузнецов и присутствовали его работники, и где Кузнецову пришлось уже доказывать, почему нужно отрезать у лодки нос и менять на лодке торпедное оружие. Помнится, он говорил о работе комиссии ВМФ, которая исследовала во всех регионах Мирового океана 100 военно-морских баз. И доказала что только к двум базам эта торпеда (с дальностью 50 км, по-моему) беспрепятственно могла бы проникнуть, только в 2 военно-морские базы. Тогда весь зал был увешан чертежами и материалами: нарисованы были все базы, места базы, до которых лодка может дойти, чтобы выпустить торпеду и чтобы торпеда уничтожила корабли в базе и разрушила саму базу. К ним практически никто не подходил. Слушали только Кузнецова.

Выслушав доклад Кузнецова, сказали: «Да, предложения флота надо принимать».

Дальше очень быстро было сформулировано мною следующее Постановление, в очень короткий срок уже в Перегудовском бюро и с участием ученых очень быстро переделали проект. Так что, мы и не заметили, как все это было. Это, как говорят, начальная сторона.

Р.В.: А Вы помните, Павел Григорьевич, где в это время работал Малышев? Адрес, куда Вы поехали к нему, помните?

П.Г.: Малышев «сидел», сейчас, сейчас, надо вспомнить… Он в Кремле кабинет имел. А когда Булганин звонил ему обо мне, в это время он был на Петровеликом.

Р.В.: Он был тогда министром Среднего Машиностроения. Точно?

П.Г.: Да, да. Ну, еще проверить можно.

Р.В.: Я посмотрела в энциклопедии, он в это время был и зампредсовмина, и курировал судостроение, и одновременно был министром среднего машиностроения.

П.Г.: Так вот, когда я приехал к Малышеву в кабинет, все ему рассказал и просил, чтобы он с Булганиным уговорили Хрущева отложить Президиум и поручить флоту во главе с главкомом рассмотреть проект Постановления, по которому строится лодка. И только после этого принимать решение о строительстве этой лодки и других лодок. Проект Постановления в таком виде нельзя принимать. И он настаивает, чтобы товарища Кузнецова и других собрать на заседание. Обо всем я доложил Николаю Герасимовичу. Он при мне позвонил Малышеву и говорит: «Котов был у Вас, видел чертежи лодки, он правильно забраковал все, и правильно раскрутил все, правильно предложил создать совместную комиссию». Такую комиссию тогда и создали — председатель Малышев, заместитель Кузнецов. Для рассмотрения всех вопросов. В комиссию Николай Герасимович очень многих морских специалистов привлек.

Р.В.: Ну и вот наступило это заседание, когда пригласили моряков. Помните? Николай Герасимович Кузнецов выступал?

П.Г.: Ну конечно. Николай Герасимович потребовал, чтобы отложили утверждение проекта, чтобы дали время морякам на обследование и моряков допустили бы к работам. «Я, — говорит, — еще в Ленинграде, еще задолго до этого совещания собирал своих специалистов в Военно-морской академии. Там мы многие вопросы обсудили. Собирался раньше выступить в Москве, но меня не допускали». Обращаясь к Хрущеву, сказал: «Меня к Вам не допускали. Я считаю, что атомную лодку нам надо. Но такую лодку, как эта, корпус которой уже построили в

Северодвинске, нам не надо — она не боеспособна будет». Он рассказал, что вооружение на строящейся лодке, как его предусматривают (за 50 км от берега будет стрелять только по береговым целям, по городам, по судостроительным заводам), не годится. — Понимаете? Выпускала бы, причем, имеющуюся одну торпеду. Его поняли.

Р.В.: Значит, Кузнецов уже видел лодку в Северодвинске, уже познакомился в Северодвинске с ней, до заседания?

П.Г.: Да, да, да. Николай Герасимович выступил против оснащения лодки этой одной единственной гигантской торпедой диаметром 2 м с термоядерным зарядом. Лодка с таким вооружением флоту не нужна — таково было заключение главкома ВМС. Кроме того, Кузнецов обратил внимание на то, что, поскольку оснащение ядерной энергетической установкой позволяет лодке находиться в подводном положении практически неограниченное время, то необходимо серьезно изучить вопросы подбора и психологической совместимости членов экипажа.

Р.В.: И ясно сказал, что он и раньше хотел возразить, но его не допускали, и вот только на заседании он говорит об этом и о том, в каких отношениях лодка его не устраивала.

П.Г.: Николай Герасимович был доволен, что я вмешался в это дело. Я ему все доложил и как приезжал к Малышеву, и как Булганин звонил Малышеву. Он меня благодарил.

Так вот, Малышев мне выдал красную книжечку, подписал, что я допущен ко всем атомным делам. И говорит: «Вот теперь встречайтесь с Перегудовым, начальником конструкторского бюро, с другими, потом в Горький поезжайте. В Горьком атомный реактор делают. Там большой завод специально для этого выделен. «Ижорский завод». Я говорю: «Это мой завод. Его я знаю».

Приехал. Там Казаков был директором. «Павел Григорьевич, Вы в это не лезьте, потому что я допуск на Вас не имею. Здесь расписано, кто может быть допущен и к чему». Я ему говорю:» Вы же реактор делаете». «Ну реактор, я Вам говорю это так на словах. А иначе меня снимут и Вас снимут». Порядки такие при Сталине были по этой лодке. Сталину голову задурили эти атомные деятели. Вот так вот я был Малышевым допущен ко всем атомным делам. Малышев рассказал, где мне надо побывать, для того, чтобы я полноценно знал бы от кого зависит успех строительства, создания действительно такой лодки, какая была нужна, с многими торпедами, а не с одной. «А эту лодку мы разберем», — сказал Малышев. Вот так оно было-то.

Р.В.: Ну разобрали?

П.Г.: Разобрали.

Р.В.: А торпеду куда дели? Бросили тут же? Она небось там много лет пролежала.

П.Г.: Точно. Точно. Она, лодка-то, была построена, знаете, не с той стороны, где старый завод, а на другом берегу. Вы были сами-то на Северодвинском заводе?

Р.В.: Нет, не пришлось.

П.Г.: Ну вот. А это на другом берегу. Корпус там стоял с одной торпедой.

Р.В.: И когда же собрались на совещание Президиума в другой раз?

П.Г.: Через три месяца, после того, как создали комиссию, привлекли в нее моряков, и те рассмотрели все и разобрались. Был подготовлен проект Постановления ЦК КПСС и Совмина СССР о порядке и сроках проектирования, строительства и сдачи первой АПЛ за подписями Малышева, Кузнецова и Булганина. На Президиуме ЦК выступали Малышев и Кузнецов. А еще до собрания Президиума Николай Герасимович выезжал в Обнинск, брал меня. С нами были Малышев, Исаченков, Бутома. Мы были на испытательных стендах, созданных для первой АПЛ. Станцию в 1955 г. показывал Николай Андреевич Николаев. Очередная поездка Николая Герасимовича была намечена на конец 1955 г. Но в мае он получил инфаркт. Случилось это, когда он на военно-промышленной комиссии доказывал председателю ВПК Смирнову необходимость принятия программы военного кораблестроения на 50—60-е гг. и в связи с этим о необходимости перевооружения и организации по-новому работы многих заводов для строительства современных кораблей. Я помню это совещание. Потом, когда разобрались, когда я уже съездил к судостроителям и с их представителями отругали мы этих средмашевцев. Никто же не знал из специалистов моряков и судостроителей, что они напридумали. Запрещено было КГБ. Группа средмашевцев так истолковала постановление Сталина, его указание не допускать пока моряков. А только, чтобы делали средмашевцы. Как это получилось? Потом уже стали и на заводы привлекать, а то все вслепую работали по первой лодке, корпус которой уже построили.

Мне запомнилась (это был конец 55-го года или даже начало 56-го), поездка на Горьковский завод, к Максименко. Мне подробно показали завод. Он в это время полностью прекратил производство 70-мм пушки, которая выпускалась для войны. Была непобедимая, героическая. 100 тыс. штук пушек выпустил завод. Максименко мне подарил такую пушку с выбитой в стихотворной форме надписью на ней. Максименко мне тогда рассказал, что «положение у нас серьезное, завод пустой и мы сидим на

картотеке. Уже поставщикам мне нечем платить. Вот теперь уже грозятся воду отключить, электроэнергию отключить, хоть останавливай завод. Я говорю: «Да что ж за безобразие! У Вас уже есть Постановление, Вы все оборудование готовите для того, чтобы реакторы делать, а Вы, говорите, — сидите на картотеке. Я доложу Булганину». Когда приехал из Горького, написал бумагу ему и пришел на доклад. Говорю: «Вот так и так, Николай Александрович. Я уже несколько раз до этого докладывал ему, как идут дела атомные. Он охотно меня принимал. Вы, понимаете, — говорю, — оборотных средств больше не дают и завод в таком положении, это же безобразие, разве же можно так. Завод должен не только рассчитываться, а готовиться к тому, чтобы реактор делать. Так вот, он готовится полностью к переоборудованию под это — там много пустых цехов было». «Так что нужно сделать?» Я обещал Максименко доложить Председателю Совета министров, Максименко верит, что он наверняка поможет. «Вы подскажите, кому, что?» Просит: «Пусть дадут указание Председателю Госбанка, чтобы он приказал снять, во-первых, завод с картотеки, выделить средства (я не помню сколько там миллионов) уже оборотные, чтобы мы не бедствовали». Я Булганину об этом доложил, осталась бумага. Можно наверное в архивах найти. Эту мою бумагу. Булганин при мне позвонил Председателю Госбанка и говорит: «Котов приехал с завода, доложил, что же это такое…» И закрутилось…

Р.В.: А Вы знали такого адмирала Сергеева Николая Дмитриевича?

П.Г.: Ну а как же. Начальника Главного штаба ВМФ.

Р.В.: Он рассказывал как его однажды вызвал Николай Герасимович, это было в 51-м году, когда он назначал его командующим Беломорской флотилией. Напутствуя его, сообщил ему тайну, о которой просил никогда и никому не рассказывать. И дал ему поручение. Кузнецов сказал, что в Северодвинске (тогда он назывался Молотовск), там, где у нас уже был судостроительный завод, решено построить новый цех № 42 для строительства нашей первой атомной субмарины. И поручил ему выбрать место для этого цеха.

П.Г.: Вот так.

Р.В.: А это было в 51-м году. То есть до выхода всех постановлений и Сталина, и последующих. Николай Дмитриевич это рассказал незадолго до смерти, сказав, что с собой унести это, как тайну, не хочет, а должен оставить ее здесь. Это значит, что Николай Герасимович Кузнецов и к рождению первого завода атомных субмарин в нашей стране руку приложил! Представляете? Значит он знал и на каком заводе лодка будет

строиться, и был в курсе всех дел. Так выходит?

П.Г.: Да. Он молодец. Жаль, только, потерянного времени. Когда моряки сделали замечания, пришлось догонять. Да и деньги пропали.

Р.В.: Да, жаль. По-видимому, Вячеслав Михайлович Малышев в то время так сильно «уповал» на свое Министерство среднего машиностроения, которое мощнейшим было тогда из министерств и делало ядерное оружие для защиты страны. Когда задача по созданию ядерного щита была решена, сделали, по-видимому, заключение, что также в глубокой тайне ученые и лодку атомную сделают. Засекретились так от недругов, что и про специалистов-моряков вспомнили поздновато, когда уже и корпус, и торпеду в тайне от них придумывали. Но расчет не оправдался — без специалистов-моряков, которые на лодке не только плавают, но живут, и используют ее в качестве оружия, лодку нельзя будет сделать. Положился только на ученых и поэтому полтора года работы при Сталине не допускали моряков, потому что они, по определению свыше, — «своими советами помешали бы», а я бы добавила — «строить то, что было построено» за эти полтора года без моряков.

П.Г.: Малышев рассказывал, что они опирались на указание Сталина «моряков не допускать». Сталин — закон был для Средмаша.

Р.В.: А еще о чем надо помнить, что играет не последнюю роль во всем этом деле. Помните Вы, что в конце 1948 г. Сталин отправил Кузнецова на Дальний Восток, в ссылку, разжаловав его «на три сверху», как выразился адмирал Левченко, сняв три звания, завоеванные Кузнецовым вместе с победами в войне с фашизмом. Его судили вместе с адмиралами. Помните. И до июля 1951 г. Кузнецов службу нес на Дальнем Востоке. А главкомом стал Юмашев. За эти почти три года он по свойствам своего характера не мог отстаивать послевоенную программу Кузнецова. Юмашев соглашался на строительство кораблей старых проектов, поскольку хорошо знал, что делают с теми, кто настаивает на своем. А почему? Так выгодно было Минсудпрому. Вы же знаете, что у нас судоверфи-то после войны старые остались и построить на них новые корабли было нельзя. А новые судоверфи строить — тоже проблематично в послевоенной стране, в которой почти все средства брошены на создание «атомного щита». И быстрее делается дело накатанное, чем новое. Правда? За это даже хорошие премии судостроители тогда получали. Только зачем это нужно? Так вот, Юмашев, хорошо усвоив науку слушаться, за новую программу не воевал, что диктовали, то и выполнял. И вдруг, неожиданно для всех, но не для самого себя, Сталин

назначает вновь Н.Г. Кузнецова Военно-Морским Министром.

П.Г.: Да.

Р.В.: Когда Кузнецов вернулся и увидел, что без него построили, он в ужас пришел от этого, возмутился, на что потрачены и куда продолжают уходить народные средства. Написал большой доклад, тот, который Вы читали. В нем он указал, какими старыми кораблями обладает страна, что необходимо немедленно строить современный флот с использованием новейших достижений науки и техники, в том числе с использованием атомной энергии для движения кораблей, электронной и вычислительной техники, с современным вооружением и потребовал рассмотреть поставленные им вопросы на Президиуме ЦК КПСС.

П.Г.: А интересно. Президиум ЦК созвали и в Кремлевском зале заседание устроили. Я присутствовал на этом заседании. Причем в первых рядах, прямо у сцены сидел с конструкторами, мы там слушали все. Это удивительное было собрание.

Р.В.: Когда Сталин уже признал, что прежний главком Юмашев ему не помог, был недоволен, что во главе флота оказался такой человек, который ему уже ничего не доказывал, флоту пользы не дал. Он, по-видимому, поэтому на Малышева и ПГУ (с 1953-го — Минсредмаш) и положился, распорядившись первую атомную лодку там строить. А Кузнецов-то с Малышевым до того в жарких спорах бывал и не раз. Он не очень-то соглашался на старые проекты кораблей, их слабые характеристики. Поэтому у них баталии и проходили, в общем-то деловые и горячие. И поэтому Малышеву было «на руку», чтобы до поры до времени моряки не вмешивались. А не то заведут баталии, и станут ему мешать лодку строить.

П.Г.: Да. Да.

Р.В.: Отсюда и неясности, а подчас даже домыслы — вольные или невольные. Так, недавно я прочла, что якобы главком ВМС Кузнецов в деле строительства атомной лодки «…совершенно ничего не понимал, хотя в своих воспоминаниях пишет, что страшно содействовал, а на самом деле все было наоборот. Они (моряки) отказались даже на свои деньги строить. Строил Славский на свои деньги». Хотя страницей раньше тот же автор, противореча себе, говорит, что «…военных к этому делу сказано было не допускать». И так далее. Не знаешь, чему верить? Ну, да пусть это останется на совести автора. Вероятно, этому есть причины. Когда-нибудь правда все же выйдет на свет.

А все-таки, Павел Григорьевич Ваш главком Николай Герасимович Кузнецов еще в 46-м году в письме-то и докладе Сталину написал, давайте, мол, строить корабли с атомными

двигателями и атомную энергию на флоте внедрять. Это ведь своевременно предложено. По существу, он ведь первый об атомном флоте мировоззрение-то начал создавать. И совещания по этим вопросам еще тогда начал созывать. И перед конструкторами и учеными еще тогда об этом начал говорить, озадачивая их думами о новых проектах военных кораблей для своего флота.

П.Г.: Да, совершенно верно.

К. Раш. Вернуть Кузнецова [57]

Почему именно моряку Кузнецову выпала роль выразителя русского исторического призвания — стать лучшим командиром корабля «всех морей мира»?

Потому что из всех родов ратного служения флот требует от воина наивысшей волевой и умственной энергоотдачи, и наивысшей организованности и наступательности при особой боевой устойчивости.

В природе не существует военных кораблей для обороны. Флот не может в море укрыться, как на суше, за бойницами, рвами или укрепиться на высотах. Корабль обязан ввязаться в бой при любом соотношении стволов, и, как требует устав: «победить или погибнуть, но флага не спускать под страхом лишения живота». В редких случаях корабль или слабеющая эскадра могут укрыться под защиту орудий береговых батарей, но не более. Даже морскому десанту победу сулит, при соблюдении всех условий, только безоглядная неудержимость.

Мы привыкли к упоминаниям о Кузнецове как о выдающемся наркоме сталинской эпохи, пострадавшем от первых лиц государства за верность правде и флоту. Но никогда Кузнецов не появился бы в Москве, не стань он лучшим командиром корабля в отечественном флоте. И в этом качестве командира Кузнецов не менее интересен, чем на посту Народного комиссара Военно-Морского Флота.

* * *

Сегодня Кузнецов особенно интересен флоту и его офицерской молодежи как старший помощник и командир корабля.

Командующий Черноморским флотом И. Кожанов опубликовал в 1935 г. восторженную статью о тридцатилетнем Николае Герасимовиче Кузнецове под названием «Капитан 1 ранга», где назвал его «самым молодым капитаном 1 ранга «всех морей мира». По статье видно, что Кожанова переполняет неподдельный восторг от соприкосновения с такой яркой личностью, и он не способен скрыть свое восхищение.

Мы, зная дальнейший путь Кузнецова, можем теперь смело назвать его самым лучшим командиром корабля «всех морей мира».

Молва о необыкновенном моряке стала разноситься по

Черноморскому флоту с первых дней по прибытии Кузнецова к месту службы. Он обращал на себя внимание с первых же минут встречи. Рослый, красивый молодой человек, с врожденной выправкой, непринужденными манерами, хорошей речью, прямым взглядом и подкупающей приветливостью при неуловимой дистанции и такте. В нем подкупала громадная эрудиция, здравость суждений, прямота и одновременно уважение к собеседнику. Флот он любил беззаветно, душу в него Бог вложил морскую и чистую.

В 1928 г. крейсеру «Червона Украина» совместно с тремя миноносцами поручено встретить и эскортировать яхту «Измир» падишаха Афганистана Аманулла-хана, после его визита в Турцию. Накануне выхода из Константинополя в кочегарке «Червоной Украины» ночью, рядом с погребом боеприпасов, возникпожар…Всякомандапод руководством Кузнецова действовала решительно и собрано. Взрыв красного крейсера в чужом порту стал бы страшным ударом по престижу власти. В Кремле быстро оценили, кому они обязаны спасением крейсера «Червона Украина». На следующий год во время учений в районе Одессы Ворошилов и ряд военных руководителей в его свите с особым вниманием следили за действиями именно Кузнецова. Молва о цельном и ярком моряке из флота давно достигла верхов. После учений, когда Кузнецов при волнении на море, умело и решительно командуя, спустил на воду баркас с вооруженным десантом, к нему подошел Ворошилов и прочувствованно пожал ему руку.

Летом того же 1929 г. на «Червоной Украине» по пути в Сочи находились Сталин и Орджоникидзе. От острого и внимательного взгляда Сталина не ушел рослый и распорядительный вахтенный начальник, весь облик которого излучал какую-то просветленную победность. Орджоникидзе подолгу беседовал с Кузнецовым о флоте. Молодой командир проявил недюжинные познания в истории русского судостроения.

Сразу после маневров в Одессу пришла из Москвы телеграмма, извещавшая о зачислении Кузнецова в Военно-морскую академию. Три года, проведенные в академии (1929–1932), оказали сильное влияние на духовный рост Кузнецова и его кругозор.

В составе флотов не было еще ни одного крупного корабля, заложенного после 1917 г. Во время праздников нечего было расцвечивать на рейде. На все четыре флота приходилось всего три линейных корабля царской постройки, да пяток средних крейсеров. Даже у ободранной Версальским сговором Германии линкоров было в два раза больше, чем у нас.

Флот практически не выходил за пределы Лужской губы. Старые мощные военно-морские базы в Ревеле и Либаве были потеряны Россией, как впрочем и сейчас, с отделением прибалтийских республик.

В Латвии и Эстонии порты замерли, а причалы опустели, механизмы ржавели, железные дороги из России зарастали травой. Порты в Ревеле, Виндаве (Вентспилс) и Либаве (Лиепая) вместо прибыли тяжким грузом легли на экономику крохотных республик. Польша, терявшая от фанаберии чувство реальности, то и дело задиравшая соседей, требовала от Латвии отдать ей пустующие порты на том основании, что в конце средних веков эти земли были вассалами польской короны.

Большая часть флота, созданного после Цусимы, или была затоплена, или уведена белыми за рубеж. Но как ни парадоксально, именно в эти годы репрессий и казней, без полноценного флота Россия продолжала переживать подъем морского духа и свежесть флотских высоких устремлений. Слово «моряк» было в чести.

Император Николай II и после Цусимы оставался последовательным и решительным сторонником мощного океанского флота. Но в феврале 1917 г. наступило вместе с Керенским время прохвостов, проповедовавших идею о необходимости для России не океанского кругозора и задач, а прибрежного флота, который призван только обеспечивать фланги сухопутной армии. Одним из них был профессор Кладо, который после февраля 1917 г. даже возглавил Военно-морскую академию. «Сухопутность» всегда сопутствует деградации общества и флота.

Ко времени поступления Кузнецова в академию ее аудитории давно гудели от схваток между сторонниками океанической судьбы России с мощной экономикой и флотом и их противниками, которых согревала идея «москитного флота» из катеров, миноносцев, тральщиков и подлодок, которые будут гордо, опасливо прижиматься к родным берегам и держать против супостата береговой кукиш в кармане. Как можно с «москитным флотом» хотя бы обеспечить фланги пехоте, никто не задумывался.

Кузнецов был заинтересованным участником этих диспутов. Проблема выбора флота для России пройдет через всю его жизнь, но тогда он, по его словам, старался выбрать здравый путь, но, одновременно, не попасть в сторонники англичанина Коломба и американца Мехена, военных мыслителей, оказавших большое влияние на сторонников владения морем и сильных флотов. Тема эта обширна и глубока и, по сути, равна идее предназначения

государства в мире. Сам Кузнецов напишет: «В результате споров выяснилось, что абсолютно владеть морем в наших условиях из-за новых средств борьбы невозможно, а без владения морем, хотя бы частью моря, и хотя бы короткий период вести морскую войну нельзя».

За время учебы в академии Кузнецову удалось за счет отпуска совершить плавание в Гамбург и Лондон на пароходе «Кооперация». В Кильском канале Кузнецов вспомнил о Ютландском бое, единственном крупном морском сражении между Германией и Англией во время I мировой войны.

Видел ловлю шотландской сельди, которая стала в XVII в. поводом к первой из трех англо-голландских войн за обладание морем. Позже, к молодости Петра I и далее почти весь XVIII в., за обладание морем шли морские баталии между Францией и Англией. В морских многочисленных сражениях с Испанией, Голландией, Францией к XIX в. Великобритания стала владычицей морей и хозяйкой мировых торговых дорог. Бесцеремонно отхватив Гибралтар как пиратский приз, Англия стала и Средиземноморской державой и двести лет тайно и явно интриговала и воевала за то, чтобы русские корабли не вышли в Средиземное море.

Идеи войн за обладание морем будоражили моряков в аудиториях академии, что было залогом грядущего подъема Российского Флота.

Муклевич, начальник Морских сил республики, выступая в академии перед товарищами Кузнецова заявил: «Строить будем различные корабли, нужные для обороны страны, а не для войны за обладание морями, за господство над океанами. Поэтому отпадает надобность в линкорах и крупных крейсерах так называемого «вашингтонского» типа водоизмещением более 10 тыс. т и огромным радиусом действия».

«Но уже в 1937 г. на сессии Верховного Совета, — пишет Кузнецов, — признано необходимым создать достойный нашей страны крупный флот». И добавляет: «Иметь крупный морской и океанский флот стало общенародным лозунгом и за его строительство взялись серьезно». Наступал крутой поворот в политике вооружений.

Академию, как до этого и училище, Кузнецов закончил с отличием. Это давало право выбора моря и корабля. Вновь, как и после училища, Кузнецов отклонил лестные предложения остаться на Балтике и снова выбрал Черное море, Севастополь и крейсер. Так, в 1932 г. он стал старшим помощником командира крейсера «Красный Кавказ».

***

Незадолго до появления Кузнецова на борту «Красного Кавказа» этот крейсер во время маневрирования помял ударом форштевня корму крейсера «Профинтерн» у кормового орудия. «Красный Кавказ» и себе изрядно повредил «скулу».

Оба крейсера на время стали в ремонт. Начальство на «Красном Кавказе» сменили. Кузнецов появился на крейсере не в лучшее время. Но он был создан для кризисных обстоятельств.

Будущий вице-адмирал Анатолий Николаевич Петров, тогда флагманский специалист бригады крейсеров, вспоминал: «Увидел нового старпома Кузнецова и просто поразился происшедшим переменам. Разработан абсолютно точный распорядок дня, чего не было прежде. С точностью до минуты соблюдается корабельное расписание. Команда в безупречно чистом рабочем платье.

Все, что командиру положено, делается в срок — увольнение, обед, баня. Новый старпом был ближе команде, чем его предшественники, сам хлебнул матросской жизни. Впервые я видел, как новый старпом заставил всех командиров боевых частей, да и нас, флагманских специалистов, разработать методику боевой подготовки. Раньше никакой методики не было.

Все, по сути, началось с крейсера «Красный Кавказ». В полную меру эту работу Кузнецов развернул, когда стал командиром крейсера «Червона Украина». Потом все вылилось в «Курс боевой подготовки» в масштабе флота. Мы тогда только рожали «БУМС» — Боевой устав Морских Сил. Его разрабатывала академия. А курс боевой подготовки на корабле — его, Кузнецова, инициатива и заслуга. Он, помнится, вроде бы и не работал. Стоим на рейде. Выглянешь — старпом на юте. А всюду все вертится. Это было чудом».

Силой своей личности, обаянием и правдивостью Кузнецов увлекал не только любой коллектив, с которым он работал, но способен был неуловимо преобразовывать это сообщество людей светом и заряжать их созидательной энергией. Он и сегодня способен творить чудеса в наших частях, кораблях и в штабах, если его личность и опыт будут верно и благородно осмыслены нашими флотскими офицерами.

Другой сослуживец Кузнецова, флагманский специалист Н. Смирнов рассказывает о тех годах: «С приходом Кузнецова на крейсер «Красный Кавказ» в нашей бригаде крейсеров вскоре все почувствовали, что работать по-старому уже нельзя и что произойдут большие изменения.

Не прошло и пяти месяцев, как этот корабль стал примером

для всего Севастопольского рейда. Что особенно отличало Николая Герасимовича от ряда самых опытных командиров — это глубокое знание организации всех служб корабля, а сам корабль он знал от киля до клотика.

Кузнецов очень тесно был связан со всем экипажем корабля — от рядового краснофлотца до старших офицеров. Особой любовью у него пользовались инициативные, энергичные, любящие свою специальность и морское дело люди,

Всем бросалось в глаза, что краснофлотцы крейсера «Красный Кавказ» были одеты чище и опрятнее всех. Бляхи, пуговицы, обувь не могли не обратить внимание всякого, кто знает толк в морской службе. Еще знали, что если на рейде появилась лучшая шлюпка — по белизне паруса, по окраске, по слаженной работе команды — это с крейсера «Красный Кавказ».

Свидетельства очевидцев и участников событий особенно драгоценны для нас.

За образцовый порядок и высокую боевую подготовку крейсер «Красный Кавказ» первым на Черном море получил право, как награду, носить звезду на трубе. Надо ли говорить, как весь личный состав крейсера гордился этим отличием. В кругу командиров говорили открыто, что это заслуга старпома Кузнецова.

На кораблях у Кузнецова всегда строго поддерживался абсолютный «сухой закон» — ни грамма спиртного.

Вице-адмирал С. Солоухин, старый сослуживец Кузнецова по Испании, вспоминал, как в 40-х гг. приехал Кузнецов с инспекторской проверкой. Солоухин тогда командовал линейным кораблем «Октябрьская революция» («Гангут» царского флота). В кают-компании за обедом Солоухин спрашивает: «Николай Герасимович, разрешите вина подать?» «Нет, — смеется, — с вами рюмку выпьешь, начнете по животу хлопать».

Обладая врожденным тактом, выдающим безошибочно аристократизм натуры Кузнецов с юношеских лет при всем дружелюбии и прямоте, напрочь отвергал фамильярность. Кстати, фамильярность является смертельным врагом любого воинского сообщества, и не только воинского.

Жил старпом Кузнецов на верхней палубе у грот-мачты. Его дверь выходила на площадку для самолета, с которой все было видно и слышно. Любая команда вахтенного командира была под контролем старпома, ни одно событие на корабле не проходило мимо его внимания.

Однажды флагманский инженер-механик Николай Прохватилов, зайдя к старпому Кузнецову, был, как громом поражен увиденным. Старпом сидел и читал книгу на немецком

языке. Надо знать атмосферу и пролетарский уклад 30-х гг. Добро бы Кузнецов был из старых офицеров-дворян, которые изредка попадались на флоте. А тут, свой в доску, брат по классу, как ни в чем не бывало читает немецкую книгу. Прохватилов вспоминал: «Это меня так поразило, что я невольно заинтересовался, когда ему удалось выучить немецкий язык, да так основательно, что я не видел поблизости немецкого словаря».

Оказалось, языком он овладел в академии. Там Кузнецов успел получить диплом 3-го разряда как переводчик с немецкого и французского. На пенсии Кузнецов переводил для издательств книги на морскую тему с английского.

Сам Кузнецов писал о службе старшего помощника командира на корабле: «С годами сложилось мнение, что старпом — первый страж порядка на корабле и самый главный организатор. Поэтому обычно на корабле его больше всех побаиваются. Другой офицер может и пройти мимо легкого нарушения, а старпом обязан его заметить. Днем и ночью он держит в своих руках нити многогранной и беспрерывной корабельной жизни. Поэтому старпому реже других офицеров удается увольняться на берег».

В 1933 г. крейсер «Красный Кавказ» в сопровождении двух эсминцев совершил поход в Турцию, Грецию и Италию. Корабли отдавали ответный визит после посещения Севастополя итальянскими подводными лодками. Вскоре, по возвращении из похода, Кузнецов был назначен командиром крейсера «Червона Украина», на котором он в 1926 г. начинал службу на Черноморском флоте.

Кузнецов как командир корабля — исключительное явление в истории всего отечественного флота после Великого Петра.

Кузнецов командовал крейсером «Червона Украина» с ноября 1933 г. по 15 августа 1936 г. Но даже этот, относительно короткий, трехлетний срок, а со службой старпомом и того больше, дает основание считать его лучшим командиром корабля за всю 300-летнюю историю Российского Флота. Он не был в трех кругосветках как Лазарев, Коцебу и другие, не ходил в первые кругосветки как Крузенштерн и Лисянский, не сражался при Наварине, как Нахимов, Корнилов и Истомин, не водил как святой адмирал Ушаков флоты от победы к победе, но даже в сравнении с этими безукоризненными моряками и командирами, и в сопоставлении с лучшими командирами английского и германского флотов, начиная с лорда Горацио Нельсона и сэра Джона Джеллико, и отважного сэра Дэвида Битти и кончая немецким гросс-адмиралом Альфредом фон Тирпицем и героями великой Ютландской битвы дредноутов 1916 г., агрессивными

адмиралами Францем фон Хиппером и Рейнхардом фон Шеером. К ним мы можем присовокупить и творца Цусимы, известного своими поучениями адмирала Хэйхатиро Того. Но даже в этой элите мировых флотов Николай Кузнецов выделяется как исключительностью судьбы, так и дарованиями командира-наставника. Наши адмиралы Головин, Нахимов, Лазарев, Беллинсгаузен командовали, опираясь на мощную петровскую традицию, и командовали до Крымской войны моряками исполнительными и православными, для которых офицер был хоть и крутым порой, но Богом данным, барином и отцом-командиром. И даже адмиралы поколения порт-артуровцев, вроде адмиралов Эссена и Колчака, сложились в укладе императорского флота и в среде кадет-дворян.

Кузнецов начал учебу в училище Петрограда под грохот расстрелов моряков Кронштадта, повального голода и репрессий. Он стал на мостик «Червоной Украины» в страшный голодный 1933 г., уносивший тысячами людей. Когда он станет наркомом, почти все его предшественники на постах руководителей флотов и наркомата будут казнены.

В этих жутких обстоятельствах особенно светоносен и мужественен облик Николая Кузнецова. Он был как бы послан с иммунной миссией надежды для всей нации. Но, что особенно поразительно, время Кузнецова с точки зрения флотских идеалов и морского духа было едва ли не самым морским временем на Руси после Петра Великого. Гениальность Кузнецова, как моряка и командира, проявлялась всю жизнь в том, что он тысячи мотивов, обстоятельств, норм и подробностей подчинял всегда высшей цели воина — боевой готовности. И в этом качестве он — единственный моряк после Петра, кто оказал формирующее влияние на флоты, не сходя с командирского мостика крейсера «Червона Украина». Такого не удавалось ни одному морскому офицеру, тем более в тридцать лет.

Кузнецов, будучи командиром крейсера, разработал наставление «Боевая готовность одиночного корабля», внедренное на всех флотах. Им же разработан метод экстренного прогревания турбин, позволивший готовить турбины вместо четырех часов за 15–20 минут, что в 15 раз ускоряло готовность корабля к бою. Кузнецов и сам всем своим существом был настроен на боеготовность, как в личном плане, так и в мировоззренческом. Готовность к отпору он носил в крови при строгости и ревностном отношении к воинскому братству. Кузнецов отработал стрельбы большого калибра на высоких скоростях хода крейсера.

С крейсера «Червона Украина» началось движение, известное

на флотах как «борьба за первый залп». Это артиллерийское понятие Кузнецов превратил в символ высшей боеготовности, придав ей стратегические черты.

Благодаря энергии Кузнецова это движение стало достоянием всех флотов. Газета «Красный флот» писала, что «на флотах заговорили о методах организации боевой подготовки по системе Кузнецова, только сам командир утверждал, что он ничего нового не создал».

На вечере в Центральном доме литераторов в январе 1977 г., посвященном памяти Кузнецова, выпускник Морского училища 1936 г. Г. Толстолуцкий вспоминал: «Там мы имели возможность видеть очень интересного человека — командира крейсера «Червона Украина». Молодой, стройный, с особой стрункой командир, он был высокого уровня моряк и славился на Черном море своей требовательностью и принципиальностью. Мы уже знали, что его крейсер завоевал первое место на флоте по всем видам боевой подготовки. Командир же Николай Герасимович Кузнецов был награжден орденом Красной Звезды».

Все на флоте знали, что командир крейсера «Червона Украина» Кузнецов сделал для личного состава много того, чего не было ни на одном корабле Черноморского флота. Для командиров Николай Герасимович организовал по утрам горячие завтраки вместо одного чая с пятьюдесятью граммами масла. На крейсере появились парикмахер и хороший портной.

Кузнецов Богом был создан для владения морем. «Адмиралтейство» означает «владычество морем». Петр I всех своих сподвижников, бойцов и корабелов и, прежде всего, преображенцев и семеновцев, которые первые двадцать лет выполняли роль корабелов, моряков и отборной морской пехоты, всех их исапостол Петр называл «адмиралтейцами», вкладывая в это слово разгадку своего царствования и русской судьбы. Кузнецов бессознательно впитал в себя дух и метод великого адмиралтейца. Первым русским «адмиралтейцем» после самого Петра можно считать св. Митрофания Воронежского, ревностно помогавшего Петру I в создании флота. Святитель Митрофаний — один из небесных покровителей града святого Петра и русского флота. Ему до 1917 г. в Петербурге были посвящены храмы и 6 престолов. Сейчас ни одного.

К августу 1936 г. судьба приготовила Кузнецову новый крутой разворот. Некто в Кремле, самый наблюдательный тогда человек на Руси и великий, без преувеличения, кадровик решил: прежде, чем возвысить Кузнецова, проверить его в жестких обстоятельствах войны за пределами страны. Одновременно он должен был показать способности дипломата и, по существу,

разведчика. Последнее можно назвать высшим качеством мужчины из всех известных достоинств джентльмена. Как говорят сами англичане: «разведка настолько грязное дело, что ею могут заниматься только джентльмены». Однажды эту фразу довелось услышать перед моим выступлением в Военно-дипломатической академии. Произнес ее начальник академии вице-адмирал Кузьмин, в прошлом служивший в Великобритании.

В 1936 г. Кузнецов назначен военно-морским атташе и главным военно-морским советником, а также руководителем советских моряков-добровольцев в Испании. За год боевой службы в Испании Кузнецов удостоен орденов Ленина и Красного Знамени. Редчайшие награды по тем временам.

30 декабря 1937 г. был создан Народный комиссариат Военно-Морского Флота. Сталин спешил. Ему были нужны позарез энергичные и умные люди, обязательно недвусмысленные, во все сферы жизни страны и, прежде всего на командные высоты в наркоматы. Так сразу за Кузнецовым возвысился Жуков и ряд наркомов. Кузнецов отзывается из Испании и назначается 15 августа 1937 г. заместителем командующего Тихоокеанским флотом. Ему 34 года. Каждый вызов в Москву, начиная с командировки в Испанию, а затем на два стремительных назначения на Тихий океан, Кузнецов мысленно надевал чистую рубаху и готовился к смерти. Такова была эпоха расстрельного отбора. Его вызовут в Москву в 1939 г. для назначения на должность наркома. Мучительная поездка в неизвестность занимала от недели до десяти дней поездом. Перед отъездом из Владивостока он оставил конверт командующему округом и просил в случае его смерти переслать матери.

Командование Тихоокеанским флотом тоже было испытанием. Сталин теперь испытывал Кузнецова на самом главном для России театре — Тихоокеанском, с его протяженностью, ресурсами и нарождающимися хищными исполинами. С первых лет царствования императора Николая II Сибирь и Тихоокеанский фланг державы стали доминантой русской жизни. С тех пор любой глава России безжалостно проверялся на пригодность к национальному лидерству по его отношению к «крайнему востоку России» по выражению адмирала Невельского, великого подвижника Руси. Враги навязывали с тех пор этому Востоку имя «Дальний».

Невельской же принципиально назвал свой труд «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России».

Русским Востоком считал этот берег Отечества и современник Невельского и графа Муравьева-Амурского апостол Сибири, будущий святой митрополит Московский Иннокентий

(Вениаминов). Его можно вместе с Митрофанием Воронежским отнести к великим русским морским епископам.

В 1938 г., летом, во время боевых действий с японцами у оз. Хасан Кузнецов в ранге командующего Тихоокеанским флотом организует доставку морем в залив Посьетта боеприпасов, снаряжения и вывозит раненых. Туда же он отправляется с маршалом Блюхером к месту боев.

Безопасность рубежей и укрепление границ и флота поглощают все его мысли.

С древних времен на Руси считалось временем воцарения сатаны, когда «не стало звона колокольного». Признаком таких же страшных времен угона в полон и появления нечисти являлось отсутствие на рубежах военно-православной стражи в лице казачества. По отношению к вере и границе узнавался всегда хозяин земли русской. Став командующим, Кузнецов сразу стал созидать на рубежах. Он доказал в Москве, что Владивосток должен вновь стать закрытой военно-морской крепостью, а торговый флот следует перебазировать в порт Находку. Его поддержал Жданов, который курировал в Политбюро силовые ведомства и воспринимался как один из возможных преемников Сталина.

Кузнецов приехал со Ждановым по этой проблеме в Находку. Николай Герасимович напомнил Жданову как сподвижник Невельского, будущий адмирал Бошняк, тогда лейтенант, выйдя на берег одной из лучших гаваней мира невольно воскликнул: «Шапки долой». Гавань в честь главного тогда двигателя Руси к океану Николая I назвали «Императорской».

Кузнецов продолжил здесь дело Петра I и адмирала Невельского, и графа Муравьева-Амурского.

Так начался путь самого великого руководителя Военно-Морского Флота России, за триста лет после ухода Великого Петра, — Николая Кузнецова, — лучшего командира корабля всех морей мира. Флагман Кожанов, называя его в 1935 г. «самым молодым командиром всех морей мира», за этой партийной сдержанностью скрыл, разумеется, под словом «молодым» истинное определение, рвавшееся у флагмана из груди. А именно: самого лучшего командира всех морей мира. Именно так прочли моряки статью флагмана, который получит вскоре свою пайку свинца.

С должности командующего Тихоокеанским флотом Кузнецов назначается народным комиссаром Военно-Морского Флота. Два его предшественника на этом посту, Смирнов и Фриновский, были казнены. В том же 1939 г. на Русском Востоке у Вала Чингисхана взойдет звезда величайшего полководца истории

Георгия Жукова. Он разобьет 6-ю армию Японии у р. Халхин-Гол. Пути двух великих сынов России, двух былинных деревенщиков и кремневых характеров не раз пересекутся, высекая искры и радуя недругов. Оба они «падут» жертвой Хрущева.

Но тот же 1939 г. преподнес Кузнецову лучший в его жизни дар — спутницей моряка стала Вера Николаевна Шетохина, женщина верная, возвышенная и мудрая. Поездка по Транссибу из Владивостока в Москву стала для нее чудным свадебным путешествием. Как и святые княгини на Руси, Вера Николаевна через верность и единение в браке утверждает с супругом царское достоинство человека на земле. Пусть они не венчались в церкви и над ними не держали венцов, но тот, кто ведает все, и без обряда прочитал в их сердцах, что свое предназначение на земле они оправдали.

В Испанию уезжал в 1936 г. лучший командир корабля всех морей мира. Теперь же через три года покидал берег океана с Русского Востока флотоводец, которому суждено стать лучшим морским министром за триста лет.

* * *

Бог одарил Николая Кузнецова крепкими родовыми корнями и родичами с сильными, самостоятельными характерами. Один брат матери — крепкий балтийский матрос, брат отца — владелец буксирного парохода, другой дядя по отцу, тоже моряк, участник русско-японской войны, а позже матрос в охране русского посольства в Берлине. Деревня родная Медведки, в пойме Северной Двины с заливными лугами. Лучшим временем в году для мальчишек была пора сенокоса. И не для одних ребят. К сенокосу, как к празднику, готовились и стар, и млад. Женщины пекли пироги. Девушки готовили лучшие платья, парни гармошки. Через Северную Двину переправлялись на просторных карбасах, куда вместе с пожитками заводили и лошадей с телегами. В лугах звенели косы. Девушки ворошили сено. Мужчины косили. Мальчишки возили сено. Песни не смолкали над полями. В ночном с мальчишками оставались старики. Их рассказы у костра о преданиях родного края были едва ли не главными и сокровенными «университетами» на всю жизнь. Кузнецов вспоминал: «Особенно интересны были сказы о Северной Двине, о Тотьме с ее храмами на берегах Сухоны, похожими на корабли с колокольнями — мачтами, плывущими по реке».

Отсюда артели промысловиков ходили до Колымы и Аляски.

Русский Север выдвигал веками духовных подвижников и предпринимателей мирового масштаба. Передовщики, как называли вожаков промысловых артелей, от родного дома добирались до Колымы целый год. После соболиного промысла еще год возвращались к семьям своим и возвращались часто людьми состоятельными. Из прибыли покупали наряды женам и дочерям, рубили себе родовые высокие избы осадной архитектуры, возводили обетные храмы. Артели придерживались суровых неписанных правил. Соблюдали сухой закон. Верны были отеческому благочестию. В поступках, в корабельном деле, в охоте, во всем придерживались крупного стиля людей дельных и верных. Только такие общины и могли сохранить до XX в. былины киевской поры.

На юге Руси память была разорена нашествиями, полоном, пожарами, раздорами. На Русском Севере зимними вечерами у огня, вологодцев и поморов продолжали волновать былины о князе Владимире и богатырях, как-будто они были живые современники.

Имени Николай, которым его нарекли в святом крещении, Кузнецов с детства придавал особое значение, оно как бы определяло изначально его судьбу. Николай Угодник, самый любимый святой по всей Руси, был покровителем моряков и звал его в море. Как говорили у него на родине «от Холмогор до Колы, тридцать три Николы». Храмы покровителю мореплавателей и плотников — корабелов были особенно часты в краю, где морем были пронизаны все предания, заботы и сам воздух.

Долго болевший отец его, Герасим Федорович, умер в 1915 г. страдной порой. Все хозяйство легло на плечи 14-летнего старшего брата Савватия. Отец незадолго до смерти все сокрушался, что соха Савватию не по силам и успел купить ему плуг.

Брат отца Павел Федорович взял 11-летнего Колю к себе в семью на воспитание в Архангельск. Первый корабль, на борт которого ступил Николай Кузнецов, был небольшой колесный буксир его дяди Павла, названный «Федор» в честь деда. Сходня была брошена с буксира прямо на песчаный берег Северной Двины. Дядя Павел сказал: «Пойдем до Шенгурска без барж, а там подхватим одну и будем быстро дома».

Николай бросил свои вещи на кипы льна у буксирных тросов и с чувством человека, отправляющегося в далекие страны, расположился там же, на расплющенной корме. Архангельск ему представлялся городом сказочным и далеким, городом его детских грез.

Два сына и три дочери дяди Павла учились в гимназии.

Николай зиму проходил в школу. Много читал. Любил книги о странствиях и открытии новых земель. Тогда одно за другим уходили в Арктику исследовательские суда Русанова, Седова, Вилькицкого. Умами владели дерзкие идеи о достижении полюсов земли.

Однажды рыбаки взяли на промысел Николая. На шхуне он был за впередсмотрящего. Он выстоял на носу шхуны в шторм, не укачался, и старый рыбак похвалил: «Да ты, брат, и не укачиваешься! Будешь добрым моряком».

Работая рассыльным в Архангельском порту, Николай Кузнецов пропитывался не только солеными ветрами, но и всей атмосферой географических дерзаний, озвученной тревожащими душу гудками пароходов, шумом причалов и тревожными разговорами о немецких подлодках, подстерегающих суда. Летние месяцы Николай проводил в родном селе, помогал матери по хозяйству. В 1919 г. 15-летний Николай Кузнецов, прибавив себе два года, вступил добровольцем в Северо-Двинскую флотилию. Из-за высокого роста и серьезности нрава никто не заподозрил подделку. Отныне его флотская судьба была определена.

В конце того же года добился перевода на канонерскую лодку, в боевой экипаж. Дядя Павел, сам в прошлом кронштадский матрос, отнесся с пониманием к порыву племянника. Вскоре Северо-Двинскую флотилию расформировали, но Кузнецов остался служить на флоте. Рослый, энергичный и грамотный матрос нравился командованию. В 1920 г. было решено отправить Кузнецова в Петроград в подготовительную школу для поступления в Морское училище, в бывший прославленный Морской кадетский корпус. Подготовительная школа помещалась в помещении бывшего Гвардейского экипажа. Кузнецов из глубоковерующей честной и трудолюбивой семьи принял социальные идеи революционной философии только в их глубинной правде, чистым сердцем юноши — в самых идеальных формах. Он как-будто даже не изменил вере отцов, а только поменял знакомый язык, даже усилив устремления к правде и чистоте жизни. К приезду в Петроград в 1920 г. ему было только 16 лет.

Становление Кузнецова должно было произойти в святом граде Петра Великого, в морском сердце России. Первые годы ему предстояло жить в стенах Гвардейского экипажа, затем учиться в прославленном корпусе, в Севастополе стать лучшим командиром корабля всех морей мира.

Когда Николай Кузнецов поступил в училище, на кроватях бывших кадетов еще не стерлись выведенные белой краской

имена хозяев: князь Ливен, князь Трубецкой и другие столбовые русские фамилии. На учебниках читались автографы Бутакова, Колчака. Все преподаватели были офицерами императорского производства и носителями вековых традиции русского флота. Здесь кумачовым безродным криком ничего не добьешься. На флоте аристократизм не только действенен, но и спасителен. Именно в этой сфере и проявилось величие Кузнецова. Он был послан соединить разорванную расстрелами традицию петровских стольников — дворян. Флот, как и хорошая армия, вне служения, вне аристократизма несет не защиту государства, а гибель.

Смысл флота в аристократизме, а может быть и смысл жизни. Лучше всего это поясняется на сущности языка и, прежде всего, языка литературного. Всякое обогащение языка диалектными родниками, развитие языка, переход его в стадию «цветущей сложности» (К. Леонтьев) сами языковеды даже на научном уровне называют «аристократизацией языка». В этом случае русский литературный язык, уходящий корнями в киевские пласты, является литературным языком, как русских, так и белорусов и украинцев. Высокая религия есть всегда аристократизация духа и действия, также как атеизм есть плохо скрытая, а порой и бесчинствующая деградация и пошлость. Некоторые люди, а именно такими были Петр, Пушкин, Константин Леонтьев, Столыпин обладали как бы абсолютным слухом к аристократическим формам жизни. Человек, склонный к сквернословию, мату, ненавидящий самоограничение, напряжение, дисциплину, есть, мягко говоря, антипод дворянского духа жизни. Дворянин — не сословное понятие, а вечное и всегда востребованное, пока идет развитие жизни в сторону отваги и благородства.

Без этого отступления нам не понять ни одного дня из жизни человека, который создаст воинское поучение «о боевой готовности одиночного корабля». Государство — тоже одиночный корабль в мире, и его боевая готовность — смысл жизни экипажа.

Тайна неувядаемого восхищения перед личностью Кузнецова в его верности эстетизации жизни при любых обстоятельствах. Когда Кузнецов в Петрограде жил в бывших казармах императорского Гвардейского экипажа, последний Великий старец Оптиной Пустыни отец Нектарий, любимый ученик отца Амвросия послал благословление Петрограду как «самому святому городу во всей России». Таковым он и остался по сей день.

Ни один город в России не вынес столько казней, сколько выпало на долю Петрограда. А впереди была еще блокада.

Благословение свое послал отец Нектарий, когда рядом с усыпальницей Ксении Петербургской коммунисты закопали на Смоленском кладбище живьем сорок священников. Нектарий тогда на Руси был высшей духовной инстанцией.

Ведал ли об этом 16-летний матрос Николай Кузнецов, уроженец глухой деревни Медведки, когда явился в 1920 г. в Петроград под старинные крыши бывшего Императорского гвардейского экипажа. Видимо ведал. Судя по всем его жизненным поступкам с юности, он относился к тому типу людей, которые, не заглядывая в архивы и даже книги, знают о своей эпохе все. Он даже постигал, что Петроград к его появлению здесь, уже 217 лет является самым святым городом на Руси. Он мог не знать, что Петр I, закладывая город и Петропавловскую крепость, положил в ковчежек мощи святого апостола Андрея Первозванного. Прежде чем положить ковчежек в ямку, царь собственноручно снял дерн в форме креста. Храм, крепость и город он посвятил святому Петру, на день памяти которого родился. Но юноша Кузнецов, как и миллионы русских людей понимал, что на самом деле святой Петр это и есть сам Государь — помазанник русский. Андреевский флаг на флоте еще не был отменен окончательно. И Николай Кузнецов чистым сердцем истинного моряка понимал, что Петроградом город зовется по Петру, преобразователю русской земли, как и все в этом морском городе. Тот же кафедральный и главный храм России Исаакиевский собор назван по имени Исаакия Далматского, на день памяти которого 30 мая родился царь Петр. На самом деле храм посвящен не Исаакию, а Петру, который основал его в 1710 г., передав под церковь чертежный амбар, что у Адмиралтейской верфи — крепости. В этом корабельном амбаре царь сам вычерчивал корабли со своим сверстником Феодосием Скляевым, с которым не разлучался с 4-летнего возраста.

Главный на Руси храм Исаакиевский посвящен дню рождения Петра — государя и контр-адмирала. Он с юности не перешагнул ни через одно звание. Корабельный амбар, в котором помазанник чертил корабли, бессмертен и он вписан навечно в алтарь Исаакия, как бы собор не перестраивался бы и не менял свой облик. По существу Исаакий — это Петровский собор и Адмиралтейский.

Николо-Богоявленский храм Екатерина велела впредь именовать Морским собором. В этом смысле Исаакий следовало бы именовать Петровским, ибо ни одна церковь в мире не рождалась из корабельного чертежного амбара.

В том же 1710 г. контр-адмирал Петр Алексеевич основал Александро-Невский монастырь, сам перенес туда мощи святого

князя и в его монастыре положил начало всему духовному образованию в России.

Николай Кузнецов знал самое главное, что ему следовало знать. Он приехал учиться в морскую столицу, в город Петра — корабела и морехода, и послан сюда русским Севером, где впервые царь Петр состоялся как моряк, до Азовских походов. Тогда в 1694 г. на царской яхте «Святой Петр» впервые упомянут корабельный иеромонах. И главное, Николай Кузнецов на всю жизнь запомнил слова капитана рыбачьей шхуны, на которой он был впередсмотрящим: «Настоящие моряки в России только здесь на севере».

И духовно, и флотски юношу сформировал град Петра и училище, основанное Великим Петром. В те годы начальниками училищ еще служили дворяне — офицеры императорского производства Винтер, Бологов, Ралль. Их выправку, по признанию Кузнецова, он запомнил на всю жизнь. Даже после возвращения их курса с похорон Ленина, когда Петроград стал Ленинградом еще можно было слышать в стенах морского училища обращение — «Господа!»

Дважды Кузнецов за время учебы побывал в Москве. Оба раза в связи с похоронами — сначала Ленина, а на следующий год — Фрунзе. Участие курсантов в этих общегосударственных акциях совместно с руководителями страны, разумеется повышало самооценку курсантов и усиливало их чувство причастности к историческим вехам. Во время его учебы Петербург был разграблен, испытывал лишения, замерзал зимами, голодал и был покинут правительством. В этой своей оставленности и беззащитности Петроград казался особенно прекрасным и являл свою таинственную сущность, за которую Достоевский назвал его «самым мистическим городом на земле».

Но молодость клокотала в курсантах. Время было голодное, страшное, но не вялое. Много ходили на парусных ботах по Неве. Вожаком в гребно-парусных вылазках всегда был Кузнецов. Он считал, что на нем, как на потомке помора, лежит особая морская миссия. «Настоящие моряки только на севере» вспоминал он слова командира шхуны, услышанные им в море подростком.

Столовая зала в Морском училище всегда считалась одним из самых вместительных помещений Питера. Не раз там проводились общегородские партийные конференции. Часто пел Шаляпин. Но драить до блеска эту палубу приходилось потом курсантам. Курсанты гордились своим училищем и городом. Морской кадетский корпус оставил им в наследство беззаветную любовь к России и такую же веру в правду. Все в училище было подлинным, ибо флот держится на верности и чистоте

отношений. Облик города на дельте полноводной реки и стены училища, которые видели всех русских флотоводцев и императоров, эстетически формировали души моряков.

На всю жизнь в памяти Кузнецова остался Компасный зал родного училища. Коридор, который вел в столовую залу, в середине расширялся и принимал форму круглой светлой залы. Здесь на полу в старину цветным паркетом была выложена картушка компаса со всеми тридцатью двумя румбами. Раньше на эти румбы ставили провинившихся кадет. Стоять на румбах пришлось и поколению Кузнецова.

Со стен коридора смотрели работы крупнейших живописцев, в том числе Айвазовского и Боголюбова. Все работы подлинные. В этом великом учебном заведении все было подлинное. Любая фальшь погибала в морском воздухе этого учебного заведения.

Лето пролетало в практических плаваниях. На учебном корабле «Комсомолец» Кузнецов побывал в Швеции и Норвегии. На крейсере «Аврора», участнике Цусимского сражения, ходили вокруг Скандинавии.

Судя по мемуарам Кузнецова, курсанты, а особенно такие духовно чуткие, как земляк Иоанна Кронштадского, Николай Герасимович, хорошо отличали в училище и на флоте офицеров царского производства от начальников, выдвинутых на командные должности из рядовых моряков. Курсанты знали, что морскому делу и традициям могут их научить первые, за плечами которых вековой опыт и вся морская слава Руси. Кузнецов был особенно наблюдателен. В его записках встречается строка: «встречались даже священники из бывших флотских».

Но дух напора и веры в великое будущее русского флота исходил в основном из среды бывших революционных моряков, но и они несли потери. На следующий год по приезде Кузнецова в Петроград в крови потопили большевики восстание Кронштадских моряков.

В этой атмосфере, как говорили тогда «классовой борьбы», взрастало поколение Кузнецова. Для большинства курсантов протесты прихожан, скорее всего, воспринимались как вылазки реакционных темных масс, одурманенных церковниками. Храмы закрывались. Но силуэт Петрограда был еще императорский. Это когда Кузнецов будет учиться в академии, тогда взлетят на воздух до трех десятков великих творений церковного искусства. И среди них Спасна Водах.

Будущий нарком Военно-Морского Флота Николай Герасимович Кузнецов, а мы о нем ни на мгновение не забывали, поступил в училище, основанное Петром I, приехал в город, созданный Петром и будет командовать флотом, сработанным

Великим Петром. Кто знает, может именно Петр, посланный Богом на землю выковать имперский доспех для Святой Руси в качестве вечно «удерживающего» и всегда присутствующего в своей земле и столице, выбирал с детства Кузнецова в спасители, продолжателя своего дела. Как Государь — помазанник и Первосвященник он мог умолить Господа.

Не поставив точку в этом вопросе нам нельзя переходить к периоду командования Кузнецовым флотом. К моменту появления Кузнецова на Неве, в граде Петра, во всех четырех флотах Советской России не было даже катера, созданного коммунистами. Все корабли до единого были царской постройки, а от революционеров были пока только вши, холод, тиф, голод и расстрелы. Вот из какой бездны предстояло возрождать флот Петра.

Судьба миропорядка, знамени над рейхстагом, уранового проекта, подводных атомных эскадр, прорыва в космос и миллионов конкретных судеб и, прежде всего, судьба самого Кузнецова решалась в те годы, когда будущий адмирал учился в старинном морском корпусе. Это годы 1923–1926. Именно в эти годы Сталин выиграл непрерывное безжалостное сражение за руководство разоренной державой. Никогда уже, до самой смерти, Сталин не показывал такой воли, сверхпроницательности, фантастической изворотливости, стальной гибкости и последовательности как в эти годы, когда он 45-летний политик оправдал свой псевдоним. Он знал, если не он уберет соперников, то они его уничтожат. Он, по сути, пробился сквозь толстый слой политического асфальта. Казалось бы, никаких шансов судьба ему не оставила. До похорон Ленина, на которых в карауле стоял курс Кузнецова, практически у Сталина не было общенародного имени, его затмевали другие. Троцкий был так уверен в своей несокрушимости, что даже не прервал отдых в Сухуми и не приехал в Москву на похороны Ленина. Троцкий тогда был всесилен и превосходил по популярности и самого Ленина. Он — председатель Реввоенсовета, наркомвоенмор, и даже председатель исполкома Коминтерна. Даже помыслить никто не мог бросить ему вызов. Зиновьев безраздельно командовал Петроградом, Каменев со товарищи господствовал в Москве. Он же, Каменев, еще и председатель Политбюро, и председатель Совмина, точнее Совнаркома.

* * *

Стартовым годом влияния Николая Герасимовича Кузнецова

на общегосударственные дела стал 1939 г., месяц апрель, 28 дня. В этот день он назначен народным комиссаром Военно-Морского Флота Советского Союза. Это очень важный год в жизни 35-летнего моряка. Флотский наркомат существовал второй год. Предшественник Кузнецова на этом посту Михаил Фриновский в том же году был казнен. Фриновский не имел в жизни никакого отношения к флоту, и после 1917 г. имел дело только с органами ВЧК и НКВД. На флот его поставили с должности начальника главного управления пограничной и внутренней охраны НКВД. Смена двух наркомов в 1939 г. полна глубокого значения. Фриновский оказался последним руководителем флота после 1917 г., жизнью поплатившимся на этой должности. Кроме того Кузнецов был качественно новой фигурой, знаменующей глубокие внутренние политические перемены в России. Будем помнить, что в том же 1939 г. началась война в Европе, и взошла у вала Чингисхана на реке Халхин-Гол звезда Георгия Жукова. Зимой того же года начнется «зимняя война» с Финляндией.

Главные события в жизни общества и всего мира происходят без триумфов и фанфар и бывают видимы только редчайшим людям, обладающим даром тайнозрительства. Мы в работе об адмирале Кузнецове не забываем о духовной жизни общества, руководствуясь суждением Суворова о том, что офицер должен быть и «немного богослов». Один из самых глубоких русских умов XX в., выдающийся богослов, митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (Нечаев) коснулся мистического понятия порубежных явлений в жизни людей на примере Святого Писания. Он в 2003 г. в предисловии к изданию книги «Пограничная Академия» заметил: «Неслучайно Александр III, учреждая Отдельный корпус пограничной стражи, определил ему и храмовый праздник — Введение в храм Пресвятой Богородицы, который является границей между древним библейским Заветом и Христовой Церковью. В праздник Введения в храм впервые начинают звучать слова Рождественского гимна».

Нет ни одного моряка, который не был бы и пограничником. Все до единого корабли флота базируются на границах России вдоль побережий. Общая протяженность границ сегодняшней Российской Федерации равна 60 932,8 км. Из них сухопутной границы только 14 509,3 км. Морскую границу с военными моряками охраняют морские пограничники со своим флотом и авиацией. Не случайно в 1939 г., как мы убедимся позже, командарма 1 ранга, пограничника Фриновского, который путался в морских терминах и смущался в среде моряков, заменит флагман Кузнецов, чекиста сменит коренной помор-моряк. Граница всегда имела на Руси глубокий сакральный

смысл.

У России сто тысяч километров внутренних водных путей, и вместе с морской границей они составляют единое целое. Морской флот Руси начинается с речного, и они живут и воюют в единстве. Это необходимо всегда иметь ввиду, когда речь пойдет о новом поприще флагмана Кузнецова, а, посуществу, полем деятельности нашего морского министра являлось все пространство страны. В этом коренное отличие России от всех стран мира, ибо только в России существовало министерство речного транспорта и только в России действовало на правах министерства Главное управление Северного морского пути, позволявшего осуществлять военный межтеатровый маневр и Северный завоз. Только в России военно-морской министр обязан был деятельно курировать министерство речного флота, судостроения, морского транспорта, рыбного флота, ибо все они были его стратегическими резервами на случай войны. В России человек, не способный управлять боеготовностью флотов и энергично и мудро влиять на свои резервы в полудюжине министерств, не может соответствовать должности военно-морского министра. Все эти задачи и в государственной совокупности, и в мельчайших деталях флотского быта и воспитания рядовых, старшин и офицеров оказались по плечу 35-летнему наркому Кузнецову. Первые же его действия на этом посту поражают мужеством, умом и размахом.

5 апреля того же 1939 г. они завершили с Ждановым поездку в Императорскую гавань и убедились в необходимости строить большой порт Находка и перевести туда все торговые морские дороги.

Правительство 27 апреля 1939 г. утверждает перенос торгового порта в Находку. На следующий день Кузнецов становится наркомом. Основанием Находки Кузнецов сделал родной стране, в первый же день на должности, более чем наркомовский подарок, но что особенно важно он, выражаясь названием книги адмирала Невельского, продолжил «подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России». Таким образом, 28 апреля знаменовало рождение государственного деятеля петровского стиля — крупного и созидательно-наступательного характера — истинного адмиралтейца.

С основанием торгового порта Находки он (город) становится центром внешнеэкономических связей на всем тихоокеанском береге Отечества, а Владивосток вновь обретает статус закрытой военно-морской крепости.

Абсолютным показателем ценности руководителя любого ранга является его понимание сокровенных тайн кадровой

политики, способности к отбору и умению воспитывать и продвигать кадры. Собственно кадры и есть альфа и омега руководителя любого ранга и в Вооруженных Силах, и во всех сферах гражданской жизни — вузах, заводах, ЖЭКах, фермах, портах, больницах и школах.

27 апреля, за день до приказа о своем назначении наркомом ВМФ, Кузнецов открывает заседание Главного военного совета наркомата и ставит вопрос о подготовке кадров для флота, о наличных кадрах флота и их будущности.

Кузнецов за любое дело брался всерьез и начинал с основ. Данные об этом заседании мы извлекли из замечательной книги «Флотоводец» с подзаголовком «Материалы о жизни и деятельности Адмирала Флота Советского Союза Кузнецова Н.Г.», подготовленной за многие годы Раисой Васильевной и Верой Николаевной Кузнецовыми и изданной в 1999 г. Общероссийским Движением Поддержки Флота (ДПФ). Как и пять лет назад, так и сегодня ДПФ является единственной общественной силой, которая через все свои шестьдесят два отделения по всей стране придает чествованиям героев русского флота и знаменательным датам флота, поистине общенародный характер.

Движение Поддержки Флота во главе с Михаилом Ненашевым явилось ударной силой в проведении торжеств по всей стране, связанных с 300-летием Российского флота, оно же в 1999 г., пожалуй, единственное, не считая Морского центра во главе с адмиралом И.В. Касатоновым, в стране отметило 95-летний юбилей со дня рождения адмирала Кузнецова и провело всероссийскую научно-практическую конференцию под названием «Национальная морская политика России: разработка и реализация», и впервые после Петра Великого сформулировало стратегические задачи и смысл национальной морской политики, которая призвана быть стволом всей государственно-национальной политики. Многолетняя деятельность Общероссийского Движения Поддержки Флота показывает — какой гигантский потенциал заложен в действующей в интересах страны общественной организации, без которой немыслимо открытое гражданское общество.

Той же весной 1939 г. Кузнецов специальной директивой всем командирам соединений, дивизионов, кораблей 1 и 2 ранга, не имеющим академического образования, но желающим получить его, распорядился направлять свои рапорты в наркомат ВМФ или ему, наркому, непосредственно.

Перед этим флагман 2 ранга Кузнецов издал приказ о восстановлении кают-компании, как места встреч офицерского состава. Это самостоятельное решение Кузнецова в стране, где

еще вчера слово «офицер» имело расстрельно-запретные ассоциации, говорит о высочайшем его духовно-нравственном уровне и обезоруживающей врагов отваге. Без кают-компании не бывает общества офицеров, без этого рыцарского собрания корабль мертвеет, лишается души и напоминает невольничий экипаж, угнетенный страхом, подозрениями и слухами, с кнутобоем — начальником. Ни один военачальник ни на флоте, ни на суше не мог тогда подняться до такого понимания ратной службы офицерства, ни полководцы Жуков, Рокоссовский, Тимошенко и никто другой.

Без кают-компании корабль, как и полк без офицерского собрания, никогда не будет духовной единицей.

Той же весной Кузнецов переводит центральную флотскую библиотеку вместе с музеем Военно-морского флота из здания Адмиралтейства в бывшую Фондовую биржу на стрелку Васильевского острова, где и сейчас они пребывают в здании, поражающем строгим античным ордером с ростральными колоннами. Кузнецов преобразовывает картографические цеха флота в картфабрику ВМФ и укрупняет военно-морское издательство. Настоящего лидера всегда можно определить по его отношению к слову. Если издательское дело, телевидение и газеты не являются у военачальника ведущим разделом в боевой подготовке, значит он ничего не смыслит в боеспособности, как отдельного человека, так и воинской части — и на этом сером специалисте можно ставить крест. Кстати, по этому показателю можно судить и о гражданском начальнике.

В мае 1939 г. нарком под своим флагом выходит в Черное море и проводит крупные учения флота. В Доме флота в Севастополе Кузнецов с доскональным знанием дела лично проводит разбор учений, и оценивает действия как отдельных кораблей, так и эскадр и флота в целом. Нарком Кузнецов заражает флот энергией дерзаний, призывает к совершенной морской выучке, овладению техникой и, главное, непрерывному совершенствованию организации дела, вкуса к самоорганизации и закалке духа и дисциплины флота. Недаром Кузнецов еще четыре года назад был лучшим командиром корабля в Военно-Морских Силах. Он провел осмотр всех кораблей от трюма до клотика и переговорил с личным составом.

Правительство по настоянию наркома Кузнецова приняло решение о приеме на корабельную службу неограниченного количества сверхсрочников и об улучшении их быта и денежного содержания.

Конец весны 1939 г. Он в наркомах только месяц и ознаменовал начало своего пребывания на должности

требованием рассмотрения вопроса о переводе главной базы Балтийского флота из Кронштадта в Таллин. Дело не в том, что пребывание штаба в Кронштадте усложняло управление. Здесь более глубокий смысл. Перед нами возрожденный гений Великого Петра, проявившийся в поморе. Тайна гения Петра I в выборе места новой столицы. Он не прячет столицу в глубине континента, не прячется за засечными чертами, а смело идет, как он сам выражался «не под лапу зверя, а в самую его пасть». В этом дерзновенном решении Петра вся его глубинно-народная казачья душа проявилась. Он, как и казаки, до прихода еще Андрея Первозванного, захватывает устья родных рек, чтобы не пустить супостата в глубь Отечества, где дети, семьи и погосты. И в этом же поступке богатырское доверие к своим силам, что выражено у Святослава в знаменитых словах: «Хочу на вы идти». Здесь и стратегический расчет, и воля и вкус к опасности, в которой мужает народное сердце.

Но есть еще один сокровенный смысл в стремлении Кузнецова к выходу из Финского залива. Это стратегия, свойственная только морскому сознанию. Строго говоря, только морской и океанический кругозор создают полную государственную стратегию и способны к геополитике. Только моряк Петр мог создать морскую крепость по защите Финского залива, крепость, которая триста лет спасала Петербург. А раз столицу, то и всю Россию. Петр сделал из острова Котлин неприступную крепость. Вооружил батареями подходы к Кронштадту. Поставил пушки большого калибра на п-ове Ханко, в Ревеле, на Аландских островах и на островах Эзель и Даго. Когда после Цусимы Россия потеряла флот, и столица оказалась под угрозой, Император Николай II вместе со своими лучшими морскими офицерами-адмиралами Ниловым, Эссеном, Григоровичем, Непеиным, Колчаком и другими усилил все батареи на островах и у побережья и официально ввел в состав Императорского русского флота отдельно боевую структуру со штабом под названием: «Морская крепость Петра Великого». Так Петр уже триста лет спасает Россию, которую создал. Тогда же появились на обеих берегах Финского залива две сверхмощные батареи большого калибра. В Ино за нынешним Зеленогорском в честь царя батарею назвали «Николаевской», а в Красной Горке в честь цесаревича — «Алексеевской». Две августейшие батареи, освещенные царственными именами отца и сына надежно перекрывали Финский залив. Даже после 1917 г., когда в Ино вошли финны, они, пораженные грозным величием батареи, даже предполагая, что их изгонят, не тронули батарею, которую обслуживали раньше несколько тысяч моряков. Обе батареи

спасали Питер и в блокаду. Рука на них поднялась только у Хрущева. Он их воспринимал как часть русских святынь и уничтожил вместе с десятью тысячами православных храмов.

Тогда, весной 1939 г. с одобрения Сталина Кузнецов энергично восстанавливает всю морскую крепость Петра Великого на Ханко (Гангут), в Ревеле, на островах Эзель и Даго, в Либаве, Виндаве и Риге. Ни один сухопутный военачальник не смог бы осмыслить значения крепости Петра Великого, только настоящий моряк и разве что такой незашоренный и проницательный политик как Сталин.

В тот же год, 22 июня Кузнецов добивается постановления Совета народных комиссаров о ежегодном праздновании Дня Военно-Морского Флота. 24 июля 1939 г. страна впервые отметила День Военно-Морского Флота. Кузнецов хотел сделать флот частью народной культуры и национального переживания через парады, музыку, праздничных мужчин в бескозырках, ликующих граждан на бульварах на фоне расцвеченных кораблей.

Кузнецов был одарен органичным эстетическим гением. Он выражался, прежде всего, в его правдивости, собранности и безукоризненной внешней выправке и главное — в вечном стремлении к совершенству. Это Кузнецов вернул народу забытую было песню, первые слова которой знает теперь весь народ: «наверх вы, товарищи, все по местам, последний парад наступает». Эту песню будут петь все грозные годы войны, а однажды запоют и танкисты, закрывшись в подбитом и охваченном огнем танке.

Знаменитый певец Иван Козловский вспоминал на вечере, посвященном адмиралу: «В грядущем Николай Герасимович останется в облике воина, гражданина, необычайно гармоничного, родного человека. Он был прост, но не простак. Он хорошо понимал своих подчиненных, знал душу моряка. Как-то за несколько лет до войны, я с концертной бригадой прибыл на Черноморский флот и оказался на крейсере «Червона Украина», которым командовал Кузнецов. Нас он тогда попросил: «Вы, товарищи, только не подстраивайтесь под народ: наши моряки чечетку и «яблочко» сами исполняют не хуже вас. Вы покажите им классику. Мы не могли ослушаться командира. После концерта моряки нас долго не отпускали. Сейчас мало кто знает, что благодаря Николаю Герасимовичу нашему народу были возвращены уже почти забытые в тридцатых годах песни «Наверх вы, товарищи, все по местам» и «Калинка». Как-то я спел «Калинку» адмиралу. Она ему очень понравилась, о чем он рассказал тогдашнему наркому обороны Ворошилову. И тогда было поручено руководителю Ансамбля песни и пляски Красной

Армии композитору Александрову разучить «Калинку». Вскоре песня зазвучала в одном из концертов в Кремле, что и стало началом ее второй жизни».

На том же вечере Козловский поведал слушателям: «Николай Герасимович был непревзойденным королем танцев. В спутницы жизни он выбрал уважаемую всеми его друзьями Веру Николаевну — красивую, мудрую, скромную.

Обращаясь сейчас к ней, я говорю: «Спасибо вам, Вера Николаевна, за поэтическое начало, за вашу любовь, преданность, мужество, которые проявили вы в трудные и горькие для Николая Герасимовича дни и годы. Спасибо всей вашей семье».

Тот первый праздник Дня Военно-Морского Флота особенно взволновал флагмана Кузнецова, ведь это было его детище. Да и времени к празднованию дня флота почти не оставалось, но воодушевление охватило все четыре флота и флотилии. Раньше всех, как и следует, подняли свои кормовые флаги и флаги расцвечивания корабли Тихоокеанского флота, во Владивостоке, где еще грустили об уходе их славного командующего. В проливе Босфор Восточный в две кильватерные колонны выстроились эсминцы и подводные лодки. После объезда рейда и поздравления моряков на флагманский эсминец поднялся командующий тихоокеанцами Юмашев. Крупнее кораблей, чем эсминцы на Тихоокеанском флоте у нас не было тогда.

И к 1941 г. на Тихом океане станет немногим лучше. Северным морским путем придут несколько эсминцев, ряд подводных лодок, да прибавятся два легких крейсера. Такой флот называют прибрежным или уничижительно «москитным». Рядом у Японии, страшно подумать: 4 чудовищных авианосца, 6 могучих дредноутов, 7 крейсеров, 22 эсминца и 44 подводных лодки.

Но единственный в своем роде феномен заключался в том, что по духу своему Тихоокеанский флот был могуч и непобедим, даже на своих прибрежных скорлупках грозно поглядывал в сторону Японии. Все дело в том, что моряки видели, что народ ими гордится, а себя они воспринимали солью русской земли. В гражданскую войну партия требовала, чтобы на каждую тысячу красноармейцев выделялось «по взводу товарищей моряков». А тут еще весь народ заводами и колхозами пошел на фильм «Мы из Кронштадта».

Этот суровый и возвышенный фильм сотворил с народом, не привыкшим к зрелищам, что-то необычайное. Он запечатлел в миллионах душ невиданный доселе тип народного заступника, презирающего смерть, и этим неодолимым заступником стал морской пехотинец, расклешенный «братишка» в бушлате, бесстрашный, несмешливый и неистребимый. Этот фильм вместе

с «Трактористами» Ивана Пырьева и «Петром I» восполнял недостающие эскадры линейных кораблей.

О том первом празднике Дня Военно-Морского Флота сам Кузнецов вспоминал: «На Черном море еще за неделю до праздника корабли собрались в Севастополь. Красивое зрелище представляла собой Северная бухта со стоявшими в ней крупными кораблями. У Минной пристани отшвартовались эсминцы, а в глубине южной бухты встали подводные лодки. Севастополь — поистине город моряков. Жизнь населения здесь неотделима от жизни флота. Поэтому День ВМФ приобретал здесь особо подчеркнутый характер всенародного праздника. Вот почему наряжались не только корабли, но и улицы, Приморский и Исторические бульвары, водная станция, а главное готовились все, от мала до велика, отметить этот день…

В День Военно-Морского Флота, за пять минут до подъема флага, на кораблях играется «Большой сбор» и команды быстро выстраиваются в указанной форме одежды. В Севастополе, как правило, личный состав бывает во всем белом, от ботинок до чехла на бескозырке, на Балтике, — чаще на Северном флоте — считают за благо, если удастся снять бушлаты и одеться по «форме номер три», то есть надеть темно-синие фланелевые рубахи и фуражки с белыми чехлами». После Дня ВМФ 27 июля в Кремле был устроен прием для командования всех флотов. Сталин не пропускал случая подчеркнуть значение флота в судьбе страны.

В год, когда Кузнецов окончил училище, Правительство приняло программу строительства по Военно-Морскому Флоту. Тогда планировали до 1932 г. построить 12 подводных лодок, 16 сторожевых кораблей и 36 катеров. Но даже этот, поистине, «москитный флот» из сторожевиков и катеров надлежало создавать, напрягая все силы, ибо революционеры в угаре, действительно, ограбили и разрушили «до основания» всю страну.

В 1933 г. Совет Труда и Обороны принял постановление «О программе морского строительства на 1933–1938 годы». За десять лет в состав флота вошли всего шесть лидеров и торпедные катера. В 1936 г. новое постановление Совета Труда и Обороны предусматривает добавочное строительство эскадренных миноносцев. Но это еще не флот. По сравнению с Императорским флотом это все еще убогое зрелище. Англия, Франция, Италия, Германия накачивают энергично морские мускулы. Без линейных эскадр флот лишается ударных сил и не смеет называться флотом среди морских держав. Такой флот из эсминцев и сторожевиков, и даже легких крейсеров, смели бы тогда с лица моря даже

итальянцы.

Только в 1937 г. принимается новая кораблестроительная программа, которая требует приступить к строительству линейных кораблей типа «Советский Союз» и 2 крейсеров типа «Кронштадт». Справедливости ради следует упомянуть, что в октябре 1935 г. заложен крейсер «Киров». За «Кировым» со стапелей сошел крейсер «Ворошилов». Словом, уже двадцать лет кровавая смута, репрессии и голод превратили Святую Русь в расстрельный полигон, и теперь она медленно выкарабкивалась по мокрым от крови склонам «котлована» перед угрозой нашествия с Запада и Востока. Флот является совокупным показателем здоровья нации. Не зря говорят, если вы хотите узнать национальный дух и силу страны, загляните в ее судостроительную программу. Именно на фоне этого особенно спасительна для нации личность Кузнецова, как символ непокоренности света и силы народа.

Сразу же после Дня Военно-Морского Флота, флагман флота 2 ранга Кузнецов лично проводит крупные учения Балтийского флота. Он поднимает в Кронштадте свой флаг на линейном корабле «Октябрьская революция», который до 1925 г. носил имя «Гангут». Позже Кузнецов вернет линкору имя, полученное при спуске. Начало второй мировой войны принято отсчитывать с нападения 1 сентября 1939 г. Германии на Польшу. Этот день застал наркома в море на боевых учениях.

Как и в Севастополе, Кузнецов в Кронштадте сам проводит разбор учений с участием линейных кораблей, береговых войск и авиации. Это означает, что на этот день в стране нет ни одного моряка, равного ему в оперативном искусстве, что молча признают все, и в том числе флагманы царского производства. И это самое главное достижение 35-летнего наркома. Он в стране не знает себе равных как военный моряк. Но что более всего поражает в явлении Кузнецова, это то, что, если не считать Великого Петра, а он ни с кем в истории не сопоставим, то мы, изучив деятельность всех руководителей русского военного флота со времен генерал-адмирала графа Апраксина, выдающегося организатора флота, адмирала графа Н.Ф. Головина, творца Великих Северных экспедиций, затем беспредельно преданного флотским традициям Петра I, строителя Морского собора в Петербурге генерал-адмирала князя М.М. Голицына и таких известных моряков во главе флота как адмирал П.В. Чичагов, маркиз де Траверсе, академик, барон Ф.П. фон Врангель и адмиралы, бывшие во главе русского императорского флота в последнее царствование: П.П. Тыртов, Ф.К. Авелан, А.А. Бирилев, И.М. Диков, С.А. Воеводский, И.К. Григорович — объективность

требует признать адмирала Кузнецова фигурой в сравнении со своими предшественниками более крупной, более глубокой, новаторской и несравнимо трагичной. Дальнейшая его жизнь и действия только подтвердят наш вывод.

16 октября 1939 г. Кузнецов ввел своим указом новый «Корабельный Устав ВМФ» и отменил прежний устав 1932 г.

Через месяц 11 ноября 1939 г. нарком Кузнецов утверждает инструкцию по оперативным готовностям, им разработанную совместно с офицерами Главного морского штаба во главе с флагманом 2 ранга Л.М. Галлером, офицером императорского производства. Инструкция призвана была предотвратить внезапное нападение. Оперативные готовности, разработанные Кузнецовым, предусматривали:

№ 3 — шестичасовую готовность боевого ядра и наличие на кораблях неснижаемого запаса топлива и боеприпасов;

№ 2 — часовую готовность боевого ядра, когда все находится в повышенной готовности и способно так жить длительное время;

№ 1 — часовую готовность боевого ядра, когда все части готовы к отмобилизованию, усилены дозоры, запрещен вход в базу.

Со дня введения готовностей на всех флотах и флотилиях проводятся постоянные учения по приведению флотов в готовность № *2* и № 1 и деятельно дорабатывалась и уточнялась инструкция о готовностях. По этому поводу сослуживец Кузнецова вице-адмирал-инженер Григорий Толстолуцкий вспоминал: «Николай Герасимович не только единственный в Вооруженных Силах ввел новую систему боевых оперативных готовностей, но и взял на себя ответственность и принял решение по объединению службы связи с шифрослужбой под руководством начальника связи ВМФ Гаврилова, с которым был вместе в Испании. Это было решение потрясающей силы, так как степени оперативных готовностей подкреплялись единством ответственности за прохождение информации во всех звеньях управления, введением специальных сигналов с передачей их по радио с адресом «по флоту». Вот и получилось, что к началу войны были готовы только моряки, благодаря их смелому и талантливому наркому. Армии теряли связь, управление, попадали в окружение в первый же период войны. Почему они не сделали то, что смог сделать молодой нарком ВМФ?»

Заключил свое воспоминание вице-адмирал Толстолуцкий знаменательными словами: «Николай Герасимович — это знамя советского Военно-Морского Флота. Это сотни и тысячи его воспитанников. Все то, что есть лучшего сейчас в Военно-Морском Флоте нашей страны, заложено этим талантливым,

большим флотским начальником».

Особенное внимание нарком Кузнецов с первых месяцев в Москве уделил проблемам базирования флотов, хроническому российскому недугу. Базирование — это первооснова флота, его устойчивость. Но у нас как дело доходит до начал, до фундамента, до коренной стойкости, где нет даже намека на «авось», там у нас сразу проявляется расслабленная тоска или глуповато-ухарская «широта души». Он человек был краеугольный, отважный и трезвенный, подстать своим предкам — поморам. Да и Сталин никому не позволял расслабляться. Кузнецов за два года до войны проделал гигантскую работу по базированию со своим штабом и в тесном содружестве с Главспецгидрострoем. Особенно интенсивно шли работы в морской крепости Петра Великого, в Либаве и любимом курорте прусских королей Палангене (Паланга). Эти базы Кузнецова оказали сильное влияние на первоначальном и самом опасном этапе войны. Ни одна морская база не сдалась без боя.

К концу 1939 г. нарком ставит перед Гидрографическим управлением ВМФ подготовить и издать «Атлас командира ВМФ СССР». Он не только должен помочь командирам и инженерам в повседневной практике по оперативным и навигационно-штурманским вопросам, но и в этом все величие Кузнецова, как государственника и гражданина, он настаивает, чтобы красотой слога, карт и иллюстраций пробуждать любовь к флоту в народе и, прежде всего, среди пытливого юношества. Атлас вышел только после войны, но работа над ним не прекращалась.

Еженедельно шли совещания по утверждению проектов кораблей, планов военно-морских баз, трясли судоремонтные заводы, возводили причалы, доки, склады, и главное — форсированный ввод в строй кораблей по плану 1937 г., когда было решено создавать морской и океанский флот.

Все в том же 1939 г. нарком Кузнецов командные военно-морские училища преобразовывает в высшие учебные заведения. Его влияние на флот мощно и всеохватно от месяца к месяцу.

Тогда же он ставит перед руководством страны вопрос о роли и месте флота в жизни государства, об уважении к достоинству моряков и защите их от тупой сухопутно-ордынской спеси и стремления к нивелировке, точнее, уничтожению души флота. Эти проблемы отныне станут доминантной его службы и жизни и источником всех его невзгод. Он сам когда-то разработал положение о «боеготовности одиночного корабля». Теперь он сам станет таким же одиночным кораблем и ни в одной схватке не спустит флага до смерти. Моряки сердцем чувствовали, что их морской вождь ведет неравную борьбу за флот и за каждого из

них в отдельности, и отвечали негромкой, но долгой и верной любовью, которая намного пережила самого Николая Герасимовича.

Кузнецов с присущей ему смелостью и ясностью ставит в Генеральном штабе, в Наркомате обороны, Правительстве и лично перед Сталиным вопрос о единоначалии в руководстве военно-морскими базами в Либаве, Виндаве, Ревеле, Ханко, на островах Эзель и Даго, а также в Крыму. Армейское это командование или морское — требует Кузнецов — но начальник должен быть один. Ясно, что обороной морских баз должны командовать моряки. Морякам отдали только базу на п-ове Ханко и то, видимо, потому что она была не на материке, а «за морем». Даже наш выдающийся адмирал С.Г. Горшков, который, мягко говоря, Кузнецова из непреодолимой зависти за спиной интриговал против (комплекс Сальери), должен был признать уже в 1989 г., что «флот заблаговременно и тщательно подготовился к обороне со всех направлений — с моря, суши и воздуха… Все это позволило сделать оборону Ханко непреступной».

В ноябре 1939 г. начинается война с Финляндией. Действие флота в «зимней войне» — отдельная большая тема. Сухопутные командиры устлали телами наших воинов зимние леса Карелии. Балтийцы с флотской неудержимостью десантировались на острова Гогланд, Сескар, Лавенсаари.

Тогда же в штаб Ленинградского фронта из Москвы прибыли начальник Главпура Мехлис и генерал Кулик (оба люди из окружения «Хозяина»). Эти два стратега попытались командовать действиями моряков. Оба известны были своей нахрапистой грубостью. Но первое же столкновение с Кузнецовым привело их в оторопелое оцепенение, когда раздалось властное: «Без ведома наркома Военно-Морского Флота приказов флоту не отдавать!» За такое моряки из Кронштадта готовы были идти за наркомом в огонь и воду и разнести все на своем пути. Отпор посланцам Кремля был в интересах флота и страны, и, можно себе представить, — это очередное кузнецовское «решение потрясающей силы» было встречено Сталиным со спокойной усмешкой.

По окончании войны с Финляндией Кузнецов лично осмотрел переданный в аренду п-ов Ханко и наметил работы по превращению базы в грозную морскую крепость.

Весной 1940 г. начинают свертывать строительство крупных кораблей. Необходима концентрация сил, ибо гул неминуемой войны доносится с запада и востока. Идет лихорадочное перевооружение.

Нарком выходит в Правительство с просьбой утвердить

открытие 7 морских спецшкол для юношей с тем, чтобы учеба в них началась с сентября 1940 г. Спецшколы открываются тогда в стране и по артиллерии и авиации. Сотни тысяч школьников мечтали попасть в эти школы. Конкурсы в них от 12 до 15 человек на место. Поколение было здоровое и отважное. Открытием спецшкол Кузнецов продолжил традицию Петра I по отбору лучших мальчишек для ратной службы. Нарком лично выступил перед строем 2-й Ленинградской военно-морской специальной школы 30 октября 1940 г., а затем выехал в Севастополь и Одессу для координации действий Черноморского флота с сухопутными частями при освобождении Бессарабии.

В августе — он уже в Либаве со своим начальником Главного штаба Галлером и командующим Балтийским флотом, своим однокашником Трибуцем. Проводит в Финском заливе крупные военные учения, и по обыкновению проводит их честный и суровый разбор. Получает согласие Сталина на перевод части кораблей из Либавы в Ригу. Форсированно строит оборонительные батареи в Либаве, но обеспокоен незащищенностью Либавы со стороны суши. После настойчивых требований в Либаву перевели 67-ю стрелковую дивизию. При этом вопрос о взаимодействии морских сил с сухопутными частями до конца решить не удается.

20 октября 1940 г. Кузнецов приказом вводит «Дисциплинарный Устав ВМФ». В Уставе воинская дисциплина обозначена как основа боевой мощи флота. Верный себе Кузнецов в «Дисциплинарном Уставе» настойчиво подчеркивает, что строгость требований непременно должна сочетаться с постоянной заботой о воинах.

Под занавес года в декабре Кузнецов собрал высший командный состав флотов и провел с ними нелицеприятный и детальный разбор уроков финской войны и проанализировал опыт войны в Европе, где Германия за одно лето разбила войска четырех европейских стран — Англии, Бельгии, Голландии, Франции и вошла в Париж. Особое внимание на этом совещании моряки уделили апрельской десантной операции немцев против Норвегии. Успешная высадка крупного десанта немцев за тысячу миль от Германии, при отсутствии преимущества в авиации и на море поразила военных всей Европы своей дерзостью и серьезно озадачила и встревожила еще не завоеванных соседей.

Все флоты и армии мира от отдельного рядового до штабов и командиров всех рангов содержатся только ради одной цели и имя ей — боеготовность. Вооруженным Силам нужен не «хороший хозяйственник», как кажется иногда иным хитрым начальникам, а боец. Армия делает только то, что ей пригодится на войне, а не

на смотре начальства. Как это часто случается, самые простые истины оказываются порой самыми непостижимыми. Но только не для наркома Кузнецова. «Морской сборник» писал об этом в 1940 г.: «Быть настоящим моряком, уметь побеждать врага на море, плавать круглый год, поменьше торчать у стенки, на бочке, проводить боевую подготовку при любых условиях и при любом состоянии погоды, моря — вот те требования, которые красной нитью проходят через все приказы и указания народного комиссара флотам».

Подготовка проводится в условиях, близких к боевым, с учетом опыта отгремевших войн и в обстановке возрастающей опасности. Видимо, Кузнецов и был рожден для таких грозовых эпох. Он требует доводить до совершенства взаимодействие кораблей в условиях сложного маневрирования как днем, так и ночью. Его непрерывной заботой остается воспитание личного состава на традициях русского флота, заложенных Петром и развитых Голицыным, Ушаковым, Чичаговым, Сенявиным, Лазаревым, Нахимовым, Корниловым, Эссеном.

Год прошел и под знаком противоминной защиты кораблей. Январь 1941-го ознаменовался открытием на о. Валаам Ладожского озера школы боцманов. Вчерашние школьники уже через полгода вступят в жестокие бои. Подготовка к войне у моряков имеет свои существенные особенности, вытекающие из природы морского боя. В отличие от сухопутных битв целью морского сражения является не оттеснение противника или отвоевание территории, а решительное уничтожение противника.

Боевая подготовка таких начальников как адмирал Кузнецов предусматривала не только требование быть отважней и беспощадней противника, но и прежде всего быть умней его. Для того Сталин и посылал Кузнецова в Испанию, чтобы он познал там еще одно измерение военное — разведку в новых обстоятельствах. На учениях Кузнецов настаивал: «Разведка должна быть непрерывной». Вернемся к нашей хронике действий Кузнецова. Валаамская боцманская школа, это вам не школа юнг. Ее задачи, замысел и программу следовало бы изучить заново. Молодой боцман может и сегодня стать стержневой фигурой. Мы заново должны изучать наследие Кузнецова. Впрочем, школы юнг — тоже его детище. Приобщая юношество к флоту, нарком сочетал заботу о матросах и курсантах с закалкой их воли, чтобы они не дрогнули в суровых морских обстоятельствах. Он сам говорил: «Морской бой и морская техника требуют железной дисциплины, каждый винт сложного механизма — Флота — должен действовать безукоризненно. Там, где нарушается устав, наставление — там действия командиров, бойцов неуверенны,

там царит расхлябанность, результатом чего может быть не только гибель отдельного корабля, но проигрыш всего сражения».

Заметим, что государственный корабль живет сегодня по тем же законам взаимодействия, дисциплины и ответственности. Древние говорили: «пастушество приготовляет к царству». Ведь пастух и охраняет свое стадо, и лечит, и кормит, и даже принимает роды у овец. При этом пастырь добрый имеет и досуг к размышлению.

В наше время ничто так не приготовляет «к царству», как руководство кораблем. Последний — это целое государство со своим флагом и уставом-конституцией.

Сегодня мы уверенно можем утверждать, что лучше всех в Вооруженных Силах к войне приготовился наш Военно-Морской Флот. И заслуга в этом наркома Кузнецова, хотя он и сам понимал, что «четко сформулированных свыше задач флоту не было». «А каковы задачи — таков и флот», — пишет он много лет спустя, имея в виду задачи, вытекающие из целей государства.

Кузнецов далее говорит: «Как ни странно, я не мог добиться этого ни в Наркомате обороны, ни у Правительства. Генеральный штаб ссылался на отсутствие у него директив Правительства по этому вопросу, а лично Сталин отшучивался или высказывал весьма общие предположения. Я понял, что он не желает посвящать меня в «святая святых», и не считал удобным более настойчиво добиваться этого».

А что оставалось делать Сталину, как не отшучиваться. Кузнецов уже участвовал в правительственных делегациях на встречах с великими державами. Сам лично готовил для Правительства данные о потенциале флотов Англии, Германии и Франции. О морских силах Японии в канун войны мы упоминали выше. По мощи флоты всех трех великих держав Европы были несопоставимы с нашими скромными силами.

* * *

21 июня 1941 г. в 23.00 нарком ВМФ Кузнецов был вызван к Наркому обороны и поставлен в известность о возможном нападении в эту ночь Германии на СССР. Не пройдет и 50 минут, как все флоты и флотилии получат еще 21 июня телеграмму Кузнецова о немедленном переходе на оперативную готовность № 1, и еще ранее, — его требование по телефону — перейти к высшей боеготовности, не дожидаясь телеграммы.

Еще 13 июня Кузнецов докладывал Сталину факты, о которых ранее он доносил в Генеральный штаб и Наркомат обороны: о

выводе всех немецких кораблей из советских портов. Он просил разрешения на вывод всех советских судов из немецких портов и вызвал крайнее неудовольствие вождя. Секретарь Сталина, Поскребышев, зафиксировал: «Хозяин выпроводил его вон».

22 июня в 03.07 вражеские самолеты напали на Севастополь, Измаил, на военно-морские базы в Либаве и Риге, Кронштадте и на базу Северного флота в Полярном. Наши военно-морские базы всюду встретили немцев шквальным огнем. Нарком потребовал от всех баз: «Больше оперативности, следить за каждым шагом противника, действовать решительно, не дожидаясь указаний сверху».

Тогда же заговорили все пушки на флотах Морской крепости Петра Великого от Ирбенского пролива и островов Эзель, Даго, Утэ, Эре до Аландских шхер, Ханко и Ревеля. Вскоре вступят в борьбу и могучие стволы фортов Цесаревича Алексея (Красная Горка), Николаевского (Ино) и всех батарей Кронштадта. Петр Великий первым вступил в войну, и, именно, орудия его крепости со святого о. Котлин не позволят врагу взять его город на Неве, а его моряки встанут насмерть под стенами Невской твердыни.

Еще 5 июля 1941 г. задолго до мер армейского командования Кузнецов со своим штабом создали укреп-район и командование морской обороны Ленинграда и Озерного района.

Первый месяц войны родил морскую пехоту невиданной до селе на Руси ярости. Ее можно сопоставить только с морской пехотой Петра I из преображенцев и семеновцев, дравшихся в абордажных схватках и под стенами морских твердынь во главе с самим помазанником-моряком.

Первыми, потрясшую немцев, стойкость проявили курсанты из морского училища противовоздушной обороны в Либаве. За ними в бой вступили все морские форты крепости Петра Великого на островах Эзель, Даго и в Ирбенском проливе. Особенно прославились морские пехотинцы под стенами Ревеля (Таллин), города, который с XI в. все русские называли его эстонским именем — Колывань. А дальше наступят страшные по накалу бои у Петергофа, на Невском «пятачке» по периметру града святого Петра Великого. Морская пехота — «черная смерть» — стала мгновенно самым весомым фактором войны. Первым этот феномен, несмотря на тревогу, неразбериху, отступления и разгромы уловил гений Кузнецова. Он сделал все, чтобы эта пылающая плазма морской ярости обрела форму и структуры. Вскоре отправит под Москву 100 тыс. моряков из Тихоокеанского флота и Амурской флотилии. Эти защитники в бушлатах превзойдут по доблести отборные эсэсовские части.

Постепенно из моряков сформируют более 50 бригад морской

пехоты — всего более 500 тыс. человек. В бригаде морской пехоты, под Москвой и на Мамаевом кургане, в среднем 5 тыс. бойцов, прячущих для атаки на груди под бушлатом бескозырки. В стрелковой обычной дивизии не менее 12 тыс. штыков. Как правило, в стрелковой дивизии в три раза больше воинов, чем в бригаде морской пехоты. Война — самый суровый экзамен. И он показал, что по боевой стойкости в обороне и натиску в атаке бригада морской пехоты превосходит как минимум одну стрелковую дивизию, а то и две, если не считать, разумеется, дивизии, укомплектованной сибиряками или пограничниками. В войну у флотов около 2,5 тыс. самолетов морской авиации, более 1000 кораблей и 260 батарей береговой обороны. Но наиболее весомый вклад в разгром врага внесла полумиллионная морская пехота. Учитывая действия моряков на суше, смело можно сказать, что всю войну на фронтах действовала морская сила, равная, как минимум, миллиону бойцов.

Черноморский флот дрался за Одессу, Севастополь, Керчь, Феодосию и Новороссийск. Бился на всех участках и перевалах Северного Кавказа. Балтийский — защищал Ленинград, вел подводную войну с фашистами, Северный — сражался за Заполярье, обеспечивал безопасность движения конвоев. Все флоты обеспечивали жизненно необходимые перевозки людей, продовольствия, доставки для армий техники, вооружения, топлива, вывоз раненых… Сталинградская битва не была бы выиграна без Волжской флотилии «смертников», которые вели свои катера по кипящей от бомб и снарядов Волге.

Моряки высадили за войну более ста десантов. Управляла всей этой силой железная воля адмирала Кузнецова.

В первые же месяцы войны Наркомат ВМФ формирует Ладожскую военную флотилию, которая будет держать под огнем «дорогу жизни», усилит Чудскую и Днепровскую флотилии, вновь создаст Ильменскую озерную флотилию, воссоздаст Азовскую флотилию, за ней Беломорскую и Дунайскую. Все русские реки и озера включатся в войну.

Еще в апреле 1941 г. было разработано Положение о тыле флота, в котором признано, что «тылом флота является совокупность органов, осуществляющих материально-техническое обеспечение боевой деятельности кораблей, военно-воздушных сил, береговой обороны и сухопутных частей флота». Насчет «совокупности органов»: все верно с точки зрения бюджета флота и его штатного расписания.

Но когда в войну включаются все реки, озера и побережья, тогда очевидным становится, что в государственном плане прямым тылом флота становится вся страна до последней пяди и

речушки. Что значит для наркома и его штаба Волжская военная флотилия, Днепровская, Азовская или Амурская флотилии? Это значит, что зоной интереса и ответственности флота и лично наркома Кузнецова становится весь бассейн этих рек со всем промышленным потенциалом, причалами, складами, судоремонтом, словом, всеми ресурсами прилегающих областей.

Война 1941–1945 гг. только подтвердила, что без Флота нет никакой национальной идеи. Вся национальная программа России заключена в парадигме Петра Великого. Это особенно высветила деятельность Кузнецова. Если не считать Верховного Главнокомандующего и начальника Генерального штаба, он единственный человек в государстве, который ежедневно вмешивается активно в хозяйственную и боевую жизнь не только городов по морскому периметру державы, но и во все ресурсы вдоль великих рек и всех озер. А это, по существу, вся гигантская страна. Все напряженно работали под неусыпным оком Сталина и его вездесущих и дисциплинированных органов.

Жуков перед войной был поставлен хоть и на важнейший Киевский округ, но только округ. Краткое время в 1941 он будет начальником Генерального штаба. Но даже он, Жуков, лучший полководец всех времен, который больше всех будет влиять лично на ход войны, не должен был держать в сознании организацию, снабжение и воспитание полумиллионной армии моряков, частей десанта, двух десятков флотилий, морской авиации и в один день принимать решения по периметру всей страны. Только флот требует от командующего ежедневного общегосударственного бремени. Могли ли приходить в голову Жукову проблемы перевозок по Каспию и Волге или «дороге жизни» на Ладоге, или о комплектовании Соловецкой школы юнг юношами 15—16-летнего возраста и исключительно добровольцами, или, наконец, минирования акватории военно-морской базы Владивостока. Добавить к этому личное обаяние наркома Кузнецова, его блестящую образованность и боевую элегантность. Мы знаем, что великий полководец Наполеон всю жизнь стремился походить манерами на Фридриха II и такой же беспечностью заламывать треуголку под пулями, но у великого Наполеона при его уме и холодной отваге ничего не получалось.

Люди, которые общались с Кузнецовым, восхищались им, подпадая под обаяние незаурядной и светлой личности. Но были и такие, которые ненавидели его из-за своей ущербности и аморальности, или завидовали, воспринимали одно существование моряка Кузнецова как вызов своей военной всесильности. Но все они нанесли сердцу адмирала раны. Кузнецов всю жизнь как мог спасал от репрессивных органов

своих однокашников и вообще добрых моряков. Его антагонисты, наоборот, никогда никого не спасали, а даже сажали и интриговали.

Нашлись и сослуживцы-адмиралы, непрерывно подличавшие и интриговавшие против своего руководителя — наркома Кузнецова. И чаще те, кого он выручал и помогал продвигаться… Но Кузнецов был настолько крупен, что не мог им доставить злую радость и обидеться на них, став на одну доску с ними. Он величественно оставлял их на их же нравственном уровне.

В другой раз, уже после войны, Кузнецов должен был сделать перед Политбюро ЦК ВКП(б) доклад по сложнейшим проблемам военного судостроения. Захватив документы, карты и схемы, Кузнецов в сопровождении заместителей вошел в зал заседаний и начал доклад. Сталин внимательно слушает. Вдруг Хрущев перебивает Кузнецова одной неуместной репликой, затем другой. Кузнецов не удостаивает его вниманием. Сталин постучал карандашом по столу и заметил: «Хрущев, вы мешаете слушать, продолжайте». Когда Хрущев вновь перебивает Кузнецова, который обернувшись к Хрущеву сказал: «Послушайте, Никита Сергеевич, вы мне мешаете докладывать. Вы же ничего не понимаете в этих вопросах».

Хрущев не забудет этого публичного отпора моряка. Выйдя из зала заседания, Кузнецов в сердцах сказал, досадуя, что доклад не был принят и отправлен на доработку: «Ну и нахал… ни черта не понимает, а лезет».

Жестокая, но победоносная война, особенно после Парада действующей армии 24 июня 1945 г. в Москве, создала целую плеяду новых общенациональных имен. Но особенной любовью народа окружены были имена Жукова, Кузнецова и Рокоссовского. За это им придется поплатиться. Ревнивый вождь считал необходимым несколько поубавить их свечение.

Вскоре адмирала флота Кузнецова понизили в должности и назначили начальником Управления Военно-морских учебных заведений в Ленинграде. Затем по сфабрикованному доносу вместе с адмиралами Л.М. Галлером, В.А. Алафузовым и Г.А. Степановым судили «судом чести», (хотя слово «честь» после 1917 г. было изъято даже из словарей и было изгнано из употребления так же, как понятие «достоинство»), а затем и судом Военной коллегии Верховного суда СССР. Сталин утвердил решение обоих судов. Боевые моряки-адмиралы, выдающиеся защитники своего народа и Родины, герои, награжденные полководческими орденами Ушакова и Нахимова были в одно мгновение вычеркнуты из жизни, где их лишали даже самой жизни, — ведь Л.М. Галлер вскоре умер в тюрьме, а другие не

дожили лет, отпущенных им природой.

Все четверо были реабилитированы в 1953 г. Знаменателен сам отбор адмиралов для ареста. Все — высоконравственные, одаренные талантами боевые офицеры. Адмиралы Галлер и Степанов из дворян и офицеров императорского производства, с безукоризненной репутацией. Дух победившего народа закалился в войне и породил чувство достоинства и независимости. Аппарат Сталина, видимо, был не на шутку встревожен. В первый послевоенный год было арестовано 945 военных руководителей, офицеров армии и флота. Первым поплатился в 1946 г. сам Жуков. На заседании Высшего Военного Совета его сняли с должности главкома Сухопутных войск. На том совещании Кузнецов был единственным, кто не выступил против Жукова. Это обстоятельство не могло не насторожить ревнивого вождя. Но Сталин, для острастки посадив адмиралов, самого Кузнецова вскоре вернул на должность Военно-Морского Министра, хотя тот и досаждал ему планами строительства не только атомного подводного флота, но и авианосцев. Сталин и сам был решительным сторонником атомного проекта, и, пожалуй, по положению главы государства — основателем и атомного флота, и прорыва в космос.

Сталин сурово обошелся с Жуковым и Кузнецовым, с которыми выиграл войну. Но он же их вернул, почувствовав приближение конца. Осмелюсь предположить, а не потому ли Сталин убрал из Москвы двух самых ярких личностей, что опасался заговора аппарата против него. На земле среди его современников не было человека, который мог сравниться с Кобой по знанию интриг, заговоров и темной стороны человеческой души. И не известно, как бы повели себя в той ситуации наши герои. Может быть, опалой он даже продлил жизнь военачальникам. Другое дело, что сокрушив Германию, сильнейшую военную державу мира, Маршал и Адмирал позже пали жертвой аппаратных интриг генерал-лейтенанта Хрущева.

Летом 1951 г. Сталин предложил Политбюро принять решение: «ВЕРНУТЬ КУЗНЕЦОВА».

Вскоре Кузнецов займется созданием атомного подводного флота, о котором он писал вождю еще в сентябре 1946 г. и утвердит, выдержав «бой», проект атомной подводной лодки, потребовав ее переработать, учтя все необходимые условия ВМФ.

* * *

Еще жив дух Адмирала. Еще зовут его яркая личность и его

великое служение своей Родине. Минует время, а память о нем пусть позовет в плавание новых мальчишек, мечтающих увидеть океаны и моря, города и страны, послужить своему Отечеству. Минуют годы и на мостики военных кораблей флотов Великой морской державы — России — взойдут лучшие молодые командиры всех морей мира.

Библиографический указатель трудов Н.Г. Кузнецова [58]

1939 г.

Выступление на XVIII съезде ВКП(б) 17 марта 1939 г. / Стенографический отчет XVIII съезда ВКП(б). М.: Госиздат политической литературы, 1939.

То же // Морской сборник. М., 1939. № 4–5.

Строительство могучего Военно-Морского Флота — кровное дело всего советского народа: Доклад на торжественном заседании общественности г. Москвы в Зеленом театре ЦПКиО им. Горького 24 июля 1939 г. // Морской сборник. М., 1939.

1940 г.

Учения Краснознаменного Балтийского флота: Выступление на разборе учений 8 сентября 1940 г. // Морской сборник. М., 1940. № 10.

То же. Красный флот. 8 сент.

1941 г.

Военно-Морской Флот Советского Союза. М. — Л., 1941.

1944 г.

Военно-Морской Флот в Отечественной войне // Морской сборник. М., 1944. № 7.

О стратегических задачах флотов и флотилий в ходе войны// Там же.

1946 г.

Речь на предвыборном митинге в Севастополе // Красный черноморец. 7 февр.

То же. Красный флот. 1946. 9 февр.

Советский Военно-Морской Флот // Красный флот. 1946. 28 июля.

1953 г.

Военно-Морской Флот советской державы // Правда. 1953.24 июля.

1954 г.

Боевое содружество Армии и Флота // Известия. 1954. 23февр.

То же // На вахте. 1954. 23 февр.

Верный страж морских рубежей // Правда. 1954. 25 июля.

Советский моряк М., 1954. № 1.

Славный подвиг советских моряков // Правда. 1954. 9 февр.

То же // Красная звезда. 1954. 9 февр.

1959 г.

Испанский флот в национально-революционной войне 1936–1939 гг.: Из истории освободительной борьбы испанского народа. // Сб. ст. М.: Изд-во АН СССР. 1959. *(Под псевдонимом: Н. Николаев).*

1961 г.

Будущее гидросамолета / Пер. с англ. // Военный зарубежник. 1961. № 12.

1962 г.

Освоение Арктики / Пер. с англ. // Военный зарубежник. 1962. № 3.

Являются ли подводные лодки-ракетоносцы полноценным оружием устрашения / Пер. с англ. // Военный зарубежник. 1962. № 10.

Подо льдом к полюсу / Пер. с англ. кн. Джеймса Каль-верта. М.: Воениздат, 1962.

Испанский флот в борьбе за республику // Военно-исторический журнал. 1962. № 3.

1963 г.

В Картахене (Из воспоминаний советского моряка) // Испанский народ против фашизма (1936–1939). // Сб. ст. М.: Изд-во АН СССР. 1963.

Вся жизнь флоту: Об адмирале Л.М. Галлере //Военно-исторический журнал. 1963. № 3.

1964 г.

Встречи с маршалом Блюхером// Октябрь. 1964. № 11. Флагман флота 2 ранга: О И.К.Кожанове // Военно-исторический журнал. 1964. № 8.

1965 г.

Во дворце Бабельсберг// Нева, 1965. № 5.

Военно-Морской Флот накануне Великой Отечественной войны// Военно-исторический журнал, 1965. № 9.

Война на море (1939–1945) / Пер. с англ. кн. Ч. Нимица и Э. Поттера. М.: Воениздат, 1965.

Дни незабываемые и прекрасные: О М. Кольцове // Литературная Россия. 1965. 13 окт.

Михаил Кольцов, каким он был // Советский писатель. М., 1965. С. 297–302.

Осажденный Ленинград и Балтийский флот // Вопросы истории. 1965. № 8.

Патриотизм и культура: Интервью // Советская культура. 1965. 4 дек.

Первый налет на Берлин // Литературная Россия. 1965. 4 марта.

Перед войной // Октябрь. 1965. № 8, 9, 11.

То же // Helsingin Sanomat (на фин. яз.) 1965.

То же // Вечерний Ленинград. 1965. 16 окт. (отр. из кн.).

Перед войной. (Враг у самых ворот) // Боевая вахта КТОФ. 1965. 24 сент.

Перед великим испытанием // Нева, 1965. № 11.

Потсдам, 1945 // Новое время. 1965. № 30. 23 июля (на англ., нем., исп., чеш. и польск. языках).

С испанскими моряками в национально-революционной войне. В кн.: Под знаменем испанской республики 1936–1939: Воспоминания советских добровольцев — участников национально-революционной борьбы в Испании. М.: Наука, 1965. С. 191–274.

Страницы былого // Вопросы истории. 1965. № 4, 5.

Флагман флота 1 ранга: О В.М. Орлове // Военно-исторический журнал. 1965. № 6.

Ялта — Потсдам // Вопросы истории. 1965. № 5.

То же (на фин. яз.) // Kansan Uniset — 1965 (Пер. из журн. «Вопросы истории». 1965. № 4, 5.)

1966 г.

Компаньеро русо // Нева, 1966. № 7.

Легендарные дни Испании//Труд. 1966. 17, 19 июля.

Моряки на защите столицы // Нева, 1966. № 12.

Моряки в обороне столицы // Провал гитлеровского наступления на Москву. Сб. ст. М.: Наука, 1966.

На далеком меридиане. М.: Наука, 1966.

Накануне. М.: Воениздат, 1966.

Перед войной // Международная жизнь. 1966. № 5—12 (на англ. яз.).

С испанскими моряками против фашизма // Вопросы истории. 1966. № 5, 6.

Трудная и героическая пора // Вышли мы все из народа. М.: Политиздат, 1966.

Человек с горячим сердцем: О Р.А. Муклевиче // Октябрь. 1966. № 1.

Шли в бой моряки // Труд. 1966. 25 окт.

1967 г.

Война // Международная жизнь. 1967. № 4—12.

Перед войной // Международная жизнь. 1967. № 1–3 (на англ. яз.).

Под знаменем Испанской республики. Варшава. 1967 (на польск. яз.).

То же. М.: Прогресс, 1967 (на исп. яз.).

1968 г.

Атакует С-13 // Нева, 1968. № 7.

Военные моряки в Сталинградской битве // Сталинградская эпопея. М.: Наука, 1968.

Война // Международная жизнь. 1968. № 1 — 12.

Годы войны // Октябрь. 1968. № 8, 9, 12.

Моряки защищают Волгу // Нева, 1968. № 2.

Моряки в Сталинградской битве // Вопросы истории. 1968. № 2.

Об обороне Ленинграда // Оборона Ленинграда. 1941–1944. Сб. ст. Л.: Наука, 1968.

1969 г.

Видный политработник армии и флота: О И.В. Рогове // Военно-исторический журнал. 1969. № 8.

Война // Международная жизнь. 1969. № 1–3.

343

День Военно-Морского Флота в СССР // Вопросы истории. 1969. № 6.

Накануне. 2-е изд. М.: Воениздат, 1969.

Перед войной. София, 1969 (на болг. яз.).

Предисловие // Ладога родная. Л., 1969.

Упущенные возможности: О переговорах военных миссий СССР, Англии, Франции в августе 1939 г. // Новая и новейшая история. 1969. № 6.

1970 г.

Накануне // Отрыв, из кн. Прага. 1970 (на чеш. яз.).

О Дне Победы // Военно-исторический журнал. 1970. № 5.

Операции на море // США. 1970. № 5.

От Ялты до Потсдама // Сб. ст. 9 мая 1945 г. М.: Наука, 1970.

То же // Литературная Грузия. 1970. № 3.

Победная весна 1945 года // Новая и новейшая история. 1970. № 1.

Потсдам: Страницы воспоминаний // Литературная газета. 1970. 29 июля.

Разгром милитаристской Японии // Новое время. 1970. № 36.

Ялта, февраль 1945 г. // Новое время. 1970. 5 февр.

Ялта — 25 лет спустя // Днес и утре. 1970. № 3; Аурора. 1970. № 4, 5 (на болг. яз.).

Четверть века спустя // Литературная Грузия. 1970. № 5.

1971 г.

Крах конвоя PQ-17. Предисловие к кн. Д. Ирвинга и ее редакция М.: Воениздат. 1971.

Крах конвоя PQ-17. Рецензия на кн. Д. Ирвинга // Вопросы истории. 1971. № 5.

На далеком меридиане. 2-е изд. М.: Наука, 1971.

Накануне. Прага, 1971 (на чеш. яз.).

На северных морских дорогах//Новая и новейшая история. 1971. № 2.

На флотах боевая тревога. М.: Воениздат, 1971.

От Ялты до Потсдама // Литературная Грузия. 1971. № 6 (окончание, начало в № 3 за 1970 г.).

1972 г.

Боевые вымпелы над Онегой: Предисловие к кн. // Карелия: Петрозаводск, 1972.

В конце второй мировой войны // Новая и новейшая история. 1972. № 5.

На флотах боевая тревога. Прага, 1972 (на чеш. яз.).

От Ялты до Потсдама. В кн.: 9 мая 1945 года. М.: Наука, 1972. С. 215–238.

Памятные дни 1945 года // Военно-исторический журнал. 1972. № 8, 9.

Шефство комсомола над ВМФ //Комсомольская правда. 1972. 12 сент.

Юный возраст флота // Комсомольская правда. 17 сент.

1973 г.

День Военно-Морского Флота // Архангельский комсомол — Военно-Морскому Флоту. Сб. ст. Северо-Западное кн. изд-во, 1973.

Накануне. Берлин, 1973 (на нем. яз.).

На флотах боевая тревога. София, 1973 (на болг. яз.).

Тихий океан: О становлении Тихоокеанского флота.

В кн.: Форпост героев: Героические повествования о подвигах дальневосточников. Хабаровск, 1973. С. 35—381.

1974 г.

Воспоминания о Б.М. Шапошникове. Вместо предисловия // Воспоминания Шапошникова Б.М. М.: Воен-издат, 1974.

То же. Новая и новейшая история. 1974. № 1.

Главным курсом // Октябрь. 1974. № 1, 2.

День первый и день последний // История СССР. 1974. № 5.

Керченско-Эльтигенская десантная операция // Военно-исторический журнал. 1974. № 8.

Награды моряков: К 30-летию учреждения орденов и медалей Ушакова и Нахимова // Военно-исторический журнал. 1974. № 3.

Суровые были войны. Пред. // Гангут. Сб. ст. Л., 1974. На флотах боевая тревога. Берлин, 1974 (на нем. яз.). То же. М.: Прогресс, 1974 (на франц. яз.).

1975 г.

Курсом к победе. М.: Воениздат, 1975. Накануне. Будапешт, 1975 (на венг. яз.).

Некоторые вопросы океанско-морских операций английского

и американского флотов в годы Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1975. № 4.

Некоторые вопросы организации флотов и руководства ими в Великую Отечественную войну // Морской сборник. 1975. № 7, 8.

Так кончилась война // Спутник, 1975. № 4.

Накануне. Будапешт, 1975 (на венг. яз.).

1976 г.

Курсом к победе. М.: Воениздат, 1976. На флотах боевая тревога. Будапешт, 1976 (на венг. яз.). На флотах боевая тревога. Прага, 1976 (на чеш. яз.). На флотах боевая тревога. София, 1976 (на болг. яз.).

1978 г.

Курсом к победе. Варшава, 1978 (на польск. яз.).

1979 г.

Курсом к победе. Берлин, 1979 (на нем. яз.).

На флотах боевая тревога. Берлин, 1979 (на нем. яз.).

Советский флот в войне 1941–1945 гг. М.: Прогресс, 1979 (на исп. яз.).

1982 г.

Адмирал Красного Флота. Записки из личного архива // Наука и жизнь. 1982. № 9 (публ. Н. Кудряшова при участии В.Н. и Р.В. Кузнецовых).

1987 г.

Курсом к победе. М.: Воениздат, 1987.

1988 г.

Из воспоминаний о военных годах: Г.К. Жуков, Н.Г. Кузнецов, А.И. Микоян. Политика и образование. № 9.

Крутые повороты // Правда. 1988. 29 июля (публ. Р.В. Кузнецовой).

346

Курсом к победе. Берлин, 1988 (на нем. яз.).

На далеком меридиане. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1988.

Накануне: Неопубликованные страницы глав книги. (Организация — ключ к победе и др.) // Москва, 1988. № 5.

На флотах боевая тревога. Берлин, 1988 (на нем. яз.).

Победа обошлась нам очень дорого: (интервью с докт. ист. наук, проф. Г.А. Куманеевым) // Советская Россия. 1988. 29 июля (публ. Г.А. Куманеева).

Слово о друге: Флотоводец: (об адмирале Л.А. Владимирском) // Советская Россия. 1988. 25 сент. (публ. Р.В. Кузнецовой и А. Дятлова).

Чему учила война // Красная звезда. 1988. 29 июля (публ. Р.В.Кузнецовой).

1989 г.

Курсом к победе. 3-е изд., доп. М.: Воениздат, 1989.

Накануне. М.: Воениздат, 1989.

Найти виновных… Морской сборник. 1989. № 6.

Прозрение: Запрещенная глава мемуаров. В мире книг. 1989. № 5.

1990 г.

Крутые повороты: из записок Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова. Первые испытания. «Что скажет хозяин?» «Как варится кухня…» «Смерть Сталина» // Вождь, хозяин, диктатор. М.: Патриот, 1990. С. 401–416.

Министр флота вспоминает. Memoirs of Warteeme ministers of the Waby//М.: Прогресс, 1990. 407 с.

1991 г.

Накануне. Курсом к победе. М.: Воениздат, 1991.

Начало войны не было «громом с ясного неба»: Из записок Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова) // Правда. 1991. 20 июля (публ. Р.В. Кузнецовой).

1992 г.

Законность нужна не только мне: мемуары без ретуши // Красная Звезда. 1992. 11 нояб. (публ. Р.В. Кузнецовой).

Крутые повороты: Из записок адмирала (сокр. вариант) // Военно-исторический журнал. № 12 (публ. Р.В. Кузнецовой и В.Н. Кузнецовой).

Наши отношения с Жуковым стали поистине драматическими // Военно-исторический журнал. 1992. № 1.

1993 г.

Крутые повороты: Из записок адмирала // Военно-исторический журнал. 1993. № 1–4, 6, 7, 10. (публ. Р.В. Кузнецовой и В.Н. Кузнецовой).

1995 г.

Крутые повороты: Из записок адмирала. М.: Молодая гвардия, 1995. Состав. Р.В.Кузнецова. Подготовка текста, комментарии, хронология и библиография Р.В. и В.Н. Кузнецовы. 254 с.

1996 г.

Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 // Русский архив: Великая Отечественная /Состав. Н. Усенко, Н. Бородин. М.: ТЕРРА. 484 док.

Крутые повороты. Сокращенный вариант книги Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова /Под ред. и публ. Р.В. Кузнецовой. Слово, 1996. № 12. 1997. № 1–8.

1997 г.

Хроникально-документальные, видео- и фотоматериалы из личного архива Н.Г. Кузнецова и его семьи в телефильме

«Трагедия Главкома» реж. Л. Бродского /Подбор, аннотирование, научное консультирование Р.В. и Н.Н. Кузнецовых// М.: Студия художеств, телепрограмм «ЛАД». 1997.

1999 г.

Флотоводец. Материалы о жизни и деятельности Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова / Авторы-составители Р.В. Кузнецова и В.Н. Кузнецова // Серия «Библиотека Общероссийского Движения Поддержки Флота». М.: Петровский двор, 1999. 144 с.

Хроникально-документальные, видео- и фотоматериалы из личного архива Н.Г. Кузнецова и его семьи в телефильме Я. Голованова и Ю. Соколова «Готовность № 1» / Поиск, подбор, аннотирование, научное консультирование Р.В. и Н.Н. Кузнецовых// Телекомпания «Тайны забытых побед». М., 1999.

2000 г.

Хроникально-документальные, видео- и фотоматериалы из личного архива Н.Г. Кузнецова и его семьи в телефильме «Флагман» (реж. Б. Смирнова и К. Орозалиева, авт. сценария Я. Голованов и Г. Дмитриева) /Поиск, подбор, аннотирование и научное консультирование Р.В. и Н.Н. Кузнецовых// Студия «Народное кино». М., 2000.

Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца. Док. сб. / Документы, фотографии и воспоминания из личного архива Н.Г. Кузнецова/ Автор-состав. Р.В. Кузнецова и др./ Под ред. Р.В. Кузнецовой, М.М. Горинова и др. М.: Мосгорархив, 2000. 544 с.

2001 г.

Награды, форма, оружие Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова. В кн.: А. Куценко «Маршалы и Адмиралы Флота Советского Союза. Форма. Награды. Оружие». (Аннотирование и консультирование Р.В. Кузнецовой) // Изд-во Аспект, 2001.С. 200–207.

2002 г.

Накануне, Курсом к победе, Крутые повороты, — сокращенный вариант книг Н.Г. Кузнецова. Ред. составл., прим. Р.В. Кузнецовой. В кн.: Адмирал Флота. Героические и драматические страницы жизни Н.Г. Кузнецова // М.: ЗАО «Унипринт», 2002. 383 с.

2003 г.

Курсом к победе. / Под ред. Р.В. Кузнецовой. М.: Олма-пресс, 2003. 510 с.

Накануне. АСТ. М., 2003. 574 с. Курсом к победе. АСТ. М., 2003. 634 с.

Перечень сокращений, встречающихся в тексте

АКВФ — Амурская Краснознаменная военная флотилия
БО — Береговая оборона
БП — Боевая подготовка
БФ — Балтийский флот
ВВС — Военно-воздушные силы
ВВФ — Волжская военная флотилия
ВГК — Верховное Главнокомандование
ВКП(б) — Всероссийская коммунистическая партия большевиков
ВМА — Военно-морская академия
ВМБ — Военно-морская база
ВМС — Военно-морские силы
ВМС РККА — Военно-морские силы Рабоче-Крестьянской Красной Армии
ВМСШ — Военно-морские специальные школы
ВМУ — Военно-морское училище
ВМУЗ — Военно-морское учебное заведение
ВМФ — Военно-Морской Флот
ВС РСФСР — Верховный Совет РСФСР
ВС СССР — Верховный Совет СССР
ГКО — Государственный Комитет Обороны
ГМШ — Главный морской штаб
ГУ — Главное управление
КБФ — Краснознаменный Балтийский флот
ЛВФ — Ладожская военная флотилия
МСЧМ — Морские силы Черного моря
Наморси — Начальник морских сил
Нарком — Народный комиссар
Наркомат — Народный комиссариат
НКСП — Народный комиссар (Комиссариат) судостроительной промышленности
НКО — Народный комиссар (Комиссариат) обороны
НТК — Научно-технический комитет
ОВР — Охрана водного района
ПВО — Противовоздушная оборона
ПЛ — Подводная лодка
ПЛО — Противолодочная оборона
РВГК — Резерв Верховного Главнокомандования
РВС — Реввоенсовет

РККА — Рабоче-крестьянская Красная Армия

РККФ — Рабоче-крестьянский Красный Флот

СМ — Совет Министров

СНК — Совет Народных Комиссаров

Ставка ВГК — Ставка Верховного Главнокомандования

СФ — Северный флот

ТВД — Театр военных действий

ТОФ — Тихоокеанский флот

УК ВМФ — Управление кадров Военно-Морского Флота

ЦИК — Центральный исполнительный комитет

ЦКБНКСП — Центральное конструкторское бюро Наркомата Судостроительной промышленности

ЦУНКВМФ — Центральное управление Наркомата Военно-Морского флота

ЧФ — Черноморский флот

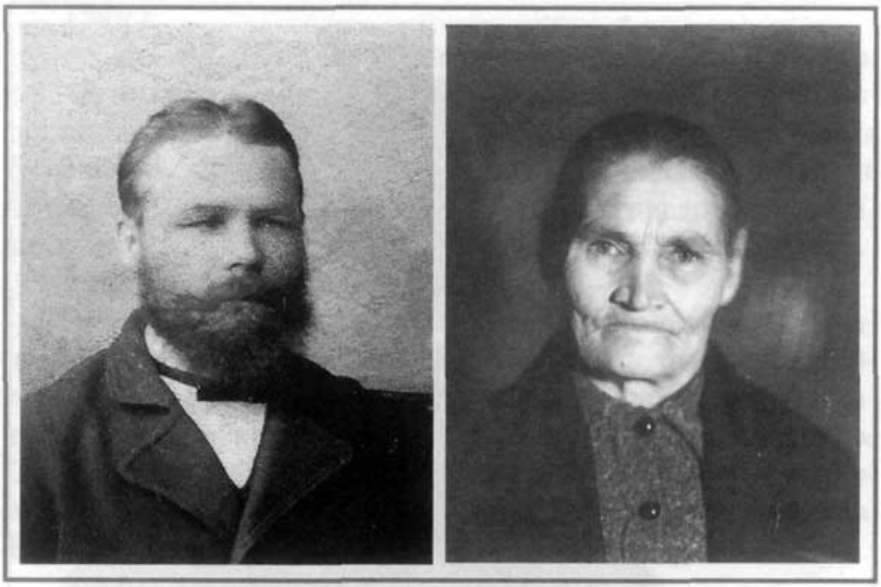
Справка об авторе-составителе

Кузнецова Раиса Васильевна — историк-архивист, кандидат исторических наук. С 1982 г. работает над подготовкой рукописей к изданию трудов Н.Г. Кузнецова. Опубликовала десятки статей Н.Г. Кузнецова, его книгу «Крутые повороты». Руководитель проекта и автор-составитель документального сборника «Адмирал Кузнецов; Москва в жизни и судьбе флотоводца» (М., 2000 г.) совместно с Мосгорархивом. Автор библиографии Н.Г. Кузнецова, автор-составитель исторических сборников о нем и ответственный редактор его книг «Накануне» и «Курсом к победе», переизданных в 2002–2003 гг.

Имеет свыше 150 публикаций, в том числе по истории советского атомного проекта, 2-х книг о жизни и деятельности академика И.В. Курчатова, статей об участниках работ по использованию ядерной энергии в СССР.

Иллюстрации

Нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов. Москва. 1941 г.



Родители Н.Г. Кузнецова: Герасим Федорович. Архангельск, до 1910 г. Анна Ивановна. Москва, 1948 г.

Дом в дер. Медведки Архангельской области, в котором в 1904 г. родился Николай Герасимович Кузнецов

Среди курсантов Военно-морского училища. Н.Г. Кузнецов (крайний справа в нижнем ряду). Петроград, 1922 г.

Старший помощник командира крейсера «Красный Кавказ» Н.Г. Кузнецов на занятиях с командой. 1932 г.

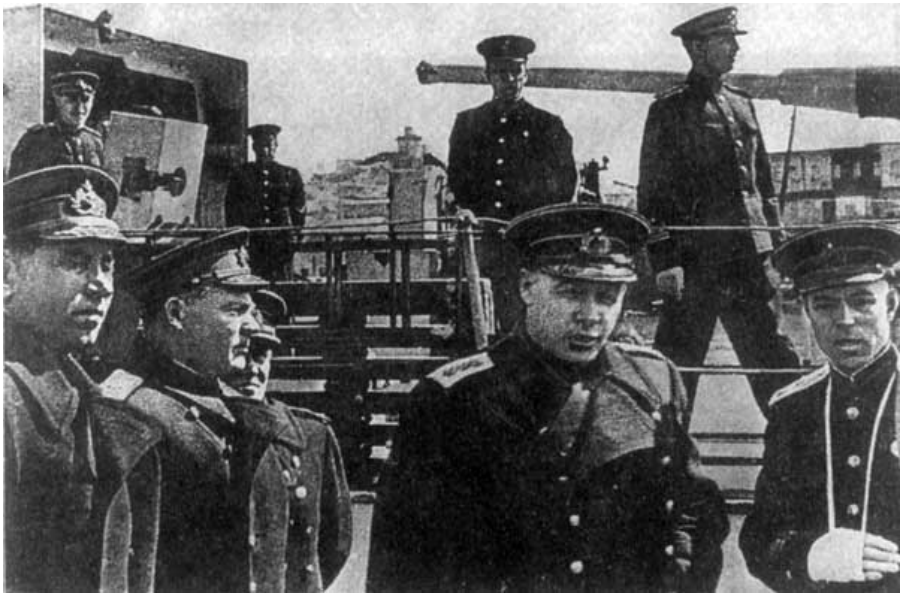
Командующий Тихоокеанским флотом флагман 2 ранга Н.Г. Кузнецов. 1938 г.

Нарком ВМФ СССР Н.Г. Кузнецов и его заместитель И.С. Исаков. Рабочий кабинет Наркома. Москва, 1939 г.

Нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов выступает перед выпускниками ВВМУ им. Фрунзе. Ленинград, 1941 г.

Командир подводной лодки «Щ-403» СФ К.М. Шуйский докладывает Наркому ВМФ адмиралу Н.Г. Кузнецову о боевом походе. 1942 г.

С.С. Рамишвили, М.И. Москаленко и Н.Г. Кузнецов. Баку, 3 апреля 1943 г.

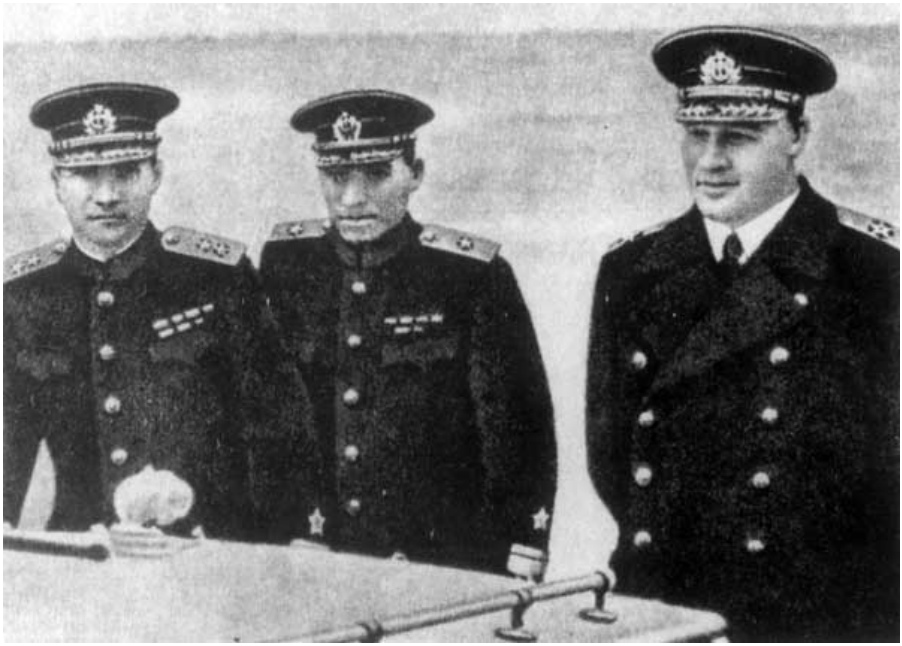


Нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов на борту канонерской лодки «Ленин» Каспийской флотилии. Апрель 1943 г.

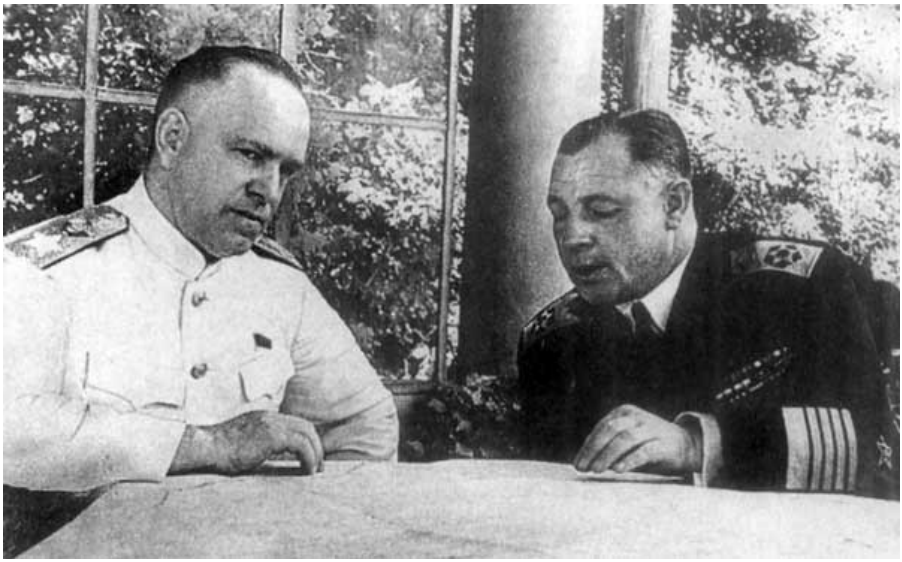
Главнокомандующий ВМС СССР адмирал флота Н.Г. Кузнецов приветствует премьер-министра Великобритании У. Черчиля, прибывшего на Ялтинскую конференцию. 3 февраля 1945 г.

Дружеское рукопожатие. Главнокомандующий ВМС СССР и президент США Ф. Рузвельт на Симферопольском (флотском) аэродроме. 3 февраля 1945 г.

После вручения орденов Ленина. Н.Г. Кузнецов (в центре в первом ряду), адмирал Л.М. Галлер (слева), М.И. Калинин (справа), адмирал В.А. Алафузов (во втором ряду второй справа). Москва. Кремль, 22 февраля 1945 г.



Справа — налево: Н.Г. Кузнецов, контр-адмирал Н.В. Антонов и вице-адмирал Н.М. Харламов на Краснознаменной Амурской флотилии. Конец августа 1945 г.



Маршал Советского Союза Г.К. Жуков и Адмирал Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов. Потсдам, июль 1945 г.

Адмирал Флота Советского Союза Н.Г Кузнецов. Начало 50-х годов

Главком ВМС СССР Адмирал Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов на корабле Северного флота. 1946 г.

«Самый молодой командир крейсера всех морей мира» Н.Г. Кузнецов на «Червоной Украине». 1935 г.

Нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов на корабле ЧФ. 1940 г.

Успешный день. 1944 г.

С сыном Николаем в День ВМФ. Ленинград, 1947 г.

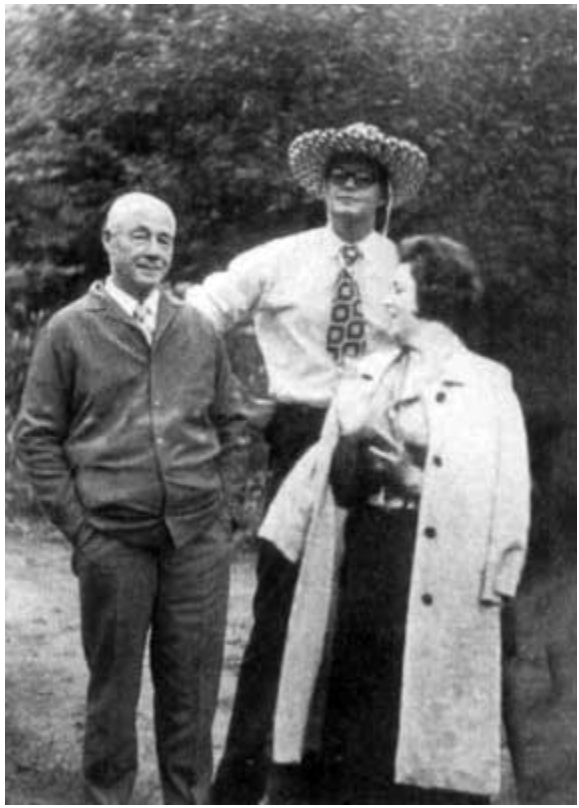
Главком ВМС Адмирал Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов с членами Президиума ЦК КПСС А.И. Микояном, Н.С. Хрущевым и Н.А. Булганиным на учениях Тихоокеанского флота. Декабрь 1954 г.

Военно-морской парад во Владивостоке. 1954 г.

Николай Герасимович с женой Верой Николаевной и сыновьями Николаем и Владимиром. Владивосток, 1949 г.

На рыбалке. Владивосток, лето 1949 г.

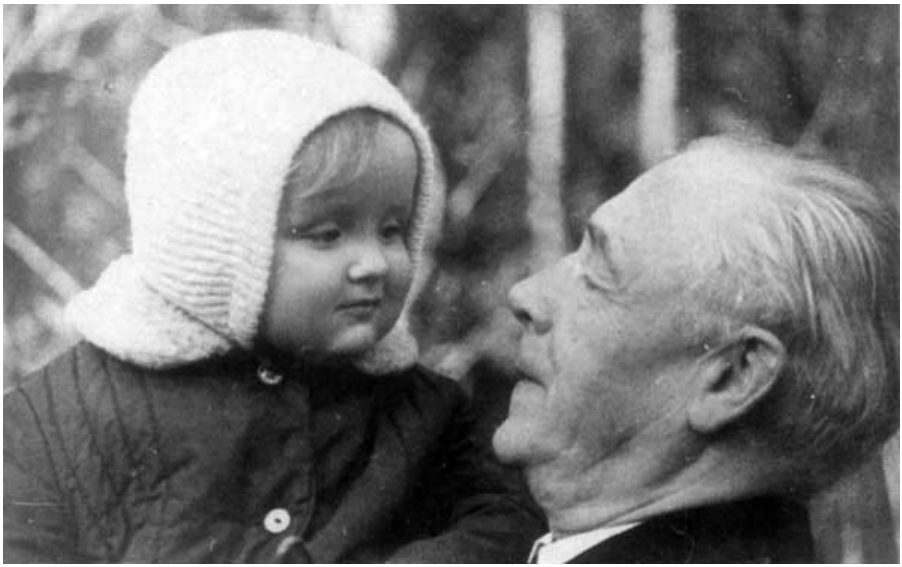
Справа налево: С.Г. Горшков, Н.Г. Кузнецов, Н.А. Булганин, Н.Н. Кулаков, Ф.В. Зозуля, П.Г. Котов (Крайний слева). Ялта, июнь 1954 г.



Н.Г. Кузнецов с сыном Николаем и невесткой Раисой. Барвиха, 1969 г.

В раздумьях о пережитом и будущем. 1972 г.

После выхода книги «Накануне». 1966 г.



С внучкой Олей. Барвиха, 1972

Выступление Н.Г. Кузнецова в МГУ. Москва, 5 мая 1973 г.

Открытие мемориальной доски на здании Главного штаба ВМФ в Москве. 9 мая 1996 г.

Сыновья Н.Г. Кузнецова Николай (справа) и Владимир (слева) с адмиралом И.В. Касатоновым в день 95-летия отца у мемориальной доски, установленной в его память на здании

Главного штаба ВМФ. Москва. 24 июля 1999 г.

ГЕРОЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Тов. Кузнецову
Николаю Герасимовичу

ЗА ВАШ ГЕРОЙСКИЙ ПОДВИГ, проявленный при выполнении заданий Верховного Главнокомандования по руководству боевыми операциями флотов, в том числе Тихоокеанского флота и достигнутые в результате этих операций успехи,

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
СВОИМ УКАЗОМ от 14 сентября 1945 г. ПРИСВОИЛ ВАМ
ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

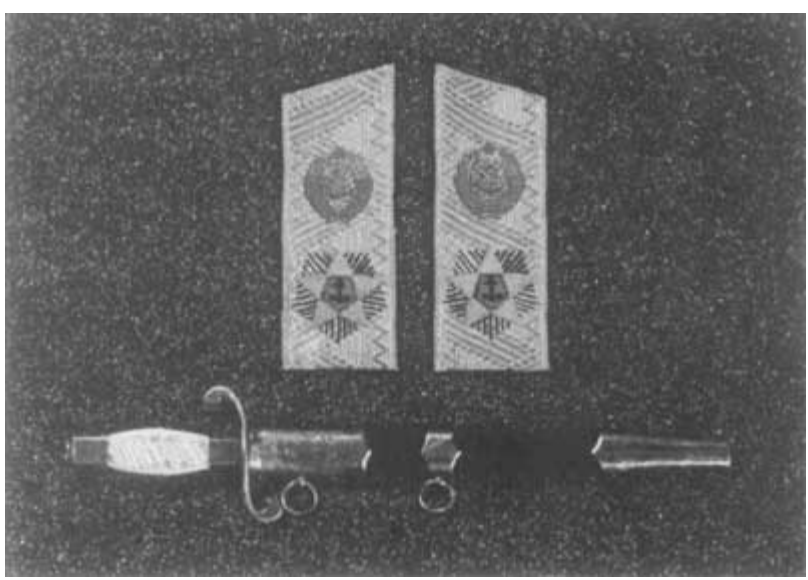
СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин

Москва—Кремль, 14 сентября 1945 г.

№ 11727

Грамота Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза Н.Г. Кузнецову 14 сентября 1945 г. «За Ваш геройский подвиг, проявленный при выполнении заданий Верховного Главнокомандования по руководству боевыми операциями флотов, в том числе Тихоокеанского флота и достигнутые в результате этих операций успехи»



Погоны Адмирала Флота Советского Союза и морской кортик

Н.Г. Кузнецова

ВМА им. Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова

ТАКР «Адмирал Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов

Портрет Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова, написанный в 2004 году художником П.П. Бойко, заслуженным деятелем искусств России, капитаном 1 ранга

notes

Примечания

1

БСЭ указывает на 1902 г. рождения Н.Г. Кузнецова. Однако в 1987 г. установлена точная дата его рождения — 24 июля (11 июля ст. стиля) 1904 г. В государственном архиве Архангельской обл. найдена церковная книга за 1904 г., в которой зафиксирована следующая метрическая запись: «Деревня Медведки, сего прихода и волости у казенного крестьянина Герасима Федоровича Кузнецова и его законной жены Анны Ивановны, оба православные, родился сын Николай 11 июля 1904 г. Крещен 12 июля». (Гос. арх. Архан. обл. Ф. 29. Оп. 39. Д. 696. Л. 7. Об 8). (Р.К.)

2

Гос. арх. Архан. обл. Ф. 29. Оп. 39. Д. 696. Л. 7. Об. 8.

New York Times. 1974. 9 December.

4

См.:Русский архив: Великая Отечественная война: Приказы и директивы Народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. Т. 21 (10). С. 12–14.

5

См.: Русский архив: Великая Отечественная война. Приказы и директивы… Т. 21 (10). С. 44–45.

6

Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1949. С 199, 200.

7

Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. М.: Воениздат, 1971. С.186.

8

Адмирал Кузнецов. Москва в жизни и судьбе флотоводца. Сб. документов //Авт., сост. Кузнецова Р.В. (при участии Киличенкова А.А. и Неретиной Л.А.). М.: Мосгорархив, 2000. С.210.

Кузнецов Н.Г. Крутые повороты//Сост. Кузнецова Р.В. М.: Молодая гвардия, 1995. С. 145.

Адмирал Кузнецов. Указ. соч. С. 349.

11

ЦВМА. Ф. 14. Оп. 2. Д. 8. Л. 16. См. также: Адмирал Кузнецов. Указ. соч., С. 242.

12

Там же.

13

Кузнецов Н.Г. Крутые повороты… С. 232. См. также: П.Г. Котов «К истории создания советского атомного подводного флота», — интервью, данное Р. В. Кузнецовой 21 марта 2004 г.

14

ГА РФ.Ф.5446. Оп.60. Д.398. Л. 34, 97, 96.

15

Адмирал Кузнецов… С. 311.

16

См.: История отечественного судостроения: В 5 т. Т. 5. Судостроение в послевоенный период (1946–1991 гг.). Спб., 1996. С. 119.

17

Там же. См. также: Адмирал Кузнецов. С. 312.

18

Котов П.Г. Интервью, записанное Р.В. Кузнецовой на видеопленку 04.02.2004 г. (Р.К.)

19

Жарков В. Создание первых подводных лодок с баллистическими ракетами//Гангут. Вып.14. 1998. С. 104–105.

20

Васильев А., Морин А. Зенитное ракетное перевооружение крейсеров проекта 68-бис // Гангут. Вып.14. 1998. С. 93, 94. См.: Рабинерзон Ю. Перевооружение крейсера «Адмирал Нахимов» // Гангут. Вып. 15. 1998. С. 46.

21

Кузнецов Н.Г. Крутые повороты… С. 235.

22

Кузнецов Н.Г. Крутые повороты. С. 112.

23

Личное дело Н.Г. Кузнецова № 66264.

24

Коробицын Алексей — переводчик военно-морского советника Н.Г. Кузнецова в Испании. Позже, в 60-х гг., стал писателем. (Р.К.)

25

Следующая морская картина М. Ромма, которую поддержал Н.Г. Кузнецов, была «Корабли штурмуют бастион». (Р.К.)

26

Авт. Р.В. Кузнецова. Сведения почерпнуты из личного дела Н.Г. Кузнецова № 66264, др. архивных источников, в том числе опубликованных. (Р.К.)

27

Из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 22.03 1939. РЦХИДНИ. «Ф. 17. Оп. 3. Д. 1008. Л. 13.

28

Из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 28.04 1939. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1009. Л. 16.

Сборник документов ВГК. Вып. 4. М.,1968. С. 56–60.

30

Просьба Н.Г. Кузнецова об отставке на имя министра обороны удовлетворена не была. Служебные обязанности не нес. Временно исполняющим обязанности Н.Г. Кузнецова по его предложению был назначен командующий Черноморским флотом адмирал С.Г. Горшков. (Р.К.)

31

В 1935 г. в статье «Капитан первого ранга» в газете «Красная звезда» от 7 ноября непосредственный военачальник Кузнецова Н.Г. командующий Черноморским флотом И.К. Кожанов, «забегая вперед», называет Н.Г. Кузнецова капитаном 1 ранга. Следовательно, в то время Н.Г. Кузнецов уже имел звание капитана 2 ранга. См. сб. док. и матер. Адмирал Кузнецов. М., 2000. С. 39. (Р.К.).

32

Вице-адмирал В.Л. Богденко, прибывший в мае 1937 г. в Испанию и работавший там под руководством Н.Г. Кузнецова, свидетельствует в своей книге «Страницы старых блокнотов», что Н.Г. Кузнецов в Испании уже был в звании капитана 1 ранга Там же. С. 44. (Р.К.).

33

В феврале на погонах четыре звезды. В мае 1944 г. был введен маршальский погон (одна большая звезда и Герб СССР). Звание уравнено со званием Маршала Советского Союза и было уточнено в 1955 г. (Р.К.).

34

Отменено Постановление СМ СССР от 10.02 1948 г. № 283-114с. «За отсутствием состава преступления». Восстановлен в звании Адмирал Флота (Советского Союза), присвоенном Постановлением СНК СССР от 31.05 1944 г. № 260. (Р.К.)

35

Уточняется высшее звание в ВМФ, введенное в 1940 г., и звание Н.Г. Кузнецова, присвоенное ему 31.05 1944 г. Нового звания не вводилось. (Р.К.).

Восстановлен посмертно. (Р.К.).

37

Все государственные и иностранные ордена и медали переданы на хранение в Центральный музей ВС в г. Москве. (Р.К.)

НАМОРСИ — начальник Морских Сил.

Оружие передано в экспозицию Военно-Морского Музея в г. С.-Петербурге. (Р. К.)

40

ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 228. Л. 200. Подлинник.

Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 4. Ст. 96.

42

Сталин. И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1949 С. 199, 200.

Автор — кандидат исторических наук Р.В. Кузнецова (при участии В.Н. Кузнецовой). В основу настоящей «Хронологии» положены документы государственных архивов, личного (семейного) архива Н.Г. Кузнецова, исторические монографии и энциклопедические издания, периодическая печать времен Великой Отечественной войны и другие источники.

44

Чтобы поступить в Северо-Двинскую флотилию в 1919 г., 15-летний Н. Кузнецов прибавил себе два года. С тех пор годом его рождения считался 1902. Уже после кончины Н.Г. Кузнецова в государственном архиве Архангельской области были найдены документы, удостоверяющие, что он родился в 1904 году. (Ф. 29. Он. 39. Д. 583. Л. 503, 504 — Архивная справка 80-х гг.).

Начальник Главного Политического Управления РККА.

46

Зам. наркома обороны СССР и начальник Главного Управления. Оба — представители центра на фронте. (Р. К.).

Хочется обратить внимание читателя на факт отсутствия в Указе Президиума ВС СССР от 26.07.88 записи о том, что постановление Президиума ВС СССР от 17.02.56 и соответствующий Указ Президиума ВС СССР (1956) следует считать недействительными за отсутствием вины Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова. Остается надеяться, что хотя бы и с превеликим опозданием, но это все же будет сделано.

Составитель — кандидат историч. наук Р.В. Кузнецова.

Запись и редакция Р.В. Кузнецовой.

Названные картины и личные вещи Н.Г. Кузнецова находятся в экспозициях разных музеев.

51

Касатонов Владимир Афанасьевич (1910–1989) — Адмирал флота, Герой Советского Союза. В ВМФ с 1927 г. С 1949 г. — начальник штаба, а затем — командующий Балтийским, Черноморским, Северным флотами, с 1964 г. — Первый заместитель главнокомандующего ВМФ СССР. Воспоминания подготовлены адмиралом И.В. Касатоновым.

Старший сын, Виктор Николаевич, — инженер-капитан 1 ранга. Средний, Николай Николаевич, работает в Институте атомной энергии им. акад. И.В. Курчатова. Младший, Владимир Николаевич, тоже пошел по военной линии, но не моряк. Сейчас подрастает третье поколение семьи Кузнецовых — три внука и внучка. Один из внуков носит имя деда.

53

Чернощек Елисей Андреевич — капитан 1 ранга, кандидат военно-исторических наук. Воспоминания написаны в 1978 г.

54

Пантелеев Юрий Александрович — адмирал, профессор; командующий Волжской флотилией (1943), Тихоокеанским флотом (1953–1956); начальник Военно-морской академии; автор книг «Морской фронт» (М., 1965), «Полвека на флоте» (М., 1974) (Р.К.).

55

Так в тексте. От слова «река» и по аналогии со словом «море» — т. е. моряков, рекаков.

56

3 октября на имя заместителя главкома ВМС по кораблестроению и вооружению вице-адмирала П.С. Абанькина поступил рапорт капитана 1 ранга В.И. Алферова. В нем автор жаловался на то, что его торпеда, которую он своевременно не защитил авторским свидетельством, три года назад на правах взаимной информации была передана англичанам. Алферов расценивал это как передачу бывшим союзникам приоритета Советского Союза в области высотного торпедометания, как пример низкопоклонства перед Западом. Весьма примечательно, что его рапорт начинался словами: «Недавно я узнал…»

По рассказам моряков-ветеранов, например капитана 1 ранга В.С. Шломина, Алферов, еще будучи капитан-лейтенантом, практиковал доносы на сослуживцев, в результате чего в 1937–1938 гг. некоторые из них были репрессированы. В 1942 г. за срыв сроков поставки торпед (шла война) Алферов, возглавлявший тогда одно из торпедных учреждений ВМФ в г. Махачкале, подлежал преданию суду военного трибунала. Однако нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов решил не отдавать его под суд, а ограничиться дисциплинарным взысканием. С того времени прошло всего 5 лет… Торпеда для высотного торпедометания с 1933 по 1938 г. разрабатывалась в Научно-исследовательском минно-торпедном институте ВМФ группой сотрудников под его (Алферова) руководством. В 1939 г. она была принята на вооружение авиации Военно-Морского Флота.

Сама торпеда была результатом разработки зарубежного Фиумского завода, и лицензия на ее производство Советским Союзом была приобретена в Италии еще в 1935 г. Сам Фиумский завод имел ряд филиалов и поставлял свою продукцию во многие страны, в том числе и в Англию. Оригинальность отечественной разработки заключалась лишь в своеобразной конструкции грузового парашюта с поворотным тросом (см.: Михайлов А.М. Опальный флагман. СПб., 1995. С. 224, 225).

57

Раш Карем Багирович — писатель, секретарь Союза писателей России, капитан 1 ранга.

Составитель — канд. ист. наук Р.В. Кузнецова.